

Смешная работа

ИИ **е** **на**

Публичная

Annotation

Куклы не плачут. Они не могут. Даже если бы хотели. Чего хочет каждая кукла? Чтобы с ней играли. Ей душно под стеклом. Особенно если она сама выбрала такую роль.

Куклы не плачут. Они не могут. Даже если бы и захотели.

На лицах её любимых кукол, фарфоровых личиках, покрытых почти незримой сеточкой трещинок, застыли улыбки. Она заметила — со временем улыбки меняются.

Может, выцветают краски, или стареет фарфор, неизбежно приближаясь к натуральному цвету кожи. А возможно... любая иллюзия возможна. Куклы не чувствуют боли. Или просто не подают виду.

Их время — вечер. Желтые эустомы в высокой вазе на столе. Ужин. Белое рейнское. Мягкий свет.

Все так, как он любит. Она знает все об этом.

Сейчас они смотрят — друг на друга. Слова бы всё усложнили. Она знает, как ему нравится. Неброский макияж. Высокая причёска. Винтажное платье-коктейль. Словно одна из кукол, что глядят на них из прозрачных витрин.

Он, не отрывая от нее глаз, делает глоток вина из бокала, и она замирает, вспомнив, как умеют целовать его губы.

Воздух, кажется, раскален и дрожит.

Но вот он встаёт из-за стола, такой элегантный, подтянутый. Ему так идет эта седина, чуть тронувшая темные коротко подстриженные волосы.

Он уже рядом, бережно берет ее руку и целует. В раскрытую ладонь.

— Ты великолепна. Ужин безупречен. Как всегда.

Ей очень хочется прижаться к нему. Не просто прижаться — вжаться, втиснуться в него. Врасти внутрь, стать одним целым. Но он не позволит.

Отпускает ее руку.

— Не жди меня, я поздно.

Уходит. Она знает, куда он идет. И кто его ждет. И даже, что он будет делать. С той, другой. Ее обнаженное тело — изящное, молодое, нежно отсвечивающее перламутром, грубо стянутое ремнями. Багровые следы от его плети на полупрозрачной коже. Чувственный рот, раскрывшийся в крике от боли и наслаждения.

Эти картинке тлеют у нее в воображении до самого утра...

Пока он не вернется. Тихо пройдет в душ, чтобы смыть с себя запах чужого возбуждения. Обязательно заглянет в ее комнату. Постоит молча у порога. А она будет надеяться, что он приблизится к ее постели, ляжет рядом, проведет еще влажной ладонью по ее горячему телу, так отчаянно жаждущему его...

Но он уходит. Она кусает костяшки пальцев, чтобы не закричать. От бессилия, ревности, обиды, ненужности. И пустоты. Но ее глаза останутся сухими.

Потому, что куклы не плачут.

Куклы не умеют плакать.

Все её детские куклы до сих пор в целостности и сохранности стоят в шкафу.

А люди уходят. Иногда по собственной воле. Иногда нет. Такая у них скверная привычка. Отец ушел от них в другую семью, когда Людочке было двенадцать. Остались только куклы. Мама все порывалась их выбросить, чтобы не напоминали о бывшем муже. Сделать это не дала бабушка.

Люда хорошо запомнила, как она, прямая как струна, с коротко, по-мальчишески постриженными седыми волосами, стояла у окна, курила в форточку и резко выговаривала маме:

— Не будь мелочной, Татьяна! Кому ты мстишь? Игрушкам? Своему ребенку? Зло сорвать — иди посуду побей. Есть там тарелки в жутких розочках. Помнишь, в «Пассаже» в очереди давилась за ними? Их разбей. Пошлятина.

Потом обратилась к внучке, размазывающей по щекам кулачками слёзы:

— А ты, Людмила, не реви. Смотри, вон твои куклы разве плачут? Улыбаются, как одна. А ведь их чуть не выкинули! Бери пример!

Мама покупала дочери только книги, альбомы, краски, развивающие игры. Полезные вещи, как она их называла. Куклы к полезным вещам не относились.

Кукол привозил папа.

Мама презрительно хмыкала, когда он приводил дочку домой с прогулки в Нескучном Саду, и она, светясь счастьем, прижимала к груди очередную игрушку.

— Откупаешься...

Папа только виновато улыбался. И опять уходил. А возвращался всё реже и реже.

Людин папа строил электростанции. Он побывал во многих замечательных городах. В Праге, откуда привез дочке глиняную фигурку Голема и сказал, что эта кукла, если сказать ей правильные слова, будет помощником во всех делах. Люда по ночам шептала над куклой волшебные заклинания, укрывшись одеялом с головой. Верила, что все сбудется. И горько-прегорько плакала, когда глиняная фигурка разбилась. В Будапеште, откуда родом Петра с ярким румянцем на щеках, красных кожаных сапожках, платье с кружевным передником и затейливым головном уборе с крупными бусинами и цветами. Правда бусины вскоре оторвались, но Люда втихаря разорила мамину жемчужную нитку (за что была лишена сладкого) и пришила новые. В Берлине, где сделали специально для Люды (так сказал ей папа) куклу Мадин — с голубыми глазами, которые она умела закрывать, пушистыми густыми ресницам и белокурыми локонами. А какой у нее был чудесный брючный комбинезон! И даже туфли, надетые на белые носочки. Люда очень гордилась этой куклой, ведь ни у кого в классе такой не было. В Риге, где папа купил для Люды куклу Эгле, королеву Ужей в длинном платье, расшитом пайетками, будто змеинная кожа, в короне со сверкающими стразами. Эту куклу Люда недолюбливала, королева была слишком помпезной и заносчивой. Во всех Людиных играх Эгле отводилась роль злодейки. Последнюю куклу папа привез Люде из Москвы. Большую, в красном сарафане с золотыми цветами. В высоком кокошнике, украшенном стеклярусом. С алой лентой в туго заплетенной русой косе. Как у Люды. Эту куклу она берегла больше всех. Никогда в нее не играла, только любовалась.

Люда с мамой и бабушкой жили в Ленинграде. В коммунальной квартире на пять

семей, в старинном доме на улице Декабристов. С тяжёлой дверью парадной, высоченными потолками и мрачным двором-колодцем. Люда любила свой город. Даже его вечный туман, пробирающий до костей ветер и серо-свинцовую, меланхоличную Неву.

Любила больше, чем выжженные солнцем, пропитанные горьким запахом полыни степи Приазовья и бескрайние поля желтых подсолнухов недалеко от Мариуполя. Ее отправляли туда каждое лето к бабушке и дедушке, родителям папы. На море. Море Люде нравилось. Оно было тёплое и ласково гладило её босые ноги.

Теперь это море — уже в другой стране. И нет такого города — Ленинград. Он называется Санкт-Петербургом. И бабушки Людиной тоже нет. И нет папы. И девочки Люды нет. Она выросла, стала взрослой.

А куклы остались.

Когда папа ушел, мама, несмотря на протесты бабушки, немедленно затеяла ремонт. Пришли рабочие, безжалостно ободрали все обои, оббили штукатурку, оторвали плитуса. А когда строители продалбливали стены, чтобы упрятать в них проводку, наткнулись на нишу, в которой видимо, когда-то давно была печка. В нише, завернутая в ветхую, вылинявшую до неопределенного цвета тряпку, обнаружилась старая кукла. В розовом газовом платице с блёстками, чёрных саржевых башмачках. С фарфоровой головой, с каштановыми локонами настоящих волос. Люда не могла оторвать от нее глаз. Такой красоты она еще никогда не видела. Кукла была сделана так искусно, что казалась живой. Глаза из цветного стекла под длинными изогнутыми ресницами, тонкие пальчики на кукольных ручках, изящная фигурка...

Люда была в восторге от удивительной находки. Только бабушка, взглянув на куклу, будто окаменела. Долго молчала и курила на кухне одну сигарету за другой. Ни мама, ни Люда не могли понять, в чем дело. Пока бабушка молча не достала из шкафа старый истрепанный альбом. А оттуда — пожелтевшую, изломанную в нескольких местах фотографию девочки лет пяти, удивительно похожей на Люду.

— Сестра твоя. Ольга, — отрывисто бросила бабушка, отдав снимок маме Люды. — Блокада... Не сберегла я её...

И заплакала. Люда впервые в жизни видела, как плачет бабушка.

Старую куклу девочка назвала Олей. И не расставалась с ней.

Люда любила сказки. Читала их взахлеб. И конечно же знала сказку про деревянного уродца, игрушку, ставшую Прекрасным Принцем и девочку Мари, победившую Мышиного Короля.

И как-то раз сказка ожила. Есть такие места, где сказки живы всегда.

Перед Новым годом учительница повела их класс в Мариинский театр. На «Щелкунчика».

Сердце выпрыгивало из груди, когда она поднималась по мраморной лестнице. Почти не дышала, когда вошла в зрительный зал и, закинув голову, разглядывала огромную люстру на высоченном расписном потолке. Хрустальные подвески искрились так ярко, что болели глаза. Осторожно усевшись в кресло, Люда кончиками пальцев гладила мягкий темно-красный бархат сиденья. Вытягивала шею, чтобы рассмотреть музыкантов в оркестровой яме...

Но как только погас свет, открылся занавес и зазвучали первые аккорды, Люда забыла обо всём.

Громадная Рождественская Ель посреди сцены таинственно мерцала огнями. Ожили

герои сказки: Мари, Щелкунчик, гадкий Мышиный Король, часовщик Дроссельмейер добрый и пугающий одновременно, Фея Драже и танцующие вальс Цветы. Дивная музыка заставляла её горло сжиматься, а глаза наполняться слезами.

А в антракте Люда замерла перед витриной с большими, в рост человека, восковыми куклами — Принцем в шелковом плаще и сверкающей короне рядом со своей ненаглядной Мари и дядюшкой Дроссельмейером в чёрном сюртуке и шляпе с высокой тульей. Прилипнув носом к стеклу, Люда не могла оторвать глаз от кукол. Смотрела, смотрела и смотрела... И вдруг отшатнулась, вздрогнув от страха, когда ей показалось, что часовщик подмигнул ей.

Восторг от спектакля был таким, что Люда упростила мать отдать её в кружок хореографии во Дворце Пионеров. Самым любимым сольным номером стал танец Куклы — когда в пышной розовой пачке, золотых балетках и с огромным атласным бантом её «доставали» из большой коробки и "заводили" ключиком. И Кукла начинала танцевать.

Каждый раз, возвращаясь с занятий, Люда проходила мимо большого серого мрачного дома на углу улицы Декабристов и Английского проспекта. Этот дом, с высокими темными окнами и массивной дверью парадной, всегда закрытой, вызывал у девочки непонятный трепет. Как-то вечером Люда после кружка с подружками отправилась к Мариинскому театру, чтобы поглазеть на настоящих балерин через окно репетиционного зала. Возвращаясь домой позже обычного в ранних питерских сумерках, густых, но прозрачных, будто нарисованных акварелью по мокрой бумаге, она привычно задержала дыхание и ускорила шаг, чтобы побыстрее пройти мимо странного дома на углу. Но что-то заставило Люду поднять глаза...

Серого мрачного дома больше не было. Резные каменные кружева, яркие мозаики. Огромная сказочная птица, будто поддерживала своими крыльями причудливую башенку на самом верху. Дверь парадной была распахнута настежь, а в проеме, откуда лился странный голубоватый свет, стоял человек в чёрном плаще и высокой шляпе. Дядюшка Дроссельмейер ласково улыбнулся Люде и поманил ее рукой. Она, словно во сне сделала шаг вперед. Но вдруг стало так жутко и она крепко зажмурилась...

Когда Люда открыла глаза, то увидела закрытую дверь парадной и серый мрачный фасад с темными окнами.

Она бежала по улице, тускло освещенной неверным светом фонарей, и сердце её билось где-то в горле. Ей всё казалось, что человек в чёрном плаще и шляпе догонит и вцепится в плечо костлявыми холодными пальцами.

Ночью она долго не могла уснуть, уложив рядом всех своих любимых кукол, будто они могли ее защитить.

Куклы навсегда остались для нее живыми. Они говорили на понятном только Людмиле языке, помогали, поддерживали, утешали. Она продолжала верить в чудеса.

Мама мечтала о том, что её дочка станет актрисой. Сама она в молодости тоже пыталась поступать в театральный, но провалилась, пошла работать на завод, потом закончила бухгалтерские курсы и всю жизнь корпела над балансами и счетами. Мама хотела для Людмилы особенной, яркой судьбы.

Саму Людмилу актерство не привлекало. Будучи от природы немного застенчивой, она не слишком любила выступать на публике, хотя мама с самого детства заставляла ее читать перед подругами стихи, выпрашивала у воспитателя в детском саду для дочки роль Главной Снежинки на утреннике и утирала слёзы платочком, когда сидела в зале на школьных постановках.

Закончив школу с серебряной медалью, Людмила решила поступать не в театральный, как хотела мама, а в ЛГУ, на факультет журналистики. На подготовительном отделении будущие студенты готовили творческие задания — пытались снимать репортажи, выпуски новостей и авторские программы. Кто-то писал сценарии и тексты, кто-то сразу хватался за камеру. Девушкам с яркой внешностью доставались роли телеведущих и дикторов. Людмиле тоже как-то дали в руки микрофон и поставили перед камерой. Она лихорадочно повторяла про себя текст, но как только прозвучала команда: «Пишем!» и заморгал красный огонек записи — мир вокруг нее перестал существовать. В ушах зашумело, на лбу выступил холодный пот. Слова приклеились к небу как растаявшая ириска. Людмила с трудом преодолела ступор и пролепетала заученные слова. А самое ужасное было потом, когда она смотрела на свое изображение на экране. В черной рамке телеэкрана была кукла, похожая на нее как две капли воды, только нелепая, деревянная, она механически открывала рот и произносила чужим голосом слова. Этот страх поселился в душе Людмилы навсегда.

Экзамены она сдала блестяще, и уже вскоре стояла перед списками абитуриентов, зачисленных на первый курс. Как радостно трепыхнулось сердце, когда она разглядела свою фамилию!

Первые лекции, первые бессонные ночи и первые экзамены, клуб «Синяя лампа», студенческие спектакли — все закружилось ярким калейдоскопом.

Университету, а точнее одному из его недомытых окон, Людмила была обязана и знакомству с будущим мужем.

В тот не по-питерски солнечный майский день, когда второй в ее жизни семестр был позади, а сессия только маячила на горизонте, Людмила еще с тремя девчонками, накинув поверх легкого цветастого платья выданный завхозом тетей Раей темно-синий халат и убрав волосы под косынку, стояла на подоконнике большого, в человеческий рост окна. Жмурясь от солнца, она безуспешно пыталась избавиться от разводов на стекле. Запах нашатыря разъедал глаза, со лба стекали капельки пота, голова начинала кружиться.

Ну кто придумал мыть окна в солнечную погоду? Ее подружки, бросив эту безнадежную затею, уже уселись на подоконник, болтая ногами и щебеча о каких-то глупостях. Но Людмила упорно продолжала натирать оконное стекло.

Увлечшись, она не заметила, что подружки примолкли, будто птички в клетке, которую накрыли платком, и вздрогнула, услышав насмешливое:

— Девушка, если вы не прекратите тереть, на стекле будет дырка!

Она повернулась, чтобы ответить наглцу... Но вдруг все поплыло перед глазами, и она пошатнулась.

Ее поймали мужские руки. Красная от смущения, она смотрела в серые глаза своего спасителя.

— Отпустите, — пролепетала она, чувствуя, как приливает к щекам и стучит в висках кровь.

Ее осторожно посадили на подоконник. Прохладные уверенные пальцы сжали запястье.

— Пульс частит... Разве можно столько работать! — опять насмешка.

Злые слезы жгли глаза, но Людмила сказала себе: "Не реви!". Так всегда говорила ей бабушка.

Вырвала свою руку, хотела соскочить с подоконника и убежать.

— Сидите спокойно! — сказал строго ее спаситель, и она почему-то послушалась.

— А вы что, врач? — выдавила она из себя.

— Ну, почти, пока интерн, — улыбнулся он, и ее сердце начало падать куда-то в пустоту. — Давайте знакомится? Я Руслан.

— Людмила.

— Надо же, как у Пушкина в сказке, — удивился он. — Это точно судьба. А вы — совершенно определенно учитесь на телеведущую!

— Почему?

— С вашей-то внешностью, только на экран.

Людмила фыркнула, но смутилась. Принимать комплименты ей было не в первой, но услышать этот было отчего-то особенно приятно.

— На первом курсе еще нет разделения, — ответила она, не сдержав улыбки. — И я вовсе не мечтаю о телевидении.

— А по-моему, вы просто созданы для телеэкрана! И имя у вас такое замечательное. Людмила, Мила, Милочка. Можно я вас так буду называть?

— Можно, — ответила Людмила и опять смутилась.

А потом были прогулки по полным влажного шепота листьям аллеям Петергофа. И брызги солнечных зайчиков в фонтанах. И поцелуи под мостами на маленьком речном трамвайчике, неспешно пробирающемся по каналам. И сломанный каблук на брусчатке Дворцовой площади, когда они бежали, боясь не успеть до развода мостов.

Через две недели, Руслан привёл девушку к себе. Знакомиться с родителями. Квартира Сикорских была в седьмом номере на Большой Разночинной, в бельэтаже, как шутливо заметил Руслан. Людмила ужасно волновалась. Слово бельэтаж напомнило ей театр.

Сикорский-старший, высокий, статный и седой, оглядев Людмилу с ног до головы, неожиданно строго спросил:

— Так вы та самая барышня, из-за которой мой сын завалил экзамены в аспирантуру?

Людмила опешила, затем ощутила, как пальцы Руслана стиснули её ладонь, и благодарно ответила ему, сжав его руку еще сильнее.

— Ну, Николай Аскольдович, довольно, — вынырнула из-за профессорской спины невысокая, яркая, будто игрушечная, Мария Ивановна, — совсем девочку запугал, никакой жалости...

— Мария, не мешайся! — грозно оборвал ее профессор, — жалость унижает! А врача делает преступником! И вообще, уже четверть седьмого!

Мама Руслана внимательно поглядела на профессора Сикорского.

— Потерпите. Аппетит делается зверский, — обронила она. — Пойдёмте, милая, — обратилась она к Людмиле. — Пусть как следует обрызгают желчью друг друга перед едой. А мы займёмся ростбифом.

На кухне Мария Ивановна попросила:

— Передайте мне, Людмила, вот то блюдо, фаянсовое, да это. Вы готовили бруснику раньше? Нет? У меня отменный рецепт соуса.

— Ну разве компот, — ответила, наконец, Людмила, радуясь возможности хоть что-то сказать.

— Оригинальный вкус у этой ягоды, — спросила Мария Ивановна, — не правда ли?

— С горчинкой, — согласилась Людмила.

— Именно, — ответила Сикорская, — берите соусник...

Через полчаса все сидели в просторной столовой за ужином. Профессор, явно подобрев, расспрашивал ее об учебе, о будущей профессии. Людмила отвечала вначале односложно,

потом увлеклась. Руслан иногда вставлял несколько слов, пытаясь ее поддержать.

Мария Ивановна улыбалась. Ела. Молчала.

Негромко тикали напольные часы.

— Значит, журналистика. В телевизор попасть, — Николай Аскольдович вытер салфеткой губы — Ну да, ну да... Для женщины разве это важно? Семья, дом, дети — вот главное.

— Папа, твои взгляды... — начал было Руслан.

— Правильные у меня взгляды, — прервал его профессор. — И не спорь. Молод еще. Лучше про аспирантуру думай. Пока не поздно.

— Отец, давай не сейчас, — тихо попросил Руслан, — ты же знаешь, решения не изменю.

— Упрямец, — то ли сердито, то ли с гордостью сказал Николай Аскольдович. — Наша порода.

— Людмила, — сказала Мария Ивановна, — ну что же вы? Пробуйте! Вот грузди, особые, по-моему. Вам надо всё попробовать. Между прочим, вы зря не берёте картофель. Это очень интересный рецепт — ирландский, с можжевельником...

Смотряны оставили после себя горьковатый привкус брусничного соуса, приглашение на следующих выходных на дачу, теплое чувство к маленькой ласковой Марии Ивановне и благоговейную робость перед грозным Сикорским-старшим.

Мама Людмилы была в совершенном восторге от видного жениха и профессорской дачи.

— Держись за него зубами, — поучала она дочку, собирающуюся на свидание. И с удовольствием наряжала дочку в собственноручно сшитое по выкройкам из журнала «Бурда-моден» новое платье. Обязательно с летящей юбкой. Мама хорошо шила и с детства любила наряжать Людмилу.

Руслан — высокий, по-мужски красивый, «породистый», как мама любила его называть, хвастаясь перед подругами, вызывал в будущей теще почти неприличный восторг.

Татьяна Петровна краснела будто девочка, когда тот появлялся на пороге их квартиры с неизменным букетом цветов, не знала, куда усадить дорогого гостя, чем угостить. Когда Людмила поссорилась с женихом и втихомолку плакала на кухне, роняя слезы в недопитый чай, мама устроила ей истерику, обзывала недалекой дурочкой и неудачницей, которая обязательно проворонит свое счастье. Но, к ее радости, влюбленные вскоре помирились.

Людмила с головой ушла в свою невероятную любовь и не узнавала себя. Вещи, которые раньше были самыми важными: учеба, творчество, будущая работа, — стали серыми и скучными. Она, бессменная неподкупная староста группы, которую было невозможно уговорить прикрыть прогулы, сама стала пропускать пары, сбегая к своему ненаглядному Руслану, чтобы погулять с ним по Петергофу или покататься на речном трамвайчике по каналам.

Незаметно пролетел второй курс. Людмилина мама уже видела свою Людочку диктором как минимум программы «Время» и рассказывала взхлеб подружкам, какую головокружительную карьеру на телевидении сделает ее дочурка.

Людмила послушала маму, но проучившись один семестр, поняла, что не сможет постоянно преодолевать свой страх перед камерой и микрофоном. Не сказав маме ни слова, она перевелась на литературное редактирование. Мама тяжело переживала крах своей мечты. Утешиться Татьяна Петровна смогла только через год, когда появился новый предмет

обожания и радужных надежд — внук Антон.

Руслан и Людмила поженились в начале июня девяносто пятого года в тихий и солнечный летний день, и разомлевший от еще не жгучего, ласкового солнца Город, казалось, радовался вместе с ними. Венок из живых цветов плыл по темной воде летней Невы. Чернел словно нарисованный тушью на молочно-сером небе шпиль Адмиралтейства.

И была первая ночь, безумная, страстная, желанная. Белая ночь, не прятавшая от его восхищенных глаз ее обнаженное тело, юное, трепещущее и податливое.

Еще год после свадьбы Людмила жила, будто во сне. Боялась, что ее Руслан исчезнет, как когда-то отец. Не могла дождаться его домой. Просыпалась среди ночи с бьющимся сердцем, и, поняв, что он рядом, отчаянно прижималась к родному плечу. Проводила ладонью по его чуть шершавой щеке, будто не веря, что это не сон.

Она таяла от нежности, когда он, уже врач-стажер в районной больнице, приходил под утро с ночного дежурства. Будил ее, откинув рывком одеяло, и покрывал теплое и мягкое ото сна тело исступленными поцелуями, жесткими, иногда до боли, иногда оставляя следы, которые потом разглядывал с каким-то странным удовольствием, проводя по ним кончиками пальцев или касаясь губами.

Людмила любила в муже все: его руки с сильными и чуткими пальцами, всегда пахнущие йодом, серые глаза, внимательные и серьезные, волосы, жестковатые, аккуратно подстриженные, в которые было так приятно зарываться. И прощала ему все: излишнее упрямство и требовательность, привычку все решать за двоих и педантичность.

Они были действительно счастливы. И после рождения сына, и спустя десять лет. Людмиле казалось иногда — они понимают друг друга без слов, существуют как единый организм. Дышат в унисон, произносят одновременно одинаковые слова. Чувствуют на расстоянии, будто связанные невидимыми нитями. Им хватало времени на все: на маленькие глупости и милые сюрпризы, на прогулки по Петергофу, вылазки в лес, концерты, кино и театр. Им нравились одни и те же книги, они могли часами обсуждать новую роль Алисы Фрейндлих, или скандальных «Служанок» Виктюка.

Но жизнь ускоряла свой темп, и времени друг для друга оставалось все меньше. Запланированная прогулка втроем в зоопарк вдруг срывалась, так как Руслан брал дополнительное дежурство. А в день годовщины свадьбы Людмила сидела одна за праздничным столом и кусала костяшки пальцев, чтобы не разреветься. Руслан приходил за полночь, когда она уже уснула, свернувшись калачиком на диване. Неловко чмокнув Людмилу в щеку, Руслан шептал: «Срочная операция... прости... купить цветы не было времени».

Людмила начала тихо ненавидеть свои дни рождения. Раньше они были долгожданными из-за милых и неожиданных сюрпризов мужа, вроде романтического вечера вдвоем в уставленной свечами и усыпанной лепестками желтых роз спальне. Руслан, конечно ни разу не забыл ее поздравить. Но теперь все сводилось к дежурному букету и предложению выбрать самой себе подарок. Ей вдруг стало казаться, что он делает это по привычке, просто чтобы ее не обидеть. Раньше Руслан обожал придумывать ей нежные прозвища. Теперь он вообще почти не называл ее даже по имени, будто стеснялся его. Людмила чувствовала, что в их отношениях что-то неуловимо меняется. Всё чаще возникало неприятное чувство отчуждения, словно одна за другой рвались тонкие ниточки, протянувшиеся между ними. Всегда спокойный, заботливый, нежный, Руслан становился раздражительным, нервным, вечно недовольным. Все чаще срывался на нее и сына, потом

просил прощения. И даже в постели, которая всегда была их отдушиной, она все чаще ловила себя на том, что гармония, безоглядное счастье растворения в любимом куда-то испаряются, уступая место вызывающей досаду торопливости.

Сначала Людмила во всем винила тяжелую изматывающую работу Руслана, постоянное недовольство тем, что им не хватало его скромной зарплаты врача. Он пытался работать на "скорой", брал дополнительные ночные дежурства. Людмила тоже хваталась за любую работу, которая приносила хоть какой-то заработок, — копирайтера, фрилансера, ридера, подрабатывала корректором в нескольких издательствах, строчила «джинсу» — заказные тексты со скрытой рекламой, доводила до ума чужие статьи.

Но постепенно она поняла, дело не только в работе и деньгах.

Время, которого раньше хватало на все, вдруг начало сжиматься, подгоняло, заставляло постоянно куда-то спешить и кого-то догонять. Стремительно мелькали дни, монотонные, похожие как две капли воды друг на друга, и постоянный страх не успеть, опоздать, проспять, не уложиться в сроки гнал вперед. Но это был бег по кругу.

Людмила работала редактором рубрики в редакции глянцевого журнала «Иван да Марья». Главред Большова ценила ее за безотказность и добросовестность, ей самой удавались толковые тексты, а если было нужно — Людмила Евгеньевна могла быть строгой и даже жесткой. Все авторы-внештатники, писавшие для ее рубрики «Женский взгляд», знали — нет ничего страшнее, чем не успеть сдать материал до дедлайна или схалтурить. Среди внештатников попадались и талантливые люди, которым Людмила могла доверить ключевой материал и потом не переписывать текст с нуля. Но были и совершенно безнадежные. Как Маша Житникова, например. Людмила бесчисленное количество раз грозила разорвать с ней контракт, но после очередного китайского предупреждения и истерик по телефону, жалела и сдавалась. Житникова была одинокой мамой с пятилетним сыном. И это было ее охранной грамотой. На этот раз Маша, после очередного скандала с провальной статьей про шубные туры горела желанием встать на путь исправления и занялась актуальной темой: «Как оживить супружеские отношения». Правда и эта тема была явно выше планки Житниковой, и Людмила уже завернула три или четыре текста, напичканных штампами, выдержками из «Камасутры» и советами попробовать свингерский секс, тантрический массаж, секс-туризм и еще нечто такое же экзотическое.

Наконец, Маша выслала Людмиле статью под названием «Связанные судьбой навек».

Людмила поморщилась от банальности заголовка и без особого энтузиазма начала читать текст. Он был как всегда почти безнадежен. «Полные любви глаза», «два сердца как одно в унисон»... Напыщенные фразы, цветистые обороты, тошнотворный пафос. Людмила одолела текст с третьего раза. Но во всем этом невообразимом винегрете она нашла кое-что интересное — корявое и не слишком убедительное, но довольно подробное обобщение имеющихся современных методик психотерапии и психоанализа для оптимизации отношений между супругами. А еще Людмиле бросилось в глаза упоминание о некоем психоаналитике и сексологе Штале. Как безапелляционно заявляла автор статьи, со ссылками на многочисленные восхищенные отзывы на сайте его кабинета психологической помощи, этот доктор был настоящим волшебником,

Конечно же, доверять Маше Житниковой в таком вопросе Людмила не могла. Еще раз перечитала текст, с прискорбием убедилась — его придется переписывать от первого до последнего знака. И решила начать с проверки источников.

Вечером Людмила сама нашла сайт доктора Шталя, и лично прочитала полные восторженных вздохов отзывы его клиентов. Но доверять только одному источнику она не привыкла. К тому же сайт доктора наверняка модерируется, а негативные отзывы могут просто удаляться.

Уже около года, как Людмила завела свой личный блог. Зачем, она не знала. Но ей нравилось писать короткие, эмоциональные тексты и отпускать их в свободное плавание по сети. Скрытая за своим ником sunflower и яркой аватаркой с подсолнухом, она могла откровенничать с незнакомыми людьми, доверять им свои тревоги и сомнения, делиться эмоциями и переживаниями. Было нечто завораживающее в незримой, нематериальной связи, что устанавливалась между ней и ее читателями. Со временем их становилось все больше, они оставляли комментарии, завязывались беседы, а с некоторыми и некое подобие

дружбы.

Людмила решила, что ее блог может помочь ей и в этом деле. Она оставила пост, в котором попросила отозваться тех, кто обращался за помощью к доктору Шталю.

Утром, уже в редакции Людмила зашла на свою страничку. Авторы комментариев к ее посту как один утверждали, что доктор Шталь — волшебник. Людмиле стало интересно. Она решилась позвонить. Ответил приятный женский голос:

— Кабинет психологической помощи доктора Шталя. Здравствуйте! Чем могу быть полезна?

— Здравствуйте. Я могу встретиться с доктором?

— Конечно! А какого рода у вас проблемы?

Людмила растерялась.

— Проблемы... у меня нет. Я просто хотела уточнить...

Видимо ее лепет собеседницу не вдохновил.

— Доктор общается с пациентами только в форме сеансов терапии. Так вас записать?

— Нет, спасибо, — поспешно ответила Людмила и повесила трубку.

Несколько дней она мучилась в раздумьях, почему этот доктор не идет у нее из головы. Какое-то неясное ощущение того, что встреча с этим Шталем просто необходима, не давала ей покоя. Промучившись дня два, Людмила решилась и позвонила снова. Все тот же приятный женский голос задавал стандартные вопросы, а после того, как она ответила, что замужем, ей спокойно и корректно посоветовали прийти на прием вместе с мужем. Людмила пообещала подумать.

Несколько дней она хотела рассказать Руслану о докторе Штале, но боялась добавить еще градус к его все растущему раздражению. Мысль о посещении доктора точила ее изнутри, как надоедливый грызун. И наконец, удобный момент подвернулся сам собой.

Вечером Людмила мыла посуду, а Руслан уткнулся в какой-то медицинский журнал, время о времени отрываясь, чтобы заглянуть в тетрадку к Антошке, который здесь же, за кухонным столом, задумчиво грыз кончик карандаша и постигал премудрости арифметики. В небольшой квартирке Сикорских кухня была по вечерам еще и гостиной, и детской, к тому же отец предпочитал контролировать процесс приготовления уроков лично.

Арифметика Антону не давалась. Он пыхтел, краснел, ерзал на стуле, но попросить отца о помощи не желал. Характер у сына был в точности папин — упрямый и жесткий, а самоуверенности было не занимать. А Руслан лишь посмеивался, терпеливо ожидая, когда упертый отпрыск сдастся перед желанием поиграть в свою любимую компьютерную игру.

Напряжение нарастало, и Людмила уже чувствовала его даже спиной.

— Эта задача составлена неправильно! — заявил, наконец, Антон. — Я не могу ее решить.

— Можешь, — спокойно и твердо ответил Руслан, не отрываясь от своего журнала. — Просто не хочешь.

— Нет, не могу, — набычился сын.

— Значит, на неделю будешь лишен компьютера, — все также спокойно ответил Руслан, откладывая журнал.

Людмила смотрела на сына и мужа, буравящих друг друга взглядами. На лбу у Руслана пролегла глубокая морщинка. Ей так захотелось разглядеть ее пальцами. Злой, красный Антошка, первым не выдержав этой игры «Кто кого переглядит», в сердцах переломил пополам карандаш и бросился вон.

— Две недели! — крикнул ему вслед Руслан.

— Да хоть три! — слышалось в ответ.

Резко хлопнула дверь кухни.

Людмила увидела, как потемнело от гнева лицо мужа, как он порывисто вскочил с места и хотел, было, пойти за сыном. Больно екнуло сердце. Схватила его за руку.

— Рус, не надо, оставь его.

Руслан грубо вырвал ладонь и набросился на нее с упреками:

— Мила, это твоя вина! Вечно за него заступаешься! Глупая слепая материнская любовь! Вырастет недорослем! Если сейчас упустить время — потом не наверстаешь!

Она отступила на шаг, будто отброшенная волной злости и раздражения. Обида окатила ее как кипятком, в носу щипало.

Хотела ответить, но горло перехватило...

Руслан выскочил из кухни и раздраженно с размаху плюхнулся на диван, так что тот жалобно скрипнул. Схватил пульт от телевизора, стал переключать каналы. Антон съежился в другом углу комнаты в кресле. Его плечики вздрагивали, но он упрямо глотал слезы, стараясь не разреветься.

Людмиле захотелось броситься к сыну, прижать к груди, утешить. Но это только добавило бы напряженности. Повторяя про себя: «Не реви...не реви», она подошла к дивану и тихо села рядом с мужем. Нарочито отвернувшись, он уставился в телевизор. На затылке смешно топорщились несколько волосков, выбиваясь из аккуратной стрижки. Перевела взгляд на сына. Такая же «прядка упрямец». Задохнулась от нежности к двум своим самым дорогим мужчинам. Положила руку ему на колено. Он сделал вид, что не заметил.

— Ну прости, — примирительно начала она. — Ты прав.

Руслан не обернулся, только буркнул что-то под нос, продолжая переключать каналы. Антошка обиженно засопел: понял, что мама заступаться не будет. Сполз с кресла и, зыркнув на отца исподлобья, поплелся на кухню, мучиться над задачей.

— Рус, — продолжила Людмила, — мне нужно от тебя одно одолжение.

Она провела пальчиком по его коленке, рисуя какой-то узор.

Руслан увлеченно смотрел выпуск новостей. Но руку ее не оттолкнул. Это было хорошим знаком.

— Мне нужно сходить к одному психологу.

Вполоборота посмотрел на нее, скептически поджал губы. И снова вернулся к накалившейся международной обстановке.

— Он не примет меня одну.

Снова обернулся, посмотрел уже вопросительно.

— Он консультирует только семейные пары.

— Очередной шарлатан, — презрительно хмыкнул Руслан и снова сделал вид, что самое важное — проблемы Ближнего Востока.

Людмила вздохнула. Разговор зашел в тупик.

— Большова сказала, что редакция заплатит за его услуги. Понимаешь, эта Житникова, мой внештатник. Ее статья... Впрочем, мне нужно проверить достоверность источников. В ее статье этот доктор подан как волшебник. Вдруг он поможет и нам тоже...

Людмила осеклась, понимая, что сделала ошибку.

Руслан резко сбросил ее руку со своего колена.

— Не вижу никаких причин обращаться к какому-то мозгоправу! И жаль тратить время,

которого и так нет. У меня в день по две-три операции!

Оставалось последнее средство. Руслан не выносил ее слез. Она это прекрасно знала, хотя пользовалась этим оружием очень редко. Людмила вообще очень редко плакала. Как ее бабушка. Но теперь это было единственным шансом уговорить мужа сходить к Шталю.

— Неужели так трудно мне помочь, — всхлипнула она, — это так важно для меня... И для нас, тоже... Тебе жаль для меня каких-то нескольких часов?

Вскочила и отошла к окну. Обняла себя руками. Слезы стекали по щекам, щекоча подбородок, но она не хотела их вытирать. Пусть любит.

Теплые ладони легли на плечи.

— Мила. Это нечестно, — выдохнул Руслан ей в макушку. — Это запрещенный прием.

— Я знаю, — она хлопнула носом. — Но ты не хочешь по-хорошему.

— Не плачь, пожалуйста...

Ладонью стер мокрые дорожки со щек. Достал свой платок, вложил в ее руку.

— Сдаюсь, — теплые губы у нее на шее. — Если редакция платит — сходим к твоему шарлатану-мозгоправу. Выкрою как-нибудь полдня. Только один раз!

Обернулась, прижалась к его плечу, вдохнула его запах. Родной... Стало стыдно от того, что так с ним поступила. Опять разрыдалась, сладко, безутешно.

Утром Людмила буквально летала по редакции, окрыленная. Большова ни разу не упомянула ее "добрым словом" на планерке, на электронной почте оказались еще три статьи от внештатников, все как на подбор вполне приличные. Удивительно, но ей казалось, что этот доктор Шталь перевернет ее жизнь, спасет ее исчезающее, тающее как облачко на летнем небе счастье. Работа над статьей Житниковой отошла на второй план, стала не такой важной.

Заручившись согласием главреда на оплату услуг доктора Шталя за счет редакции, Людмила снова набрала уже знакомый номер. Все тот же приятный женский голос ответил ей, что доктор сможет принять их в пятницу, в пять часов вечера. И назвала адрес. Угол Декабристов и Английского проспекта. Тот самый Дом-Сказка.

Женский голос еще о чем-то ей рассказывал, но Людмила уже ничего не слышала. Перед глазами снова был дядюшка Дроссельмейер в черном плаще и высокой шляпе из видения ее детства. Ласково улыбаясь, старик манил ее рукой в широко распахнутую дверь, за которой мерцал таинственный голубоватый свет.

Положив трубку, Людмила еще долго не могла унять сердцебиение. Ее радостное предвкушение и воодушевление померкло. Первой мыслью было отказаться от этой идеи. Но она уже договорилась с Русланом. И такой ценой! Если она скажет ему правду, почему передумала... «Да тебе нужен не психолог, а психиатр!» — вот что скажет он и будет прав. Он ненавидит, когда она поступает так — непоследовательно и нелогично. Нужно взять себя в руки. Это просто глупый детский страх. Какая разница, где у этого доктора офис? Старинное здание в центре. Вполне уважаемое место.

До пятницы Людмила промучилась сомнениями, но отступить было некуда.

Всю дорогу она напряженно молчала и не смогла сдержать дрожи, когда под руку с Русланом стояла у знакомого серого здания с высокими окнами и массивной дверью парадной.

Дом почти не изменился со времен ее детства. Только в окнах теперь стояли пластиковые стеклопакеты, на фасаде кое-где появились белые ящички кондиционеров, а дверь, все такая же тяжелая, деревянная, потемневшая от времени, была оборудована

домофоном.

Руслан изучил табличку рядом с дверью и нашел фамилию доктора Шталя. Набрал нужные цифры, нажал на кнопку вызова, и тут же послышался знакомый Людмиле приятный женский голос:

— Приемная доктора Шталя.

— Сикорские. Нам назначено на пять.

Руслан выглядел спокойным. Но Людмила чувствовала, как он сдерживает свое раздражение. Это было не его решение. Он терпеть не мог делать что-то против своей воли.

Сухо щелкнул магнитный замок, и дверь медленно приоткрылась. Людмила ощутила легкий холодок по спине и вздрогнула всем телом.

— Боишься? — спросил Руслан, усмехаясь, — Ты так просилась на прием к этому шарлатану. Хочешь, давай уйдем?

Людмила решительно покачала головой и шагнула вперед, в полутьму парадной.

Гулкое эхо их шагов, будто мячик, отскакивало от стен и терялось в высоте лестничных пролетов. Лифта в доме не было. Широкие чугунные ступени лестницы с деревянными лакированными перилами вели наверх. Людмила старалась ступать как можно тише и морщилась от громкого стука своих каблучков.

Офис доктора располагался на третьем этаже. Обитая темно-бордовой искусственной кожей дверь с золоченой табличкой: «Кабинет психологической помощи. Кандидат наук Б.Р. Шталь».

Руслан нажал на звонок.

Миловидная девушка, белокурая, изящная, в строгом темно-синем костюме и белой блузке, с приветливой улыбкой посторонилась, пропуская их в прихожую, ярко освещенную холодным светом подвесных светильников на потолке.

— Здравствуйте, меня зовут Мария. Проходите, доктор уже вас ждет.

Девушка распахнула перед ними высокую деревянную дверь с резной филенкой.

Стены оливкового цвета в черную полосу с тусклой позолотой, плотные портьеры в тон стен. Большие кожаные кресла. На массивном письменном столе из темного дерева — дорогой настольный набор с хрустальным глобусом.

Людмила осторожно опустилась в кресло, показавшееся ей слишком глубоким. Неловко поерзала, устраиваясь на самом краешке, и замерла, напряженная до боли в спине. Мельком глянула на мужа. Он скептически усмехнулся.

Доктор Шталь оказался строгим, подтянутым мужчиной лет сорока пяти, с коротко подстриженными почти седыми волосами. Внимательные, чуть прищуренные глаза за линзами очков в изящной золоченой оправе. Резкие черты лица и тяжеловатый подбородок выдавали в нем немецкие корни.

— Ну что же, — голос у доктора был тихим, но глубоким и приятным, — давайте знакомиться. Шталь. Борис Робертович. Поэтому удобнее будет называть меня доктор Шталь. А вы, значит, Руслан и Людмила Сикорские. Как поэтично.

Доктор улыбнулся и его лицо немного смягчилось.

— Сколько лет вы женаты? — продолжил доктор.

— Двенадцать, — ответил Руслан.

Людмила была рада, что за нее ответил муж. Ей все еще было неуютно, она оглядывала кабинет доктора с опаской, словно из-за плотных портьер мог в любую минуту показаться старик в черном плаще и высокой шляпе.

— Отличный возраст для семьи, — Шталь снова улыбнулся. И опять Людмила вспомнила детское видение и судорожно вздохнула.

Этот вздох не остался незамеченным.

— Людмила? — обратился доктор к ней, и она вздрогнула от неожиданности, — вы очень напряжены. Может быть, чай? Или кофе?

— Спасибо, не нужно, — ответила она, смущаясь, будто доктор прочитал в ее голове глупые страхи.

— Хорошо, — продолжил доктор. — Итак, двенадцать лет. И у вас есть сын.

— Антон, третьеклассник, — не без гордости ответил Руслан. — Мамин баловень.

Людмила посмотрела на мужа с укором.

— Он не баловень, — ее голос прозвучал глухо и хриловато от волнения, — он умница и отличник. Почти. Просто гуманитарий и не любит математику.

— Вы очень любите своего сына, — одобрительно кивнул Шталь. — И, кажется, не разделяете взглядов мужа на его воспитание. Нет?

Людмила растерялась. Она никогда не думала об этом.

— Нет... — смутилась, — то есть да... Разделяю, конечно. У нас нет разногласий!

Доктор понимающе кивнул и перевел разговор на другую тему:

— Чем вы занимаетесь, помимо воспитания отличника?

— Я — врач, моя жена — редактор дамского журнала, — снова ответил Руслан за двоих.

Доктор лукаво улыбнулся Людмиле:

— Так вот почему вы хотели попасть на прием одна? Моя скромная персона заинтересовала прессу?

Людмила снова смутилась. Будто доктор уличил ее в обмане.

— Нет, я не репортер, всего лишь редактор. Просто попалась одна статья. Там упоминалось ваше имя.

Шталь хитро прищурился.

— Правда? Надо же. Оказывается, я популярен. И чем я могу помочь? Давайте поговорим о ваших проблемах.

— У нас нет никаких проблем, — немного резко ответил Руслан.

— Поверьте мне, коллега, у людей, проживших в браке больше десяти лет, всегда есть проблемы, — мягко возразил Шталь. — Тем более, что вы заплатили мне за консультацию. И я обязан отработать свой гонорар. А что скажете вы, Людмила?

Она не знала, что ответить. Во всем и всегда соглашаться с мужем стало привычным уже давно. Но тогда им просто придется уйти. Она не хотела уходить.

Людмила вдруг вспомнила, как с какой злостью Руслан бросал ей в лицо обидные слова тогда, на кухне, и снова обида окатила ее горячей волной, накрыло тоскливым ощущением того, как вытекает из их жизни счастье, как воздух из проколотого шарика.

— Конечно, есть, — она решительно выпрямилась в кресле, расправив плечи и перестав неуютно ерзать по гладкой коже сидения.

Руслан посмотрел на нее, недовольно поджав губы. Брови сдвинуты, на лбу снова эта вертикальная складка. Людмиле опять захотелось ее разгладить. Но, взяв себя в руки, продолжила.

— У нас счастливая семья, доктор. Но с некоторых пор мы... вроде как... — она пыталась подобрать нужное слово, чтобы не обидеть Руслана, и донести до Шталя свою

тревогу, — устали друг от друга.

Доктор кивнул.

— Я понимаю. Вы, Руслан, наверное, много работаете? В какой области вы практикуете?

Руслан ответил не сразу, снова укоризненно посмотрев на жену.

— Кардиохирургия. Но какое это имеет значение?

— Огромное. Сейчас очень модно все болезни объяснять одним словом «стресс». И если я сейчас скажу вам тоже самое, вы сочтете меня шарлатаном, не так ли? — Шталь лукаво усмехнулся, снова напомнив Людмиле дядюшку Дроссельмейера. — Но поверьте, у вас классические признаки синдрома хронической усталости. Давайте проверим.

Руслан недовольно поджал губы, Не хватало еще, чтобы ему ставили диагнозы! Но все же кивнул.

— Людмила, назовите, пожалуйста, лучшие качества вашего мужа. Три. На выбор. Не задумываясь.

Она выдохнула с облегчением. Это было просто.

— Надежность. Заботливость. Твердость.

— Отлично! А теперь три его недостатка, которые, как вы считаете, мешают быть счастливыми.

Людмила задумалась. Вздохнула.

— Раздражительность. Недоверие. Упрямство, — выдала она и испуганно посмотрела на Руслана.

Он вскинул удивленно брови, но промолчал.

— Хорошо. Теперь очередь Руслана. Итак, положительные качества вашей жены?

Руслан поморщился. Эта глупая детская игра его вовсе не забавляла. Но все же ответил:

— Обаяние. Мягкость. Доброта.

— А недостатки? — в глазах Шталя был неподдельный интерес.

— У моей жены нет недостатков, коллега, — в голосе Руслана прозвучала ирония, и Людмиле отчего-то стало обидно. Он будто извинялся перед доктором за ее глупость.

— Как скажете, — согласился Шталь. — Нет так нет. Людмила, а проблемы, о которых вы сказали, были всегда?

Она опять задумалась. Доктор задавал простые вопросы, но отвечать на них отчего-то было все сложнее.

— Нет, — наконец решилась она. — Не всегда. Только в последнее время. Хотя упрямство, это семейная черта.

Руслан хмыкнул.

— Вот вам и диагноз, — заулыбался доктор. — Причем его поставил вам не я. А ваша дорогая супруга. А еще, я уверен, что вас частенько мучает головная боль, сонливость днем и бессонница ночью, временами накатывает апатия, бывают боли в спине и крупных суставах. Так?

Руслан снова поморщился, задумчиво потер подбородок.

— Наверное, вы правы, доктор. Действительно, в последнее время много и напряженно оперирую. И да, у меня есть все эти симптомы. Это моя вина. Я потерял контроль над ситуацией.

— Вы любите все держать под контролем?

Шталь лукаво прищурился и весь подобрался, словно услышавший звук охотничьего

рожка фоксхаунд.

— Разве это не естественно? — удивился Руслан.

— Конечно, конечно! — доктор просиял, будто встретил старого знакомого. — Совершенно верно. Контроль очень важен. А ваша супруга? Она разделяет вашу точку зрения?

Людмила уже открыла рот...

— Конечно, — не задумываясь, ответил Руслан за нее. — Ничто так не вредит, как несобранность и разгильдяйство.

Людмиле стало очень обидно. Слова мужа будто хлестнули ее по щекам. Руслан часто принимал решения за обоих, и она давно привыкла к этому. Но сейчас это выглядело слишком уж грубо и натянуто. Глаза наполнились слезами, но она сдержалась. Устраивать сцены в присутствии посторонних было не в ее правилах. Бабушкино воспитание навсегда отучило Людмилу от плаксивости.

Доктор внимательно посмотрел на Людмилу, будто оценивая ее реакцию, перевел взгляд на Руслана. Усмехнулся, сделал какие-то пометки в блокноте.

— У вас твердые жизненные принципы, — произнес он, — это хорошо. Тем более для врача. Думаю, что вы прекрасный специалист. Надеюсь, вас по достоинству ценят коллеги?

Людмила увидела, что Руслан польщен словами доктора. Складка на лбу разгладилась, он сдержанно улыбнулся.

— Не жалею. Хотя клиническая работа меня привлекает больше.

— Я так вас понимаю! Сам пожертвовал местом на кафедре университета, чтобы практиковать. Не хочется тратить время на сухую науку и бумаготворчество. Другое дело, когда видишь результат своих усилий и понимаешь, что можешь помочь.

— Золотые слова, доктор, — согласился Руслан.

Людмила видела, что недоверие ее мужа к Шталю тает, и подумала, что и правда, этот доктор хороший специалист, раз смог расположить к себе Руслана. Да и сама она уже почти перестала испытывать неловкость.

Доктор достал из ящика стола какие-то бумаги.

— Но, если не возражаете, давайте продолжим. Сегодня первый сеанс и мне нужно провести ряд тестов. Возможно, этот покажется немного утомительным. Но поверьте, без точной диагностики и подробных психологических портретов мне сложно будет подобрать для вас нужные методики. Итак, вы готовы продолжать?

Людмила посмотрела на мужа, боясь, что он скажет «нет» и прошептала одними губами: «Пожалуйста...»

Но Руслан вдруг улыбнулся.

— Да, доктор. Если так хочется моей жене... Чего хочет женщина, то угодно Богу, — процитировал он французскую поговорку.

Шталь одобрительно кивнул.

Еще почти час они заполняли какие-то опросники, ставили галочки и крестики напротив вариантов ответов на вопросы, иногда смешные и странные, выбирали из списка утверждений единственно верное, придумывали окончания к фразам, перекладывали из одной кучки в другую цветные полоски и карточки с текстом. Даже рисовали рисунки. Руслан уже не злился, как-то незаметно войдя во вкус всего этого. Даже дурачился, пряча от Людмилы свой рисунок и не давая ей подглядеть в него через плечо. Доктор сдержанно улыбался и иногда пояснял, для чего нужен тот или иной тест.

Наконец, доктор Шталь, собрал все листки, рисунки и карточки и пошутил:

— Ну, теперь я буду знать о вас почти все. Материала для анализа у меня предостаточно. Теперь понадобится время. Если не передумаете — жду вас у себя в следующую пятницу в то же время. Мы выявили вместе ряд проблем и попробуем их решить.

Шталь вышел из-за стола, чтобы попрощаться. Обменялся с Русланом рукопожатиями, подал руку Людмиле, и она осторожно вложила свою ладонь в его, твердую и сухую.

— Вы правильно сделали, что пришли, — сказал Шталь очень тихо, так чтобы слышала только она.

И улыбнулся ей, ласково и лукаво. Противный холодок снова пополз по спине, и Людмиле захотелось зажмуриться и убежать прочь. Как тогда, в детстве.

Утро понедельника, серое и недоброе, оправдывало свою репутацию и началось с того, что Людмилу вызвала к себе Большова.

— Ну как там твой чудо-доктор? — спросила она, затушив в пепельнице недокуренную тонкую сигарету. Главред всегда курила «Vouge» с ментолом.

— Пока никак, — ответила Людмила, и ей стало неуютно от мысли, что на второй сеанс Большова денег не даст.

— Что, еще нужны деньги?

— Ну да, — Людмила не могла заставить себя смотреть главреду в глаза, — нужны.

— Смотри, Сикорская, — недовольно нахмурилась Большова, — при таких затратах эта статья должна стать бомбой. Такой, чтобы читательницы завалили нас хвалебными письмами и повесили вырезку из журнала в рамке над кроватью. Ты меня поняла?

— Поняла, — вздохнула Людмила.

По правде сказать, ее сейчас меньше всего занимала статья. Она не могла понять тех чувств, что испытывала после посещения доктора Штала. Его сходство с тем видением из детства пугало, но голубоватый таинственный свет обещал надежду. Ей очень хотелось снова вернуться в его офис на углу Декабристов и Английского проспекта, но сказанные Шталем напоследок слова тревожили.

Весь день она просидела на работе за компьютером, так и не приступив к правке, а вернее сказать переписыванию статьи. Тоскливо глядя в монитор, на заставке которого жило безмятежно голубое море, она думала о том, как хорошо сейчас в Лимассоле. Бархатные, пряные вечера и кристально-чистый зеленоватый прибой. Оливковые рощи и нагретые красноватые камни. Они были с Русланом на Кипре год назад, тоже в сентябре. Так удачно подвернулась горящая путевка. Людмила влюбилась в это место навсегда. Теперь остались лишь воспоминания, фотографии, магнитик на холодильнике, жестяная банка из-под оливкового масла и бережно хранимая «для особого случая» бутылка кипрского муската, вкуснее которого она не пила ничего и никогда.

Вечером она провозилась долго на кухне, потом помогала Антошке учить «Бородино», а Руслан корпел над докладом для конференции.

Хотя он в свое время отстоял свое право не идти в науку, профессор Сикорский не умел отступать и время от времени выдергивал сына на научно-практические семинары. Руслан морщился, но из уважения к отцу соглашался. Вот и сегодня он засиделся допоздна, склонился над ноутбуком, пристроенным на журнальный столик на колесиках. У столика была довольно острая кромка, которая врезалась Руслану в запястья, но он увлекся и не замечал этого.

Людмила подоткнула Антошке одеяло, спрятала ему под подушку учебник литературы, чтобы не забыл выученного стихотворения. Осторожно притворила дверь, вышла из спальни. Руслан не отрывался от ноутбука. Голубоватое мерцание монитора подсвечивало его волосы, создавая иллюзию таинственного ореола. Людмила залюбовалась и невольно вздохнула.

— Мила? — отозвался, не оборачиваясь, Руслан, — иди спать, мне нужно закончить.

— Не хочу без тебя.

Обняла его за плечи, уткнувшись лицом в затылок.

— Тебе завтра на работу, иди.

Руслан отнял одну руку от клавиатуры и погладил Людмилу по щеке, а она поймала его ладонь губами.

— Искусительница...я не допишу доклад...

— Ну его...

Она уже у него на коленях. В одно дыхание, в одно биение сердца. Хорошо, что столик на колесиках, его можно оттолкнуть, чтобы не уронить ноутбук. Дивану сегодня не судьба быть разложенным. Им и так хорошо...

— Тише... Антошка... еще не уснул...

Приглушенный стон в его губы.

— Моя... люблю...

Тишина и синяя, глубокая темнота. В ней так уютно молчать. Размеренное дыхание... Спит? Приподнялась на локте, пытаюсь разглядеть в темноте контуры любимого лица...

— Что? — тихий шепот спугнул тишину.

— Ничего... как я люблю, когда ты такой...

— Какой?

— Мой... такой как раньше...

Жаркие губы везде — шея, грудь, живот. Она уплывает на теплых волнах...

— ...не сейчас. Нужно закончить доклад. Мила, ты слышишь? Свари, пожалуйста, кофе. Засыпаю, а мне еще до утра сидеть.

Очнулась, вздохнула и пошла на кухню. Острая обида жгла глаза. «Не реви, — привычно сказала себе. В синем пламени газовой горелки под туркой ей опять почудился ласковый и жуткий старик в черном плаще.

Весь вечер четверга Людмила корпела над статьей Житниковой. Сто раз поменяла слова местами, пару раз выровняла абзацы. Проверила почту и обнаружила там напоминание о планёрке за подписью Большой. Но работа двигаться не хотела. Мешали мысли о предстоящем визите к доктору. Но вот Руслан... Она ведь так и не решилась поговорить с ним. Согласится ли он? А если нет? Какие найти слова, чтобы его уговорить?

Итогом упорного труда стали выправленные десять тысяч восемьсот тридцать пять знаков. Перечитав текст еще несколько раз, Людмила обнаружила два тревожных словосочетания "темных омутов двери" и «бархатные глаза» и в сердцах захлопнула ноутбук.

На следующий день, за завтраком, она решила, что тянуть с разговором, пусть и неприятным, дальше некуда и спросила мужа смело и прямо:

— Так ты заедешь за мной сегодня?

Руслан спокойно допил кофе. Помолчал. Людмила поёрзала на стуле. Не спеша поставил чашку на стол. Опустил в пустую чашку ложечку. Людмила слушала, как стучит в висках пульс... Вся смелость пропала.

Руслан внимательно рассматривал жену две длинные минуты. И, наконец, ответил:

— Я все ждал, когда ты спросишь насчет своего доктора. Конечно, заеду.

Она вздохнула. Встала, чмокнула мужа в щеку и поспешила торопить в школу сонного Антошку.

— Если кто-то хочет, чтобы его подбросили до школы, — крикнул сыну Руслан, — то ему следовало бы поторопиться!

— Подбрось туда маму, — хмуро ответил Антошка.

По дороге в редакцию Людмила, задумавшись о предстоящем сеансе, едва не проехала

свою станцию метро. После планерки она разобрала текущие бумаги и снова уселась перед компьютером. Слова разбегались как шарики ртути, и ни в какую не желали становиться более или менее вразумительным текстом. Ей казалось, что от правки текст делается только хуже. Снова и снова она писала, переставляла местами абзацы, стирала, заменяла слова... Морщась, пила кофе, смотрела в окно на уныло мокнувшие под дождем ажурные перила Певческого моста. Поняв, что ничего дельного все равно не выйдет, занялась подготовкой дайджеста. Но и эта работа не клеилась. Все ее мысли были в офисе доктора Шталя.

Еле дождалась окончания рабочего дня и несколько минут нервно теребила в руках телефон, пока не позвонил Руслан.

Но чем ближе был старинный дом на углу Английского проспекта и Декабристов, тем чаще замирало у нее сердце.

— Милочка, ты чего такая дерганная? — спросил Руслан, заметив, как она крутит на пальце обручальное кольцо. Она всегда так делала, когда нервничала. Даже как то уронила его под стол на планерке у главреда.

— Статья Житниковой не клеится, Большова меня убьет, — ответила она, смутившись, что солгала. О статье, как раз она сейчас думала меньше всего.

— Ничего, склеится, — успокоил ее Руслан.

Встретила их помощница Шталя, стройная блондинка Мария. Извинилась, попросила подождать, усадила в мягкие кресла в приемной. Предложила кофе или чай. Руслан попросил принести кофе, Людмила отказалась. Она разглядывала приемную и обратила внимание на черно-белые фотографии, развешанные по стенам. Среди изображений старинных домов, дворцов и мостов было одно фото, оно словно попало в эту коллекцию случайно. Почти скрытый полутеньями женский силуэт. Модель, сфотографированная со спины, держала в скрещенных за спиной руках плетъ. Контраст обнаженной незащищенности девичьего тела и грубого орудия для наказания притягивал и отталкивал одновременно.

Руслан перехватил ее взгляд.

— Интересное фото... очень стильно и волнующе...

Людмила смутилась и отвела глаза. А потом вспомнила, что видела то ли эту, то ли подобную ей фотографию на довольно одиозной выставке "Очарованные красотой", о ней даже писали в ее журнале. Все выставленные работы были исполнены в стиле "ню". Людмиле почему-то запомнилось название организатора — "Северный Бастион" и противоречивые ощущения от фотографий. Такие же как сейчас.

Наконец, из кабинета доктора вышла женщина среднего возраста, с бледным, несчастным лицом и покрасневшими глазами. Доктор, участливо поддерживая ее под локоть, проводил до двери приемной, вернулся.

— Прошу меня простить. Предыдущий сеанс затянулся.

И распахнул дверь своего кабинета.

Снова глубокое кресло заботливо принято ее в свои объятия. Людмила подумала, что, скорее всего, даже мебель для кабинета доктор подбирал специально. Эта расслабляющая мягкость сидения, гладкая податливая кожа, высокая спинка и подлокотники — будто кокон. С удивлением вдруг поняла, что как только переступила порог кабинета Шталя, ее волнение куда-то улетучилось. Украдкой глянула на мужа — ни тени раздражения, спокойная доброжелательность.

— Ну что же, — Шталь пододвинул к креслам низкий стул и сел напротив. — Хочу вас поздравить. Вы просто удивительно подходите друг другу. Я называю такое совпадение

психотипов эффектом паззла. Это встречается крайне редко.

— Значит, я был прав, и у нас нет никаких проблем, — сказал Руслан и снисходительно посмотрел на жену.

— Не совсем, — уклончиво ответил Шталь, — одну из проблем — вашу хроническую усталость, мы определили. А усталость предполагает только один вид лечения. Давайте поговорим об отдыхе. У вас есть какое-нибудь общее хобби?

Руслан задумался, потом взглянул на жену. Пожал плечами.

— Общее хобби... Наверное, только сын. Ну, еще мы любим путешествовать, но получается это редко. У Людмилы есть увлечение, правда, довольно дорогостоящее...

— Пусть она сама расскажет, — мягко прервал его доктор.

— Я... — Людмиле вдруг показалось неловким рассказывать это, — собираю кукол.

— Кукол? Как интересно. И давно?

— С детства. А теперь вот, коллекционные. К сожалению, они очень дорогие. Поэтому коллекция пополняется редко.

— Значит куклы, — улыбнулся Шталь. — Вы не поверите, но я хотел предложить вам одну методику. Она называется «Кукловод и Марионетка». Это одна из разновидностей психодрамы. Но это чуть позже. Скажите, Людмила, а почему вы собираете кукол? Что они для вас?

Людмила растерялась. Она вдруг поняла, что никогда не задумывалась об этом.

И вдруг вспомнила ту старую, найденную в стене бабушкиной квартиры куклу. Ту самую куклу в розовом газовом платице, удивительно тонкой работы. И умершую девочку Олю, которую никогда не видели ни она, ни ее мама. Вспомнила бабушкино лицо, когда она держала в руках найденную куклу и нежно, едва касаясь пальцами, гладила ее по волосам. Как, прижимая игрушку к груди, шептала ей: «Не бойся. Я тебя никогда не оставлю. Ты больше не будешь одна...». И как теплел фарфор от ее дыхания, а стершиеся краски на кукольном личике будто снова оживали, и кукла ей улыбалась...

Людмила вдруг поняла, что куклы всегда были для нее друзьями, собеседниками, защитниками. Они были живыми.

Но сказать это вслух не решилась.

— Не знаю, — ответила она. — Просто они такие красивые.

Шталь внимательно посмотрел на нее поверх очков, и Людмиле показалось, что он ей не поверил.

— Ну, а у вас, — обратился доктор к Руслану, и она выдохнула с облегчением, — совсем нет никаких увлечений?

— Боюсь, у меня просто нет на них времени, — ответил он.

— Поверьте, — улыбнулся Шталь. — Если временем правильно распорядиться, его окажется вполне достаточно на все — и на работу и на отдых. Просто нужно найти себе занятие по душе. И считайте, что это мой рецепт на лекарство от вашей усталости. Ну а теперь давайте попробуем поиграть!

Шталь встал, подошел к столу и вынул из ящика разноцветные бумажные круги, как в игре «Твистер». Разложил на полу. Потом достал черную шелковую повязку для глаз.

— Людмила, подойдите ко мне.

Она встала, нервно одернула узкую юбку. Поправила воротничок строгой блузки, будто он ее душил. Облизала пересохшие губы. Сделала несколько шагов к Шталю и остановилась, не зная, куда деть руки.

— Я завяжу вам глаза, — Шталь показал ей повязку.

Людмила беспомощно оглянулась на мужа. Но Руслан улыбнулся. Ему явно нравилось происходящее. Она устыдила себя за трусость. Глубоко вдохнула, чтобы совладать с волнением. Это ведь она уговаривала Руслана сюда прийти. Так что придется играть в эти игры до конца.

Прохладный шелк лег на лицо, погрузил ее в непроницаемую темноту. И тут же обострились все остальные чувства.

Она напряженно вслушивалась в каждый звук, чтобы угадать то, что не могла увидеть. Вдруг стали ярче запахи. Лакированное дерево, кожа, немного табака и воска. Чужой незнакомый мужской парфюм, сдержанный и строгий.

Жесткие сильные пальцы сжали плечи, ее подтолкнули вперед. По звуку шагов и движению воздуха ощутила присутствие Шталя за спиной.

— Представьте себе, что перед вами глубокая пропасть, — сказал доктор прямо над ухом, и она вздрогнула. — Те кружочки, что я разложил на полу — узкий мостик из дощечек, которые местами прогнили. Безопасно наступать только на некоторые из них. Если наступить на другие или мимо — сорветесь вниз.

Людмила вдруг ощутила страх и противный зуд в ногах. Она отчаянно боялась высоты, всегда с огромным усилием преодолевала себя, когда нужно было помыть окна в их квартире на шестом этаже. Попыталась успокоиться, начала считать удары собственного сердца. Получалось не очень. Паника медленно расползлась по телу, будто яд, захватывая клетку за клеткой. Хотелось сорвать с глаз повязку и убежать. Инстинктивно подняла руки к лицу, и услышала озабоченный голос Шталя:

— Вам нехорошо? Прекратим?

Она уже почти выкрикнула «Да», но почувствовала, как ее обняли родные руки. С наслаждением вдохнула знакомый запах. Страх тут же отступил.

— Ничего, — тихо сказала Людмила. — Я в порядке.

— Хорошо, — согласился Шталь. — Итак, Руслан, ваша задача — провести Людмилу по мостику через пропасть. Вы можете подавать жене любые команды. Управляйте ее движениями. Только не дотрагиваться! Готовы?

Они ответили почти вместе. Голос Руслана прозвучал уверенно и воодушевленно, Людмила еле выдохнула свое «Да».

Ей и правда казалось — она балансирует на хлипком мостике над бездонной пропастью. Сердце гулко бухало, Людмила слышала свое хриплое дыхание, пальцы заледенели, будто на холодном ветру. Отчаянно пыталась точно выполнять короткие приказы Руслана, но каждый раз боялась опустить ногу на пол, будто там был не паркет, а ненадежные, прогнившие доски.

— Еще один шаг, — подбадривал голос Шталя, — последний! Вы прекрасно справляетесь!

— Вправо... еще... теперь левее! Да... Нет! Еще вправо... опускай... Нет!

Пошатнулась, голова закружилась. С ужасом поняла что падает, падает в пропасть...

Теплые сильные руки поймали ее.

— Держу, Милочка. Я тебя держу.

Казалось, повязка сползла сама.

Людмила часто заморгала, привыкая к свету, судорожно стиснула руку Руслана — словно все еще стояла на краю пропасти. Всхлипнула.

Руслан в ответ сжал её ладонь. Боясь оторваться друг от друга, они, даже усевшись в кресла, не разжали рук.

Руслан поглаживал её стиснутые пальцы, и туман страха рассеивался. Она несколько раз глубоко вздохнула. Заглянула в родные серые глаза. И прочла в знакомом взгляде такое давнее и почти забытое — нежность, заботу, тревогу. Как тогда. В первый раз...

— Давайте попробуем проанализировать ваши ощущения. Людмила? Я видел, что вам было страшно. Почему? — спросил Шталь.

— Я боюсь высоты, — она смутилась, понимая, как глупо это прозвучало.

— У вас богатая фантазия. Сразу видно творческую личность, — мягко улыбнулся Шталь. — Но что помогло вам справиться со страхом?

— Голос... — Людмила посмотрела на Руслана и снова ощутила тепло. — Голос моего мужа.

— Великолепно! — просиял доктор. — А вы, Руслан? Что ощущали вы?

— Ответственность, — ответил он и сжал руку Людмилы. — Я осознал, что от меня зависит жизнь моей жены.

Шталь кивнул.

— Вот именно. Теперь постарайтесь запомнить эти ощущения. Зафиксируйтесь на них. Это поможет лучше чувствовать друг друга.

Они ехали домой молча. Но в их молчании больше не было отчуждения. Они молчали не каждый о своем, как это бывало раньше. Они молчали вместе. И в этой тишине была какая-то особая, завораживающая магия.

За выходные Людмила переписала, наконец, статью Житниковой. Она изменила название на «Связующую нить» и закончила ее словами: «Не рвите те волшебные ниточки, что протянуты между двумя любящими сердцами. Берегите их, всеми силами укрепляйте. И однажды эти ниточки станут стальными канатами, протянутыми над пропастью отчаяния».

В понедельник Людмила сидела в кабинете Большой и смотрела, как руководство напряжённо знакомится с материалом статьи.

Большова читала вдумчиво. Иногда бросала короткие реплики:

— Ну да, неплохо... А вот тут очень хорошо!

Судя по всему, текст ей нравился. Людмила поняла это по тому, как главред принялась накручивать на палец цепочку кулона.

Глядя на неё, Людмила, по привычке принялась было теребить обручальное кольцо, но его на месте не оказалось. " Может, сняла и забыла дома? — подумала Людмила. Кольцо, особое, с гравировкой "Руслан и Людмила" по ободку внутри, она не снимала почти никогда.

— Так, ну вообще, все вполне-вполне, — удовлетворенно произнесла Большова. Закрыла файл со статьей и вернула Людмиле флешку.

— Со своим доктором согласуй и можешь отдавать корректорам. Пойдет в ближайший номер.

— Спасибо, — ответила немного рассеянно Людмила, вся в мыслях о своей пропаже.

— Хорошая работа, — похвалила ее Большова. — Ну иди, иди. Трудись.

И вытянула новую сигарету из полупустой пачки «Vouge».

У себя в кабинете Людмила нашла визитку доктора Шталя и набрала номер его мобильного.

Доктор ответил не сразу, и Людмила слушала в телефонной трубке вместо гудков Китайский танец из балета Чайковского «Щелкунчик».

— Шталь, слушаю.

— Здравствуйте. Это Сикорская беспокоит. Можете говорить? Я бы хотела согласовать с вами текст статьи, если вас не затруднит.

— Конечно, давайте.

— Вам текст сбросить по электронке? Или вы лично хотите посмотреть, подкорректировать?

— Подкорректировать, да. Хорошо было бы, если вы заехали ко мне лично. Только я сегодня не в офисе. Можете приехать ко мне домой?

Она была уверена, что доктор улыбнулся.

— У меня нашлась одна вещь. Как мне кажется, принадлежащая вам. Вы, случаем, не потеряли обручального кольца? С гравировкой...

— Как хорошо, что оно нашлось! — радостно откликнулась Людмила. — Я заметила пропажу только сегодня. Конечно, я приеду. И привезу статью. Диктуйте адрес.

Через полчаса она стояла перед небольшим четырехэтажным домом на канале Грибоедова.

Квартира доктора Шталя под номером десять занимала весь верхний этаж. Дверь Людмиле открыла девушка, лет двадцати, скромная и молчаливая. Пропустив ее в полутемный коридор, жестом указала на приоткрытую дверь слева и растворилась в мягкой полутьме.

Испытывая непонятное волнение, Людмила открыла дверь и вошла в просторную комнату с высоким лепным потолком. Большое окно, закрытое жемчужно-серой шелковой портьерой, стены заставлены стеллажами с книгами, письменный стол, массивный и явно антикварный, изящная кушетка на резных ножках с бархатной спинкой. Шталь сидел в большом кресле у окна с раскрытой книгой в руках.

— Людмила! Проходите, проходите.

Доктор радушно улыбнулся и положил книгу на подоконник. Людмила достала из папки распечатанный экземпляр статьи и протянула его доктору.

— Вот. Решила распечатать на бумаге. Надеюсь, я не раскрыла никаких ваших профессиональных секретов, — сказала она и разволновалась. Неожиданно поняла, что ей очень важно одобрение Шталя.

— Не стойте, садитесь, — доктор указал ей на кушетку. — Спасибо, я и правда, не слишком жалую тексты в электронном виде. И книги по старинке покупаю. Совсем другие от них ощущения. Один запах новой книги чего стоит!

— Да, — согласилась Людмила. — Мне муж давно предлагает купить ридер. Стыдит за несовременность. И зовет транжиркой. За книги и моих кукол.

Доктор мягко, понимающе улыбнулся ей и спросил:

— Вы не голодны?

— Нет, спасибо, — смутилась Людмила. Она с детства не любила, когда в гостях ей предлагали еду.

— Ну тогда чай. Я люблю китайский, красный. Настоящий. Мне специально привозят его из провинции Юннань. И капелька коньяку бы не помешала. На улице опять дождливо. И руки, вон, у вас замерзли.

Людмила и правда зябко передернула плечами. Мысль о чашке горячего чая показалась привлекательной.

— Да, чай — было бы замечательно, — ответила она. — Только без коньяка. И хорошо

бы зеленый. Я люблю зеленый чай.

— Зря, зря, — покачал головой Шталь. — Хороший коньяк никогда не повредит. Это не алкоголь, лекарство. А зеленый чай у меня тоже китайский. Жасмин, эрл грей?

— Если есть, то клубничный, — ответила Людмила и опять смутилась.

Доктор кивнув и позвонил в серебряный колокольчик, взяв его с серебряного же подноса тонкой чеканки.

В кабинет почти бесшумно вошла та самая девушка, что открыла ей дверь. Длинные прямые волосы, темные, почти черные, стянутые в тугий хвост на затылке. Узкая черная юбка до колен с молнией сзади снизу доверху, простая белая блузка, высокие каблуки. Строгий офисный наряд смотрелся странно в домашней обстановке кабинета. Людмилу удивило еще ее странное кольцо, плотно обхватывающее шею, больше всего напоминающее ошейник. Усиливая сходство, на нем висел округлый медальон с выгравированным вензелем.

Доктор что-то тихо сказал ей и она вышла.

Вскоре девушка вкатила в кабинет сервировочный столик на колесиках с китайским керамическим чайником и двумя чашками-бочонками без ручек.

Она ни разу не подняла глаз на Шталь, а на Людмилу посмотрела быстро, вскользь из-под ресниц. В ее мимолетном взгляде Людмиле почудились тревога и неприязнь. Эта молчаливость, опущенные глаза, бледное бесстрастное лицо так живо напомнили Людмиле ее любимых кукол.

Доктор отослал девушку небрежным жестом. И внимательно посмотрел на Людмилу, будто оценивая ее реакцию. Потом встал, чтобы собственноручно налить Людмиле чаю. Терпкий, пряный аромат окутал ее теплым облаком, и она с удовольствием обхватила чашку, согревая пальцы.

Шталь уселся обратно в кресло и вернулся к чтению.

Тихо тикали часы. Секунды, минуты падали в пустоту.

— Ну что же, — наконец сказал доктор, откладывая рукопись. — Мне нравится. Прекрасная статья! Очень верные и проникновенные слова. Bravo!

Людмила смущенно улыбнулась.

— Спасибо, но я всего лишь редактор, — сказала она и поставила чашку на столик. — Простите, что отняла у вас время. Мне пора. Как только выйдет статья, я пришлю вам номер журнала. Хотя, вы вряд ли читаете женские журналы...

— Обязательно присылайте! И да, чуть не забыл, ваше кольцо.

Шталь взял его со стола и протянул Людмиле.

— Вы обронили его в кресло, где сидели. Мария нашла его только сегодня и позвонила мне. Я попросил привезти кольцо сразу после нашего разговора. Если бы мы не договорились о встрече, моя помощница связалась бы с вами или доставила его вам домой.

— Эта глупая привычка теребить кольцо, — смущенно сказала Людмила и с облегчением надела его на палец.

— И еще кое-что...

Шталь встал, открыл дверцу одного из книжных шкафов и достал оттуда куклу-марионетку — печального Пьеро с мучнисто белым лицом и в одежде с длинными рукавами.

— Мне привез ее из Венеции итальянский коллега, — сказал Шталь, протягивая куклу Людмиле. — Она прекрасно дополнит вашу коллекцию.

— Что вы, доктор! Я не могу принять, это слишком дорогой подарок.

Людмила смущенно смотрела на куклу. И вдруг вспомнила, как сама была марионеткой

там, в офисе доктора, и как падала в пропасть, и теплые сильные руки Руслана, подхватившие ее в самый последний момент.

— Спасибо, — растроганно сказала она и прижала куклу к груди.

Доктор проводил ее до двери, пожал руку на прощание и вдруг сказал:

— А знаете что? Я очень рад знакомству с вами и вашим мужем. И был бы рад увидеть вас у себя в гостях. Скажем, в субботу. Подумайте.

Печальный Пьеро поселился в стеклянном шкафу между японкой Окиной и принцессой с острова Гаити. На удивление, марионетка очень понравилась Антошке, который никогда не проявлял к маминым куклам интереса. Людмила побоялась, что сын сломает дорогой подарок и подергать марионетку за веревочки не дала. Антон надулся. Но ненадолго. Людмила быстро заслужила прощение, разрешив ему, вопреки отцовскому запрету, часок посидеть за компьютером.

Руслан вернулся с работы чуть раньше обычного и застал сына за этим занятием. Антон застыл в ожидании отцовского гнева и кары в виде еще одной недели без интернета.

Но Руслан только потрепал его по русым вихрам, обнял Людмилу и шутливо прорычал ей на ухо:

— Пришел страшный голодный волк. У него жуткие колики в животе. Если его сейчас же не накормят ужином — он всех проглотит живьем!

Антон облегченно выдохнул, пробурчал что-то типа «Взрослые... а такие глупости...» и снова ринулся в виртуальную танковую атаку.

Людмила разогрела ужин и уселась за кухонный стол напротив мужа. Подперла кулаком подбородок и просто смотрела, как он ест. Вдруг заметила сеточку морщинок у глаз, и несколько седых волосков в его темной шевелюре. Замерла от переполнявшей ее нежности. Этой нежности было так много, что она не помещалась в груди, грозя выплеснуться наружу, перекрыв горло.

Они не могли дождаться, пока истечет отпущенный Антону для виртуального общения час. Наконец, после пятого «последнего китайского предупреждения», он с тяжелым вздохом выключил компьютер и поплелся в ванную.

Людмила разбирала диван, и спиной ощущала взгляд мужа. От него становилось жарко, весело и жутко. Будто в первый раз.

Закончила с постелью и пошла в ванную, посмотреть, чего там так долго делает Антошка. Сын сидел на краешке ванны и увлеченно переписывался с каким-то виртуальным собеседником «Вконтакте» через мобильный. Телефон был изъят немедленно. Надутый сын нехотя почистил зубы и гордо удалился.

Заколола волосы, чтобы не намочить их, и быстро приняла душ. Завернулась в полотенце, задержалась перед зеркалом, чтобы смыть косметику.

Видимо, потеряв терпение, в ванную вошел Руслан. Обнял ее за плечи, прижал к себе.

Теплая ладонь забралась под полотенце. Людмила закрыла глаза и потерялась в обжигающих, дразнящих прикосновениях...

И тут же ахнула, когда ладонь звонко шлепнула ее. Распахнула глаза и увидела в зеркале на стене смеющийся, озорной взгляд мужа. Прислушалась к тому, как впитывается в кожу боль, превращаясь в горячее тепло, которое плавно перетекает, концентрируется где-то внизу живота, сворачивается в теплый клубок.

— Не смог удержаться... — мурлыкнул он. И вдруг опустился на колени и нежно поцеловал то место, где видимо, остался след.

— Как красиво... розовое на белом.... Как цветок на снегу...

— Ну вот, — раздался недовольный голос сына, — а меня когда лупят, потом не

целуют. Мам, телефон отдашь?

Людмиле захотелось сгореть от стыда на месте, Руслан вскочил, и хотя тоже смутился, но виду не подал и грозно скомандовал:

— Марш в постель!

Антошка возмущенно хлопнул дверью.

Как только закрылась дверь, Руслан сжал ее до боли, лишая возможности дышать. Не разрывая объятий, не переставая целоваться, кое-как дошли до дивана. Почти до самого утра то засыпали, обессиленные, умиротворенные, то снова как безумные любили друг друга.

Утром она слушала шум закипающего чайника и снова думала о докторе Штале. Вспомнила про свое обручальное кольцо, сняла, полюбовалась гравировкой на внутреннем ободке. Надела обратно. И вдруг осознала символичность того, что кольцо вернул ей именно Шталь. Улыбнулась.

— Милюль... О чем задумалась?

Улыбнулась новому прозвищу, подставила губы для поцелуя, обняла за плечи, ласково взъерошила Руслану волосы.

— Вчера забыла тебе рассказать. Я была дома у Шталя. Показывала статью. Он подарил мне куклу. Марионетку Пьеро. И звал в гости.

— В гости? — удивился Руслан, усаживаясь за стол. — Ну не знаю. Хотя он очень интересный и приятный собеседник. И когда?

— В субботу.

— Ну, хорошо, давай сходим. Один визит вежливости ведь ни к чему не обязывает?

Уходя на работу, Руслан взял ее руку, прижал к своей щеке, потом поцеловал в раскрытую ладонь.

— Люблю, — шепнул он, и Людмиле стало снова нечем дышать от нежности, перекрывшей горло.

Неделя выдалась суматошной. Пришлось ругаться по телефону с внештатными авторами, что срывали все сроки, а потом срочно строчить за них какие-то бестолковые статьи о том, как выбрать губную помаду или какая туалетная бумага мягче. Людмила ненавидела эти пустые никчемные тексты. Если бы не главред Большова, что пыталась изо всех сил удержать «Ивана да Марью» на тонкой грани между приторно розовым женским глянцем и хорошим содержательным журналом, она бы давно ушла.

Людмила почти забыла о данном Шталю обещании. Но вечером в четверг наткнулась взглядом на подаренную им марионетку.

— Ну так что? — спросила она Руслана. — Идем в гости к доктору?

— Так вроде решили, что идем, — отозвался он, не отрываясь от телевизора.

— Хорошо, я позвоню ему завтра.

Очень кстати в пятницу вышел номер журнала со статьей Людмилы. Полная энтузиазма, она позвонила доктору Шталю, но услышав в трубке его спокойный вежливый голос, отчего-то опять разволновалась. Разговор вышел коротким и каким-то неловким. Но ей показалось, что доктор рад их будущему визиту.

С утра в субботу она не находила себе места. Перемерила все платья, полчаса копалась в шкатулке с украшениями. Руслан снисходительно улыбался.

— Чего ты так трясешься? Это что, прием у английского посла?

— Не знаю, — ответила Людмила, нервно дергая расческу, застрявшую в пряди волос, что она укладывала феном.

— Мы еще можем отказаться, — Руслан обнял ее за плечи. От тепла его рук ей сразу стало лучше. Склонив голову к его руке, прикоснулась губами.

— Нет. Обещали.

Обуваясь, Людмила едва не сломала молнию новых замшевых сапожек. Такси как назло опаздывало. Как только вышли из подъезда, ветер нагло растрепал прическу, что стоила целых сорок минут мучений, и бросил в лицо мелкую морось. "Не хватало еще растекшейся туши, — подумала Людмила. Выбранное ею платье — светло-серое, длиной чуть выше колен, вдруг показалось ей чересчур коротким. Когда садилась в машину, полы пальто распахнулись, и таксист явно разглядывал ее оголившиеся коленки в тонких чулках. Одарила его убийственным взглядом в зеркале заднего вида, да таким, что "джигит" отвел глаза. На Дворцовой набережной автомобиль застрял в пробке. Людмила нервно поглядывала на часы и вздохнула с облегчением только, когда машина свернула с Невского на набережную канала Грибоедова.

Она крепко вцепилась в руку мужа, пока они поднимались. Шла по гулкой ковanej лестнице буквально на цыпочках: боялась, что высокие шпильки сапожек провалятся в отверстия рисунка на ступеньках. Как в капкан.

Руслан нажал на черную блестящую кнопку звонка. Его звук, низкий и гулкий, показался ей слишком громким еще в первый раз. Дверь открыла уже знакомая Людмиле темноволосая девушка. Она снова была одета словно секретарь в офисе. И снова молчала.

Девушка мельком взглянула на Людмилу, но не подняла глаз на Руслана. Молча повесила на вешалку их пальто. Людмила переобулась в туфли без каблука и почувствовала себя лучше. Она помнила про дорогой наборный паркет в квартире доктора. Руслану девушка подала домашние замшевые туфли.

— Здравствуйте! — радушно улыбаясь, в коридор вышел Шталь. — Рад, очень рад.

Он был как всегда безупречно элегантен, в свободном серо-стальном клубном пиджаке, темных брюках и рубашке цвета слоновой кости. Единственная уступка домашней обстановке — отсутствие галстука.

Пожав Руслану руку, он взял ладонь Людмилы и накрыл ее своей.

— Выглядите прекрасно, — сказал доктор тихо, будто только для нее, — а главное — счастливой.

Людмила почувствовала себя неловко.

Шталь пригласил их в столовую, обставленную тёмной, массивной, скорее всего антикварной мебелью. Потолок украшала лепка — тщательно отреставрированный узор, маки и кувшинки — любимые цветы северного модерна. Люстра, вся из бронзовых стебельков и хрустальных лепестков, наверняка была тоже "из бывших".

За ужином, мужчины пили дорогой шотландский виски, Людмиле было предложено на выбор розовое шампанское «Моэт» либо коллекционное красное мерло «Массандра». Она выбрала вино, поскольку боялась быстро захмелеть от шампанского.

За столом им прислуживала все та же молчаливая девушка, и ее отточенные, скупые и несуетливые движения говорили о том, что она делала это сотни раз.

Доктор и Руслан говорили о медицине, о политике, о ценах на нефть. Людмила почти все время молчала, изредка отвечая односложно. Она все смотрела и смотрела на темноволосую девушку. словно тень, та бесшумно переставляла тарелки, наполняла бокалы, так ни разу не заговорив и не подняв глаз. Только один раз быстро и осторожно глянула на Людмилу. Как тогда в первый раз. Но теперь в ее взгляде не было тревоги и неприязни.

Наоборот, Людмиле показалось, что девушка едва заметно ей улыбнулась.

Когда ужин был закончен, они перебрались в гостиную. Комната, по сравнению со столовой, была небольшой. Но высокий потолок, с лепными цветами и листьями, стены, задрапированные темно-малиновым шелком с золотым тиснением, низкие восточные диваны с горой атласных подушек, столик, инкрустированный перламутром, в центре которого горделиво возвышался медный кальян с темно-красным стеклянным навершием, делали ее похожей на покои восточного раджи. Напольные светильники в виде статуй темнокожих нагих рабынь, держащих в руках светящиеся шары, тяжелые бархатные портьеры — все это живо напомнило Людмиле декорации к сказке «Тысяча и одна ночь». Обволакивающий, разбавленный неярким светом полумрак пах сладко и грешно: сандалом, имбирем, ванилью и дорогим табаком.

— Не удивляйтесь, — сказал Шталь, заметив, как гости изумленно разглядывают эту восточную роскошь, — я довольно долго прожил в Индии. Любовь к этой невероятной стране осталась навсегда. Прощу, прощу. Не стесняйтесь.

Он указал на стоящие полукругом диваны. Людмила осторожно присела и провалилась, как в перину. Нервно натянула на колени подол платья. Руслан сел рядом и заботливо подложил ей под спину подушку. Благодарно посмотрела на мужа. Сидеть было очень удобно, мягкий ласковый бархат нежил кожу, даже сквозь чулки. Людмила провела рукой по сидению, наслаждаясь ощущением. И тут же почувствовала на себе изучающий, чуть лукавый взгляд Шталя. Отчего-то ей показалось — он задумал для нее какое-то испытание.

Доктор позвонил в серебряный колокольчик. «Интересно, а колокольчики у него в каждой комнате?» — подумала Людмила.

В гостиной, будто бессловесная тень, незаметно появилась темноволосая девушка. Мягкий ковер с высоким ворсом скрадывал ее шаги и, казалось, что она вовсе не касается пола. Людмила с удивлением заметила, что девушка сменила свой строгий офисный наряд на короткую плиссированную юбочку в мелкую клетку и короткий едва до талии топ. Темные волосы свободно рассыпались по плечам. В таком наряде она казалась трогательно юной и какой-то беззащитной.

— Кофе, чай? — спросил Шталь, обращаясь в основном к Руслану.

Руслан оторвался от созерцания кривых ятаганов и ярких пейзажей с развалинами буддистских храмов, развешанных по стенам.

— Кофе, пожалуйста. Черный и без сахара. С лимоном.

Шталь кивнул и негромко отдал распоряжения девушке.

Людмилу кольнуло обидой, что он не спросил, чего хочет она. Отчаянно придумывала повод для начала разговора...

Но не успела.

— Руслан, вы играете в шахматы? — спросил вдруг Шталь.

— Немного, — ответил Руслан и, посомневавшись, добавил — даже имел разряд. Правда, это было давно. Еще в школе.

— Отлично! — заулыбался Шталь, встал с дивана и направился к изящному шахматному столику на резной ножке в виде фигуры коня. — Шахматы удивительные. Слоновая кость, викторианская эпоха. Нашел в одной из лавок Бомбея. Стоили довольно дорого. Но какая красота!

Он взял в руки одну фигурку и протянул Руслану. Тот взял, повертел, рассматривая, и восхитился:

— Действительно, просто чудо. Такая тонкая резьба.

— Ну-с, — потирая руки, весело сказал Шталь, — померяемся силой ума.

Они уселись напротив в обтянутые бархатом, неглубокие полукресла с круглыми спинками. Людмила осталась сидеть на диванчике. Ей было неудобно наблюдать за мужчинами, так как приходилось оборачиваться, затекала шея. Она поерзала, пытаясь устроиться так, чтобы видеть происходящее, но диван мягко обволакивал, затягивая как зыбучие пески.

— Предлагаю блиц, — сказал Шталь. — На обдумывание каждого хода — две минуты.

— Согласен, — ответил с азартом Руслан, — но боюсь, что я вам не соперник. Давно не играл.

— Ничего, — успокоил его Шталь, — мне тоже нечасто так везет с партнерами. Знаете ли, шахматы уже не слишком популярны. Теперь люди играют совсем в другие игры.

Он мельком посмотрел на Людмилу. Сказанная доктором фраза показалась ей двусмысленной. Причем этот второй, скрытый смысл вызвал легкую тревогу.

Людмила постепенно начинала все больше и больше нервничать. Она снова принялась крутить на пальце кольцо, но вспомнив, как потеряла его в офисе Штала, прекратила. Найти его среди этого вороха подушек в мягком болоте дивана будет нелегко.

С облегчением вздохнула, когда в гостиную опять вошла молчаливая девушка. Она вкатила уже знакомый Людмиле сервировочный столик на колесиках. Грациозно миновала расстеленный в центре комнаты ковер и направилась к Шталю и Руслану. Оставила столик около них, потом взяла одну чашку и тарелку с какими-то сладостями, похожими на восточные, поставила их перед Людмилой и так же неслышно растворилась за дверью. Сладкий и терпкий запах ее любимого зеленого чая с клубникой окутал теплом. Людмила удивленно оглянулась на доктора, встретила с его внимательным, чуть насмешливым взглядом и тут же отвела глаза.

Партия продлилась около двадцати минут. Людмила нервно поглядывала на часы, уже мечтая, чтобы этот вечер поскорее закончился. Но, наконец, к ее облегчению, Руслан торжественно возвестил:

— Шах!

Людмила поставила чашку, осторожно, жалея инкрустированную перламутром поверхность стола, и обернулась, чтобы понаблюдать за победой мужа.

Шталь помолчал, напряженно застыл. Черты лица его стали жесткими и хищными. Людмиле снова стало не по себе. Потом доктор усмехнулся и передвинул фигурки, столкнув с клетки черного короля Руслана.

— Простите. Но мат.

Людмила увидела, как переменялся в лице Руслан. Как заходили желваки, сжались в тонкую линию губы. Она знала, он терпеть не может проигрывать.

Шталь протянул Руслану руку.

— Спасибо за великолепную партию! Вы просто талант. Разряд вам точно дали заслуженно. Немного практики, и вы будете грозным соперником!

Лицо Руслана немного смягчилось. Он с уважением ответил на рукопожатие Штала.

— Спасибо, доктор. Я же говорил. Давно не играл.

— А вы не любите проигрывать, — улыбнулся Шталь.

— Отцовское воспитание, — ответил Руслан сухо.

Мужчины, взяв в руки чашки, вернулись на диван. Людмиле захотелось прижаться к

плечу мужа, спрятать у него лицо на груди. Будто они не виделись несколько дней. Но ей стало стыдно за свой порыв, она медленно по глотку пила чай и мучительно искала повод, чтобы заговорить. Внезапно поняла, что с того момента, как вошла в эту восточную гостиную-будуар, не проронила ни слова. Будто эта темноволосая девушка. По спине пробежался холодок.

— Людмила, — от звука голоса Шталя она вдруг вздрогнула и едва не расплескала чай, — попробуйте рахат-лукум. Настоящий, не подделка. Особенно вот этот, с розовыми лепестками.

— Спасибо, — пролепетала она, пытаясь успокоить сердцебиение.

Шталь встал, отошел к большому комоду венге и достал из верхнего ящика изукрашенную резьбой пенковую трубку, серебряную зажигалку и пачку с курительным табаком.

— Вот балуюсь, — сказал он, — знаю, что в моем возрасте уже не следует курить. Но отвыкнуть никак не могу. Не будете возражать?

— Вы хозяин, — мягко сказал Руслан.

Шталь неспешно набил трубку, с легким шипением зажегся синеватый огонек зажигалки, и доктор с наслаждением затянулся.

— Вы, конечно же, не курите, — сказал он Руслану, выпустив колечко дыма.

— Слишком часто купирую последствия этой пагубной привычки, — усмехнулся Руслан. — Было бы странно...

— Да полноте, — махнул рукой Шталь. — Лично знаю с десятков ваших коллег, что смолят как паровозы.

Людмила не любила табачного дыма, всякий раз еле сдерживаясь в кабинете Большой, чтобы не раскашляться. Но доктор курил какой-то особый табак, ароматный, со сладковатым оттенком, благородный, словно выдержанное вино. Этот густой, насыщенный запах был даже приятным.

— А кальян? — спросил Шталь, — снова выпуская колечко дыма, — Людмила, вы любите кальян?

— Не знаю, — растерялась она.

Они пробовали курить кальян, когда отдыхали с Русланом в Шарм-эль-Шейхе позапрошлым летом. Ощущения были странные. Немного кружилась голова, но на языке остался неприятный привкус горечи и жженой пробки.

— Попробуйте, — мягко посоветовал Шталь. — У меня отличные смеси.

Он снова позвонил в колокольчик. Девушка возникла как призрак, спустя какие-то считанные мгновения, словно все это время стояла за дверью.

Она заправила кальян и разожгла его. Собралась было исчезнуть, но Шталь жестом приказал ей остаться. К удивлению Людмилы, девушка не присела на диван вместе со всеми, а совершенно непринужденно опустилась на пушистый ковер у ног Шталя. Ее коротенькая плиссированная юбочка раскрылась вокруг нее будто цветок.

Людмиле нестерпимо хотелось узнать ее имя, услышать ее голос. Но заговорить первой с доктором или с ней решиться не могла.

Шталь и Руслан продолжили перекидывались какими-то малозначащими фразами, а Людмила, вдыхая время от времени ароматный дым кальяна, все не могла оторвать глаз от этой девушки, что из-под ресниц осторожно посматривала на доктора и ее мужа. Людмила изумлялась, как теплели ее глаза, когда она смотрела на Шталя. Немое обожание в ее

взгляде было сродни религиозному экстазу.

Шталь перехватил замороженный взгляд Людмилы, и его узкие губы тронула лукавая усмешка.

— Простите меня, — произнес он спокойно, — я так вас и не познакомил. Это Ева.

Доктор снова помолчал. Потом положил руку на затылок Евы, и Людмилу покорила немедленно выскочившая, как чертик из табакерки, ассоциация с хозяином и его собакой. Особенно усиливал сходство этот странный ошейник, обхватывающий тонкую изящную шею девушки.

Людмила больше не могла сдерживаться и произнесла, нестерпимо желая услышать голос загадочной молчуньи:

— Ева... какое красивое имя. А оно настоящее?

Но к ее разочарованию ответил за Еву Шталь.

— Нет. Это имя выбрал ей я.

— Как символично! — восхитился Руслан. — Словно Ева, созданная от ребра Адама Вы ее Адам...

— Не совсем, — иронично улыбнулся доктор, — я не ее Адам. Я ее Создатель.

Эта фраза повисла в воздухе, словно застыла от порыва ледяного ветра. Людмила зябко поежилась. Ей захотелось оказаться в теплых объятиях мужа. Переплела свои пальцы с его, судорожно сжала. Руслан ответил пожатием.

Неловкое молчание прервал Шталь:

— Но я вижу, что моя терапия не прошла даром.

Руслан с нежностью посмотрел на жену:

— Да, коллега. Ваши методы лечения несомненно дали положительную динамику.

Шталь отложил трубку в хрустальную пепельницу. Опять помолчал. Потом произнес:

— Но это разовый эффект. Через какое-то время вы опять погрузитесь в рутину и почувствуете скуку. Скука самый страшный враг гармоничных семейных отношений.

— И это неизбежно? — спросил Руслан, поглаживая костяшки пальцев Людмилы. Эта невинная ласка вдруг показалась ей такой интимной, что она непроизвольно сжала бедра. А может это действовал кальянный табак. Голова у нее и правда начала немного кружиться, тело становилось легким как пушинка...

Но наваждение растаяло, когда она ощутила внимательный взгляд доктора.

— Помните наш сеанс? — сказал Шталь, — Я сказал тогда вам, что вы с Людмилой удивительная пара. Это правда. Совпадение ваших психотипов просто невероятное. И еще глубокие взаимные чувства. Но вы не зря оказались у меня на приеме. Самую пылкую и большую любовь нужно чем-то подпитывать. Об этом прекрасно рассказала Людмила в своей статье.

— Кажется, я начинаю понимать, — усмехнулся Руслан. — Ваши слова о том, что мне нужно найти занятие по душе...

— Именно, — кивнул Шталь. — Игра, вот единственное, что может заставлять человека не скучать. Азарт, стремление к победе, превосходству. Игра — суть жизни.

— Игра? — Руслан заинтересовано посмотрел на Шталя. — Думаю, что вы сейчас имели в виду не шахматы.

— Точно не шахматы, — лукаво усмехнулся Шталь. — Игры, особенно для взрослых, могут быть куда более захватывающими.

Он снова помолчал, растягивая паузу, и Людмила слушала тишину, отчего-то боясь того,

что доктор еще может сказать.

— Руслан, вам понравились ощущения, тогда во время сеанса? — вдруг спросил доктор.

Взгляд Людмилы метался между мужем и доктором. Она не понимала, к чему клонит Шталь, но тревога уже сжимала холодными пальцами сердце.

— Возможно, — ответил Руслан, не слишком уверенно.

— А что именно?

Людмила смотрела на вертикальную складку, прорезавшую лоб мужа. Опять захотелось разгладить ее.

— Ответственность? — обронил Руслан то ли утверждение, то ли вопрос.

— А может власть? — лукаво спросил доктор. — Полная власть. Когда в твоих руках жизнь другого человека. Ведь это чувство вам так знакомо, не правда ли?

— Вы про операции на сердце, — улыбнулся Руслан. — Да, это незабываемые ощущения. Особенно при контролируемой остановке. И в твоей власти это сердце запустить.

— Власть это сильнодействующий наркотик, — пошутил Шталь.

Но Людмиле от этой шутки стало не по себе. Она судорожно сжала ладонь мужа.

— Но я не понимаю, к чему этот разговор? — спросил он.

Людмила вглядывалась в родное лицо и не узнавала его. Руслан был не просто заинтригован. В его глазах горел азарт охотника. Давно она не видела его таким воодушевленным.

— Хотите маленький эксперимент? — спросил вдруг Шталь, и Людмила замерла от нехорошего предчувствия. Она непроизвольно стиснула еще сильнее ладонь мужа. Руслан поморщился, видимо от боли, и высвободил руку.

Потом ответил:

— Конечно!

— Отлично, — улыбнулся Шталь и, обращаясь к Людмиле, неожиданно спросил, отчего-то перейдя на "ты":

— Ты когда-нибудь ласкала сама себя?

Людмила задохнулась от неожиданности и стыда. Как доктор может спрашивать о таком просто и спокойно?

— Никогда.

Шталь тихо усмехнулся и спросил:

— А если я прикажу сделать это сейчас?

Кровь прилила к голове и стучала в висках тревожными молоточками, она вспыхнула от негодования и почти выкрикнула:

— Да как вы...

Руслан стиснул ее пальцы, больно, до слез.

— Доктор, это недопустимо! — возмутился он.

— Простите меня, — улыбнулся Шталь немного виновато. — Но вы согласились на эксперимент.

Потом он погладил по голове сидящую у его ног Еву.

— Девочка моя, — почти нежно обратился доктор к ней. — Сделай это для меня.

— Да, Мастер, — прошептала она, и тут же развела согнутые в коленях ноги, откинула голову назад и закрыла глаза...

Ее хриплое частое дыхание и тихие стоны наполнили комнату, завораживая и затягивая за собой в пылающую чувственную лаву.

— Мастер... — простонала она, приближаясь к апогею, — пожалуйста....

— Да, девочка.

Ева задрожала, вскрикнула, затихла. Потом поправила юбку и прижалась губами к руке Шталя, прошептав:

— Спасибо, Мастер.

Он приподнял ее лицо за подбородок и нежно погладил по щеке, потом произнес спокойно:

— Через час в салоне. Иди.

Ева грациозно поднялась и не спеша удалилась.

— Но почему? — потрясенно спросила Людмила. — Неужели ей не стыдно? Если вы заставите ее пройти по улице голой...

— Она это сделает, без раздумий и с радостью, — прервал ее Шталь. — Но я никогда ей этого не прикажу. Она это знает и доверяет мне безоглядно. Почему ей должно было быть стыдно? Кроме меня для нее в этой комнате никого не было! В этом вся суть. Для Евы существует только один источник удовольствия, боли, радости или разочарования. Это я, ее Мастер. Мир, в котором она существует, однополярен.

— А куда вы отправили ее? — тихо спросил Руслан, словно желая подтвердить свою догадку.

— В нашу игровую. Для наказания, — спокойно ответил Шталь.

Людмила не верила своим ушам.

— Наказание?! За что?!

— Она нарушила Правила.

— Но вы ей приказали! — ее захлестывала обида, жгучая, слепящая, она еле сдерживалась, чтобы не бросить в лицо Шталю грубые и злые слова.

— Да. Это игра. Вам сейчас сложно это понять, а тем более принять. Нужно время. Этот эксперимент нужен был лишь для того, чтобы показать, какой может быть абсолютная власть.

Руслан, почувствовав состояние Людмилы, сжал ее плечи, сильно, причиняя боль. Потом тихо произнес:

— А если бы она отказалась? Тоже была бы наказана?

— Конечно, — спокойно ответил Шталь.

Помолчал, выдерживая длинную театральную паузу. Потом улыбнулся:

— Простите меня еще раз. Оставим эту тему. Людмила, хотел еще раз вернуться к вашей рубрике. А вы не думали сделать психологические консультации постоянными? Я бы мог помогать. На взаимовыгодной основе, конечно. С меня информация, с вас реклама.

Людмила, все еще под впечатлением от произошедшего, ответила не сразу. Несколько раз глубоко вздохнула, будто на занятиях йогой. Больше всего ей хотелось встать и уйти отсюда. Забыть обо всем. Но показаться невежливой было стыдно. Взяв себя в руки, она ответила, правда довольно холодно:

— Конечно, доктор. Это очень интересное предложение. Я поговорю с главным редактором. Если она даст принципиальное «добро», я вам позвоню, и мы обсудим условия сотрудничества.

За остаток вечера она больше не произнесла ни слова. Шталь и Руслан снова говорили о медицине, о политике, о ценах на бензин. А Людмила снова и снова видела глаза Евы с безумным обожанием глядящие на доктора и ее бледное, словно фарфоровое личико.

На прощание Шталь снова задержал ладонь Людмилы в своей и тихо произнес:

— Надеюсь, это не последняя наша встреча.

Ей захотелось вырвать руку. Но она сдержалась.

Ни по дороге домой, ни вечером они с Русланом больше не упоминали имя Шталя.

То светлое, теплое чувство вновь обретенного счастья, что переполняло Людмилу всю неделю, куда-то испарилось.

Скользнув в постель, она прижалась щекой к теплому плечу Руслана и прошептала:

— Ты же не хотел, чтобы я... была такой... как эта Ева... ведь нет?

— Конечно, нет!

Мягкий поцелуй.

— Если только не захочешь сама.

— Не бойся... иди сюда...

Знакомый старик в черном плаще и шляпе с высокой тульей стоит в проеме широко распахнутой двери, ласково улыбается и протягивает ей руку. За его спиной загадочно мерцает голубой свет. Завораживающе переливается перламутровыми оттенками и звучит... Звучит дивной музыкой.

Людмила помнит эту музыку. Мелодия так прекрасна, что у нее сжимается горло, и на глаза наворачиваются слезы. Музыка зовет ее за собой, и Людмила не может сопротивляться. Будто зачарованная, она поднимается по высокой хрустальной лестнице без перил. Ей жутко и весело. Людмила боится поскользнуться на гладком хрустале ступенек, и там, где ее золотые туфельки-балетки касаются поверхности, вспыхивают разноцветные огоньки. Это так красиво!

Выше... выше... Старик улыбается, зовет... Он все ближе... Жесткие костлявые пальцы больно стискивают ее запястье... сердце замирает от страха...

— Не бойся... пойдём... Он ждет тебя... Твой Принц.

Старик увлекает ее за собой в голубой свет...

Музыка становится громче. Огромная рождественская ель сверкает яркими огнями. По переливающемуся сполохами света хрустальному полу в танце кружатся пары. Дамы в сказочно прекрасных платьях, кавалеры в смокингах или вышитых камзолах.

— Смотри! — старик указывает Людмиле на пару, танцующую ближе всех к елке. Кавалер с золотой шпагой на боку, на темных, коротко стриженных волосах — корона. Людмила узнает его. Это он, ее Принц! Радостно улыбается и хочет бежать к нему, но вдруг натывается на прозрачную преграду.

— Подожди. — Старик качает головой. — Разве ты не видишь? Он уже нашел свою Мари. Посмотри, как они счастливы!

И правда, Людмила вдруг понимает, что ее Принц кружит в вальсе девушку с русыми локонами, в розовой пышной пачке и золотых балетках... Они смеются...

— Но... это же я?

Девушка удивительно похожа на нее саму. Но присмотревшись, Людмила со страхом замечает, что лицо девушки застыло в вечной улыбке... Она не живая! Это кукла... Кукла!

Людмила отчаянно колотит кулаками по прозрачной стене, разделившей ее и Принца, и кричит, кричит...

— Он не услышит тебя, — голос старика полон грусти. — Он нашел свою Мари.

— Но это кукла! Просто кукла, — Людмила плачет так горько, так безутешно...

— Ты еще можешь его вернуть... Если выберешь правильно...

Ломкий как стекло голос старика звучит все тише и тише...

Людмила бьется о хрустальную стену и кричит... Плачет и кричит....

— ...Малыш?!

Испуганный родной голос. Теплые пальцы стирают слезы со щек... Сон... просто сон...

— Ты плакала? Что болит? Кошмар приснился?

Людмиле вдруг стало стыдно. Глупые детские сказки. Но горький, жгучий привкус ревности и потери был таким реальным.

— Ты... мне снился ты... я не могла до тебя докричаться. Я тебя потеряла...

Она судорожно всхлипнула и спрятала мокрое лицо на груди у мужа.

Утром как назло не завелась машина. Руслан, раздраженный, поехал на работу на метро. Людмила проводила надутого Антошку на школьный автобус, выслушав его недовольное бурчание про то, что на нем в школу ездят только лохи. В редакцию она влетела с опозданием на десять минут, и сразу же направилась в конференц-зал, где уже шла планерка. Недовольное лицо Большой замаячило перед глазами.

Вдохнула поглубже и осторожно отворила большую прозрачную дверь.

...разгону к чертовой бабушке эту богадельню! — донесся до Людмилы обрывок гневной тирады Большой.

Главред стояла во главе длинного стола, за которым замерли сотрудники. Кто опустил глаза, кто нервно вертел в руках ручку. Выпускающий редактор, Алла Петровна, смотрела в окно, будто все, что послужило причиной гнева Большой, к ней не относилось.

— Сикорская, — тяжелый взгляд главреда обжег Людмилу презрением, — что так трудно явиться вовремя на работу?

— Простите.

Людмила села на ближайший свободный стул.

— Итак, на раздумья вам — день. Завтра с утра хочу услышать предложения по привлечению интереса читателей к вашим рубрикам.

— А можно сейчас? — Людмила вспомнила о предложении доктора Штала и решила не терять времени.

— Валяй, — смирила ее скептическим взглядом Большова.

— В моей рубрике был уже клуб "Разбитых сердец". С нами сотрудничала тогда психологиня Маленко. Но потом клуб тихо умер, так как ее советы были, мягко говоря, не слишком интересны. Письма от читателей приходилось самим писать. Но если пригласить нового, интересного психоаналитика...

— Твоего доктора, что ли?

— Ну да. Собственно он сам предложил сотрудничество.

— А что, — главред сменила гнев на милость. — Вполне-вполне. Вот видите, можете, когда хотите! Свободны! Завтра чтобы у всех были идеи не хуже этой!

В своем кабинете Людмила поставила греться чайник, и в задумчивости вертела в руках телефон. Ей очень хотелось забыть про странного доктора и бессловесную девушку в ошейнике. Но теперь уже назад пути не было. Несколько раз открыла и захлопнула телефон, отложила его. Снова повертела в руках. Опять отложила. Но потом все-таки набрала номер доктора. «Китайский танец» из "Щелкунчика" снова заставил ее вспомнить свой странный тревожный сон. Жесткими ладонями на плечи навалилась какая-то безысходность. Почувствовала себя пешкой на шахматной доске. Пешкой, которую передвигает по клеткам чужая, бездушная воля. Людмила не хотела быть пешкой. «Возьми себя в руки, — скомандовала она себе.

— Шталь, слушаю, — раздался в трубке знакомый голос и Людмила вздрогнула. Этим голосом разговаривал в ее сне жуткий старик в черном плаще и шляпе.

Сердце выстукивало нечто похожее на «Болеро» Равеля, ускоряясь. Вдох-выдох. Как там учил ее тренер по йоге? Хорошо все-таки, что Руслан, заботясь о ее здоровье, заставил ее пойти заниматься. Иногда помогает. Ну вот, онемение прошло, она уже может говорить. Вдох.

— Здравствуйте, доктор. Это Сикорская. Главный редактор дала добро на сотрудничество с вами. Вы могли бы подъехать в редакцию, скажем завтра? Нужно обсудить детали.

Людмила выпалила это на одном выдохе, будто боясь снова услышать голос Штalia. Но, увы, это было неизбежным.

— Очень хорошо! Я обязательно приеду. Только завтра не смогу. У меня прием весь день. Может в четверг?

Снова вдох. И выдох.

— Как скажете. Тогда жду вас в три. Устроит?

— Минуту, я уточню.

Вдох-выдох...вдох-выдох...вдох...

— Да, устроит.

Выдох.

— Адрес редакции...

— Не нужно. Я знаю адрес. До встречи.

Короткие гудки.

Судорожный вдох. Откуда Штalia знает адрес? Шумный выдох. Журнал! Отвозила ему журнал. Там есть адрес редакции.

Напряжение отпускало не сразу. Покалывало кончики пальцев, тихо стучало в висках. Ледяными лапками по спине — противные мурашки.

На гладкой поверхности стола гулко завибрировал телефон. Людмила посмотрела на него как на ядовитое насекомое, которое может укусить.

Но номер был не Штalia. Боже! Тата!

Схватила телефон и торопливо нажала на кнопку.

— Привет, Люстик! — Раздался из телефона зычный голос ее лучшей подруги.

Тата всегда была такой громогласной, что Людмила разговаривала с ней "на расстоянии" — отодвигала телефон от уха, чтобы не оглохнуть. И теперь, слушая раскатистый говор из маленькой трубки, казалось, видела перед собою свою Тату — рослую, статную, русоволосую, синеглазую, улыбчивую. Породистую. Настоящую сибирячку. Наследница Ермака, как всегда называл ее Руслан. Тата напоминала Фросю Бурлакову из старого советского фильма «Приходите завтра». Только с той разницей, что своим появлением она осчастливила не консерваторию, а факультет журналистики ЛГУ.

— Я в Питере! — все также радостно раздалось в трубке. — Еду из аэропорта. Буду жить в «Балтийской». Где встретимся?

— Таточка, — у Людмилы перехватило горло, — милая! Как я соскучилась! У нас конечно! Адрес помнишь?

— Помню! Впрочем, я поселюсь, дела порешаю и в семь буду у вас! Будем пить абсент! Настоящий!

— Будем, я сейчас Русу позвоню, он обрадуется.

— Так! — громыхнула трубка, и Людмила отстранила ее еще подальше. — С тебя наш студенческий салат! Не забыла еще?

— Будет тебе салат.

Людмила нажала отбой. Теплое, уже позабытое чувство энергетического цунами под именем Тата Гирина смело тревогу от пугающего сна и разговора со Шталем. Улыбнувшись сама себе, Людмила пошла к Большой. Отпрашиваться пораньше с работы.

Вечером был обжигающий абсент и громкий голос Таты, от которого, казалось, тихо звякают бокалы в буфете и вздрагивает занавеска. Десятиметровая кухня сразу стала крохотной, игрушечной.

Людмиле вдруг вспомнилась их первая встреча. Первое собрание курса. Все сидят поодиночке. Вчерашние соперники. Неловкая тишина. Вдруг рядом с Людмилой села крупная девушка. С размаху, так что стул под ней протяжно скрипнул.

— Тата, — радостно сообщила она так, что в аудитории все обернулись. И протянула Людмиле широкую ладонь.

Тата по паспорту была Татьяной. Как Людмила мама. Но Таней, Танечкой, Танюшей называться отказывалась категорически.

Они подружились. Сразу и навсегда. Тихая, хрупкая, немногословная Людмила и громкая, большая, решительная Тата. Их, таких непохожих, на самом деле роднило многое. Людмила — бессменная староста группы. Тата — комсорг курса, потом председатель профкома факультета. Студенты, особенно первокурсники, звали ее мама Тата. Несмотря на яркую внешность, обе подруги не были окружены поклонниками. Людмила — из-за имиджа недотроги и «ледышки», а Тату парни просто побаивались. Даже Руслан, начав ухаживать за Людмилой, первое время робел перед ней будто мальчишка.

Людмила не могла налюбоваться на подругу. Тата, подобревшая, но не расплывшаяся, в строгом брючном костюме, с короткой стильной стрижкой (ах, где ее коса!), все с таким же румянцем во всю щеку и веселыми синими-пресиними глазами, рассказывала о том, как вымахала Златка и точно будет погибелью для парней, что они отстроили новый дом в пригороде Праги, и что ей непременно нужно увезти с собой не меньше десятка хороших новых русских книжек.

Только теперь, рядом с Татой, Людмила вдруг остро ощутила, как скучает по ней. За двенадцать лет подруга приезжала в Питер всего несколько раз. Последние лет семь она жила в Праге. Там когда-то служил ее муж, а после развода Тата с дочерью решили не возвращаться, прикипев душой к этому старинному и загадочному городу. Сикорские даже как-то раз были у нее в гостях, и Людмила с удовольствием вспоминала узкие улочки, мощеные камнем, величественный до оторопи собор Святого Витта, Карлов Мост и готические башенки Старого Града. Тата больше замуж не вышла, вернула назад свою девичью фамилию и воспитывала дочку одна. С журналистской карьерой у нее не сложилось, зато она нашла себя в издательском деле. Она работала редактором отдела русскоязычной прозы в крупном чешском издательстве «Оттово».

Людмила тихо млела от теплой, мощной, светлой энергии подруги. Все страхи, тревоги и переживания сразу поблекли, стали пустыми и несерьезными. Потом Людмила достала студенческие альбомы с фотографиями, они разглядывали старые снимки, вспоминали, хохотали до слез.

Время от времени из зала доносились восторженные вопли Антошки — тетя Тата привезла ему цифровой фотоаппарат и огромный цветной альбом «Настольная книга начинающего фотохудожника».

Примерно в одиннадцать Антона удалось отлепить от альбома и отправить спать. Ближе к полуночи ушел Руслан, виновато пробормотав что-то о предстоящей завтра тяжелой операции. Людмила и Тата сидели рядышком. Уже почти кончились слова. Остались только легкое головокружение, мятный обжигающий вкус абсента на губах и уютное тепло родной души.

— Люсик, — наконец прошептала, что само по себе было странным, Тата. — Я все смотрю на тебя. Не нравится мне...

— Что, Тата? — удивилась Людмила.

— Сколько мы не виделись? Пять лет, шесть?

Широкая горячая ладонь Таты накрыла узкую ладошку Людмилы.

— Пять с половиной, — почему-то смутилась Людмила. Словно в том, что они так давно не встречались, была ее вина.

— Вот. Именно это. Ты будто во всем всегда виновата. Так нельзя. Ты как подросший птенец. Можешь летать, а боишься.

— Глупости, какие полеты, Тата?

— Ты талантище. Я же знаю. А все редактируешь чужую чепуху в этом глупом глянце. Пора вылетать из теплого розового гнездышка. Ты же можешь и сама. Я твой блог, кстати читаю.

— Правда? — смутилась Людмила. — Да ну, глупости.

— Люсик, вечно ты себя недооцениваешь, — нахмурилась Тата. — Не зли меня. Ты знаешь, это чревато.

— А ты меня перехваливаешь.

Тата звонко чмокнула Людмилу в щеку.

— Ну что, вызывай мне такси. Поеду в гостиницу. Тебе завтра трудиться, и у меня с десяток встреч с молодыми талантливыми авторами.

Людмила вздохнула. И вдруг прижалась к теплой, мягкой груди подруги.

— Как же я тебе рада!

Такси приехало как назло слишком быстро. Людмиле казалось, что драгоценные мгновения рядом с Татой утекают как песчинки. Их было так нестерпимо жаль.

Уже в коридоре — обувшись, одевшись и тщательно расправляя на себе модную шаль, Тата сказала:

— Вот что, Люсик. Не позволяй Русу тобой командовать. Ты красивая, сильная и талантливая. Слышишь?

— Слышу, — всхлипнула Людмила.

Закрыв за подругой дверь, она еще долго смотрела в окно, пока дрожащие, раздробленные стекающими по стеклу дождевыми каплями огоньки такси не растворились в мокрой темноте октябрьской ночи. Зябко поежилась. И вдруг почувствовала себя потерянной, одинокой и беззащитной.

Следующие два дня Людмила безуспешно пыталась хотя бы набросать план для первого выпуска «Клуба «Разбитых Сердец». Встреча с Татой всколыхнула в душе что-то давно забытое, теплое, и это ощущение никак не хотело уступать место тревоге, что поселилась внутри после знакомства с доктором Шталем. Людмиле казалось, что пока Тата здесь, рядом, ничего плохого в ее жизни произойти просто не может.

В среду они гуляли вместе по Дворцовой, спорили, в каком месте Людмила сломала каблук на брусчатке, отсчитывали шаги от Царских ворот, сбивались, хохотали. Задрав голову, смотрели, как торжественно плывет в подбитом свинцом небе золотой Ангел, сияя в робких солнечных лучах, внезапно пробившихся сквозь войлок облаков. Отправились на Фонтанку бросать монетки на постамент Чижика-Пыжика и вспоминали, как Руслан в день свадьбы только с третьей попытки смог чокнуться с Чижиком: одна рюмка сорвалась с

веревочки, вторая — разбилась о бронзовый ключ. Сидели в сквере у Ростральных колонн, пока не застыли пальцы от ледяного ветра. Потом пили кофе с пирожными в «Севере» на Невском и вздыхали, что эклеры и корзиночки уже совсем не те. Тата много и громко говорила, и Людмиле вдруг захотелось рассказать подруге про доктора, про его странную подружку, про свой жуткий сон. Но это было так глупо...

В четверг утром Тата улетела в сказочную Прагу, отправив Людмиле из аэропорта смску с кучей улыбающихся смайликов.

А Людмила осталась в октябрьском, выстуженном ветрами Питере.

Шталь появился в редакции ровно в три. Подтянутый, строгий, в дорогом кашемировом пальто, с серым шелковым шарфом. Вошел, сдержанно улыбнулся.

— Здравствуйте, Людмила. Очень рад снова с вами встретиться.

Снял тонкие лайковые перчатки, протянул руку. Людмила подала свою и едва сдержалась, чтобы не вздрогнуть от прикосновения прохладных жестких пальцев.

— Здравствуйте, доктор. Прошу.

Людмила указала ему на стул, приставленный к столу, но оглядевшись, Шталь предпочел немного потертое, но уютное кресло в углу, притулившееся к шкафу с аккуратно расставленными папками, фарфоровыми фигурками и фотографиями.

— Уж простите старика, — лукаво усмехнулся он, — так мне будет удобнее.

Слово «старик» совершенно не вязалось с его внешностью. Но вызвало у Людмилы холодные мурашки, опять напомнив о сне.

— Кофе, чай? — спросила вежливо Людмила.

— Пожалуй, чай, — согласился Шталь. — Без сахара.

Людмила встала, чтобы включить чайник, и неловко задев, сбросила со стола бумаги. Покраснела и начала лихорадочно собирать разлетевшиеся по кабинету листки. Шталь молча смотрел на то, как она ползает по полу, даже не пытаясь помочь. Подняла глаза и застыла, пойманная как букашка в каплю меда, его прищуренным, оценивающим взглядом. Людмиле стало совсем не по себе...

Наконец, собрав бумаги, она аккуратной стопкой сложила их на столе, включила чайник и достала кружки. Тщательно протерла их полотенцем.

— Простите, — сказала Людмила хрипло, — у меня не столь изысканный выбор чая. В пакетиках. Но неплохой, «Базилюр», «Осенний».

— Подойдет, — ответил доктор и снисходительно улыбнулся.

Неловкое молчание нарушал только шум закипающего электрочайника. Людмила не могла подобрать слов для начала разговора, а Шталь, казалось, намеренно молчал, чтобы вызвать еще большее смущение. Наконец, чайник закипел, Людмила разлила кипяток в две чашки, положила пакетики с чаем. Поставила одну чашку перед доктором на крошечный столик, втиснутый между стеной и креслом.

Теплый насыщенный запах кленового сиропа и каких-то немного пряных трав чуть разрядил напряжение.

Погрев пальцы о кружку, Людмила, наконец, взяла себя в руки.

— В общих чертах та рубрика, над которой мы будем работать, выглядит как клуб психологической помощи. Для первого выпуска придется написать письма от имени читательниц, но в дальнейшем, я думаю, будут приходить и реальные. Может у вас есть какие-то интересные истории из практики?

Доктор еще немного помолчал, выдерживая паузу. Потом отхлебнул чая, поставил кружку.

— Думаю, найдутся. Тема, я так понимаю, приблизительно та же. Как склеить разбитое сердце?

Штампованная, избитая фраза прозвучала насмешкой. Людмила поморщилась.

— Только нужно подобрать нестандартные, интересные ситуации. Почти у всех наших конкурентов есть подобные рубрики. Мы должны сделать так, чтобы наша стала открытием. Да и вам будет полезной популярность.

— К популярности я не стремлюсь, — скромно ответил Шталь. — Клиентов у меня достаточно. Но совершенству нет предела. А еще...

Он снова сделал многозначительную паузу.

Людмила слушала, как тикают настенные часы, а из-за окна в кабинет пробивается шум улицы.

— Вы мне очень симпатичны, — закончил доктор. И снова улыбнулся. Ласково и загадочно.

Вдруг дверь открылась и вошла Светочка. Стрельнула глазками в сторону Штalia, похлопала наращенными ресницами со стразами, закусилa губку. И тут же потупила глаза, едва доктор обратил на нее внимание.

— Людмила Евгеньевна, — томно произнесла Светочка, перебрасывая за спину крашенные платиновые пряди и демонстрируя ненавязчиво свой умопомрачительный маникюр. — Екатерина Васильевна просит вас вместе с гостем зайти к ней в кабинет.

— Хорошо, мы сейчас придем, — ответила Людмила.

Светочка явно зашла, чтобы поглазеть на доктора Шталь. Она прекрасно могла бы позвонить по внутренней связи. Но любопытство было ее главной отличительной чертой. Наряду с умением печатать на клавиатуре, несмотря на невероятную длину ногтей.

Доктор совершенно очаровал главреда. Большова слушала его, ни разу не перебив, с интересом задавала вопросы, даже спросила у него разрешения закурить в собственном кабинете, чего не происходило на памяти Людмилы никогда. Разговор с будущей рубрики плавно перетек на отвлеченные темы, а затем и вовсе на личную жизнь Большой. Людмила почти не участвовала в разговоре и отчаянно боролась с желанием уйти.

— Понимаете ли, — доктор мягко улыбнулся, — корень всех психологических проблем человека в несовпадении социальных ожиданий и его внутреннего мира. Вынужденный играть не свойственную ему роль, подстраиваться под обстоятельства, он испытывает постоянные перегрузки. И главная задача психотерапевта — открыть пациенту его истинную сущность и помочь ее проявить. Нельзя постоянно бороться со своими желаниями и наклонностями. Себя нужно любить, потакать себе и баловать. А на деле часто получается так, что самый строгий и жестокий надсмотрщик — это ты сам.

— Великолепно сказано, доктор. — Большова затушила очередную сигарету, — я просто уж не знаю, как благодарить Людмилу Евгеньевну за такую находку для нашей редакции. Надеюсь, у нас все сложится. Была рада знакомству.

— И я рад. Всегда к вашим услугам, — учтиво ответил Шталь, вставая.

Людмила проводила его до лифта. Прощаясь, доктор снова сжал ее ладонь в своих прохладных жестких пальцах и сказал тихо:

— То, что я говорил в кабинете главного редактора, было сказано для вас. Не бойтесь своих желаний, Людмила. Отпустите себя. Позвольте себе стать счастливой.

Уже повернулся к лифту, но остановился:

— Чуть не забыл. Вот.

Шталь протянул ей плотный конверт с золотым тиснением по краям.

Людмила посмотрела на него вопросительно.

— Я чувствую до сих пор свою вину, — сказал Шталь, — тогда, у меня... Я был груб. Простите. Надеюсь, маленькое развлечение как-то сгладит неловкость. Это приглашения на приват-маскарад в очень дорогой и престижный закрытый клуб «Синий попугай». Сходите, не пожалеете.

— Спасибо.

Людмила с опаской приняла из рук доктора конверт. Заглянула в него — там действительно были приглашения, отпечатанные на дорогой плотной, глянцевой бумаге. И сразу решила, что не пойдет туда ни за что. Тем более что наверняка таким нарядом, какой предусматривает дресс-код подобного заведения, ее гардероб похвастаться не может.

Вечером она ехала домой в метро и смотрела ни лица людей: потухшие глаза, усталые складки у губ, безучастные маски. Она раньше и не замечала этого. Ее родной любимый Город, строгий, мрачноватый, застегнутый на все пуговицы, почти всегда неприветливый, будто застывший в своих каменных доспехах рыцарь, подавлял своим величием, тяжелыми ладонями пригибал к земле. Туристы, приезжающие в Северную Пальмиру ненадолго, замороженные помпезностью фасадов, не успевают ощутить его давящее превосходство. Коренные петербуржцы, привыкшие с детства делиться с Городом своей энергией, этого не замечают. И только эмигранты, прожившие в Питере больше года, говорят, что он очень неохотно допускает новичков к своим мрачным тайнам.

Руслан пришел с работы тоже не в духе, усталый и разбитый. Операция, которую он провел в среду, прошла с осложнениями. Хотя заведующий отделением и не винил ни в чем Руслана, но муж пациентки пожаловался на доктора Сикорского и долго кричал в кабинете у заведующего, что таких коновалов надо гнать поганой метлой.

Руслан стойчески не показывал виду, что очень расстроен. Даже не стал проверять у Антошки уроки, чему сын был несказанно рад. Людмила чувствовала нутром, что мужу нужна поддержка, и спешила разделаться с делами, чтобы побыть вдвоем.

Но пока она собрала Антошке футбольную форму для пятничного матча, перемыла посуду и приготовила Руслану на завтра свежую рубашку, тот уже разобрал диван и лежал, отвернувшись к стене и накрывшись почти с головой одеялом. Это было плохим знаком. Значит, замкнулся в себе и не пустит, как не старайся. А если быть настойчивой, только вызовешь раздражение.

Скользнула под одеяло, прижалась всем телом. Не отодвинулся, но и не повернулся, как обычно, не обнял. Плохо дело.

Осторожно провела губами по шее... Замерла, ожидая реакции... Ничего... Ладони скользнули по плечам, по груди, по животу...

— Милочка. Я устал. Две сложные операции. И ещё эта Ходяева дала остановку, сердце запустили, но она до сих пор в коме.

Совсем плохо.

Разочарованно вздохнула и, отстранившись, повернулась на спину.

— Шталь сегодня был у меня в редакции.

Людмила не хотела произносить имя доктора, тем более в постели. Но нужно было попробовать пробить эту скорлупу.

— И что?

Ответил, уже хорошо.

— Будем работать. И еще извинялся за тот вечер, у него.

— Извинялся?

Руслан даже повернулся.

— Ну да... — Людмиле вдруг стало обидно. Руслан так удивился, будто считал, что Шталю не за что было извиняться.

— И что ты?

— Сказала, что все в порядке.

Рассказывать про приглашения Людмила не стала. Идти на этот маскарад она не собиралась, так нечего было и поднимать эту тему.

Прижалась носом к теплому плечу...

— Холодный какой... Замерзла? Иди сюда...

Блаженно улыбнулась. Ну вот... теперь хорошо.

В пятницу она и не вспомнила о приглашениях, завертелась в редакции, потом убежала пораньше, чтобы успеть к Антошке на родительское собрание.

Собрание затянулось. Класная дама, Светлана Петровна, преподаватель математики, не слишком жаловала Антона. Он отвечал взаимностью — и ей, и предмету. Так что ничего хорошего от этого мероприятия Людмила не ждала. Правда, на этот раз каких-то особых претензий к ее сыну не было, все собрание было посвящено финансовым вопросам. Родительский комитет отчитывался по собранным на подарки ко Дню учителя деньгам. Людмила традиционно, с первых классов была членом родительского комитета. Поэтому сейчас лихорадочно рылась в сумочке, пытаясь найти папку с чеками и списками. Как назло папка не находилась. Людмила ловила на себе презрительный и наглый взгляд мамыши Гарика Бушманова — заядлого прогульщика и двоечника. Толстой, безвкусно одетой, крашеной в медно-красный цвет, с короткими толстыми пальцами, перетянутыми огромными перстнями. Но отец Гарика был директором Октябрьского рынка, поэтому и его жена и недоросль сын вели себя как хозяева жизни.

— Ну что, мы не дождемся сегодня рассказа о том, куда потратили наши денежки? — спросила Бушманова, вертя в руках ядовито-розовый телефон, усыпанный стразами.

— Кажется, я забыла папку на работе, — пробормотала Людмила. Она опять почувствовала себя виноватой.

Но внезапно чувство вины сменилось злостью и презрением к этой толстухе.

— А знаете что? — сказала Людмила, глядя прямо в узенькие глазки Бушмановой. — Пожалуй, подготовку к Новому Году мы поручим вам, Маргарита Рафиковна. У вас и времени побольше, и машина с водителем. Все успеете. И отчитаетесь вовремя. Проголосуем?

Домой она приехала, все еще кипя от негодования, но испытывая мстительную радость от того, что ее предложение прошло на ура. К ярости Бушмановой, которой все же поручили подготовку к Новому Году.

Антошка тихонько прятался в спальне, как всегда в день родительских собраний. Высунул голову, и, почувствовав, что мама не в духе, спрятался обратно.

Руслан сидел перед телевизором. По его напряженной позе и тому, что он не вышел встречать ее в коридор, не поцеловал и даже не спросил про собрание, Людмила поняла — что-то случилось. В груди больно екнуло.

— Рус, родной, — выдохнула в макушку и положила руки на плечи. Он сбросил их

резким движением.

— Почему ты не сказала?

От его ледяного тона Людмила застыла на месте. В висках тревожно запульсировало.

— Ты о чем?

— О приглашениях. Тех, что дал тебе Шталь.

Людмиле стало нестерпимо стыдно. Почувствовала себя как в детстве, когда бабушка находила вместо припрятанных к праздникам конфет пустой мешочек.

— Я не собиралась туда идти, — тихо сказала она. — Поэтому не сказала.

— Ты все решила? Одна?

Руслан действительно был в ярости. Она давно не видела его таким раздраженным. Сжатые губы, нахмуренные брови. Серые глаза словно выцвели, стали белесыми.

Бессильно опустилась рядом на диван. Навалилась какая-то усталость и апатия, будто бежала, сбивая ноги по пыльной степи, а за ближайшей сопкой оказалось не море, а опять выжженная равнина...

— Я не решала... — слова такие бесполезные, — забыла.

Руслан хмыкнул, вскочил, прошелся по комнате.

— Почему? Почему ты так поступила?

Людмила сжала зубы, чтобы не застонать. Она ненавидела эти бессмысленные допросы. Почти как и Антошка.

— Потому, что не хотела идти.

Глупо, глупо оправдываться...

— Ты могла бы спросить мое мнение!

В глазах закипели слезы. Горячие, они больно жгли глаза. «Не реветь, — привычно скомандовала себя Людмила.

— Могла. Но не спросила. Прости.

Ей очень хотелось, чтобы этот ужасный, нелепый, мучительный разговор поскорее

прекратился. Но Руслан в таких случаях был всегда неумолим.

— Ты должна была сказать мне. Должна! Ты это понимаешь?

Ну почему он говорит с ней как с ребенком?

Молча кивнула.

— Где эти приглашения?

Так же молча встала, пошла в коридор, достала из сумочки два узких плотных листка. Вернулась, все так же ни говоря ни слова. Руслан стоял, сложив руки на груди. Протянула приглашения. Он не спешил взять их, выдерживая паузу. Мучительно медленно протянул руку. Даже не взглянув, положил на столик, рядом со своим ноутбуком. Отвернулся. И вдруг безразлично произнес:

— Там в спальне на постели коробка. Можешь примерить.

Людмила удивленно застыла, не понимая.

— Платье. Там платье.

Она хлопала глазами, не веря собственным ушам.

— Ты купил мне платье?

— Не я. Это прислал Шталь. Платье для тебя и смокинг для меня. Сказал, что это костюмы для маскарада. Дресс-код. Прилагаются к приглашениям.

Людмила недоверчиво посмотрела на мужа.

— Ты хоть понимаешь, сколько это все стоит? — тихо спросила она. — Ты не думал, зачем все это Шталю?

Руслан только хмыкнул.

— Ты же сама сказала! Он чувствовал свою вину. Хотел загладить.

Людмила вдруг ощутила ту же злость, что на собрании. Посмотрела Руслану в глаза и сказала твердо:

— Я не хочу туда идти. Просто не хочу. Чувствую, что-то не так.

— Глупости! — Руслана, казалось, еще больше разозлили ее слова. — Беспочвенные подозрения! Доктор прекрасный человек! Умный и интересный! Ты должна гордиться, что

он проявил к нам интерес и фактически предложил дружбу!

Людмила сжала зубы и проглотила подступающие к горлу горькие слезы.

— Я не хочу. И вообще... твой доктор... Я боюсь его!

Руслан посмотрел на нее с жалостью. Будто на больную. Или умалишенную.

— Мой? Это ты потащила нас на прием к Шталю! Забыла? А теперь она его боится!

Людмила вдохнула, чтобы ответить. Что-нибудь злое и обидное...

Но внезапно поняла, что Руслан прав. Опять тяжелой бесформенной тушей навалилось чувство вины. Стало противно и тоскливо. Во всем виновата она сама. По щекам, обжигая, скатились горькие капли. Больше сдерживать слезы она не смогла.

Но Руслан будто и не замечал, что она плачет. Впервые.

Отошел к окну. Чужой. Безучастный.

— Я ничего не хочу слышать. Если бы ты сказала сразу — мы могли бы это обсудить. Ты сама сделала этот выбор. Хочешь ты или нет — я пообещал доктору Шталю, что я буду на этом маскараде. С тобой или без тебя.

Людмила вздрогнула, как от пощечины. Даже помутилось в глазах. Похолодела от страха... Без тебя... Он, правда, сказал это?

— Ты... ты... не можешь... как ты...

Последняя капля прорвала плотину ее терпения. Разревелась, в голос, навзрыд. Убежала на кухню, хлопнув дверь.

«Антошка... проснулся, наверное... — мелькнула последняя здравая мысль. Потом было просто отчаяние. Глухое, мертвое, выжигающее душу.

Согнулась пополам, будто от удара в живот, сползла на пол. Боль не отпускала, разливаясь в груди жаркими пульсирующими толчками.

Она ждала... Ждала, что сейчас Руслан войдет, поднимет ее с пола, отнесет на руках в постель. Как ребенка. Будет шептать глупые нежности.

Он так и не пришел. Когда кончились слезы, пошла в ванную. Умылась, стараясь не смотреть на свое опухшее лицо с красным носом. Тихо нырнула под одеяло. Спит? Или притворился? Ровное дыхание... Спит... Всхлипнула.

— Милочка... Прости... — теплые руки сгребли, обняли, прижали так, что нечем стало дышать. — Но и ты неправа... вывела меня из себя...

Опять потоком хлынули слезы... Сладкие, сладкие слезы. Родной...

— И ты... прости.

Обида, отчаяние растворялись в нежной радости, оставляя только горький вкус слез на губах. Открылась этой радости до предела, впустила, как свежий ветер.

Горячий шепот обжег ухо:

— Я заглянул в коробку. Оно такое красивое. Ты будешь неподражаема!

Радость погасла, будто задули свечу.

Ветер осторожно, будто боялся разбудить спящих, перебирал голые ветки деревьев за окном. Неживой тусклый свет фонаря заглядывал за штору, разбавляя темноту. Почти до утра Людмила пролежала с открытыми глазами и наблюдала за причудливо сплетающимися на потолке тенями.

В голове, как ночная бабочка в стекло фонаря, билась брошенная Русланом фраза: «Без тебя... Без тебя».

Из пыльного темного угла подсознания расползалась паника. Людмила отчаянно пыталась загнать ее обратно, но страх пропитывал ее, отравлял, лишал способности мыслить.

Без тебя... Без тебя... Он сможет без тебя. А ты? Быть как мама — то озлобленной не всю мужскую половину человечества, то заискивающе глядящей в глаза очередному кавалеру, что приводила домой, стыдясь самой себя и дочери? Нет! Ни за что!

Страх потерять Руслана, остаться одной, укоренился в душе Людмилы так глубоко, что сопротивляться было бесполезно. Вся ее разумность, решительность, твердость испарялись, словно сухой лед на солнце, как только накатывал панический ужас перед одиночеством.

Людмила вжалась в теплое, расслабленное ото сна тело мужа. Судорожно вздохнула. Руслан что-то пробормотал и, не просыпаясь, обнял ее крепче. Обида, злость, нежелание идти на этот странный вечер-маскарад показались Людмиле такими глупыми, надуманными. Поняла, что пойдет даже на костер аутодафе, только бы сохранить свой уютный мирок.

Людмила еще раз вздохнула, уткнулась носом в теплое сильное плечо, вдохнула родной запах.

Все утро она пыталась занять себя работой по дому, чтобы не думать о предстоящем вечере. Заставила Антошку убраться в ящиках стола, расставить по порядку диски с играми. Возилась на кухне, с какой-то яростной тщательностью надраивая до безупречного блеска фасады и полки. Перетерла все листья на комнатных цветах, до первозданной белизны довела подоконники. И изо всех сил старалась не встречаться взглядом с Русланом.

Он терпел ее упорное молчание и метание по дому почти до обеда. За столом тоже царил неловкая тишина. Антошка обиженно пыхтел, так как отец сообщил ему, что он

отправляется с ночевкой к бабушке — маме Людмилы. У бабушки не было интернета, а на его телефоне отец заблокировал доступ после того, что они с лучшим другом Максом на уроке алгебры сидели в интернете. Это обстоятельство делало поездку к бабушке ссылкой декабристов. По крайней мере, выражение лица у Антона было поистине мученическим. Наконец, положив ложку в пустую тарелку, Руслан произнес:

— Милая, ты так и не померила платье. Неужели тебе не интересно?

Людмила молча встала, собрала тарелки, поставила их в мойку. Повернувшись спиной, произнесла безразлично:

— Домою посуду — посмотрю. Главное, что понравилось тебе.

Почувствовала, как Руслан недовольно поджал губы. Вспышкой промелькнуло злорадство. Вспомнила, как он вчера выговаривал ей — такой же безразличный и холодный.

— Ты все еще не хочешь идти, — с укором произнес Руслан.

— Не хочу, — ответила она тихо, — но это же ничего не меняет?

Опять повисло неловкое молчание. Людмила чувствовала, как он Руслан мучительно подбирает слова, пытается побороть досаду.

Вдруг он встал, обнял за плечи, прижал к себе. Отобрал губку, поднес ее руку к губам.

— Милочка. Милая. Я пообещал. А потом, мы что часто ходим по клубам? Тем более таким роскошным. Ты давно мечтала куда-нибудь выбраться. И все оплачено.

Людмила выдернула ладонь из пальцев Руслана.

— Знаешь, где бывает бесплатный сыр?

— Ну почему ты так настроена?

Снова обнял, попытался поцеловать. Людмила уперлась ладонями ему в грудь.

— Мне нужно закончить с посудой. Если конечно хочешь, чтобы я была готова вовремя.

— Очень хочу! — просиял Руслан и неловко чмокнул ее в щеку.

Расставив в сушилке тарелки — аккуратно по размеру, и тщательно вытерев капли воды с мойки, Людмила со вздохом отправилась в ванную.

Нежась в мягкой ароматной пене — черный ирис и магнолия, любимый аромат Руслана, — она пыталась привести свои мысли в порядок. Тяжелое предчувствие чего-то неотвратимого давило виски тупой болью. Вспомнила уроки йоги, сосредоточилась на дыхании. Тревога немного отпустила, но затаилась, свернулась змеей.

Замотав голову полотенцем, Людмила грустно улыбнулась своему отражению. Некстати подумала, что опять заканчивается любимый тоник. А это минус тысяча рублей из семейного бюджета. Через два месяца Новый Год, и Антошка ждет планшетник. Но на косметике Людмила экономить не могла. Почти на всю дешевую косметику у нее была жестокая аллергия. Значит, опять придется редактировать левые статейки за гонорары. Ну ничего. Несколько бессонных ночей, и будет Антошке подарок.

Коробка с платьем, черная с золотом, ждала в спальне.

Пока сушила волосы, не отрывала от нее глаз, прислушиваясь к своим ощущениям. Совершенно не было радостного предвкушения перед примеркой обновки. Снова проснулась тревога, зашевелилась, заскреблась острыми коготками. Людмила осторожно приоткрыла крышку, как клетку с опасным зверьком. Упаковочная папиросная бумага зашуршала празднично и призывно.

Кончиками пальцев она аккуратно достала шелково-кружевное великолепие. Какое-то время, затаив дыхание, разглядывала его, не веря своим глазам.

Платье было великолепно. У Людмилы никогда не было такого. Да, собственно, и

мысль купить вечерний наряд в пол, о цене которого она даже не хотела догадываться, никогда не пришла бы в голову.

Черный шелк мягко мерцал из-под темно-бордовых кружев. Узкий лиф со шнуровкой, без бретелей не оставлял шанса для бюстгальтера. Это немного смутило Людмилу. В дополнение прилагалась бархатная маска в виде крыльев летучей мыши, черная с бордовым шелковым подбоем.

Людмила приложила ее к лицу. Из зеркала на нее посмотрело странное, немного зловещее отражение. Испуганно отложила маску в сторону.

Платье оказалось велико в груди. Шталь явно польстил Людмиле. Даже подтянув шнуровку, она не смогла подогнать его.

— Великолепно, — восхитился Руслан, заглянув в комнату. — Невероятно.

Подошел, взял в руки маску.

— Летучая мышь. Красиво. Загадочно. Тебе так идет этот наряд! Да, кстати, Шталь сказал, что его можно будет оставить на память. Только смокинг придется вернуть. Но зачем мне смокинг, правда?

— Ничего великолепного. Платье мне велико. Надену свое, то, темно-красное. Не ушивать же на живую нитку!

— Ну как хочешь, — Руслан разочаровано поджал губы.

Людмила едва сдерживала раздражение. Захотелось напомнить мужу про сыр и мышеловку. Но не стала. Или Руслан не желал замечать этого странного интереса к ним доктора Шталя, или у нее действительно просто пошаливали нервы.

Избавившись от вычурного и неудобного наряда, Людмила почувствовала себя лучше. Еще раз критично оглядела себя в зеркале. Уложила волосы в высокую прическу. Чуть тронула ресницы тушью, губы — темно бордовой помадой. Капелька любимых духов «Маленькое черное платье» от Герлен.

В крови бурлила острая смесь возбуждения и неясного страха. Сердце замирало, дыхание сбивалось.

Маска спряталась в кружевную черную сумочку-кисет. Людмила осторожно затянула тесемки, словно маска была живой и могла выбраться наружу.

— Милая, такси будет через пятнадцать минут!

Руслан вошел в спальню, уже одетый в смокинг, и Людмила невольно залюбовалась мужем. Раздражение и страх отступили. Улыбнулась, провела кончиками пальцев по гладко выбритой щеке.

— Отчего мужчинам так идет смокинг?

— Оттого же, отчего женщинам — красивые платья. Ты само совершенство, — ответил он, осторожно целуя ее в щеку.

Антошка, серьезный и обиженный, сидел на пуфике в прихожей, уже одетый и с рюкзаком. Исподлобья глянул на родителей и вдруг заулыбался, восторженно и удивленно.

— Мам... ты такая... прям королева фей!

— Спасибо сынок, — Людмила взъерошила его русые вихры. — И, кстати...

Открыла сумку, достала оттуда свой мобильник.

— Держи. У меня безлимитный интернет подключен. Пользуйся.

Антон благодарно просиял.

Руслан подал ей пальто.

«Хорошо, что сегодня нет дождя, — подумала Людмила. В октябре на улице в легких

туфлях на высокой шпильке было странно.

Таксист — пожилой интеллигентного вида дядечка в смешной лыжной шапочке, посмотрел на Людмилу в зеркало заднего вида и вдруг подмигнул. Или ей показалось?

Антошку высадили на углу Английского проспекта и улицы Декабристов, напротив Дома-Сказки. Мама Людмилы уже стояла у края тротуара, всплеснула руками, попыталась отобрать у него рюкзак, правда безуспешно, помахала рукой Людмиле и Руслану. Людмила махнула ей в ответ и невольно покосилась на темные окна офиса доктора Шталя. Опять глухо и больно стукнуло сердце.

— Теперь куда? — спросил таксист, — запомнил что-то...

— Клуб «Синий Попугай», на Литейном, сорок семь, — ответил Руслан.

— Отлично, — отозвался весело таксист. Веселость показалась Людмиле вовсе неуместной.

Над тяжелыми дверями из непрозрачного черного стекла в медных рамах светился неонем большой ярко-синий попугай. Швейцар в цилиндре и черном плаще, бесстрастный и молчаливый посмотрел на приглашения, протянутые Русланом, и распахнул двери. Людмиле показалось, что сердце ее перестало биться, когда она судорожно вцепившись в руку мужа, шагнула через порог.

Двери закрылись за ними с негромким стуком. Полумрак холла звучал негромкой музыкой, не то джазом и не то свингом, обволакивал сдержанными ароматами: кофе, изысканной еды. Вплетались как разноцветные ниточки, женские и мужские духи, то строгие, то тяжеловатые, легкий запах хорошего табака. Темно-красный ковер на полу и стены, обитые мягким черным бархатом, скрадывали шаги. Бра из молочного стекла в виде лепестков подсвечивали потолок ровно настолько, чтобы этот полумрак перестал быть темнотой. Единственным ярким пятном в интерьере было красное платье на женщине лет тридцати. Женщина радушно сверкнула белозубой улыбкой:

— Добро пожаловать!

Шаги до высокой стойки из лакированного черного дерева дались Людмиле непросто. Непривычно высокие каблуки норовили подвернуться на мягком ковре.

Руслан выложил на стойку приглашения. Женщина просияла:

— Счастливы принять особых гостей. Прошу меня простить, но прежде чем пройти в зал, необходимо заполнить анкету гостя. Мы должны быть твердо уверены в ваших предпочтениях, чтобы доставить максимум удовольствия.

Она положила перед Русланом листок дорогой мелованной бумаги с эмблемой клуба в верхнем левом углу и ручку. Людмилу удивило, что анкета была только одна. Она вопросительно посмотрела на женщину-портье, но та лишь таинственно улыбнулась.

Заглянув в листок, она попыталась прочитать вопросы анкеты. Текст расплывался перед глазами. Людмиле очень хотелось достать очки из сумочки и прочесть, что там написано, но ей показалось это неудобным.

Руслан, наконец, закончил ставить галочки и протянул листок портье.

Женщина мельком взглянула на анкету, и произнесла:

— Теперь прошу надеть маски. Ваш столик под номером восемь. Приятного отдыха.

Людмила, вздохнув, распустила завязки сумочки и достала маску Летучей мыши. Руслан помог ей завязать ленты на затылке. Сам достал из внутреннего кармана простую черную бархатную полумаску. Опять у Людмилы сбилось дыхание от непривычных ощущений — мир сузился до прорезей маски, шелковая подкладка ласково льнула к коже, чувство

несвободы и страх неизвестности добавил адреналина, заставил задрожать.

Портье вышла из-за стойки и отодвинула занавесь.

Зал оказался небольшим. Такой же приглушенный свет, интерьер, выдержанный в черно-бордовых тонах. Официант во фраке с белой манишкой и черной бабочкой молча проводил их к столику рядом с полукруглым подиумом. Осторожно присев на услужливо пододвинутый стул, Людмила осмотрелась.

Почти все столики были заняты. Мужчины как один в смокингах, женщины в изысканных вечерних нарядах. Лица скрыты масками: простыми, как у Руслана или вычурными: с перьями и сверкающими камнями. Негромкая музыка, хриплый волнующий голос саксофона и медленные, глубокие, отдающиеся толчками внутри перебаты ритма.

Меню им никто не подал. Столик был уже сервирован, и Людмила удивленно заметила, что выбор блюд и напитков был явно специально подобран. Руслан, оглядел стол и тоже казался слегка растерянным.

Бесшумно появился молчаливый официант с бутылкой вина. Склонился к Руслану, показывая этикетку. Тот кивнул и указал на Людмилу. Официант плеснул в ее бокал немного рубиновой жидкости. Людмила пригубила и едва не зажмурилась от удовольствия. Вино оказалось превосходным — в меру терпким, слегка вяжущим, с богатым фруктовым вкусом. Она кивнула, соглашаясь с выбором. Официант немедленно наполнил оба бокала и, поставив бутылку на стол, снова растворился.

Какое-то время они ужинали молча, осторожно разглядывая зал, публику и посматривая друг на друга. Хотя музыка звучала так, что совершенно не мешала разговору, отчего-то нарушить молчание никто из них не решался. Официант появлялся все так же беззвучно, чтобы подлить вина или сменить тарелки.

Но хорошее вино, спокойная и приятная атмосфера в зале делали свое дело. Нервное напряжение отпускало, даже ощущение шелковой подкладки маски на лице перестало тревожить Людмилу. Руслан, наконец, нарушил молчание, похвалив выбор вина и кухню. Людмила в ответ — изысканный интерьер и безупречное обслуживание.

Какое-то время они перебрасывались короткими фразами, а вскоре разговор стал и вовсе непринужденным. Руслан начал вспоминать, когда же они в последний раз были в ресторане, а Людмила сразу припомнила корпоративную новогоднюю вечеринку два года назад, когда они участвовали в танцевальном конкурсе и выиграли главный приз — бутылку шампанского.

Постепенно музыка стала громче, ритм — более четким. Добавилось света. Девушки с зажженными свечами на раскрытых ладонях в полупрозрачных туниках встали у каждого столика и замерли будто статуи. Бесстрастные лица, опущенные глаза живо напомнили Людмиле Еву — покорную подружку Шталя.

— Добрый вечер, друзья! — низкий грудной голос, усиленный динамиками, прорвался сквозь рваный ритм свинга.

На полукруглом подиуме возник женский силуэт, освещенный со спины.

— Время начинать. Сегодня не совсем обычный вечер. Среди нас особые гости. Поэтому напомню. Все что вы увидите — происходит по доброй и осознанной воле участвующих. Если действие кажется гостю неприемлемым — он должен молча покинуть зал. Вмешиваться в представление недопустимо.

Людмиле вдруг стало жутко. Она посмотрела на лицо Руслана. Под маской невозможно было угадать его чувства. Он напряженно смотрел в сторону подиума, комкая в руке

салфетку.

Сцену залило кроваво-красным светом. Зловещий и трагичный хор «Кармина Бурана» заполнил пространство, загрохотал рокочущий ритм барабанов. Появился мужчина в длинном темном плаще, который он скинул эффектным жестом, оставшись в обтягивающих кожаных штанах и белой рубаше с отложным воротником и манжетами. На лице — бархатная полумаска.

Больше всего он напоминал фокусника. Театральным жестом взмахнул плащом, и вдруг под ним оказалась девушка. Босая, с рассыпавшимися по плечам светлыми волосами. Тоненькая, хрупкая. На ее личике, бледном, застывшем, маски не было. Из одежды — лишь прозрачная туника, как на тех, что замерев, так и стояли в зале со свечами на раскрытых ладонях. Сквозь пронизанную лучами софитов тонкую ткань просвечивала обнаженная грудь и узенькие полоски стрингов. Людмила почувствовала, как к ее щекам приливает кровь, а в висках начинает стучать. Но девушку, похоже, ее наряд ничуть не смущал.

Щиколотки охватывали кожаные широкие браслеты с металлическими кольцами. Такие же, немного уже — на тонких запястьях, а изящную высокую шею — кожаный ошейник с кольцом.

Мужчина обошел кругом застывшую на месте девушку. Откинул назад ее волосы, погладил по щеке. Склонившись к самому уху, что-то шепнул. Девушка медленно спустила с плеч тунику, позволив ей соскользнуть к босым ступням.

Людмиле казалось, что у нее пылают даже уши, она тяжело дышала, и сцепила пальцы, чтобы они не дрожали.

Откуда-то сверху спустили цепи, и мужчина закрепил их концы внизу. Потом пристегнул карабинами руки и ноги девушки к цепям, практически распяв ее между ними. Медленно, почти нежно, будто наездник, успокаивающий лошадь, мужчина оглаживал ладонью ее вздрагивающее тело. Потом взял из рук поднявшегося на сцену помощника черный кожаный хлыст. Вроде тех, что используют жокеи.

Людмила начинала понимать, что за представление предстоит им увидеть. Снова она вспомнила лицо Евы, ласкавшей себя в гостиной Шталя и ее срывающийся шепот: «Пожалуйста, Мастер».

Ее разрывало на части жгучее любопытство и страх. Хотелось убежать, но она не могла оторвать глаз от этой странной пары. Острая жалость к незащитной нагоде жертвы и страх перед ее мучителем мешались вместе, закручивались в тугую спираль возбуждения.

Людмила вздрагивала всем телом вместе с этой девушкой, когда на ее белую кожу опускался черный кожаный хлыст, и на месте удара проявлялся багровый след, будто нарисованный губной помадой. Людмиле казалось: это она, нагая, безвольно распята на цепях. Смятая страхом и диким животным возбуждением, смешавшимися в одно чувство без названия, она едва сдерживалась, чтобы не закричать.

В тот миг, когда девушка забилась в сладких судорогах, она чуть не разрыдалась.

Больше не в силах сдерживаться, Людмила оторвала, наконец, взгляд от сцены и вдруг с ужасом поняла: она одна. Руслана за столиком не было. Вскочила, едва не опрокинула стул и бросилась вон из зала.

За стойкой портье никого не было. В растерянности, едва не теряя сознание от охватившего ее страха, Людмила метнулась к лестнице, ведущей куда-то вверх. Будто в том своем сне увидела призрачный голубоватый свет и наверху в полутьме коридора фигуру старика в шляпе с высокой тульей. Нестерпимо захотелось убежать. Но вдруг вспомнился

грустный ломкий старческий голос: «Ты можешь его вернуть, если сделаешь правильный выбор». Поняла, что должна найти Руслана. Похолодев от ужаса, начала подниматься по ступенькам...

Безумный ритм барабанов, сливался в унисон с ее пульсом, подчинял его себе. Она шла по коридору, безнадежно и отчаянно дергала ручки закрытых дверей. Предпоследняя оказалась приоткрытой. Несколько шагов на слабеющих ногах...

Сердце казалось, выпрыгнет из груди. Дышать было тяжело, воздух стал густым и горячим. Дрожащими пальцами сжала холодную ручку двери. Шагнула вперед, в полутьму, пропитанную запахом вербены и горящих свечей.

Дверь захлопнулась, отрезав пути к отступлению. На фоне освещенного окна чернел силуэт... Незнакомец медленно повернулся к ней. Маска... черная полумаска... Людмила вдруг поняла, что ноги ее больше не держат, и упала на колени...

Ее подхватили сильные руки, уложили на кровать, она чувствовала тонкий запах лаванды и нежное прикосновение шелка, и видела сквозь полузакрытые веки приглушенный свет. Она не хотела знать, чьи руки снимают с нее одежду. Задрожала от прохладного воздуха и охлаждающей кожу ткани, и тут же попала в плен горячих, настойчивых, страстных прикосновений. Кусала губы, чтобы не кричать, и ее ухо обжигал хриплый шепот.

Где-то на самом дне сознания она была уверена, что это ее муж, любимый, родной. Но не узнавала его. Его руки, губы, тело словно стали другими — неизвестными, властными, почти грубыми, и от того еще более возбуждающими. Греховность этой близости придавала ей особый жгучий и горький оттенок, доводила до исступления.

Она уже не понимала сон это или явь, потеряла ощущение реальности.

Ей снилось, что ее тело лижут языки адского пламени, и проснулась от собственного крика и прикосновения горячих сухих губ.

Она распахнула глаза и облегченно выдохнула.

Руслан, уже полностью одетый, смотрел на нее лукаво и восхищенно. Людмила жарко покраснела под его взглядом. Села в постели, натянув одеяло до подбородка. Опустошенная, смятая, выбитая из колеи.

— Как ты мог?

Горло саднило, будто от насыпанного песка.

— Что это было? Что-то в вине?

Восхищение в его взгляде сменилось беспокойством.

— Конечно, нет! Как ты себя чувствуешь? Что-то болит?

Руслан взял ее запястье, привычно нащупал пульс.

Людмила раздраженно вырвала руку.

— Я чувствую себя обманутой.

Руслан посмотрел на нее с укором.

— Мне показалось, тебе понравилось. По крайней мере, я пытался сделать для этого все.

Разве не так?

Людмила натянула одеяло повыше. Впервые она стеснялась своей наготы перед мужем. В голове вдруг промелькнули бесстыдные картинки их безумной ночи.

— Ты же не думала, что я позволю причинить тебе вред? — продолжил Руслан. — Это была всего лишь игра.

— Игра?! Так ты все знал? — пустоту в груди медленно начинала заполнять злость и обида. — Знал...

Руслан усмехнулся.

— Не во всех подробностях, кое-что и для меня было сюрпризом.

— Кое-что...

Людмила рывком откинула одеяло и, глотая слезы, начала одеваться. Руслан попытался ее обнять, она резко отстранилась. Тело била нервная дрожь, хотя в комнате было тепло. Остро ощутила ностальгию по любимому вязаному платью.

Руслан терпеливо ждал, пока Людмила оденется. Потом подошел и накинул ей на плечи свой смокинг. Мягкое сукно слегка покалывало кожу, но сразу стало теплее. Людмила передумала гордо скидывать его. Запахнулась поплотнее. И хотя все еще злилась, почувствовала, как обида постепенно отпускает. Ничего страшного не произошло... Но почему она чувствует себя преданной и обманутой?

В дверь осторожно постучали.

— Входите, — отозвался Руслан.

Дверь распахнулась, и официант вкатил сервировочный столик. Тарелки под блестящими колпаками, фаянсовый кофейник, пузатый глиняный чайник, чашки и плетеная корзинка со свежими булочками, от запаха которых закружилась голова.

— Ваш завтрак, — вежливо произнес официант. — К которому часу заказать такси?

Руслан посмотрел на наручные часы.

— К десяти, пожалуйста. Милая, нам же хватит тридцать минут на завтрак?

Людмила вдруг поняла, как смертельно устала.

— Я хочу домой. С меня довольно этих игр.

После злосчастного маскарада в клубе «Синий попугай» прошло около недели. Обида на мужа не отпускала Людмилу, отравляла мысли, заставляла постоянно возвращаться во сне на полутемную лестницу, едва освещенную призрачным голубоватым светом, чувствовать, как рвется из груди сердце и подкашиваются ноги, а темный силуэт мужчины у окна вдруг становится жутким стариком в шляпе, протягивающим костлявые пальцы к ее горлу.

Людмила просыпалась от собственного крика, но не прижималась к теплому плечу мужа, как обычно, а вставала, шла на кухню и долго стояла у окна, вглядываясь в темноту и пытаясь унять боль в груди.

Ей очень хотелось, чтобы Руслан почувствовал свою вину, только он будто ничего не замечал. Только утром, за завтраком, допивая кофе, как бы между прочим, сказал:

— Родная, ты плохо спишь в последнее время. Будешь встречаться с доктором Шталем по работе — расскажи ему. Думаю, он тебе поможет.

Людмила едва не расхохоталась ему в лицо. Истерически. Шталь и страшный старик из ее сна постепенно становились для нее единым целым. Она вообще не представляла, как сможет встречаться и спокойно разговаривать с человеком, который стал для нее олицетворением ее ночных кошмаров.

Людмилу тревожило, что этот совершенно иррациональный страх начинает мешать ее работе. Большова дала на разработку первого выпуска «Клуба разбитых сердец» всего неделю, а дело так и не сдвинулось с мертвой точки. Сам доктор не спешил с предложениями, ожидая первых шагов от Людмилы. А она не могла заставить себя даже позвонить ему.

Наконец, в среду она решила поручить эту неприятную миссию Светочке. А для того, чтобы не вызвать у секретарши бурю негодования, перед работой заскочила в магазин и купила большую шоколадку «Линд». Светочка обожала швейцарский шоколад.

С утра она прямиком направилась в приемную и торжественно положила шоколадку на стол перед Светочкой.

Та похлопала длиннющими ресницами со стразами:

— Вы чего, Людмила Евгеньевна?

Людмила улыбнулась ей своей самой обворожительной улыбкой.

— Сделай одолжение. Позвони, пожалуйста, доктору Шталю, спроси, он подготовил материал для клуба «Разбитых сердец»?

Светочка снова захлопала ресницами. Казалось, что от взмахов ее невероятных ресниц, по приемной гуляет сквозняк.

— А сами-то что?

— Ты его так очаровала, — Людмила заговорщицки понизила голос, — тебе он точно не откажет. А то что-то пообещал и молчит. А мне уже и напоминать неудобно.

Светочка просияла.

— Ой, правда? Он такой импозантный!

— Истинная правда! Ну что, позвонишь?

Светочка вытащила изорта жвачку, положила ее на подставку настольного прибора, взялась за телефонную трубку и вопросительно посмотрела на Людмилу.

Та по памяти набрала номер Шталь.

— Борис Робертович? — медовым голоском промурлыкала Светочка в трубку. — Светлана из редакции «Ивана да Марьи». Простите за беспокойство. Да, я по поводу материала для рубрики. Готов? Как замечательно! Вышлете на почту? Нет? Жаль. Людмила Евгеньевна? Нет, что вы! Все в порядке. Почему я? Ну...

Светочка беспомощно посмотрела на Людмилу. Та сделала страшные глаза и отрицательно покачала головой, произнеся одними губами слово «Нет!».

— Людмила Евгеньевна приболела. А Екатерина Васильевна дала задание позвоните вам. Нет-нет. Не серьезно. Хорошо, я передам.

Светочка положила трубку, слегка разочарованная. Она явно надеялась на то, что Шталь как минимум пригласит ее в роскошный ресторан.

— Он просил вам передать, — произнесла Светочка, надув капризно губки, — что очень ждет вашего звонка, Людмила Евгеньевна. И материал передаст только вам лично.

Людмила вздохнула. Номер не прошел. Светочка проводила ее взглядом, в котором явно читался вопрос: «И что он нашел в этой дамочке за тридцать?».

Когда Людмила подходила к двери своего кабинета, то услышала через дверь рингтон своего мобильного. Благодарный за предоставленный интернет Антошка поставил ей саундтрек из какой-то игры, которую он называл «финалка», красивую, но довольно агрессивную инструментальную мелодию. Рингтон Людмиле нравился, но привыкнуть к нему она еще не могла.

Доставая из сумочки телефон, Людмила даже не посмотрела на номер звонившего абонента. Сердце больно стукнулось в груди. Поднесла к уху телефон и уже знала, чей голос услышит.

— Людмила?

— Здравствуйте, доктор, — выдавила из себя она.

— Вы больны? Что-то серьезное? — голос Шталь был таким озабоченным, что Людмиле стало смешно и страшно одновременно.

— Все в порядке. Обычная простуда. Спасибо за заботу, право не стоило.

— Я хотел убедиться, что с вами все хорошо. Материал, о котором мы договаривались готов. Но прислать почтой я его не смогу. Понимаете, это врачебная этика. Я покажу вам записи, касающиеся личной жизни моих пациентов, вы запишете отдельные факты, которые посчитаете нужным, но только без упоминания реальных имен и фамилий, конечно же.

Людмила поняла: доктор хочет, чтобы она приехала к нему в офис. Снова ее охватил почти неконтролируемый страх. Дом-Сказка... высокая лестница и голубоватый свет...

— Н-н-нет, — у нее даже стукнули зубы, — в ближайшее время я приехать сама не смогу. Может быть, я пришлю кого-нибудь другого? Время поджимает, а я не знаю, когда смогу справиться с простудой...

— Вряд ли я смогу доверить такую информацию кому-то кроме вас, — спокойно и твердо ответил Шталь. — Значит, отложим это до вашего выздоровления.

Людмила едва не застонала. Она не хотела больше видеть этого человека! Ее охватывала злость и отчаяние. Что ему нужно от нее и ее мужа? Почему он не оставит их в покое!

— Значит, отложим, — резко бросила она в трубку и швырнула телефон на стол.

Отошла к окну, задыхаясь от подступивших к горлу злых слез.

Стекающие по стеклу струйки дождя чертили замысловатые иероглифы. На мокрых перилах Певческого моста уныло висел невесть откуда взявшийся почти сдутый,

сморщенный воздушный шарик. Людмиле вдруг подумалось, что она — будто этот шарик, бледный и жалкий отзвук чьего-то праздника. Вспомнила, какими счастливыми и благодарными они вышли из кабинета доктора после первых двух встреч. Думалось: он, и правда, им помог. А теперь все оказалось ошибкой. Зачем она потащила Руслана к доктору?

От безрадостных мыслей ее оторвал тихий звон ударившегося о подоконник кольца... Опять она не заметила, что крутит его на пальце. Нагнулась, чтобы поднять кольцо, и вдруг расплакалась. Горько, безутешно.

«И что ты реवेशь?» — сказала она сама себе, всхлипывая и глотая слезы. «Ты виновата сама во всем. И исправить можешь только ты. Забыть о своих глупых страхах и обидах. Пойти до конца. Сделать все, чтобы сохранить свое счастье. Никто не сделает этого за тебя. Ни Руслан, ни доктор Шталь. Только ты сама».

Она поняла вдруг, что доктор затеял какую-то игру. Пока ей непонятную и поэтому пугающую. И отступать явно не намерен. А значит, придется играть. Пока по его правилам. А там — поглядим!

Выпрямилась, разжала стиснутые до побеления пальцы. Вытерла тыльной стороной ладони слезы. Порылась в сумочке, достала пудреницу и привела в порядок лицо.

«Ну что же. Вся наша жизнь — игра. Значит, будем играть, доктор Шталь.»

От принятого решения Людмиле вдруг стало легче. Уже почти спокойно она взяла со стола отброшенный телефон. Нашла последний входящий звонок и нажала кнопку вызова.

Впервые «Китайский танец» из Щелкунчика в трубке не вызвал у нее мурашек по спине. Просто мелодия... приятная даже.

— Доктор, знаете, я передумала. Я могу приехать сегодня? В шесть? Отлично. До встречи.

Потом она позвонила Руслану и попросила после работы забрать ее из офиса Шталя. Муж очень удивился, и, как ей показалось, обрадовался этой новости. Эта радость царапнула Людмилу, но она подавила в себе досаду. Нужно было сосредоточиться на предстоящей встрече. Не дать обращаться с собой как с безвольной куклой. Стать игроком.

В офис доктора Людмила приехала точно к шести. Решительно взялась за массивную медную ручку тяжелой двери парадной, заставила себя дышать ровно, прислушалась к стуку сердца. Похвалила себя. Оно стучало почти ровно.

Спокойно, стараясь не сбить дыхание, поднялась по лестнице. Нажала на звонок.

Дверь открыла помощница Шталя, Мария, уже одетая в пальто.

— Проходите, доктор вас ждет, — сказала она, улыбаясь дежурной улыбкой.

Людмила решительно прошла через приемную сразу в кабинет.

Шталь сидел за письменным столом, разбирая бумаги. Глянул на Людмилу из-под очков, улыбнулся.

— Прощу, прощу. Марию я уже отпустил, так что чай приготовлю сам.

Доктор отложил бумаги и встал из-за стола.

— Да вы присаживайтесь.

Людмила сняла пальто, аккуратно положила его на спинку кресла и опустилась на сиденье, борясь с ощущением неловкости. Ей не нравилось, что они с доктором наедине в офисе. Присутствие Марии даже за пределами кабинета было бы кстати. Несколько раз Людмила глубоко вдохнула и выдохнула. Стало немного легче.

— Вы неплохо выглядите для больной, — с иронией заметил доктор. — Признайтесь, вы просто не хотели со мной встречаться.

Людмила, было, смутилась и нервно заерзала в кресле. Но потом поняла: это тоже часть игры. Психологический эксперимент. Чувствовать себя подопытным экземпляром было обидно. Но обида помогла ей побороть смущение.

— Признаюсь, — ответила она, твердо и спокойно. — Простуда была отговоркой.

Доктор колдовал над приготовлением чая где-то у нее за спиной: шумел закипающий чайник, тихо звякала посуда.

— И чем я заслужил вашу немилость? — шутливо спросил Шталь, ставя перед Людмилой на низкий стеклянный столик чашку. — Вы все еще обижены? И, как мне известно, маскарад вам не понравился? Мне очень-очень жаль, поверьте. Я, правда, думал вас порадовать и развлечь.

Людмила стиснула зубы, чтобы не выдать свое разочарование. Рассказать Шталю о маскараде мог только Руслан. Так больно и горько ощутила себя преданной. Она наивная, думала, что муж на ее стороне.

Не без труда справилась с собой, помолчала, продумывая ответ.

Взяла в руки чашку, погрела пальцы о теплый фарфор. Отпила маленький глоток. Поставила ее обратно. «Никогда не делай паузу, если в этом нет необходимости, но если взяла — держи её!» — вспомнилась ей фраза ее любимой Джулии из романа «Театр» Моэма.

И Людмила держала. Наконец, когда поняла, что окончательно заинтриговала Шталя своим многозначительным молчанием, спокойно произнесла.

— Ну отчего же? Маскарад удался. Очень занимательный получился вечер. Правда, не думала, что мой муж будет обсуждать нашу личную жизнь без моего ведома. Вы просто заколдовали его. Знакомство с вами, доктор, сделало моего мужа другим человеком. Наверное, вы волшебник.

Шталь усмехнулся, бравада Людмилы явно его забавляла.

— Никакого волшебства! Так вы не ответили на мой вопрос: отчего вы избегали встречи со мной?

— Позвольте мне не отвечать, — ответила Людмила решительно. — Давайте вернемся к нашей общей работе.

— Да бога ради! Не смею настаивать.

Шталь взял со стола какую-то папку и подошел к Людмиле.

— Я подобрал расшифровки аудиозаписей моих бесед с пациентами. Несколько случаев, думаю, вполне могут стать материалом для выпуска клуба «Разбитых сердец».

Людмила приняла из рук Шталя бумаги, стараясь не коснуться его, но все-таки вздрогнула от прикосновения прохладной ладони и уронила папку.

Доктор внимательно посмотрел Людмиле в глаза. Она замерла от неприятного ощущения, будто Шталь роется в ее голове. «Глупости. Это невозможно!» — успокоила сама себя. Но ощущение осталось... туманом начала расползаться паника.

— Отчего вы меня боитесь? — вдруг спросил доктор тихо.

— Я... — ее решительность и спокойствие растворились в липком ощущении страха, — не боюсь.

— Не лгите, — голос доктора стал строгим. — Я чувствую ваш страх с первого посещения. Причем он связан не только со мной. И скорее всего тут виной детская травма.

Шталь вдруг сильнее сжал ее ладонь и, не отводя глаз, произнес мягко:

— Я могу помочь. Пожалуйста, доверьтесь мне.

Людмила вырвала руку. Раздражение снова помогло справиться со страхом.

— Доктор, мне не нужна помощь.

— Ну как хотите, — Шталь поднял с пола папку, положил на столик и вернулся обратно к письменному столу.

Людмила достала записную книжку и ручку и начала просматривать бумаги, время от времени делая пометки.

Доктор терпеливо ждал, пока она закончит. Людмила аккуратно сложила листки в папку, защелкнула металлический зажим.

— Спасибо, доктор. Действительно, очень занимательные истории. Думаю, Екатерина Васильевна будет довольна. Текст я вам пришлю по электронной почте.

Она отложила папку на столик, встала, одернула юбку, взяла пальто и сумочку:

— Ну что же, мне пора. Еще раз, спасибо.

— Я тоже собираюсь домой. Может вас подвезти? — спросил Шталь и поднялся, чтобы проводить ее.

— Не стоит, — ответила Людмила. — За мной должен заехать муж.

— Вы будете ждать его на улице? Там холодно и дождливо. Может, подождете здесь?

Людмила злилась на Руслана за его опоздание. Подозрение, что он специально задержался, обожгло резкой болью, но она прогнала эту мысль. Хотелось быстрее уйти, но перспектива стоять на холодном ветру не радовала.

— Хорошо, я, пожалуй, подожду его звонка у вас.

Шталь одобряюще улыбнулся. Помолчал. Снял очки и потер переносицу. И вдруг с него будто упала маска уверенности и лоска — немолодой усталый человек после тяжелого рабочего дня.

— Знаете, я хочу открыть вам один профессиональный секрет. Раз уж вы упрямо отказываетесь от моей помощи. Это прием гештальт терапии, очень эффективен при снятии детских комплексов и страхов. И это довольно просто.

Людмила хотела возразить, что у нее нет никаких страхов. Но доктор посмотрел на нее так, что солгать снова она не смогла.

— Четко представьте себе ситуацию, которая травмировала вас в детстве. И проживите ее заново. Так, чтобы получить результат — неважно плохой или хороший. А потом попробуйте его принять. Смириться с ним. Вот увидите, страх уйдет. Обещайте попробовать.

Шталь снова устало улыбнулся. Людмила впервые почувствовала к нему симпатию. И вдруг, сама не зная отчего, ответила:

— Обещаю. Спасибо, доктор.

— Может, после этого вы начнете мне доверять?

Теплое чувство, едва зародившись, умерло.

— Зачем вам это все, доктор? — спросила Людмила прямо и жестко.

— Что это? — удивился Шталь.

— Я и мой муж. Мы для вас новый психологический эксперимент, не так ли?

Шталь прищурился, снова став удивительно похожим на старика Дроссельмейра из ее сна. — Не стану лгать. Вы оба очень мне интересны. Как пациенты. И как...

Доктор замолчал, словно сказал больше, чем хотел.

— Как кто? — Людмила твердо решила идти до конца.

Шталь помолчал, видимо обдумывая ответ.

— Вы умный человек, Людмила. И, думаю, давно поняли, что мой образ жизни выбивается из обычных представлений об отношениях мужчины и женщины.

— Это ваше личное дело, — холодно ответила Людмила. — Какое отношение это имеет к нам? Вы что, вербовщик?

Шталь рассмеялся:

— Конечно, нет. Такого рода игры не терпят популяризации.

— Но для чего тогда все? — Людмила искренне не понимала. — Демонстрация с Евой, маскарад?

Ей показалось, что Шталь смутился.

— Возможно, я слишком поторопился. Впервые за свою практику встретил пару, так точно резонирующую...

Доктор снова замолчал, то ли жалея, что сказал лишнее, то ли подбирая слова.

— Я не понимаю. — Людмила все больше злилась.

— Ваш муж, Людмила, — Шталь улыбнулся, грустно и немного виновато, — испытывает потребность в доминировании. Сильный властный характер, ответственная работа, требующая жесткости, а иногда и жестокости, трудных решений. Помните, что я сказал вам о потребностях и их подавлении? Так вот, эта потребность вашего мужа будет искать выход. И будучи неудовлетворенной — проявляться стрессами, постоянным недовольством, скандалами.

— То есть вы предлагаете мне стать добровольной жертвой?

Людмила снова вспомнила лицо Евы, безумное обожание в ее глазах. Рабскую покорность и молчание. Вздогнула и зябко повела плечами.

— Жертвой? — Шталь усмехнулся. — Вовсе нет. Все не так, как кажется на первый взгляд. Каждый сам выбирает для себя роль в игре. Сегодня я убедился, что ваша роль — точно не пассивная. Вы, оказывается, игрок, Людмила. И игрок азартный. Ведь именно поэтому вы передумали и пришли? Решили сделать свой ход?

Людмила выдержала прямой и насмешливый взгляд Шталя.

— Правила игры диктуете вы, доктор, — ответила она немного хрипло.

— Опять вы ошибаетесь. Правила устанавливают игроки. Даже те, кто сам выбрал подчиненную роль. Кстати, именно они определяют во многом ход всей игры. В их руках находится главный рычаг. От них зависит, когда игра прекратится.

Людмила не могла уловить весь смысл их странного разговора, и испытывала легкое головокружение, будто от бокала шампанского.

Доктор молчал, давая ей возможность осмыслить сказанное. Людмила тоже не находила слов. Молчание становилось тягостным.

Громкий звонок телефона Людмилы заставил ее вздрогнуть и вздохнуть облегченно. Она достала из сумочки мобильник. Звонил Руслан.

— Да, милый. Мы закончили. Спускаюсь.

Людмила встала, взяла пальто.

— Спасибо за помощь, доктор. Мне пора.

Шталь подошел, чтобы помочь ей одеться.

— Подумайте о сказанном, — сказал он тихо.

Людмила вышла из подъезда, и холодный ветер с моросью хлестнул по щекам, словно в наказание. Она вздрогнула, подняла воротник пальто и почти бегом направилась к знакомой машине. Уже не новый, любимый Русланом темно-синий «Фольксваген Гольф» приветливо моргнул фарами.

Руслан приоткрыл пассажирскую дверь, Людмила скользнула в теплое уютное нутро

автомобиля, с удовольствием вдохнула родной запах — диоровский «Омм» и цитрусовый освежитель. Сидение было теплым, муж предусмотрительно включил подогрев.

Руслан чмокнул ее в щеку.

— Здравствуй, родная. Как прошла встреча? Удачно?

— Да, доктор подобрал интересный материал.

— О чем еще говорили?

Интерес, что прозвучал в вопросе, подхлестнул ее обиду на мужа: за то, что рассказал Шталю, за маскарад и опоздание. Захотелось бросить ему в лицо резко: «А о чем должны были?». Едва сдержалась и ответила спокойно и отстраненно:

— О тебе.

— И что именно? — удивился Руслан.

— Я не хочу сейчас рассказывать.

С большим трудом Людмила сдерживалась, чтобы не выплеснуть наружу раздражение и злость. Руслан посмотрел на нее недовольно. Он явно не ожидал от нее такого ответа.

— Почему?

— Поехали домой, я устала.

Скорее почувствовала, чем увидела, как Руслан нахмурился. Отвела глаза и стала смотреть в окно, где сквозь стекло, расчерченное каплями наискосок, как тетрадка для первоклашки, мелькали нечеткие огни уличных фонарей, ярко освещенные витрины. Вечерний город скрашивал хмурую дождливость искусственной неживой радостью иллюминации.

До самого дома они не сказали друг другу ни слова. Теплый кокон подогретого сидения расслаблял, раздражение начинало растворяться, внутренний голос нашептывал ей о том, что ее обида и подозрения глупые и надуманные. Но Людмила твердо решила не поддаваться. Она решительно выключила подогрев и прислонила ладонь к холодному стеклу окна. Краем глаза поймала непонимающий взгляд мужа и демонстративно отвернулась.

Антошки дома не оказалось, он засиделся у Макса. Мальчишки, оба заядлые болельщики «Барселоны» смотрели футбольный матч любимой команды с «Интером».

Квартира, родная и уютная, показалась пустой и выстывшей. В тишине было слышно, как усилившийся дождь мягко шлепает по подоконникам проворными пальцами капель. Людмила сняла влажное пальто, аккуратно расправила его на вешалке, чтобы не измялось, поставила сумочку, сняла сапоги и с облегчением переобулась в мягкие тапочки. Прошла по квартире, зажигая везде свет. Ей хотелось прогнать эту холодную враждебную пустоту. Но она не ушла, только затаилась в темных углах — за шкафами, под столом, под диваном.

Людмила переоделась в домашнее, ушла на кухню, все так же молча разогрела ужин.

Ели в тягостном молчании. Дождь за окнами все играл свои монотонные гаммы. Тикали часы, шумел закипающий чайник, и слышно было, как соседская девчонка этажом ниже мучительно разучивает «К Элизе» Бетховена на пианино.

Первым не выдержал Руслан.

— Что тебя беспокоит?

Людмила посмотрела ему в глаза.

— Думаю, ты знаешь.

— До сих пор злишься за этот маскарад? Как глупо!

Руслан с раздражением бросил на стол вилку, та жалобно звякнула.

Людмилу обожгло недовольством мужа, опять их разговор показался бессмысленным,

но она справилась с собой.

— Ты не рассказал мне все об этом клубе. И Шталь откуда-то осведомлен о том, что там случилось.

— Я хотел сделать тебе сюрприз! Это было частью игры! А доктор позвонил сам. И вообще, ты в чем-то меня подозреваешь?

— А если я не хочу этих игр?

Руслан снова взял в руки вилку, опять отбросил со звоном. Вскочил и нервно прошелся по кухне. Он все больше злился, но Людмила чувствовала — он понимает, что не прав.

Людмила не отводила взгляда. Осознавая свою правоту, впервые не ощущая давящего чувства вины. Свернувшиеся клубком в груди обида и злость придавали ей смелости.

Руслан снова сел за стол, пристально посмотрел ей в глаза, явно ожидая, что она сдастся под его напором.

— Больше никаких игр. Пока я не разберусь в себе сам. Не поставлю себе диагноз.

Он сказал это твердо, но Людмила почувствовала его смятение и неуверенность.

— Сам? Или с помощью доктора-извращенца?

Руслан опять вскочил. Взъерошил на голове волосы, как всегда в минуты волнения.

— Шталь не извращенец! — почти выкрикнул он. — Ты все не так поняла!

— А как я должна понимать? У него дома секс-рабыня! Очевидно, он порет ее кнутом, связывает и заставляет делать всякие гнусности. И пытается завербовать...

— С чего такие выводы? — резко оборвал ее Руслан.

Людмила хлестнула его в ответ:

— Не трудно догадаться!

— Это не так!

Вдруг Людмила поняла — они впервые в жизни кричат друг на друга. Зло, резко, не сдерживаясь. Впервые за двенадцать лет. Ей стало страшно. Так трепетно охраняемый ею мирок, уютный и теплый, начинал рассыпаться как карточный домик.

Она закрыла лицо руками, сдерживая из последних сил накатовающую истерику.

Руслан взял ее за руку, Людмила вырвалась, вскочила и стала собирать посуду.

— Оставь. Послушай...

Руслан попытался обнять ее за плечи. Она раздраженно сбросила его ладони, из последних сил сдерживая слезы.

— Мне нужно навести порядок. И лечь спать. Завтра на работу. Иди, позвони сыну, его до сих пор нет дома. Поговорим позже.

Людмила ждала, что Руслан, как всегда настаит на своем. Заставит ее продолжать этот мучительный разговор, от которого у нее болело в груди.

Но Руслан только посмотрел на нее с укором.

— Наверное, ты права. Все равно никакой положительной динамики.

Вздыхнул и вышел из кухни. Сквозь шум льющейся воды Людмила расслышала, как он позвонил Антону и скомандовал немедленно идти домой.

Сын вернулся через полчаса, расстроенный проигрышем любимой команды. Протопал в свою комнату и хлопнул дверью.

Людмила зашла к нему пожелать спокойной ночи, погладила по голове, поцеловала.

— Не расстраивайся. В следующий раз выиграют. Раз ты за них болеешь — они лучшие.

— Спасибо, мам.

Антошка повернулся к ней и вдруг прижался всем телом.

— Лучшая — это ты!

Людмила поцеловала его в макушку.

— И ты лучший сын на свете.

В ванной она пыталась успокоиться и долго смотрела на свое отражение. Вдруг заметила темные круги под глазами и лучики морщинок. Сжалось сердце от жалости к себе. И тут же вспомнилась любимая фраза профессора Сикорского «Жалость унижает!». Нет, она не будет себя унижать.

Когда она вышла из ванной, Руслан уже разложил диван, и лежал с закрытыми глазами. Но по его дыханию Людмила догадалась — он не спит, видимо ждет ее.

Людмила подумала о том, чтобы лечь спать в кресле-кровати. Но оно было таким неудобным. Завтра будет раскалываться от боли спина. «Почему я должна себя наказывать? — подумала Людмила с обидой.

Она легла в постель, отвернулась, укрылась одеялом почти с головой.

Настойчивые руки скользнули по спине, обняли за талию, прижимая к теплему телу. Людмиле захотелось поддаться, забыться. Но вспомнила, что решила быть сильной и решительно отстранилась.

— Я устала. Если не дашь мне уснуть, уйду спать в кресло.

Людмила услышала в темноте обиженное сопение. Робко трепыхнулось в груди чувство вины.

«Не поддавайся! — скомандовала она себе.

Людмила сжалась в комочек, то ли пытаясь унять боль в груди, то ли не давая себе рассыпаться на части. И вдруг поняла, как смертельно устала. Глаза закрывались сами собой, она неожиданно быстро уснула.

Людмила закрутилась между работой, домом, дополнительными занятиями сына, Руслан тоже редко появлялся дома рано, а иногда пропадал все выходные. Обиды на мужа, ревность постепенно растаяли, забылись. Но однажды возникшая, словно посеянное в почву зерно мысль продолжала зреть в голове у Людмилы, вызывая смутное беспокойство и тревогу. Слова Шталя, сказанные им в их последнюю встречу, не давали ей покоя.

Сама того не замечая, Людмила искала повод поговорить с мужем на эту «запретную» тему.

И такой случай представился. Руслан заговорил о докторе Штале сам.

Разговор начался с обсуждения поездки Антона с классом на новогодних каникулах в Финляндию. Поездка стоила недешево — почти триста евро, но программа была очень интересной — экскурсии в Лапландию к Санта-Клаусу, в Хельсинки, катание на собаках, лыжный курорт. Людмила узнала о предложении на родительском собрании, где им раздали проспекты, и теперь выложила их перед Русланом.

Руслан высказывал сомнения о том, что они смогут позволить себе оплатить поездку и одновременно выполнить желание сына о планшетнике. Людмила убеждала его, что денег хватит, если еще немного поднапрячься.

— В конце концов, можно попросить дедушку и бабушек поучаствовать, — сказала Людмила.

Руслан посмотрел на нее недовольно.

— Конечно же, ты имеешь в виду моих родителей.

— Ну почему, моя мама тоже поможет в меру сил.

Руслан хмыкнул.

Людмиле стало обидно.

— Опять ты все решил сам, да? Опять мое мнение для тебя не важно. Хорошо, пусть Антон сидит дома все каникулы. Обойдется и без Финляндии. Пусть к Санта-Клаусу едет двоичник Бушманов. Он заслужил эту поездку больше.

Из зала послышалось недовольное сопение Антошки. Ему очень хотелось поехать, и Людмила знала про это. Но и о планшетнике сын мечтал давно.

Руслан уже сжал губы, сдвинул брови. «Приготовился читать нотации, — тоскливо подумала Людмила, — сейчас будет серьезный разговор о самостоятельности нашей семьи...»

Но вдруг неожиданно Руслан произнес:

— Так. Стоп. Опять мы начинаем ссориться. Я знаю, чем это все закончится. Нам давно нужно кое-что обсудить. Серьезное.

Людмила посмотрела на него изумленно и с тревогой. Неприятно екнуло в груди.

— Некоторым пора спать, — крикнул Руслан сыну, — возражения не принимаются. И зубы почистить не забудь!

— Ладно, — буркнул Антошка и потопал в ванную.

Руслан встал и закрыл дверь. Потом сел снова напротив, положил руки на стол и сцепил пальцы.

— Знаешь, я ведь встречался со Шталем, — вдруг сказал он, как бы невзначай.

Людмила посмотрела на него растерянно и удивленно.

— После того нашего первого разговора. Про игры и доверие. Ты была такой... — он помолчал, подбирая слово, — обиженной и настырной. Я не знал, как себя вести. И позвонил доктору. А потом ездил к нему.

Людмиле вдруг стало плохо от мысли, что он снова виделся с этой бессловесной рабыней Штала. А вдруг...Беспомощно посмотрела на мужа, но тот словно прочел ее мысли:

— В офис. Мы встречались в его офисе.

— С каких пор мы можем позволить себе личного психоаналитика? — усмехнулась Людмила.

Руслан поморщился.

— Мне просто нужен был его совет. И я его получил. Кстати, доктор отругал меня за поведение в клубе. Назвал его недостойным и недопустимым.

— Даже так? — Людмила не верила собственным ушам. Ей казалось, что доктор и Руслан были в той истории по одну сторону.

— Он сказал, что я нарушил главное правило. Доверие и прозрачность. Я должен был рассказать тебе все, что узнал от него о клубе и их программе до того, как мы туда пришли. Но я был так зол на тебя за эти приглашения. И решил тебя наказать. Теперь я понимаю. Я вел себя как эгоистичный дурак.

— А что ты должен был мне рассказать?

Руслан помолчал немного.

— О том, что этот клуб тематический. Что их программа — это публичные сессии. Доктор предупредил меня: все организовано так, чтобы пробудить чувственные желания, и если у нас возникнет потребность уединиться — в клубе есть для этого приват-номера. Можно было выбрать любой сценарий. Даже приказать завязать тебе глаза и привести ко мне в наручниках.

Людмилу передернуло. Тот злосчастный вечер и так стал для нее испытанием.

— Я никогда бы не пошел на это... — Руслан казался таким виноватым. — Никогда.

— А если бы я не стала тебя искать? Ушла бы домой? — откровенность Руслана трогала ее, но это чувство смешивалось с обидой и возмущением.

— Тебя бы не отпустили, — Руслан опустил голову. — Привели бы ко мне.

— В наручниках? — фыркнула Людмила.

— Нет, — он говорил все тише. — Мягко, но настойчиво проводили бы в приват-номер, указанный в анкете.

— Как ты мог довериться незнакомым людям?

— Шталь убедил меня, что основа таких игр — безопасность, разумность, добровольность.

— Добровольность? — снова усмехнулась Людмила.

— Поэтому доктор осудил мое поведение. Я нарушил этот принцип.

Помолчали. Людмила не могла прийти в себя. Снова всплыли воспоминания того вечера — вырывающееся из груди сердце, едва освещенная лестница, темный силуэт у окна...

— Но ты не можешь отрицать, это было необычно, — Руслан накрыл ее ладонь своей и погладил большим пальцем. — Волнующе.

Людмила хотела отнять руку. Но передумала.

— Не могу, — согласилась она.

Снова повисла тишина. Тикали часы на стене, ветер стучал в окно обледенелыми ветками тополей.

— Ты сказал, что должен поставить себе диагноз. И как? — наконец решилась Людмила.

— Пока никак.

Руслан продолжил гладить ее руку. Это было очень приятно. И неожиданно интимно.

— Я тебе обещаю, — вдруг сказал он твердо, — все решения мы будем принимать только вместе. Никаких секретов. Никакой полуправды. Полная откровенность.

Людмиле отчего-то подумалось, что Руслан говорит не своими словами.

— Так тебе все-таки нужны эти игры? — спросила она, глядя мужу прямо в глаза.

Руслан взгляда не отвел.

— Мы решим это вместе. Но сначала нужно понять, что они из себя представляют. Шталь готов нам помочь. Как учитель, как наставник.

— Надо же, какая неожиданность! — Людмиле стало смешно.

«Ах, доктор Шталь, хитрый вы лис. Партия! Однозначно, победа за вами, — подумала она. — Но это только первый тайм».

Руслан резко отдернул руку.

— Ну вот, ты опять. Я говорю серьезно.

Людмила взяла его ладонь и прижала к щеке.

— Я тоже серьезно. Но неужели ты не видишь? Шталь ведет с нами игру. И мы пока слабые игроки. Почти слепые котята.

— Так нужно прозреть! Шталь сильный противник. И пока на его стороне опыт психолога и знания. Нужно подтянуть матчасть. Выработать стратегию игры.

Руслан мягко улыбнулся. Людмила прижалась губами к его ладони.

— Хорошо. Но обещай. Я в любой момент смогу сказать «нет». И все закончится. Без скандалов, уговоров и сцен. Как бы тебе это не нравилось.

— Обещаю.

— Ну так что с поездкой Антошки? — напомнила Людмила.

Руслан взъерошил на голове волосы, вздохнул.

— Да найдем мы триста евро. Пусть едет.

Из-за двери послышалось сдавленное радостное восклицание, потом быстрый топот. Хлопнула дверь спальни.

— Вот хитрец, — усмехнулся Руслан. — Подслушивал! Выдрать бы как сидорову козу...

— Надо бы, — внезапно согласилась Людмила. — Но лучше простим.

— Как скажешь, моя Милая Мила.

Людмила любила декабрь за предновогоднюю суету, за по-детски наивное ожидание праздника и чуда. Город начал преображаться, примерял яркие бусы иллюминации, сказочным образом на площадях вырастали украшенные шарами и лампочками елки. Магазины хвастались друг перед другом фигурками белобородых стариков в красных кафтанах и оленей, — одна другой больше и занятнее. В Пассаже уже открылся елочный базар, а на перекрестках появились огражденные сеткой загончики, в них плотными рядами стояли остро пахнущие смолой темные ели и сосны с голубоватыми длинными иголками. Людмила специально замедляла шаг, чтобы вдохнуть поглубже этот яркий радостный запах предвкушения чуда. Она ненавидела пластмассовые мертвые елки. Сколько себя помнила — дома всегда наряжали живую. Руслан пытался возражать — дорого, мусора много и лес страдает. Но Людмила оставалась непреклонной. Теперь вот только размышляла — купить в этом году елку или сосну.

Антошка выиграл-таки районную олимпиаду по английскому, чему был несказанно горд. К тому же впереди была желанная поездка в Финляндию. Да и его мечта — новенький планшетник, уже лежал в дальнем углу шкафа, упакованный в красивую шуршащую бумагу и ожидая своего часа. Скорее всего, об этом сын тоже догадывался.

Правда, теперь к предпраздничному ожиданию чуда добавлялось предчувствие неизвестного, волнующего, опасного, темного. Но от этого еще более желанного. Пообещав Руслану попробовать эти странные игры, она будто открыла запретную дверь в замке Синеи Бороды. Но перешагнуть за порог пока не решалась.

Они вместе с Русланом, «подтягивали матчасть»: читали книги (видимо рекомендованные Шталем), просматривали странички в интернете. Обсуждали, спорили. Гротескный темный мир взрослых игр и отталкивал, и завораживал. Руслан несколько раз ездил на встречи со Шталем, один. Виновато объяснял, что это чисто мужские разговоры. И если она настаивает, то может поехать вместе с ним. Но ей будет некомфортно. Людмила пристально смотрела мужу в глаза и пыталась понять — на чьей стороне он все-таки играет? Потом вспоминала последний визит к доктору, его провокационную демонстрацию власти. И соглашалась.

После первых двух визитов ничего необычного не происходило. Отношения с Русланом, наладившиеся после ее согласия попробовать играть, теплели и крепили на глазах. Людмила с радостью узнавала своего прежнего Руслана — внимательного, нежного, страстного.

Но после третьего визита он вернулся позже обычного, взбудораженный и распаленный. Буквально взорвался жадными, безумными, резкими, почти грубыми ласками, заставляя стонать в подушку, оставляя отметины на груди, шее, животе, обжигая дыханием, сминая любые, самые слабые попытки сопротивления, подчиняя ее тело своим желаниям. Она потерялась в мешанине самых противоречивых чувств, а потом заснула на его разгоряченной груди, совершенно обессиленная, опустошенная, будто выжженная изнутри его безумной страстью. И еще, в самом дальнем уголке сердца шевельнулась обида и ревность к тому, а вернее той, кто довел ее мужа до такого иступленного возбуждения. Эта ревность будто червячок в яблоке все грызла и грызла ее изнутри, не давала покоя. Людмила все чаще против воли вспоминала Еву, бесстыдно раскрытую, ласкающую себя, распростертую у ног

Штала, и думала, что руки мужа — любимые и родные, могли также ласкать ее трепещущее тело. Леденела от этой мысли, и Руслан, чувствуя ее напряжение, недоуменно вглядывался в ее лицо. Это сводило с ума и наконец, она не выдержала.

Людмила расчесывала волосы перед зеркалом в ванной, и Руслан как всегда подошел сзади, перекинув ее волосы вперед, открывая шею, провел губами от ямки за ухом, прикусил мочку, скользнул ниже.

Она замерла, потом отложила расческу и сжала его руку.

Он прекратил ее целовать, вопросительно посмотрел на нее в зеркало.

Глубоко вдохнув, будто перед прыжком в воду, Людмила произнесла, почти спокойно:

— На этих встречах с Шталем... ты... — ее голос предательски дрогнул, — прикасался к ней?

Она так надеялась, что Руслан рассмеется, крепко обнимет ее и прошепчет на ухо: «Глупая... конечно нет, мы просто беседовали!»

Но он молчал. Все так же пристально смотрел на нее в зеркало. И молчал.

Ей стало так тоскливо. Она ощутила себя преданной и растоптанной.

— Ты прикасался к ней? — повторила она, уже тверже, стискивая зубы от острой боли в груди.

Руслан поиграл желваками, справился с гневом. Потом произнес спокойно и отстраненно:

— Да. Почему это тебя смущает? Ты мне не доверяешь?

Его холодное спокойствие заставило боль в груди стать почти невыносимой. Она прикусила щеку внутри до крови, чтобы не разрыдаться.

И тут он сильно, до боли сжал ее в объятиях, шепча на ухо те самые слова, что она так ждала:

— Глупенькая, какая ты глупенькая. Ты... только ты... моя... родная...

Жаркий шепот мешался с обжигающими поцелуями, и она все-таки расплакалась. Сладко, от души, всхлипывая и хлюпая носом...

В эту ночь он был мучительно нежен с ней, доводя до изнеможения медленными, изошренными ласками, удерживая руки за запястья у нее над головой, заставляя ее кричать и закрывая рот жадными поцелуями.

После четвертой встречи Руслан и вовсе вернулся каким-то другим. Потрясенным, сбитым с толку, потерянным. Она еще никогда не видела его таким. Тихо лег с ней рядом, обхватил руками, зарылся лицом в волосы, и молча прижал к груди, так сильно, что ей стало нечем дышать. Она провела руками по его спине и почувствовала, как он едва заметно вздрогнул. Утром, пока он принимал душ, Людмила осторожно заглянула в ванную. Он стоял к ней спиной. Уже почти незаметные, между лопаток, на пояснице и ягодицах тлели красноватые узкие полосы...

На следующий «сеанс» Шталь пригласил обоих. Доктор позвонил Людмиле сам. Разговор правда больше напоминал монолог. Шталь сказал, что будет очень рад снова увидеться с Людмилой, что им многое нужно обсудить. Людмила только и смогла произнести: «Да, доктор. Конечно».

Перед этим визитом она снова волновалась, словно студентка перед экзаменом. Ей очень хотелось расспросить Руслана о том, что задумал Шталь, чего ей ожидать от этого хитрого лиса. Но муж только многозначительно улыбался.

— Ничего такого, что было бы тебе неприятно. К тому же я помню про твое условие.

Как только ты решишь, что с тебя довольно — мы уйдем и больше не вернемся.

— Обещаешь? — спросила она и стиснула его ладонь.

Руслан вместо ответа поцеловал ее, жарко и глубоко. Так, что закружилась голова и сбилось дыхание.

Встреча была назначена как всегда на субботу. Ближе к вечеру Людмила стояла в задумчивости перед гардеробом, перебирала вешалки с платьями. Ничего не нравилось.

— Одень черное. С молнией на спине. И чулки...

Руслан так тихо подошел сзади, что она вздрогнула. Хотела обернуться, но он обнял ее за плечи и прижал к себе.

— Чулки?! С ума сошел, зима на дворе!

— Шталь пришлет машину. Будь умницей. Пожалуйста.

— Платье слишком провокационное. Я не могу.

Руслан молчал, она чувствовала, что он недоволен ее отказом. Вздохнул и резко выдохнул ей в шею.

— Ну хорошо. Тогда серое. Что и прошлый раз. Но чулки — обязательно.

Последние слова прозвучали властно, будто приказ. Людмила вдруг догадалась — это часть ритуала. Запретная дверь в замке Синея Бороды приоткрылась чуть шире. В горле пересохло. Сердце застучало быстрее.

Она едва успела одеться, уложить волосы и подкрасить губы, как раздался звонок домофона. Машина, присланная Шталем, пришла минута в минуту.

В коридоре Людмила мельком глянула на свое отражение. Испуганные глаза, лихорадочный румянец. Приказала себе: «Прекрати истерить. Ты же плависься от любопытства». Сделала несколько глубоких вдохов. Руслан помог ей надеть шубку, подал сумочку. Погладил по щеке, ободряя. Тихо прошептал:

— Ничего не бойся. Я рядом.

Черный мерседес изнутри пах кожей и дорогим табаком.

Руслан положил руку ей на колено и слегка поглаживал. От его ладони растекалось тепло, впитывалось и концентрировалось внизу живота. Было сладко, жутко и весело, словно она делала что-то запретное. Водитель, молчаливый и мрачный, вдруг посмотрел на нее в зеркало заднего вида, и Людмила смутилась. Но убрать руку Руслана с колена не захотела.

Шталь встретил их в прихожей лично. Одет он был по-домашнему: короткий бордовый шелковый халат, темные свободные брюки, мягкие кожаные остроносые туфли без задников шафранового цвета.

Доктор сразу пригласил их в индийскую гостиную. Низкий стол был уже накрыт к чаепитию — пузатый чайник, чашки, тарелки со сладостями, тонко нарезанными дольками лимона. Даже раскуренный кальян на специальной подставке у окна, рядом с шахматным столиком.

— Прошу. Без церемоний. Никакого доктора и пациентов. Вы мои гости и друзья. Надеюсь на то, что вправе вас так назвать. Обоих.

— Без сомнения, — ответил Руслан.

В его голосе Людмила с удивлением расслышала уважение, почти благоговение. Присмотрелась и вдруг поняла — этих двух мужчин связывает уже гораздо больше, чем знакомство и даже дружба.

Людмила осторожно присела на диван и утонула в его мягких объятиях. Судорожно попыталась одернуть юбку. Шталь заметил ее движение.

— Прошу, Людмила, расслабьтесь. Помните игру «Марионетка и Кукловод»? Ваш муж рядом. Он не допустит, чтобы вам стало некомфортно. Доверьтесь ему.

Руслан придвинулся ближе и снова положил ей руку на колено. Слегка сжал, будто подтверждая слова доктора.

— Давайте же пить чай! Заваривал сам. Великолепный Дарджилинг, вчера получил посылку от старого приятеля. Прямо из Индии.

Людмила поерзала, пытаясь выбраться из мягкого болота дивана. Но только еще глубже увязла в ласковой трясине. Беспомощно посмотрела на Руслана. Он подал ей чашку, улыбнулся, ободряя, и опять принялся едва заметно поглаживать ее колено.

— И правда отличный чай, — произнесла Людмила. Ей вовсе не хотелось снова молчать весь вечер, как в последний раз.

— Как ваша работа? — заботливо осведомился Шталь. — Надеюсь, моя статья понравилась Екатерине Васильевне?

— Конечно, доктор. Главред просто очарована вами. Просила передавать поздравления с наступающим Новым Годом и надежду на продолжение сотрудничества.

— Благодарю. А сотрудничество... Ну это зависит от вас, Людмила.

Шталь улыбнулся, прищурил глаза. Снова стал похож на Дроссельмейера. Но Людмила приказала себе не бояться. Она воспользовалась советом доктора, и, к своему удивлению, почти избавилась от этого глупого детского страха.

— Руслан, про твою работу я даже не спрашиваю. Как всегда праздники самое горячее время. Да, кстати, позволишь мне перейти на «ты» с твоей женой?

Людмиле вдруг стало неуютно. Значит Руслан с доктором давно на дружеской ноге. Но почему он спрашивает разрешения не у нее?

Доктор заметил ее замешательство.

— Простите, Людмила. Правила и ритуалы так прочно въедаются в память. Так как? Вы позволите?

— Да, доктор. Конечно.

Она произнесла эту фразу машинально, легкий холодок стек по спине к пояснице.

— Отлично. Так гораздо проще и привычнее. Итак, вы с Русланом решились. Не скрою я рад. Очень рад. За много лет практики семейного психотерапевта я еще не встречал пару, которая настолько сильно резонировала друг другу. Игра откроет вам новые грани удовольствий.

Людмила судорожно вздохнула. Шталь лукаво улыбнулся и переглянулся с Русланом.

— Людмила... Мила, кажется, так зовет тебя Руслан? Ты многого еще не знаешь и тебе страшно. Это нормально и даже хорошо. Страх обостряет чувства, адреналин делает наслаждение острее и ярче. Ты хотела бы, конечно, узнать, почему я встречался только с Русланом, никогда не приглашал тебя? Я обучал его правилам, технике безопасности, методам и практикам Игры. Готовил его для роли верхнего, доминанта. Но обучить и подготовить нижнего, сабмиссива может только его партнер. Психологические связи, которые устанавливаются между верхним и нижним, — слишком интимные, тонкие процессы. Если в них вмешается посторонний, даже в статусе учителя — это может нанести вред. Поэтому тебя в мир Игры введет твой Руслан.

Пальцы мужа все настойчивее гладили ее колено, поднялись выше, забрались под подол платья, пробежали по нежной коже вдоль резинки чулок. Внизу живота становилось горячо. Но внимательный, ироничный взгляд Шталя заставлял Людмилу смущаться. Эти два

противоречивых чувства — возбуждение и стыд разрывали ее, но прекратить эту сладкую пытку вовсе не хотелось.

Шталь еще что-то рассказывал, но его голос постепенно отдалялся, в ушах у Людмилы зашумело, словно морской прибой, и она потихоньку начала уплывать на теплых волнах...

Внезапно ощущение горячих пальцев на ее бедре исчезло.

Она резко распахнула глаза. Руслан сидел с ее чашкой в руках, кивал доктору и улыбался. Какой-то странной, порочной улыбкой.

— ...намеренно не называю Темой.

Голос доктора снова стал громче.

— Вы обсуждали свою первую сессию? Когда планируете начать?

Людмила не поняла к кому обращается Шталь, но ответить все равно бы не смогла. Только покачала головой. Ответил доктору Руслан.

— Пока нет, мессир.

Мессир? Людмила, едва не прыснула со смеху. Так живо вспомнился Булгаков.

— Не смейся, дорогая, — улыбнулся ей доктор. — Так принято в сообществе. Ученик называет учителя уважительно «мессир». Кстати, ты тоже можешь придумать особенное обращение к своему доминанту. Обращение важно — подчеркивает статус верхнего в сессии, дает нужную дистанцию. Нехорошо, если нижнему оно кажется глупым или неприемлемым.

— Мы обязательно все обговорим, — Руслан отставил чашку и обнял Людмилу за плечи. Ей стало сразу уютно и спокойно. — Думаю, без списка жестких ограничений мы сможем обойтись. Все равно новички и начнем с самого легкого. Да и договор нам не нужен.

Шталь просто светился радостью и энтузиазмом.

— Вы необыкновенная пара. Уникальная. Вы давно вместе, вас связывают глубокие чувства. Проблема доверия перед вами не стоит. Мила, ты просто создана для роли нижней, Руслан — истинный доминант. К тому же врач, что само по себе ценно в вопросах безопасности. А я буду помогать и подсказывать. Моя игровая в полном вашем распоряжении. Если все пройдет хорошо — в дальнейшем сможете снять студию для игр. Сообщество владеет несколькими такими. Оборудование подберете сами. Все получится!

Людмила слушала доктора, поглядывала на мужа. Он выглядел таким воодушевленным и смотрел на нее так, что ей становилось жарко. Совсем как в юности, еще до свадьбы. Страх перед неизвестным стал разбавляться, оседать, и, наконец, затаился, оставив только терпкий горьковатый привкус.

Незаметно пролетели предпраздничные недели, отшумели корпоративные вечеринки, оставив легкое похмелье и ощущение напускного, неискреннего веселья. Антошка получил нагоняй за то, что появился дома с опозданием на два часа, но был прощен, так как причиной опоздания была его одноклассница, которую он провожал домой на другой конец города после новогодней дискотеки в школе.

Они встретили Новый год на профессорской даче родителей Руслана, узким семейным кругом. Утром первого января проводили Антошку, который уезжал на все каникулы с классом в Финляндию и вернулись в свою квартиру, такую тихую и опустевшую без звонкого голоса сына.

На автоответчике их ожидало сообщение от Шталя, который приглашал их к себе домой завтра. Прослушав сообщение, Руслан сжал ее руку и, посмотрев пристально в глаза, сказал:

— Если ты передумала и не хочешь всего этого, я пойму. Не делай того, что тебе

неприятно, только ради меня.

Людмила молчала, вглядываясь в любимые серые глаза. Там было ожидание, предвкушение, надежда, волнение. Прислушалась к своим ощущениям. Снова будто ил на дне, когда бросишь камень, всколыхнулся страх. Но быстро осел, уступая место предвкушению, возбуждению, растравленному любопытству. Нет уж, играть так играть.

— Я тоже этого хочу, — просто ответила она.

Он прижал ее к груди, крепко, до боли и поцеловал в макушку.

Вечером Руслан перезвонил Шталю и довольно долго что-то обсуждал с ним. Людмила хотела было прислушаться, но потом специально ушла в другую комнату. Ей хотелось узнать, что ей готовит Руслан. Но тогда не будет этого одновременно сладкого и жуткого ощущения в животе — словно едешь на скоростном лифте. А это чувство ей нравилось.

Она не спеша приняла душ, расчесала волосы, разобрала диван, легла в постель и стала ждать мужа. Его все не было, и ожидание становилось мучительным. Людмила чувствовала, как густеет кровь, как с трудом сердце проталкивает ее, тягучую, горячую, будто расплавленный мед, по венам. Она закрыла глаза и снова увидела Еву, с широко разведенными бедрами, стонущую от собственных ласк. Сама не поняла, как рука скользнула между ног. В голове крутился калейдоскоп воспоминаний: голос, наполненный властной силой: «Сделай для меня это...»; горячая боль от шлепка, впитывающаяся в кожу, превращающаяся в тепло; бьющееся в сладких конвульсиях обнаженное тело девушки в цепях. Эти воспоминания сводили с ума.

Теплая, сильная волна подхватила, поднимая все выше. Выгнулась, застонала, сжала бедра. Но за мгновение до того, как волна накрыла с головой, почувствовала, как руку стиснули сильные пальцы мужа и ухо обжег страстный шепот:

— Непослушная... это мое... мое...

Руслан поднял ее руки, удерживая над головой. Больно прикусил мочку уха, раздвинул ее ноги коленом и снова зашептал, щекоча и заставляя дрожать всем телом:

— Нетерпеливая... моя... вся моя... завтра... не сейчас... не сейчас...

Она чувствовала, что он тоже возбужден до предела и еле сдерживается от желания немедленно и грубо овладеть ею. И она безумно, исступленно хотела, чтобы он вбил в нее глубоко, до боли, только бы унять это тянущее, разрывающее чувство неудовлетворенности. Застонала и прижалась к колену, чтобы хоть как-то облегчить эту муку.

Но он отпрянул, освободил ее руки и лег рядом, тяжело дыша.

Потом провел ладонью по спине до поясницы, ей захотелось выгнуться и замурлыкать как кошка, поцеловал в шею и прошептал:

— Спи, родная, тебе понадобятся силы.

С ее губ сорвался разочарованный вздох. Она понимала, что это начало игры — оставить ее возбужденной, жаждущей. И неожиданно поняла, что ей нравится это.

Прижалась к горячему телу мужа, послушно закрыла глаза, чтобы успокоиться и уснуть. Странные, порой жутковатые картинки вертелись в нее в голове, рваные, искаженные, будто под лучами стробоскопа.

Весь следующий день Людмила пыталась отвлечься от туго свернувшегося в животе узла, рассеянно, механически занималась домашними делами, бросала косые взгляды на мужа. Он подчеркнуто бесстрастно сидел в кресле с газетой в руках.

Время ползло медленно, будто капля меда по стеклу, а стрелки часов прилипли к циферблату. Она вдруг с удивлением поняла, что не может дождаться посещения доктора

Шталя.

За час до назначенного времени она зашла в спальню, чтобы одеться, и увидела на кровати аккуратно разложенную одежду — черное платье-футляр, простое и элегантное, однако застегивающееся сзади на молнию снизу доверху. Оно было куплено год назад, стоило довольно больших денег, но надеть Людмила его так и не решилась, считая провокационным из-за этой молнии. Это платье просил надеть Руслан перед последним визитом к Шталю, но она отказалась. Теперь же выбора у нее не было, Людмила поняла это отчетливо.

Также к платью прилагался черный кружевной комплект белья, очень откровенный и, по всей видимости, дорогой. Новый — такого у нее раньше не было. И черные чулки с кружевной резинкой. Она испытала какое-то странное возбуждение от того, что Руслан выбрал ей одежду вплоть до нижнего белья и чулок. Оно добавило к ее загнанному внутрь неудовлетворенному желанию еще одну жгучую каплю.

Медленно, стараясь почти не прикасаться к себе, она оделась и в задумчивости стояла перед зеркалом, размышляя, что сделать с волосами.

— Собери их в хвост, — тихо приказал ей Руслан, откровенно и оценивающе разглядывая ее. Она бросила на него быстрый взгляд в зеркале и почему-то опустила глаза, успев заметить, как его губы тронула довольная усмешка.

Людмила зачесала волосы в тугий хвост, перехватила резинкой, нашла в косметичке ярко-красную, карминного цвета помаду. Она лежала на самом дне, купленная когда-то по случаю, и так ни разу не использованная.

Закончив, она посмотрела на свое отражение и не узнала себя. Сдержанно страстная, собранная, балансирующая на грани откровенности и соблазна.

— Ты великолепна, — тихо и восхищенно произнес Руслан.

В такси Людмила боялась встретиться глазами с водителем. Ей отчего-то казалось — немолодой мужчина лет сорока с усталым лицом знает, куда они едут и зачем. От стыда и возбуждения кровь шумела в ушах, учащенно билось сердце, сладко тянуло низ живота.

Шталь ждал их в кабинете. Руслан пропустил жену вперед, и доктор встал из-за стола, приветствуя их. Окинул Людмилу взглядом, от которого ей стало не по себе, сдержанно улыбнулся, одобряя, жестом пригласил их присесть.

— Итак, — сказал Шталь, воодушевленно потирая руки, — сегодня у вас особенный вечер. Мой салон в вашем полном распоряжении. Вас никто не побеспокоит.

Руслан улыбнулся жене и сжал ее руку. Нервное возбуждение все сильнее захватывало ее, становилось почти непереносимым, причиняло боль, требовало разрядки. От прикосновения мужа она вздрогнула, будто ее ударило током.

Пока они шли по полутемному коридору, она, судорожно вцепившись в ладонь мужа, пыталась успокоиться, но сердце бухало, хриплое дыхание вырывалось из легких. Снова по венам текла не кровь, а густой сладкий яд.

Перед дверью салона Руслан остановился и взял в ладони ее лицо, нежно поцеловал.

— Не передумала?

От его хриплого голоса ее затрясло, и голова начала кружиться.

— Нет, — еле слышно выдохнула она.

— Если захочешь, чтобы все прекратилось, только скажи «стоп».

— Да. Я помню.

Молочно-тусклый свет после полумрака коридора бьет по глазам, и она жмурится.

Руслан тянет ее за руку, заставляя переступить через порог. Дверь за ее спиной захлопывается с мягким щелчком. Руслан поворачивает ключ в замке. «Теперь не сбежать, — мелькает совершенно некстати мысль.

Она стоит, безвольно опустив руки, не зная, что делать, почти перестав дышать и остро ощущая свою беспомощность. Еще не связана, но уже полностью во власти этого мужчины, который медленно, лениво обходит вокруг. Небрежная циничная усмешка, пристальный, бесстыдный, жадный взгляд. Совсем другой. Незнакомый, волнующий, властный. Родного, любимого, знакомого до каждой мельчайшей черточки Руслана здесь больше нет.

Это странным образом возбуждает, она чувствует, как внутри все сладко сжимается. Опускает глаза.

Он поднимает ее лицо за подбородок и жестко, больно целует в губы. Рука скользит по спине, порождая сладкую дрожь, расстегивает молнию платья, медленно спускает с плеч, и оно падает к ее ногам.

Обнаженную кожу холодит легкое движение воздуха, сквозь тончайшую ткань чулок ощущается лакированное дерево пола. Горячие сухие ладони скользят по ее ногам, скатывая чулки. Он пристально смотрит ей в глаза, растягивая паузу. Острое нестерпимое возбуждение плавит, она готова умолять взять ее прямо тут, на голом полу. Но нет, пытка только началась.

Он отворачивается и идет к комоду у стены, выдвигает ящик, что-то достает оттуда, задерживается у стеллажа с плетями, хлыстами и стеками, задумчиво проводит по ним рукой, не сводя с нее жадного взгляда, заставляя замереть от сладкой жути. Возвращается, подчеркнуто медленно, вальяжно.

— Руки. Перед собой, — отрывистые, будто пощечины, приказы, не оставляют права на сомнения. Она послушно вытягивает вперед ладони, раскрывая их перед ним.

Мягкая кожа обхватывает запястья, и он умело справляется с ремешками, затягивая их туго, но не слишком. Просовывает под наручи палец, чтобы убедиться, что не перетянул вены. Снова опускается на колени, чтобы застегнуть ремни на лодыжках. Горячее неровное дыхание обжигает. Когда ремни затянуты, он медленно поднимается, его ладонь скользит вверх по внутренней стороне бедра и пальцы вдруг, отодвинув тонкую ткань, резко, до боли врываются внутрь.

— Хочешь меня... — шепчет он ей в самое ухо и прикусывает мочку, посылая болезненно сладкий импульс по всему телу, — моя...

Подносит руку ко рту.

— Сладкая...

Проводит кончиками пальцев по ее губам. От его прикосновений покалывает кожу, словно она заряжена электричеством. Она чувствует вкус своего возбуждения.

— На колени.

Опять приказ, будто хлесткий удар. Она сглатывает тугой комок в горле и повинуется. На шею ложится слегка шершавая кожа ошейника. Он не давит, но ей почти нечем дышать...

И опять он приподнимает ее лицо под подбородок, пристально всматриваясь в глаза. Лукавая улыбка трогает строго сжатые губы. Ему нравится то, что он в них видит.

— Встань.

Она вздрагивает и поднимается. Сердце трепещет, больно стучаясь о ребра. Она не знает, что он задумал с ней сделать, и эта неизвестность заставляет ее гореть изнутри.

У нее в голове пробегает испуганная мысль: «Только не цепи...», и опять нервная дрожь

заставляет ее сжимать зубы, чтобы они не стучали.

Он словно читает ее мысли и подводит к широкой кровати с кованой спинкой. Цепей, которых она так боится, к ее радости, нет. Свисает лишь одна, метра на полтора не доходя до пола.

— Ложись. Руки над головой, — она чувствует, как сквозь наигранное спокойствие приказа рвется страсть. Он тоже ее хочет, дико, нестерпимо.

Сухо щелкают карабины, и она совершенно беспомощна и распята. Холодный шелк простыней заставляет напрячься каждую мышцу.

Он приподнимает ее голову, укладывая на небольшую, жестковатую подушку. Снова целует в губы, жестко, больно, и она понимает, что он еле сдерживает свое желание.

Матрас прогибается под тяжестью его тела. Он наклоняется над ней, медленно разглядывает ее, лаская взглядом каждый миллиметр ее беспомощно распростертого перед ним тела. В его руках оказываются ножницы, ей страшно, и этот страх плавит ее изнутри. Он решительно и спокойно перерезает лямки, потом режет тонкую ткань посередине, между ее груди, одним рывком срывает ее. Такая же судьба постигает и кружевные трусики. Теплые капли падают на кожу, сладкий, немного душный запах разливается в воздухе. Апельсин, ваниль, корица, вербена... Горячая ладонь мучительно медленно проводит ладонью по плечам, по груди, втирая масло, пальцы больно сжимают набухшие соски. Это уже почти нестерпимо, жжет и плавит. У нее вырывается стон.

— Тшшш, ни звука.

Она послушно кивает. Но это так трудно — не кричать и не стонать.

Оставив в покое грудь, он гладит ее живот, и она беззвучно кричит от нестерпимого желания почувствовать его там...ниже...

Но он отстраняется. Нет... она больше не выдержит... Опускает веки, пытается справиться с разливающейся внутри горячей волной...

— Открой глаза. Я хочу видеть их.

Послушно распахивает глаза. У него в руках плеть из множества тонких полосок замши.

Она не может оторвать глаз от орудия наказания, тихо всхлипывает и дрожит.

Бархатистая замша скользит по коже так нежно, ласкает, расслабляет. И вдруг резкий, обжигающий удар. Она непроизвольно вскрикивает, и его ладонь закрывает ей рот.

— Тихо! — это уже даже не приказ. Рычание. Ей жутко, и это еще обостряет и так напряженные до предела нервы. — Если ты не будешь тихой, придется вставить кляп.

Она испуганно смотрит на него, холодея. Он абсолютно серьезен. Она не хочет кляп!

— Я... буду... тихой, — губы не слушаются, зубы выбивают нервную дрожь. — Прости...

— Я не разрешал говорить! — хриплое низкое рычание.

Снова резкий удар, и она из последних сил сдерживает крик. Боль, опалив кожу, тут же превращается в приятное покалывание, растекается жидким пламенем. А потом на ее дрожащее тело обрушивается непрерывный град ударов, и кожа пылает под ними все сильнее, будто оплаваясь, растворяясь, обнажая нервы. Почти потеряв сознание от интенсивности ощущений, она вдруг чувствует, как ее горящее тело мучительно нежно гладит его прохладная ладонь.

И опять прогибается матрас, она чувствует его жаркое, неровное дыхание между широко разведенных ног, дергается в бесплодной попытке сжать колени. Паника нарастает, лишая последних остатков разумного.

Она хрипит, отчаянно натягивает ремни, с ее губ уже готово сорваться «стоп». По щекам текут слезы, он ложится рядом и нежно собирает их губами.

— Тише... тише... — шепчет родной голос, в нем столько нежности. — Дыши... дыши...

Она дышит, глубоко, судорожно вдыхает воздух, горячий, плотный, он едва проталкивается в ее легкие.

Он обхватывает ладонями ее лицо, смотрит прямо в глаза.

— Мы можем прекратить. Хочешь? Скажи тогда "стоп". И мы уйдем домой.

Да, да, да... домой. Она уже открывает рот, чтобы выдохнуть это слово.

— Но тогда ты не получишь самого сладкого...

Он смеется, а его пальцы гладят, кружат, ласкают.

— Так что, мне прекратить?

Он шепчет в ухо, щекочет дыханием.

Паника отступает, а болезненная тяжесть внизу становится все нестерпимее.

Нет... она не сможет... ее разорвет от возбуждения.

Вспомнив, что говорить ей не разрешали, качает головой.

Он целует ее в губы, нежно, долго и вбирает в себя ее нетерпеливый стон.

— Не сдерживайся больше, — горячий шепот на ухо, — можешь кричать.

И опять устраивается между ее ног.

Нежнейшие прикосновения языка, губ, его дыхание. Убийственная сладость. Она кричит, хрипит и извивается.

— Моя... давай... — вибрация от его шепота посылает ее как ракету на такую высоту, что нечем дышать. А потом она сгорает в ослепительном взрыве.

И тут же чувствует, как он входит в нее резко, больно, сразу на всю длину, царапнув нежную кожу бедер слегка колючим сукном расстегнутых брюк, и опять кричит от нестерпимого наслаждения, от такого желанного освобождения.

Дав ей немного прийти в себя, он отстегивает карабины и заставляет встать. Ноги дрожат и не слушаются, но вскоре ее запястья прикованы к спущенной с потолка цепи так, что пола касаются только пальцы ног, будто у балерины на пуантах. Тело натягивается как струна, снова начинает закручиваться тугой жгут желаний. Она не верит. Только что ей казалось, что она умерла.

Теперь в его руках черный кожаный хлыст. Как у того мужчины в клубе. Кончик хлыста проходится по ее телу, обводит грудь, легко скользит между бедер, по щеке, прикасается к губам...

— Открой рот! — грубость приказа взвинчивает ее нервы, она повинуется, дрожа от нетерпения, возбуждения и страха.

Он грубо вталкивает ей в рот кончик хлыста, оцарапав небо.

Странный вкус кожи и сладко-соленый, ее вкус...

— Попробуй! Ты опять течешь. Помнишь, ты провинилась вчера? А что делают с непослушными?

Грубая пошлость его слов заставляет чувствовать себя грязной, порочной. И неожиданно это заводит еще больше.

Влажный кончик хлыста скользит по ее губам, щеке, по шее, по груди. Соски холодит, они еще твердеют, хотя и так уже до боли чувствительны. Он обходит кругом. Плечи, спина, ложбинка между ягодицами. Опять спереди. Живот, ниже...

— Их наказывают, — хриплый голос отдается судорогами внизу живота как эхо. — Они получают порку.

— Пожалуйста... — шепчет она, не понимая, о чем просит.

Резкий удар по груди и перед глазами будто вспыхивает белое пламя...

— Я разрешил кричать, а не говорить!

Кожа горит под ударами хлыста, становясь одним сплошным нервом. Ей позволено, и она опять кричит, дико, бессвязно, хрипло, умоляя его... нет, не прекратить... не останавливаться.

Кончиком хлыста он заставляет ее развести ноги шире. Потом пристегивает кольца поножей к скобам в полу. Распята, раскрыта и беспомощна...

Хлесткие удары... Боль... Жгучая, почти на пределе терпимости. Ее накрывает горячая волна, снова взрывает. Остатки разума растворяются в сладком тумане.

Прохладный шелк простыни так приятно холодит горящую кожу на груди и животе. Его рука приподнимает ее, подкладывая подушку, заставляет опереться на локти, разводит ноги. Потом он наматывает на кулак ее собранные в хвост волосы, тянет на себя, и резко, грубо, в один толчок входит сзади. Она больше не может кричать, только хрипит, стонет, он вбивается в нее, все глубже и глубже, задевая невероятно чувствительные места. Она рыдает в голос от нестерпимого наслаждения, и снова взрывается в ослепительной вспышке, выжигающей мозг.

Она больше не ощущает своего тела, будто бесплотная тень, он несет ее в душ, нежно обтирает губкой, горячие струи воды стекают по коже, а она стоит только потому, что ее обмякшее тело поддерживают его руки... Теплое мягкое полотенце укутывает ее... глаза закрываются... она так устала... она так счастлива...

Утром она проснулась в незнакомой постели от прикосновения теплых губ мужа на щеке. Наволочка пахла свежестью, нежно ласкала кожу. Теплое, но легкое одеяло, заботливо подоткнуто со всех сторон. В комнате было прохладно, и вылезать из уютного кокона совершенно не хотелось. Она огляделась — персиковые обои, такого же цвета, только чуть бледнее — плотные шторы на окнах. Кровать, в которой она нежилась, огромная, с резными столбиками по углам, молочно-белый комод, такие же прикроватные тумбочки. На одной из них — прозрачная ваза с букетом чайных роз. Людмила с наслаждением вдохнула нежный, едва уловимый аромат розовых лепестков.

Руслан откинул одеяло.

— Дай я тебя осмотрю.

Она вздрогнула от холода и внезапно поняла, что абсолютно голая. Попыталась натянуть одеяло обратно. Руслан нахмурился и сказал строго:

— Пока мы здесь, ты выполняешь все, что я говорю. Без споров и обсуждений. На живот.

Она вспыхнула. Но возражать не стала и послушно легла. Теплые сильные руки нежно прикасались, поглаживали, исследовали, переворачивали ее как куклу. Закрыв глаза, она прислушивалась к своим ощущениям. Мышцы немного болели, как после тренировки в спортзале. Чуть-чуть ныло внизу живота. Стали безумно чувствительными и слегка болезненными соски. А еще было какое-то непередаваемое чувство легкости во всем теле.

Людмила почувствовала, как пальцы мужа втирают в особо болезненные места, там где остались следы от хлыста, какую-то мазь.

Потом Руслан поднес ей на раскрытой ладони желто-белую капсулу, она послушно положила ее в рот, сделала глоток воды из поданного им стакана. Руслан присел рядом на постель, нежно поцеловал в припухшие губы. Она резко выдохнула сквозь зубы.

— Болит? — немного виновато спросил он, тут же отстраняясь.

— Ерунда, — ответила она и обняла за шею, притягивая к себе.

— Ненасытная, — улыбнулся Руслан и опять поцеловал, уже настойчивее, сжал грудь, она простонала ему в губы.

— Прости, — снова сказал он, отстраняясь.

— Ты извиняешься? — она усмехнулась. — Мне показалось, что тебе нравится делать мне больно.

Его лицо стало серьезным, глаза потемнели. Людмиле снова стало не по себе. В родных чертах мужа опять проступил вчерашний властный незнакомец.

— И это тоже, — сказал он глухо. — Но тебе ведь понравилось?

Она помолчала. Ей хотелось быть абсолютно искренней, она чувствовала всем сердцем, что Руслан ждет от нее этого. Она не была уверена, что ответив сейчас «да», будет до конца честной.

— Мне не понравилась боль, — в его глазах на долю секунды мелькнула растерянность, вина и разочарование.

— Мне понравилось наслаждение, которым она может быть, — продолжила Людмила и прижалась губами к его руке. — Как мне тебя теперь называть? Господин, Мастер?

Лукаво улыбнувшись, она положила голову ему на колени, потерлась щекой о его руку.

Он резко выдохнул, и зарылся лицом в ее волосы, шепча что-то маловразумительное и нежное. Потом взял ее лицо в ладони и посмотрел пристально в глаза.

— Пусть будет Господин... Спасибо, моя Милочка!

Она едва не разрыдалась от переполнившей нежности.

Еще какое-то время они просто лежали, обнявшись, он, легко касаясь пальцами, перебирал ее спутавшиеся волосы, гладил по щеке, обводил контур губ.

Потом Руслан встал и достал из стенного шкафа дорожную сумку. Из нее извлек пакет с логотипом магазина «Дикая Орхидея» и положил на постель перед женой.

— Твое белье вчера погибло, — лукаво улыбнулся он. — Это замена. Надеюсь, тебе понравится.

Людмила открыла шуршащий пакет и достала оттуда очень изящный комплект цвета шампанского, кружевной, нарядный, но менее откровенный, чем тот, что стал жертвой вчерашней сессии.

— Там душ, — сказал Руслан, показывая на боковую дверь, — внутри есть полотенца и банные халаты.

Людмила выскользнула из постели, тихо охнув от тянущей боли в мышцах, и направилась в ванную.

Стояла под горячими струями, она пыталась уложить всю эту странную мешанину чувств, образов и ощущений от пережитого, но они не прекращали безумную карусель в ее голове. Сушила волосы и рассматривала свое отражение в зеркале. Неужели вчера это все было с ней? Эта безумная менада, что стонала, кричала и хрипела, умоляла не прекращать бить ее хлыстом — это она? А тот властный, жесткий и волнующий господин с флоггером — ее Руслан? Невероятно!

В сумке она нашла свои любимые джинсы, теплые носки, футболку и свитер.

Улыбнулась предусмотрительности мужа, и с удовольствием оделась в привычную одежду. Ее черное платье было аккуратно сложено на самом дне.

Через полчаса они завтракали в столовой вместе со Шталем.

Людмила удивленно отметила отсутствие Евы, она все не решалась спросить, но доктор угадал ее любопытство и произнес:

— Ева отправилась навестить своих родителей. У нее неделя свободного времени.

После завтрака Шталь пригласил их в свой кабинет. Они уселись в кресла, а доктор прошел к своему столу, выдвинул ящик и достал оттуда какие-то бумаги и две коробочки из темного бархата, одну маленькую, другую побольше.

— Надеюсь, все прошло успешно? — спросил Шталь, сдержанно улыбаясь, обращаясь скорее к Руслану, чем к Людмиле.

— Думаю, что да, — ответил он, сжимая ее руку и поглаживая костяшки пальцев.

Людмиле стало стыдно от мысли, что этот строгий человек знает, что происходило вчера в его «салоне».

— Великолепно! — сказал Шталь, — я счастлив и горд, что смог помочь вашей удивительной паре. У меня давно не было таких талантливых учеников. Уверен, у вас все будет просто замечательно. Кстати, вы получили право вступить в Сообщество.

Людмила посмотрела на мужа, не понимая о чем речь. Но, видимо ее муж все отлично понял.

— Это большая честь, — произнес он.

Шталь передал ему бумаги, которые держал в руках.

— Прочитайте и подпишите. Это Устав Сообщества и правила, обязательные для всех. Первый год бесплатный, начиная со следующего обязательны членские взносы, размер которых зависит от статуса. Вы пока новички, и сумма не будет обременительной.

Людмила смотрела, как ее муж внимательно вчитывался в документы, потом взял из рук Шталя ручку и поставил свою подпись, передав документы ей.

Она попыталась читать, но строчки расплывались у нее перед глазами, она никак не могла вникнуть в смысл написанного. Беспомощно посмотрела на мужа. Он кивнул ей одобрительно, и она расписалась под его подписью на всех листках, передав документы Шталю. Один экземпляр доктор спрятал в какую-то папку, другой снова отдал Руслану.

Потом взял со стола коробочки, открыл первую, достал оттуда печатку, серебряную с чернением, и на открытой ладони преподнес его Руслану.

— Изображение на кольце — трикселион, это символ принадлежности сообществу. Указывает на статус владельца и служит пропуском на все закрытые мероприятия, проводимые сообществом в нашем городе и в любом другом, по всему миру.

Руслан принял из рук Шталя перстень и надел его на средний палец левой руки.

Шталь открыл вторую, побольше, и достал оттуда кольцо, похожее на то, которое носила Ева.

— Это для тебя, — улыбнулся он Людмиле, протягивая украшение. — Это символ твоего статуса.

Она осторожно взяла его в руки, слегка вздрогнув от прикосновения холодного металла.

— Через три дня состоится рождественский бал. Естественно, вы приглашены. Место и время указано здесь, — Шталь передал Руслану два плотных листка, похожих на билеты в театр. — И еще. У нас не приняты реальные имена. Придумайте себе псевдонимы, под которыми вас будут знать в сообществе.

Платье для бала Руслан выбрал и купил сам, не советуясь с Людмилой. Это слегка царапнуло обидой, но она понимала, что это часть ритуала, а глаза мужа светились таким восторгом, когда она медленно поворачивалась перед зеркалом, разглядывая откровенный вырез на спине с переплетенными тонкими цепочками. Глубокий цвет индиго очень шел к ее темным глазам. В дополнение Руслан преподнес открытую коробочку, в которой поблескивали тонкие длинные серьги — цепочки из белого золота с крошечной капелькой бриллианта на концах. Людмила удивленно посмотрела на мужа — сережки явно стоили слишком дорого.

— Пустое, — шепнул он, целуя ее в лоб. — Подарок к Рождеству. К Новому Году премию дали за платных пациентов.

Перед самым выходом, он оглядел ее с ног до головы и спросил строго:

— А колье, что дал тебе Шталь?

Людмила забыла о нем. Да и не слишком хотела надевать. Но тон Руслана не оставлял выбора. Вздохнула, вернулась в спальню за бархатной коробочкой.

Руслан застегнул украшение, и она поежилась. Ошейник был довольно тяжелым, плотно обхватывал шею и оставлял не слишком приятное ощущение несвободы. Хотя она понимала, что так и было задумано. Еще она заметила, что на нем появился округлый медальон с гравировкой — латинские буквы К и Л. Она догадалась, что это за буквы. Руслан выбрал себе псевдоним Кукловод. Людмила просто взяла первую букву от своего имени — Эль. Вспомнила, как Руслан восхищался, как красиво эти буквы будут сочетаться в вензеле.

Старинный особняк на Шпалерной, недалеко от Таврического сада сиял праздничной иллюминацией. Внушительного вида швейцар в красной ливрее, посмотрел на предъявленные Русланом приглашения и распахнул перед ними тяжелую дверь с бронзовой старинной ручкой.

Оставив верхнюю одежду в гардеробной, они поднялись по мраморной лестнице и оказались в большой, ярко освещенной зале с наборным паркетом, светло-желтыми стенами и золочеными светильниками, ярко сияющей хрустальной люстрой.

Людмила ощущала себя Золушкой на королевском балу. Мужчины в смокингах и строгих костюмах, дамы в изящных вечерних платьях в пол, блистающие драгоценностями. На невысоком подиуме играл струнный квартет, вальсы, мазурки и полонезы наполняли зал.

Вдоль стен были расставлены обтянутые белым атласом венские стулья с позолоченными спинками, в толпе сновали юркие вышколенные официанты, разнося шампанское и легкие закуски.

Постепенно она присматривалась к публике, начиная подмечать отдельные детали. Мужчины, в основном старше тридцати, как один носили на левой руке такие же кольца, как у ее мужа. Некоторые, помоложе и в кожаных брюках и жилетах, с ошейниками в шипах, заклепках и кольцах. К кольцу одного была пристегнута цепочка, которую держала в руках дама лет сорока, строгая и надменная.

К ним иногда подходили другие пары, мужчины представлялись Руслану, они обменивались вежливыми рукопожатиями, а их спутницы сдержанно, не без интереса

разглядывали Людмилу. Она отметила, что на многих из них такие же колье, как у нее.

На некоторых девушках, полураздетых, были простые кожаные ошейники, они стояли безучастно у стен, заведя руки за спину, опустив глаза, словно ожидая какого-то сигнала.

Среди толпы они заметили Шталь в сопровождении Евы. Людмила впервые видела обоих такими: доктор, как всегда невозмутимый, в строгом черном смокинге и бабочке и его спутница в изумрудного цвета платье, оставлявшем обнаженным одно плечо, с высокой затейливой прической и с неизменным колье на шее. Доктор приветливо улыбнулся им, его спутница, быстро взглянула на Людмилу и опустила глаза. А Людмилу окатило холодом от воспоминания о давно забытом сне. «Иди сюда, не бойся, — зашептал вкрадчивый голос старика в высокой шляпе». Она крепче сжала руку мужа.

Руслан подал ей бокал с шампанским, позвал официанта с подносом, заполненным таралетками, но Людмила отказалась. Отпила из бокала, прохладное вино приятно защекотало пересохшее горло.

Вдруг музыка смолкла, музыканты покинули сцену, на подиум поднялся Шталь тоже с бокалом шампанского в руке, произнес поздравительную речь, Когда он закончил, собрание сдержанно заплодировало. Доктор спустился с подиума, нашел глазами Руслана и начал неспешно продвигаться через толпу к нему, попутно здороваясь с кем-то, пожимая руки. Наконец, он подошел и, улыбаясь, произнес:

— Рад, очень рад. Надеюсь, вам нравится наш скромный праздник. Скоро начнется самое интересное.

Потом бросил взгляд в сторону Людмилы, задержавшись на ее колье, улыбнулся и сказал:

— Ты великолепно выглядишь. И просто отлично, что не забыла про мой подарок. Это важно, поверь.

Людмила недоуменно посмотрела на доктора, а сердце защемило от странного предчувствия.

Шталь лукаво усмехнулся, взял ее под локоть и, склонившись к самому уху, тихо сказал:

— Это украшение означает, что ты — сабмиссив, медальон на нем с гравировкой, что несвободна. Как обручальное кольцо. Металлический ошейник без гравировки и медальона носят сабмиссивы в поиске доминанта. Дамы, у которых кольцо, как у твоего мужа на левой руке, позиционируют себя доминами. Некоторые из них в сопровождении своих сабов. А те девушки и несколько молодых людей, на которых простые кожаные ошейники — доступны для каждого в этом зале. Я сам придумал такие знаки отличия. Это очень удобно. Появившись вообще без какого-либо опознавательного знака, можно спровоцировать различные неудобные ситуации.

Людмила нервно сглотнула.

— Сейчас начнется шоу, и вы все увидите. Приятного вечера.

И доктор с Евой растворились в толпе.

Публика постепенно сосредоточилась у подиума, видимо ожидая начала обещанного Шталем шоу.

Снова заиграла музыка, какая-то эротичная, тягучая мелодия с неровным ритмом. На сцену двое мужчин в черных полумасках вытолкнули девушку, почти обнаженную, в одних стрингах, в простом кожаном ошейнике. На ее собранных в хвост волосах было закреплено нечто, напоминающее фату невесты, только алого цвета.

Девушка опустилась на колени, завела руки за спину, и один из мужчин в маске

защелкнул на ее запястьях наручники, грубо одним движением сорвал с нее стринги, потом, обращаясь к публике, произнес:

— Прощу, господа, не стесняйтесь! Невеста готова к своей первой брачной ночи!

Сразу несколько мужчин поднялись на подиум, один мямлил ее грудь, прищипывая соски, другой шлепал ладонью пониже спины, третий взял в руки плеть-флоггер...

Она прижалась лицом к плечу Руслана и тихо сказала:

— Давай уйдем?

Он склонился к ней, легко коснулся губами виска и ответил, как ей показалось не без сожаления:

— Ты точно этого хочешь?

Людмила вдруг испугалась, что он откажется уйти.

— Мне нехорошо. Все это... Слишком для меня.

— Ладно, — вздохнул Руслан. — Нужно только найти Шталь.

Градус веселья и безумного возбуждения среди публики повышался, в зале образовались группы, в центре которых оказывались те самые девушки, в простых кожаных ошейниках, и рождественский бал плавно перерастал в групповую оргию. Людмила смущалась и сильнее стискивала руку Руслана. Он обнял ее за плечи и они стали пробираться к дальнему концу комнаты, где на обитом атласом диванчике расположился Шталь. У его ног на бархатной подушке на коленях сидела Ева, уже сменившая свое роскошное платье на короткую плиссированную юбочку и черный с кружевом корсет. Доктор беседовал с каким-то седовласым господином, которого окружали сразу несколько полураздетых девушек в ошейниках. Одна из них стояла перед ним на четвереньках, господин устроил свои ноги на ее спине, будто на скамеечке. Еще две стояли рядом, сложив руки за спиной, покорно ожидая его приказов.

Руслан, все так же сжимая руку жены, подошел ближе и сказал, обращаясь к доктору:

— Простите, что прерываю вашу беседу. Мы хотели поблагодарить за приглашение и откланяться.

— Так рано? — удивился Шталь.

Но посмотрев на смущенное, растерянное лицо Людмилы, усмехнулся:

— Вы немного шокированы. Я понимаю. Но так и не попробовать главного блюда?

Он лукаво посмотрел на Руслана, бросившего мельком взгляд на девушку у ног его собеседника.

Руслан вежливо ответил:

— Простите. Супружеская верность для нас обоих — жесткий предел.

Шталь промолчал, по его губам скользнула странная улыбка, а в груди у Людмилы больно защемило.

— Пределы партнеров — святое, — сказал Шталь и протянул Руслану руку для прощания.

Они ехали в такси домой, оба взведенные до боли в натянутых нервах. Захлопнув входную дверь, Руслан почти сорвал с нее шубу, небрежно отбросил ее на пол, рванул молнию на платье, жадно до боли обхватил ладонями грудь, впился в губы, в шею жесткими поцелуями. Людмила тоже задыхалась от возбуждения и с жаром отдавалась нетерпеливым ласкам мужа. Но тут Руслан положил ей руки на плечи и надавил, заставляя опуститься на колени. Она поняла, чего он хочет, и испугалась. Раньше Руслан никогда не просил у нее такой ласки, а сама она даже не думала проявить инициативу. Сглотнула комок в горле и

посмотрела снизу вверх на него. Руслан расстегнул ремень и молнию брюк, потом поднял ее лицо за подбородок, тяжело дыша, едва сдерживаясь, и хрипло отрывисто спросил:

— Ты уверена? Хочешь этого?

Она не была уверена. Но Руслан провел пальцем по ее нижней губе, заставляя открыть рот, а другую руку положил на затылок и запустил пальцы в волосы...

...По лицу текли слезы, Руслан поднял ее с колен, поцеловал в губы, нежно провел ладонью по лицу.

— Спасибо, спасибо, — шептал он между поцелуями.

А Людмила не знала, что именно чувствовала в тот момент — радость, от того, что доставила мужу удовольствие таким способом, стыд или унижение от того, что он заставил ее сделать это. Тем более, что они были дома, не в студии. И он был ее Русланом, а не пугающим властным незнакомцем, не Кукловодом.

Она закрылась в ванной и долго стояла под душем. Слезы текли по щекам и растворялись в теплых струях воды, но ощущение чистоты не приходило.

Прошла на кухню, поставила чайник. Руслан вошел и обнял ее сзади, прижимая к себе. Она отстранила его руки.

— Обещай мне больше никогда так не поступать.

Ее голос дрогнул.

Руслан развернул ее за плечи, взял лицо в ладони, она снова вырвалась из его рук.

— Ты же хотела...

— Разве я сказала что хочу? Ты даже не дождался моего ответа. Заставил меня...

Снова из глаз потекли слезы...

Руслан обнял ее, прижал к груди. Вырваться сил не было, просто хотелось выплакаться.

— Не смей больше, — всхлипнула, но собралась и продолжила. — Тут. Дома. Я не Эль, а ты не Кукловод. И я не хочу больше на эти собрания. То, что они делают... Это мерзко.

— Успокойся. Я виноват. Прости. Не сдержался. Не хочешь — больше не пойдем. Обещаю.

Руслан гладил ее по волосам, по спине, шептал на ухо. Шепот перешел в поцелуи, поглаживания в ласки. И опять все закончилось в постели. Засыпая, она подумала, что слишком легко простила Руслана, и не нужно позволять Игре проникать в повседневную жизнь.

Следующий день она провела в сладкой праздности. Руслан, чувствуя свою вину, окружил ее нежной заботой — приготовил сам завтрак, сварил кофе и принес все это на подносе. Особенно трогательным был цветок герани в стакане с водой. Герань росла в кухне на подоконнике, посаженная по совету мамы Руслана. «Хорошо лечит отиты», — сказала Мария Ивановна, вручая Людмиле горшок с цветком.

Они провалялись почти весь день в постели: смотрели фильмы, Людмила читала вслух последнюю купленную ею книжку. Даже вместо обеда заказали суши. Такое Людмила не позволяла себе со студенческих времен. И все эти занятия прерывались поцелуями, прикосновениями, сексом, нежным, ласковым. «Ванильным», как сказал Руслан, почему-то с оттенком пренебрежения.

А вечером Руслан, серьезный, собранный, усадил ее на диван, сел рядом и сказал:

— Нам нужно все обсудить. Четко обозначить правила и пределы. Чтобы больше не повторять ошибок. Хочу, чтобы все было правильно. Согласна?

Людмила кивнула. Этот разговор был необходим. Она уже была совсем не уверена, что хочет продолжать. Но понимала, как этого жаждет Руслан. Ей просто было нужно, чтобы он уговорил ее, рассеял ее сомнения.

— То, что случилось вчера, больше не повторится.

Руслан сжал ее руку.

— Дома между нами ничего не изменится. Чистая ваниль. Обещаю.

— Я люблю ваниль, — улыбнулась Людмила.

— А я острое и с перчиком. Хотя сладкое тоже иногда бывает приятным.

Он провел кончиками пальцев по ее щеке, по губам. Потянулся к ней, чтобы поцеловать.

Людмила отстранилась.

— Так мы опять не поговорим. Это не все мои условия!

— Хорошо. Твои пределы — святое для меня.

Фраза прозвучала немного фальшиво и наигранно. Руслан в точности повторил слова Шталя.

«Прилежный ученик», — усмехнулась про себя Людмила.

— Мы не будем больше играть в салоне Шталя.

Руслан удивленно посмотрел на нее.

— Но доктор только будет рад...

— Я не хочу, — твердо ответила Людмила. — Я обязана объяснять?

— Конечно нет. — Руслан вздохнул, — значит, я договорюсь со Шталем, и мы снимем студию. Когда назначим день для Игр? Я предлагаю вечер пятницы. Чтобы возвращаться домой в субботу. Так мы сможем не ущемлять Антошку в общении.

— Согласна. И еще одно. Я больше не хочу участвовать в этих сборищах.

Руслан снова вздохнул.

— Милая, боюсь, нам придется там бывать. Но обещаю, мы всегда будем уходить до того, как начнется «веселье».

Людмила засомневалась. В конец концов, первая часть бала была очень даже приятной...

— Хорошо. Но решать, когда уходить, буду я.

— Да, моя Милочка.

Руслан поднес к губам ее руку и поцеловал в раскрытую ладонь.

— Ты хочешь, чтобы мы обговаривали каждую сессию? Или предпочитаешь сюрпризы, как в первый раз?

Он сказал это таким тоном, что ее бросило в жар, по спине побежали горячие мурашки. От нахлынувших воспоминаний она закрыла глаза.

— Сюрпризы, — ответила хрипло.

Горло пересохло, а сердце застучало быстрее.

— Только...

— Что только?

Горячие сухие губы мужа уже скользили по ее шее, ладонь сжала грудь... Разговор грозил закончиться снова в постели...

— Порка... не просто так... нужна причина... и цепи... я боюсь их...

— Хорошо, — пальцы Руслана уже забрались под полы халата, развязали узел пояса. — Страхи будем преодолевать. Постепенно. Какие выберем стоп-слова? Чтобы ты не забыла их

в самый ответственный момент...

Внутри разливалась горячая лава возбуждения, голова кружилась...

— Горячо... — выдохнула Людмила в губы, что целовали ее так сладко.

— Умница, «тепло» — если ты на грани, и «горячо» — если нужно немедленно прекратить. Постараюсь, чтобы они нам не понадобились. Что-то еще?

Выскользнула из халата... под ним ничего... больше сдерживаться нет сил.

— Хочу тебя...

Антошка вернулся из поездки довольный и счастливый, радостно рассказывал о резиденции Санта Клауса, о катании на оленьих и собачьих упряжках, на санках и лыжах, показывал фотографии, сделанные на новом планшете. Особенно удался Бушманов, позорно растянувшийся на горке, в одной лыже и съехавшей на нос шапке.

Незаметно пролетел январь, он всегда кажется коротким из-за первых праздничных недель. Снова закрутилась рутина обычных дел: работа, семья, Антошкина школа, проверка уроков по вечерам, разговоры по телефону с мамой об очередном повышении квартплаты и ее новых сапожках «ужас каких дорогих, но таких миленьких».

Февраль принес ледяной ветер с залива и снегопады. Дорожники как всегда не справлялись с заносами, Руслан вскоре бросил откапывать каждый день их машину, и Людмила добиралась на работу на метро. Больше всех этим был недоволен Антошка. Он ненавидел школьный автобус. А еще Руслан запретил ему брать в школу планшет. Единственным утешением для сына был оглушительный успех его финской фотосессии на школьной выставке под названием «Зимние забавы».

Но прежнего ощущения бега по кругу больше не было. Теперь в жизни Людмилы была тайна. Игра постепенно занимала в их жизни свое место. Людмила ловила себя на том, что ждет этих пятниц, когда серая и монотонная обыденность отступала, и она погружалась с головой в этот темный волнующий мир. Мир, где не было Руслана и Людмилы Сикорских, где безраздельно властвовал жесткий и волнующий господин Кукловод, а она была его послушной игрушкой — куклой Эль.

Шталь помог им снять студию на Петроградке — однокомнатную квартиру в новостройке. Вместе с Русланом выбрали для нее оборудование, правда девайсы и игрушки подбирались без ее участия. «Ты хотела сюрпризов, — улыбался Руслан.

Правда, они едва не «погорели». Антошка застукал их за горячим обсуждением преимуществ и недостатков разных моделей скамеек для порки. Пришлось срочно врать ему, что это спортивный тренажер.

От сессии к сессии Людмила училась безраздельно доверяться его власти, не задумываться над приказами, не анализировать ощущения. Ее Кукловод обращался со своей игрушкой бережно, тонко чувствовал ее, никогда не доводя до самого края. Людмиле ни разу не пришлось использовать стоп-слова.

Иногда они все же, правда, без особого удовольствия (по крайней мере, со стороны Людмилы), посещали мероприятия сообщества. И всегда покидали их до начала «шоу». Больше всего Людмилу раздражали оценивающие взгляды мужчин, носивших такие же кольца, как и ее муж. На собраниях Руслан никогда не оставлял ее одну, не отпуская ни на шаг, и она чувствовала себя защищенной.

Но постоянно быть рядом он быть не мог.

В редакцию журнала, где она работала в последние два года, был приглашен известный

фотохудожник Артем Каверин. Его работы очень нравились Большой. Она считала его редким талантом, умеющим в фотографиях, особенно черно-белых, раскрыть душу женщины. Каверин должен был сделать для журнала серию фотографий под общим рабочим названием «Грани женственности». Людмиле поручили подобрать к готовым фотографиям цитаты — стихотворные, прозаические, отражающие суть каждого снимка.

Встреча с художником была назначена на четыре часа пополудни в рабочем кабинете Людмилы. Но он, как назло опаздывал. Решив уже, что Каверин не появится, она собралась домой, как вдруг дверь в ее кабинет распахнулась, и на пороге появился мужчина, лет тридцати, высокий, стройный, с темными волосами до плеч, одетый в темное кашемировое пальто, небрежно распахнутое. Белый шелковый шарф-кашне, перекинутый одним концом через плечо, подчеркивал богемный образ. Это, несомненно, был Каверин.

— Вы Сикорская? — довольно бесцеремонно спросил он. И тут же застыл на пороге, пристально вглядываясь в ее лицо.

На двери кабинета Людмилы была табличка с ее фамилией. Но кто читает эти таблички? Она поморщилась, но заставила себя радушно улыбнуться и протянула вошедшему руку.

— Здравствуйте, а вы — Артем Каверин?

Руки своей он не подал, странно ухмыльнулся и небрежно развалился в кресле перед ее столом.

— Да, собственной персоной, — ответил он, улыбаясь и продолжая нахально разглядывать Людмилу.

Что-то в его лице показалось ей смутно знакомым, и глухая, неясная тревога заскреблась в душе, будто мышь в буфете.

Людмила рассказывала ему об идее фотоэссе, показывала наброски их дизайн-редактора, а он все смотрел на нее странным взглядом, будто и не вникал в смысл того, о чем она ему говорила.

И вдруг, усмехнулся и накрыл ее ладонь своей. На среднем пальце у Каверина было такое же кольцо, как у Руслана. Она вдруг вспомнила, откуда знает его. Он был постоянным посетителем всех званных вечеров сообщества и активным их участником. Людмила смутилась и опустила глаза.

— Ты все еще не свободна? — проговорил он тихо, встал, обошел стол, и присел на него.

— Нет, — довольно резко ответила она и попыталась вскочить. Каверин мягко толкнул ее обратно.

— Ну-ну, — сказал он, тоном, каким успокаивают лошадей или собак, — это дело времени. Если вдруг надумаешь сменить дома, только скажи. Ты мне нравишься. Очень.

Каверин протянул руку и попытался погладить ее по щеке.

— Оставьте меня! — выкрикнула она, вздрогнула от омерзения и отбросила его руку. Каверин встал и отошел, Людмила выдохнула было с облегчением. Но он не собирался отступать. Заметив в двери кабинета ключ, он повернул его, вынул из замка и, нахально ухмыляясь, положил в карман. Потом снова направился к Людмиле. Она вскочила с места, метнулась к окну, будто там был выход.

— Ты же не будешь кричать? Устраивать переполох — такой позор! Твои курицы-коллеги будут судачить потом неделями!

Каверин явно издевался над ней. Но кричать и правда было глупо.

Людмила вернулась к столу и попыталась взять трубку телефона.

Каверин резко схватил ее за запястья, завел руки за спину, развернул, нагнул над столом, задрал юбку.

— Строптивая рабыня, — прорычал он, — я таких люблю.

Он удерживал ее запястья за спиной одной рукой, второй пытаясь сорвать с нее колготки вместе с трусиками.

Она отчаянно вырывалась, и наконец, ей удалось освободиться, она развернулась и замахнулась, чтобы залепить Каверину пощечину.

Он успел перехватить ее руку и заметил обручальное кольцо.

— Так сабочка замужем? — насмешливо протянул он. — А может мне позвонить твоему мужу и рассказать о том, где ты бываешь и чем занимаешься? Или по-хорошему встанешь на колени и обслужишь меня ртом?

Ярость и возмущение вдруг улеглись. Их сменило мстительное предвкушение.

— Хочешь позвонить? — спокойно сказала Людмила, — давай.

Взяла со стола свой телефон и набрала номер Руслана.

— Дорогой, — сказала она в трубку. — С тобой тут хотели поговорить. Один знакомый. Он пожелал, чтобы я обслужила его ртом. У него на пальце кольцо, как у тебя.

Потом выслушала его ответ и подчеркнуто уважительно произнесла:

— Да, Господин.

А потом протянула телефон Каверину...

Людмила не хотела, чтобы эта история стала известной кому-либо кроме Руслана. Но он настоял на том, чтобы рассказать все Шталю.

Доктор заверил его, что это, несомненно, грубое нарушение Устава, и Каверин должен за это ответить. Господин Кей был оштрафован на довольно крупную сумму, и на ближайшем же собрании сообщества публично принес свои извинения. Правда, не сабмиссиву Эль. Руслану, Кукловоду. За покушение на его собственность.

Всегда строгий и чопорный Петербург тихо млеет под теплыми ласковыми ладонями майского солнца. Сизая, вечно хмурая Нева сдержанно улыбалась и бросала в пролеты мостов пригоршни пляшущих бликов.

Людмила шла на Невскому, улыбалась своим мыслям и бережно прижимала к груди большую коробку с новой куклой. Она увидела ее в каталоге, влюбилась с первого взгляда и потом ждала несколько месяцев. Очень тонкой работы, с точно прорисованным лицом, пышными русыми волосами, почти как у самой Людмилы, одетая в вечернее платье, расшитое стразами. Если верить проспекту канадской фирмы, что сделала куклу, болванку с которой отлили фарфоровую голову, уничтожили. Уникальная, одна во всем свете. И теперь это чудо принадлежит ей.

Сегодня она ушла с работы на час раньше. Как всегда забежала попрощаться со Светочкой. Та посмотрела завистливо. Еще бы — ей ведь целых два часа сидеть за рабочим столом и трепаться по телефону.

Охранник на выходе окинул ее оценивающим взглядом. Людмиле даже показалось, что пробормотал: «Хороша... эх... мне бы».

Продавец магазинчика, вручая ей куклу, произнес: «Завидую вам, дорогуша, такая редкость!».

Людмила не знала почему, но в такие дни, как сегодня, она особенно остро ощущала каждый завистливый взгляд. А завидовали ей часто. Особенно женщины.

Еще бы, муж — красавец, умница, талантливый врач ведущий кардиолог частной клиники «Атлант», без пяти минут заведующий Областной Клинической. Такой заботливый, такой внимательный. Образцовый муж, любящий отец. Сын умница, почти отличник, популярный школьный фотограф. Да и в карьере несмотря на то, что «Иван да Марья» едва держался на плаву, тиражи не раскупались, а Большова из последних сил пыталась спасти журнал от краха, Людмила вела свою авторскую колонку «Подсолнух» в электронной версии журнала.

Поводов для зависти было много. Но никто не догадывался о том, что у этой семейной идиллии есть изнанка — странная и мрачноватая.

Каждую вторую пятницу месяца, ровно без двадцати шесть, Руслан Сикорский прощался с коллегами и безответно вдыхавшими по нему девушками-интернами, закрывал свой кабинет, садился в машину и ехал в небольшую квартиру-студию на Петроградской стороне. Открывал дверь ключом и шагал в бархатный полумрак, пропитанный запахом кожи, воска, душистых масел и ее духов. Особый, страстный и немного грешный запах — земляника, фрезии, магнолия, цитрус.

В этом полумраке его уже ждала его Эль, трогательно беззащитная в своей наготе, покорно опустив глаза, на коленях. Обнаженное тело мерцало перламутром в приглушенном, неровном свете десятков свечей. Он небрежно отбрасывал в сторону пиджак, галстук, рубашку, и шел к ней, босой, в одних брюках, подчеркнуто бесстрастный, хотя она знала — его сердце тоже рвется из груди. Поднимал ее лицо под подбородок, любясь тлеющим в глазах возбуждением и немым обожанием.

Властный, жесткий Кукловод. И его послушная кукла Эль. Абсолютная власть. И полное

подчинение. Он — Господин, Мастер, плел сценарии этой возбуждающей, странной, иногда жестокой и темной игры, уводя ее за грань, где боль растворялась в невыразимом наслаждении, а удовольствие рождало слезы. Срываясь в свободный полет сабспейса, она абсолютно теряла ощущение реальности происходящего. И за мгновения этого невероятного, завораживающего полета готова была отдать все, вытерпеть любые испытания, которые приготовил ее Господин. Дрожала всем телом от пережитого, обессиленная, отдавалась его сильным твердым рукам, сквозь шум в ушах слышала, как он шепчет нежные глупости, благодаря ее за доставленное ему наслаждение. В такие моменты она чувствовала себя по-настоящему живой.

Сегодня была пятница. Та самая пятница. Людмила шла по Невскому и улыбалась своим мыслям, легким, радостным, будто напоенным солнечным светом, что плясал в лужицах на мостовой, и делал обычно мрачноватый город добродушно-снисходительным.

У нее еще была уйма времени. Отвезти домой куклу, определить ей место в ее уже обширной коллекции, конечно же, самое почетное, обсудить с сыном прошедший день, взять с него обещание, что на выходных, пока они будут у друзей на даче, мальчишки не разнесут квартиру и не спровоцируют соседей вызвать полицию слишком громкой музыкой.

Принять ванну с пеной, обязательно с запахом черного ириса и магнолии. Он так любит этот аромат. Одеться в выбранную им одежду и белье. Поймать на себе удивленный взгляд сына. Этот наряд не слишком подходит для поездки на дачу. Потрепать его по голове, чмокнуть в макушку, немного виновато объясняя: «Сначала мы с отцом встречаемся в ресторане...» Проверить, что еды сыну и его друзьям хватит на два дня. Еще раз прокричать ему с кухни, где что стоит, и убедиться, что он не слушает, воткнув наушники плеера в уши.

Взглянуть нервно на часы и вызвать такси. С замиранием сердца сидеть в машине в пробке на Большом проспекте, уже понимая, что опоздает.

Взлететь по лестнице, чувствуя, как в горле больно стучит сердце, по спине ползет липкий холод, а колени предательски дрожат. Открыть дверь и войти в полутемную прихожую, судорожно вдохнуть знакомый до жути, волнующий аромат — воск, кожа, цитрус, земляника, фрезии, вплести в него запахи черного ириса и магнолии.

Она неторопливо снимает с себя одежду, аккуратно складывает ее на кресле в прихожей. Он не любит суетливости. Абсолютно нагая, проходит дальше, в комнату, где у окна, повернувшись к ней спиной, стоит он. Безразличный. Безжалостный. Внушающий трепет.

Слезы раскаяния уже готовы пролиться из ее глаз. Но она упрямо сглатывает их, стискивает зубы, чтобы они не стучали. Опускается перед ним на колени. Молча.

Он все также стоит, будто не замечает ее.

Тишина давит на уши, потрескивают свечи, и гулко колотится ее сердце, отбивая нервный и страстный ритм.

Наконец он поворачивается. Медленно. Мучительно медленно. Она опускает глаза, сдерживает всхлипы.

— Ты. Опоздала.

Слова падают вниз как камни. Гулко и страшно.

— Ты понимаешь, как разочаровала меня? Мне пришлось тебя ждать. Двадцать четыре минуты. Двадцать четыре минуты полного разочарования.

Она молчит. Он не разрешил говорить. Она хорошо знает правила игры.

Он уходит куда-то вглубь комнаты. Пройдя безразлично мимо. Она чувствует себя забытой вещью и судорожно всхлипывает от горькой обиды, разъедающей душу.

— Твой проступок заслуживает наказания.

Он у нее за спиной, она чувствует его тяжелое, горячее дыхание на затылке и обнаженной шее.

— Встань, — приказ как удар плети, и она вздрагивает, немедленно повинуется.

Он проводит ладонью по ее спине, спускается по пояснице, поглаживает, ласкает.

— Двадцать четыре удара ремнем.

Она судорожно выдыхает через сжатые зубы.

— По одному за каждую минуту моего ожидания. Хочешь что-то сказать?

— Спасибо, Господин, — ее голос дрожит, но в нем только раскаяние.

Он подталкивает ее к скамейке для порки, и она покорно ложится на нее. Застегнув фиксирующие ремни, он проверяет, не слишком ли туго они затянуты. Растирает ее тело маслом, разогревает.

Потом ласково проводит по волосам, гладит по щеке, опускается на одно колено и заглядывает в глаза.

— Повтори стоп-слова, — тихо говорит он, и в его голосе нет прежнего металла.

— Тепло и горячо, — отвечает она так же тихо.

— Умница, — он нежно целует ее в губы. — Теперь считай. Но тихо. Не переполоши соседей.

Первый жгучий удар опалает кожу, и она выдыхает хрипло:

— Один!

Его ладонь уже мягко массирует место удара, облегчая боль, которая знакомо разливается по коже жидким пламенем, впитываясь, растворяясь, становясь приятным теплом.

Каждый новый удар сопровождается вспышкой в мозгу, постепенно накаляя его до предела, вместо членораздельного счета у нее вырываются хриплые стоны... Но теплая ласковая ладонь дарит облегчение, лаская, прощая...

— Двадцать... — она едва может выговорить последнее слово, со стоном отдирает его от губ — четыре....

Он опускается на колени и покрывает ее горящую нестерпимым огнем кожу нежнейшими поцелуями, каждый миллиметр, каждую клеточку, переполненную жгучей болью...

Освобождает ее, на руках относит на широкую кровать с жестким матрасом и черным шелком простыней. Укладывает на живот и продолжает целовать и ласкать, превращая боль в сладкое упоение нежными прикосновениями. Скоро она уже стонет от нетерпения, выгибаясь под его руками, которые становятся все нетерпеливее, и она кусает подушку, чтобы не закричать от острого почти болезненного наслаждения, умоляет разрешить ей сорваться в сладкую бездонную пропасть.

Но он безжалостен:

— Не смей...

Она всхлипывает и замирает, боясь пошевелиться, удерживаясь в последней отчаянной попытке за самый краешек сознания.

Сладкая пытка прекращается на мгновение, он отстраняется, чтобы что-то достать из ящика комода рядом с кроватью. Запястья вытянутых над головой рук мягко стягивает

ласковый нежный шелк. На поясницу проливается теплая ароматная струйка масла, ладони легко скользят по коже, будто растворяя ее. Постепенно горящий под ней огонь утихает, оставляя легкое приятное тепло, ласковые прикосновения скользят выше, по спине, по плечам, снова возвращаются вниз. Пальцы кружат, дразнят, пока лишь снаружи, но вскоре она тихо вскрикивает от их бесстыдного вторжения. Медленные, сводящие с ума движения... Внутрь...наружу... опять внутрь... наружу...

Она ловит ритм и начинает подаваться навстречу, хрипло дыша, постанывая от нетерпения. Ей уже мало только пальцев... так мучительно мало...

И вот, когда уже почти нет сил сдерживать эту обжигающую волну, он врывается внутрь, резко, глубоко, выбивая из нее глухой гортанный стон, и, до боли прикусывая мочку уха, шепчет:

— Давай...для меня...

Выжигающий напалм затапливает ее до самых дальних уголков сознания...Где-то далеко она слышит его хриплый стон и опять умирает...

...Они лежат, обнявшись, и он тихо гладит ее по волосам, касается губами виска:

— Ты в порядке?

— Да, — шепчет она, и лукаво улыбается, — но, пожалуй, больше не буду опаздывать.

— Никогда? — легкая усмешка и мягкое касание губ на щеке.

— Какое-то время, — хихикает она и прячет лицо у него на груди.

В конце лета Антошка вернулся из международного лагеря в Испании, загорелый окрепший, с забитой фотографиями шестнадцатигиговой флешкой, и, как оказалось, влюбленный в ровесницу, четырнадцатилетнюю жгучую брюнетку-испанку по имени Марита, которой обещал писать каждый день в Фейсбуке. Людмила любовалась повзрослевшим сыном, замечая, как все больше он становится похожим на отца.

Последние теплые дни были пропитаны горьким запахом увядающей листвы, но пока еще не зарядили дожди.

Как-то вечером Руслан сообщил жене, что они приглашены в загородный дом Шталя недалеко от Петергофа на дружеский ужин. Хотя они уже давно не считались его учениками, какая-то особая, до конца не понятная Людмиле связь между ее мужем и доктором продолжала существовать. Особого удовольствия эти визиты ей не приносили, но она давно привыкла подчиняться мужу беспрекословно, без раздумий, когда дело касалось этой стороны их жизни.

Раньше они не бывали в загородном доме Шталя, и Людмила с интересом разглядывала небольшой особняк из темного кирпича, весь увитый уже пожелтевшими плетями дикого винограда и плюща, с изящными коваными решетками на окнах, плотно закрытых жалюзи.

В гостиной жарко горел камин, разливая по комнате тепло, такое приятное после довольно прохладного вечернего воздуха. Здесь за городом приближение осени чувствовалось еще более явственно.

Шталь и Руслан сидели в глубоких кожаных креслах, доктор курил свою неизменную трубку, мужчины вели неспешную беседу, в смысл которой Людмиле вникать совершенно не хотелось. Она сидела на низком мягком пуфе у ног своего мужа, впитывала тепло, идущее от камина, и рассеянно разглядывала пляшущие за чугунной решеткой языки пламени. Неясная тревога не покидала ее весь вечер. И вдруг она поняла, что ни разу за сегодня не видела Еву.

Спросить у Штalia она, конечно же, не решилась бы. Да и прерывать их с мужем беседу тоже.

Но мучится долго от любопытства и тревоги ей не пришлось. Шталь предложил Руслану что-нибудь выпить и взял со столика колокольчик.

На его серебристый радостный звон в гостиную сверху спустилась девушка, и Людмила с удивлением увидела огненно рыжую шевелюру вошедшей.

Шталь тихим голосом отдал ей распоряжения, и она удалилась, немного развязано покачивая бедрами. Руслан, тоже удивленный, спросил:

— У вас новый сабмиссив?

— Да, — спокойно ответил Шталь. — Это Лили. Ева решила расторгнуть договор.

Он произнес последнюю фразу таким тоном, что стало понятно — развивать эту тему он не намерен.

Девушка вернулась с подносом, на котором стоял высокий хрустальный графин, видимо с коньяком, три бокала, бутылка красного вина и ваза с фруктами.

Поставив все это на низкий кофейный столик, она, повинувшись небрежному жесту доктора, устроилась у его ног.

Людмила осторожно разглядывала ее: рыжие волосы, пышными волнами рассыпавшиеся по точеным плечикам, высокая красивая грудь, подчеркнута выставленная напоказ узким корсетом, стройные ножки, обтянутые тонкой сеточкой чулок. Подкрашенные, видимо светлые от природы, ресницы, яркие, темно-зеленые как у кошки глаза. Девушка тоже с интересом поглядывала на Людмилу, но от ее взглядов ей стало не по себе. Было в них нечто оскорбительно-непристойное, будто она приценивалась к ней, как к сопернице.

Людмила поежилась от неприятного чувства и хотела уже отвести глаза, но с изумлением заметила, как Лили разглядывает ее мужа, бесстыдно, медленно проводя кончиком языка по полной верхней губе. Она явно флиртовала с ним. Людмила задохнулась от негодования. Она накрыла ладонью руку Руслана, лежавшую на подлокотнике, а когда он обратил на нее внимание, указала взглядом на Лили.

Руслан улыбнулся, давая понять, что заметил поведение девушки.

Продолжая, как ни в чем не бывало беседовать с Шталем, он словно невзначай заметил:

— Ваша очаровательная Лили видимо совсем недавно в своем статусе.

Шталь посмотрел на него удивленно, перевел взгляд на девушку, которая испуганно потупила глаза, и спросил с усмешкой, уже понимая, к чему клонит Руслан:

— Думаю, этот вывод ты сделал не без оснований?

— Конечно! — продолжил Руслан, все так же непринужденно. — Какой опытный сабмиссив позволит себе открыто разглядывать гостя своего господина, да еще флиртовать с ним?

Лили всхлипнула и обхватила руками колени доктора, шепча что-то невразумительное.

Он спокойно отстранил ее и строго приказал:

— Через час — в игровой. Ступай.

Лили побледнела, ее губы затряслись. Она еще раз судорожно всхлипнула, но потом все же взяла себя в руки и тихо исчезла.

Людмила вдруг поняла, что злорадствует. Ей стало стыдно за свой поступок и это чувство. Но все равно она не могла избавиться от неприязни к рыжей девушке.

Примерно через неделю они с мужем приехали в особняк на Шпалерной на очередное

собрание сообщества.

За три года Руслан, или Кукловод, как его привыкли называть, приобрел некоторый авторитет как ученик Штала, тем более тот всячески подчеркивал его особый статус. Иногда даже доктор просил Руслана исполнять роль арбитра в спорных ситуациях, поэтому к нему относились с уважением и почтением.

К ним как всегда подходили знакомые, уважительно здоровались с Русланом, ему представлялись новички. Людмила, с бокалом шампанского в руках, почти нетронутым, разглядывала толпу, как вдруг заметила знакомое лицо. Это была Ева. На ней был все тот же серебрянный ошейник, только исчез медальон с вензелем Штала. Она выглядела потерянной, и Людмиле стало ее жаль. Она вспомнила бесстыдные глаза новой сабочки доктора, Лили.

Она шепнула мужу на ухо «Я отойду?» и кивнула в сторону Евы. Руслан посмотрел, согласно кивнул, и она не спеша направилась через зал к девушке, присевшей на стул около стены в полном одиночестве.

— Здравствуй, Ева, — Людмила протянула ей руку, немного волнуясь, не зная, на какую реакцию девушки может рассчитывать.

Та посмотрела на нее и вдруг улыбнулась, словно старой подруге.

— Здравствуй. Только я не Ева. Я больше не ношу этого имени. Как и его ошейник. Меня зовут Анна. Можно просто Аня.

Она сказала это с такой грустью, что у Людмилы заныло сердце.

— Могу я присесть? — спросила она.

— Конечно! — ответила девушка.

Они неловко помолчали. Потом Людмила все же решилась.

— Но почему? Это он отказался от тебя?

Ева — Анна, вздохнула и тихо, с горечью произнесла:

— Нет. Я сама. Он представил вам свою новую рабыньку?

Людмила кивнула, и снова вспомнила наглые зеленые глаза рыжей Лили.

— Он сказал, что хочет еще одного сабмиссива. Мой хард лимит — моногамные отношения. Я отказалась продолжать на таких условиях. И ушла.

— Жалеешь? — спросила Людмила, почти шепотом.

Анна отвернулась, пытаясь проглотить подступившие слезы.

— Нет, — ответила она, справившись с собой. — Но... мне больно. Очень. Я действительно его боготворила.

— А с кем ты теперь? — Людмиле внезапно захотелось, чтобы у Анны все было хорошо.

— Пока в свободном плавании, — грустно ответила Анна, — не могу даже представить, как отдам себя кому-то другому. Я принадлежала ему больше четырех лет.

— А зачем тогда появляешься тут? — Людмила откровенно не понимала, зачем берeditь себе раны, наблюдая за Шталем и его новой сабочкой.

Анна опять замолчала. Видно было, как ей тяжело говорить.

— Мне... так легче, — выдохнула она. — Не могу пока... совсем... не могу...

Ее губы задрожали, она отвела глаза и несколько раз судорожно вздохнула, подавляя слезы. Но несколько слезинок все же предательски скатились по ее щеке.

Внезапно Людмиле нестерпимо захотелось помочь этой девушке. Она обняла ее за плечи.

— Все будет хорошо, — сказала она, — слышишь? У тебя все будет хорошо. Ты чтонибудь умеешь?

Смутилась, вопрос прозвучал двусмысленно.

— То есть... профессия. У тебя есть профессия?

Анна кивнула.

— Фотография... я фотограф.

— Можешь прийти ко мне в редакцию? Я дам адрес. Принеси свои работы. Покажем главреду. Журнал переживает не лучшие времена. Больших гонораров не обещаю. Но хороший художник-фотограф всегда пригодится.

Девушка посмотрела на нее с благодарностью.

— Спасибо. Да, думаю, что творчество — это то, что мне сейчас нужно.

Через два дня Анна Черкасская сидела в кабинете Людмилы и показывала свои работы. На фотографиях, в большинстве черно-белых, были самые разные люди — старики, дети, подростки, мужчины и женщины. Каждая фотография была совершенно особенной, в ней чувствовались настроение, душа. Анна и правда была очень талантливым художником.

Оставив ее в кабинете допивать свой кофе, Людмила понесла фотографии главреду и через полчаса вернулась с хорошей новостью. Большова посокрушалась о том, что платить еще одному сотруднику нечем, но когда Людмила сказала, что Анну не пугают скромные гонорары, одобрила ее работы и согласилась взять Черкасскую в штат.

Отправляя Анну в отдел кадров для оформления, Людмила впервые в жизни обняла ее, словно лучшую подругу. Общая тайна будто сблизила их, сделав едва ли не сообщницами. Когда дверь кабинета закрылась, Людмила вдруг поняла, чего ей не хватало в общении со своими немногочисленными подругами. Только с этой девушкой она могла быть совершенно откровенной, не боясь выдать свою темную сторону жизни.

Вечером она рассказала Руслану о своей новой сотруднице, и он удивленно, но одобрительно улыбался. А через неделю она, конечно же, с позволения мужа, впервые пригласила Анну к ним домой, на чашку чая.

Так завязалась их странная дружба. Вместе ходили по магазинам, болтали в кафе, иногда смотрели фильмы, на которые отказывался идти Руслан. Анна быстро нашла общий язык с Антошкой на почве увлечения фотографией, он стал бывать у нее дома, в маленькой квартирке, что купил Анне Шталь, где она оборудовала импровизированную фотостудию.

Правда, личная жизнь у ее новой подруги никак не складывалась. Ванильные отношения она заводить не умела, не смотря на ее яркую внешность, она отпугивала «ванильных» мужчин сдержанностью и робостью, и дальше первых нескольких свиданий, на которые Людмила буквально насильно выпроваживала Анну, дело не шло.

Через две недели на очередном собрании в особняке на Шпалерной Людмила увидела Анну рядом с Кавериним. Она хотела было подойти к ним, но Руслан резко пресек ее порыв. Людмила чуть не расплакалась от бессилия и обиды за подругу.

И ее плохие предчувствия не замедлили оправдаться. Вечер подходил к концу, и они с мужем уже собирались покинуть собрание.

Внезапно в дальнем конце зала публика расступилась, словно там что-то случилось.

Людмила потянула туда мужа за руку, а в груди заныло от предчувствия беды.

Посреди образовавшегося полукруга из зевак стоял Каверин с искаженным яростью лицом, по-видимому, нетрезвый. Перед ним Людмила увидела Анну, на коленях, она держалась за лицо, на тонкой коже явно выступал след от пощечины. Каверин выкрикивал грубые, грязные ругательства, и снова занес руку, чтобы ударить девушку. Людмила рванулась на помощь подруге, но ее опять остановил муж. Отодвинув ее себе за спину,

Руслан встал между Кавериным и Анной.

— Господин Кей, — произнес он убийственно спокойно. — Вы не могли бы избавить общество от внутренних разборок между доминантом и сабмиссивом? Это, как минимум моветон.

Каверин побелел от ярости, но скрипнув зубами, промолчал.

Руслан протянул Анне руку, помог подняться и спросил:

— В вашем договоре предусмотрены публичные унижения?

Она молча покачала головой, продолжая держаться рукой за щеку.

— Господин Кей, — снова обратился Руслан к нему, — вам не кажется, что вы снова нарушаете Устав?

Каверин побледнел еще больше и с ненавистью посмотрел на него. Он хотел было что-то сказать, но наткнулся на строгий взгляд Шталя, появившегося за спиной Руслана. Осекся, снова грязно выругался и быстрым шагом покинул залу.

Из особняка на Шпалерной они уехали втроем. Анна всю дорогу всхлипывала, Людмила гладила ее по плечам, пытаясь унять ее слезы. Они отвезли ее домой, и только после горячего душа и чашки крепкого чая с коньяком, она смогла немного успокоиться и рассказать, что провела с Кавериным всего одну сессию, они даже не подписали договора, только обменялись списками жестких ограничений. В ее списке хард лимит всегда были публичные унижения, и Каверин либо его просто не читал, либо, выпив лишнего, забыл об этом. На том злосчастном вечере он потребовал от Анны обслужить его прямо посреди зала, а когда она отказалась, ударил ее по лицу.

Домой они уехали только под утро, когда девушка, наконец, уснула. Они ехали по тихим, безлюдным улицам безмятежно спящего города, как всегда, шел дождь, и Людмила, не отрывая глаз, смотрела, как стекают капли по лобовому стеклу.

Больно и неприятно ныло сердце, непонятная тревога сидела внутри тупой занозой, и больше всего ей хотелось очутиться в сильных, надежных объятиях мужа.

Засыпая на его теплом плече, она подумала, какое это счастье — что рядом с ней такой удивительный мужчина. Но ощущение неясной тревоги и предчувствия надвигающейся беды не покидало ее.

После этого неприятного инцидента Шталь пригласил их к себе для серьезного разговора. Людмила настаивала на том, чтобы с ними поехала и Анна, но та отказалась наотрез: «Это выше моих сил, снова переступить порог квартиры бывшего господина». Руслан тоже не одобрил ее идею, согласившись, что присутствие Анны было бы неуместным, тем более, что доктор ее в своем приглашении не упомянул. Фактически приглашен был один Руслан, но он твердо заявил, что приедет с женой, от которой у него нет и не может быть никаких секретов.

Шталь встретил их не как всегда в индийской гостиной, а в кабинете, за рабочим столом. Скупым жестом пригласил присесть в кресла. Доктор был на удивление холоден и сдержан. Хотя сквозь маску спокойствия, явно читалось раздражение. Людмила ни разу не видела его таким. Ей ужасно захотелось покинуть скорее этот кабинет и оказаться дома.

— Что же, — начал Шталь сухо, — раз ты решил, что присутствие твоей жены обязательно, не обессудь. То, что я буду говорить, возможно, шокирует ее и обидит. Может все же она подождет в гостиной? Лили подаст чай.

Руслан посмотрел на жену вопросительно, но она решительно покачала головой. Тогда он просто накрыл ее руку ладонью, ободряя.

— Инцидент на собрании с господином Кей, — вздохнув, продолжил Шталь, — к сожалению, имеет неприятные последствия. Он не отличался никогда особо трепетным отношением к соблюдению Устава и правил, неоднократно их нарушал, за что дважды приостанавливалось его членство в сообществе. Но на этот раз он подал обоснованную жалобу на то, что господин Кукловод вмешался в отношения доминанта и сабмиссива, тем самым, ущемив доминанта в его праве свободно и беспрепятственно распоряжаться своей собственностью. Причем это было сделано публично, что усиливает оскорбление доминанта.

Людмила было открыла рот, чтобы возразить, что Анна не подписывала договор с Кавериним и не была его сабмиссивом на момент скандала, но Руслан больно сжал ее руку.

— Позвольте, мессир, — уважительно произнес он, и она заметила, как губы Шталя тронула довольная улыбка, правда мимолетная.

Формально, Руслан не был уже учеником доктора, получив самостоятельный статус доминанта, имеющего постоянного сабмиссива. Поэтому такое обращение было для Шталя крайне лестным.

— Но девушка не подписывала с господином Кеем договора, к тому же, в переданном ему списке жестких ограничений были указаны публичные унижения. Он не вправе был требовать от нее того, что приказал.

Шталь сокрушенно вздохнул.

— Это версия, изложенная девушкой, не так ли? — проговорил он, — Господин Кей представил договор, подписанный днем ранее, где указано, что доминант вправе нарушать некоторые хард-лимит сабмиссива, в том числе запрет на публичные унижения, сексуальные действия в общественных местах и передачу сабмиссива другим доминантам. Под этим документом стоит подпись Анны Черкасской.

Людмила не верила своим ушам. Анна не могла их обманывать, это было очевидно.

Значит, Каверин подделал документ.

— Она не подписывала! — не выдержав, воскликнула она.

Шталь не удостоил ее даже взглядом и снова обратился к Руслану.

— При наличии такого документа твой благородный поступок не может быть расценен, никак иначе, как оскорбление действием другого доминанта, члена сообщества. Я просто вынужден наложить на тебя взыскание.

Руслан помолчал, играя желваками на скулах. Он едва сдерживал свой гнев, Людмила чувствовала, как дрожат от напряжения его пальцы, до боли стиснувшие ее руку.

— Но что, если господин Кей подделал подпись девушки на договоре? — сказал он подчеркнуто спокойно.

Шталь покачал головой.

— Я, по известным причинам, прекрасно знаю руку Анны Черкасской. Это, несомненно, ее подпись.

К горлу Людмилы подступили слезы, она еле сдерживалась, чтобы не разрыдаться от обиды.

— Ну, тогда мне ничего не остается, — проговорил Руслан мрачно, — как отдать свою судьбу в ваши руки. Если мой поступок заслуживает порицания и наказания — значит, так тому и быть.

Шталь несколько секунд разглядывал хрустальный глобус на своем столе. Потом пристально посмотрел на Руслана поверх очков и сказал холодно:

— Я извещу вас о своем решении. Больше не смею задерживать.

И поднялся из-за стола, давая понять, что разговор окончен.

Руслан порывисто встал с кресла, все также сжимая руку жены в своей. Уже уходя, он обернулся и произнес тихо:

— Наверное, я был плохим учеником, потому что поступил бы так, даже зная о существовании договора.

Шталь промолчал.

Вернувшись домой, Людмила первым делом набрала номер Анны. Но она не ответила ни на один звонок.

На работе она тоже не появилась, сказавшись больной. Дверь в ее квартире никто не открыл. Вечером на автоответчике она нашла сообщение от Анны. Всего из нескольких слов: «Простите меня... мне так жаль».

Через два дня Руслану пришло на электронную почту письмо, подписанное Шталем, как председателем Санкт-Петербургского сообщества, в котором сообщалось, что доминант, известный как Кукловод, за оскорбление доминанта, известного как Кей, оштрафован на сумму годового членского взноса и ему запрещено посещать мероприятия сообщества в течении полугода.

Само по себе наказание было крайне мягким. Но несправедливым. Руслан написал Шталю ответное письмо о том, что он более не желает состоять в сообществе.

Людмила слышала, как Руслану позвонил доктор, они о чем-то довольно долго беседовали, и их разговор был явно тяжелым. Но решения своего Руслан не изменил.

Она была даже рада тому, что им больше не придется участвовать в этих собраниях. Но видела, что муж расстроен и подавлен случившимся.

За ужином они не сказали друг другу и пары слов. Антон удивленно переводил глаза с отца на мать и обратно, не понимая, откуда взялось это напряжение. Людмила заметила это

и стала расспрашивать его о школьных делах, об успехах в фотографии. Напряженность немного спала, но Руслан, все так же почти не принимал участия в разговоре, отвечая односложно и невпопад.

Убрав со стола, она отправилась в гостиную, где застала мужа в задумчивости у окна. Она обняла его сзади, прижалась щекой к спине и прошептала:

— Милый, зачем нам все это? Сообщество, Устав, сборища? Зачем?

Он обернулся, сжал ее в объятиях, зарываясь в волосы лицом, и ответил, тоже шепотом:

— Я думал, что все должно быть правильно. Но правила, по которым они играют, нам не подходят.

— Тогда почему ты так переживаешь?

Она искренне не понимала причин его подавленного состояния.

Он сжал ее лицо в ладонях и сказал горько:

— Нас больше никто не прикрывает. Ни Шталь, ни договор о неразглашении, который подписывают все, вступая в сообщество. Понимаешь? Если Каверину завтра вздумается сообщить твоему или моему начальству о нашем увлечении? Он мог сделать фотографии на собраниях.

— Но там нет ничего такого, — возразила Людмила.

— Сам факт нашего там присутствия уже компромат. Пока Каверин жаждет мести, мы не можем чувствовать себя в безопасности, — горько сказал Руслан, и у него на лбу залегла скорбная складка.

Людмила нежно разгладила ее пальцами.

— Пусть попробует.

— Моя смелая девочка, — улыбнулся Руслан, нежно целуя ее.

— Больше всего я боюсь, если каким-то образом эта информация дойдет до нашего сына, — продолжил он тихо.

И тут Людмиле стало по-настоящему страшно. Вздвогнув все телом, она прижалась к груди мужа и прошептала в отчаянии.

— Он не посмеет, не посмеет....

Еще несколько дней были отравлены сомнениями, страхами и попытками найти выход. Людмиле хотелось сбежать вместе с сыном на край света, туда, где никто и никогда не сможет ему навредить. Страшная мысль о том, что зайдя на свою страничку «Вконтакте», Антон увидит фото родителей на фоне групповой оргии, не давала ей покоя. Это все просто сводило ее с ума.

Наконец, Руслан не выдержал и позвонил Шталю.

Через три дня они получили приглашение к нему в офис. В нем сообщалось, что эта встреча будет носить примирительный характер, на нее также приглашены Каверин и Анна Черкасская.

Они приехали в знакомый дом на углу улицы Декабристов ровно к восьми вечера.

В приемной никого не было. Шталь ждал их в кабинете, за письменным столом. Невозмутимый и бесстрастный.

Людмила опасалась, что ей опять предложат подождать в приемной. Она не хотела мучиться ожиданием и неведением.

Но когда они вошли, Шталь скользнул по ней бесстрастным взглядом и жестом указал на два свободных кресла. В третьем, вальяжно развалившись, уже сидел Каверин.

Он цинично и бесстыдно оглядел Людмилу с головы до ног, заставив ее вздрогнуть от

омерзения. Она будто опять почувствовала его потные ладони и грубые пальцы. Руслан перехватил его взгляд и скрипнул зубами. Каверин лишь усмехнулся.

Анны в кабинете Шталя не было. Людмила, утонув в глубоком кресле, внезапно почувствовала себя маленькой и незащищенной. Ей хотелось почувствовать на своих плечах сильные руки мужа. Но показывать свой страх перед Кавериным она не хотела. Выпрямила спину и сложила руки на коленях, опустив глаза, понимая, какую роль она должна здесь играть.

— Итак, — начал Шталь, — напоминаю вам, что встреча носит примирительный характер. Я, как председатель сообщества, обязан заботиться о соблюдении Устава и мирном разрешении любых конфликтов. Все участники встречи обращаются друг к другу без использования псевдонимов, поскольку реальные имена всем известны. То, что на этой встрече присутствуют сабмиссивы, не совсем согласуется с правилами. Но таково было условие господина Каверина.

Последняя фраза царапнула Людмилу смутным беспокойством. Этот мерзавец явно что-то задумал.

— Господин Каверин, — обратился к нему Шталь, — можете изложить суть ваших претензий.

— Но я не вижу Анны Черкасской? — спросил он с сарказмом. — Неужели столь опытный сабмиссив позволяет себе опоздания?

— Конечно, нет, — ответил Шталь спокойно. — Ей даны указания ожидать в соседней комнате до того, как я посчитаю нужным ее позвать.

Каверин удивленно приподнял брови. Вежливо наклонил голову:

— Как будет угодно председателю.

Потом продолжил, с вызовом глядя на Руслана:

— Мои претензии просты и понятны. Господин Сикорский на том злосчастном вечере неделю назад позволил себе не только вмешаться в отношения между мной и моим сабмиссивом, но и сделать мне публичное замечание, поставив под сомнение мое право распоряжаться своей собственностью. Более того, он прикоснулся к моему сабмиссиву без разрешения, тем самым оскорбив меня действием.

— Это все? — спросил Шталь холодно.

— Не совсем, — Каверин усмехнулся, скривив губы, — поведение господина Сикорского повлекло за собой отказ сабмиссива выполнять свои обязанности по договору. Таким образом, мне не только нанесено оскорбление, но и причинен ущерб.

— Претензии ясны, — констатировал Шталь и обратился к Руслану, — господин Сикорский, вам есть что сказать?

Людмила замерла, слушая, как глухо стучит ее сердце и ноет в груди от тревоги.

Спокойный уверенный голос мужа придал ей сил:

— Позвольте не согласиться, — произнес он. — Я лишь попросил господина Каверина не устраивать публичных разборок со своим сабмиссивом, которая, кстати, отрицала, что в договоре предусмотрены публичные унижения. Признаю, что действительно, подал Анне руку, помогая подняться. Разрешения на это я у господина Каверина не получил. Но я не был осведомлен о том, что девушка является собственностью господина Каверина. Намерений оскорбить господина Каверина, словом или действием, у меня не было.

— Я правильно понял вас, господин Сикорский, — осторожно уточнил Шталь, — что вы готовы принести извинения господину Каверину за вмешательство и

несанкционированные действия в отношении его собственности?

Руслан помолчал, а Людмила стиснула зубы, еле сдерживая рвущуюся наружу злость и обиду.

— Готов, — произнес, наконец, ее муж, и она едва не расплакалась от несправедливости происходящего. Ему не за что было извиняться!

— Но только, если получу убедительные доказательства прав господина Каверина на этого сабмиссива, в том числе на нарушение им ее жестких ограничений.

— Нет ничего проще, — воскликнул Каверин и, нагнувшись, взял стоявший у его ног кожаный портфель. Оттуда он извлек несколько прошитых листов, с набранным на них текстом и протянул их Руслану.

Он осторожно взял их в руки и стал внимательно просматривать текст. Людмила с замиранием сердца следила за выражением его лица. Оно становилось все мрачнее и мрачнее, и у нее все сильнее болело в груди.

— Вы удовлетворены? — спросил насмешливо Каверин.

— Почти, — произнес Руслан, передавая договор Шталю. — Хотелось бы еще убедиться в том, что при подписании этого договора был соблюден принцип добровольности.

— Неужели вы думаете, что я пытал девушку, чтобы заставить подписать договор! — рассмеялся Каверин.

Руслан промолчал, не сочтя нужным отвечать.

Шталь позвонил в колокольчик.

Из боковой двери вошла Анна. Бледное, печальное лицо и темные тени, залегшие под глазами. Людмиле стало жаль ее.

Девушка робко присела на указанный Шталем стул, стоявший почти посередине комнаты, опустила глаза в пол.

— Скажи, — обратился к ней Шталь, протягивая ей договор. — Ты подписывала этот документ?

Анна бросила на него взгляд и снова опустила глаза.

— Да, — ответила она тихо, бесцветным голосом.

— Содержание договора тебе известно? — снова спросил Шталь.

— Да, — опять ответила Анна, не поднимая глаз. Потом добавила, еле слышно. — Теперь, да.

— А точнее? — голос Шталя стал строже.

— Я подписала его, не прочитав до конца, — голос Анны дрогнул.

— Почему его не прочитала? — настойчиво спросил Шталь. — Господин Каверин дал такую возможность? Не ограничивал во времени?

— Нет, — выдохнула Анна. — Не ограничивал. Я... — ее голос задрожал... — просто... не дочитала его до конца. Он сказал, что это стандартный договор.

— Так, когда вы ответили на вопрос господина Сикорского, что договор не предусматривает публичных унижений, вы заблуждались?

Она больше не могла говорить и просто покачала головой. Ее губы дрожали, а из глаз готовы были покатиться слезы.

— Но я не принуждал ее подписывать договор! И он, действительно, для меня стандартный, — громко произнес Каверин, и Анна вздрогнула от звука его голоса.

Людмиле стало тошно. Она уже понимала, к чему клонит Каверин и чью сторону примет Шталь.

— Но вы не обговорили перед подписанием возможность нарушения отдельных жестких ограничений? — спросил Руслан Каверина.

Он усмехнулся.

— Я знал эту девушку как опытного сабмиссива, более четырех лет состоявшего в лайф-стайл отношениях с уважаемым председателем. И не мог даже предполагать, что она поступит столь легкомысленно. К тому же мои предпочтения известны в сообществе. Если так угодно, я могу показать свои предыдущие договоры. Они не отличаются от этого ни одной буквой!

— Господин Сикорский, — обратился Шталь к Руслану. — Вы убедились в том, что принцип добровольности при подписании договора был соблюден?

Людмила с болью смотрела на то, как он играл желваками на скулах, буквально заставляя себя произнести это слово:

— Да.

Она не понимала. Не хотела понимать. Как Анна могла поступить так легкомысленно?

— Могу я задать вопрос Анне? — спросил Руслан Шталя.

Тот кивнул.

— Скажите, а если бы вы дочитали до конца договор, и если бы господин Каверин сообщил вам о своих предпочтениях заранее, вы бы согласились на такие отношения?

Анна не поднимала глаз и молчала. По ее щекам скатывались слезинки и тихо капали на сложенные на коленях руки. Она даже их не вытирала.

— Анна? — голос Руслана тоже дрогнул, а Людмила впиалась ногтями в ладони, чтобы сдержать рвущееся наружу негодование.

— Позвольте, я отвечу, — произнес Шталь, — условия о возможности нарушения доминантом жестких ограничений ранее практиковались Анной. Я могу это подтвердить.

Людмила совершенно была сбита с толку, растоптана и потеряна. Весь этот разговор напоминал ей театр абсурда, жестокий, неестественный, сюрреалистический. Ей безумно хотелось встать и убежать. Но стиснув зубы, она продолжала вжиматься в свое кресло, из последних сил стараясь сохранить самообладание.

— Надеюсь, господин Сикорский убедился в соблюдении принципа добровольности, — нетерпеливо сказал Каверин. По всему было видно, что этот спектакль начинал его раздражать, и ему не терпелось осуществить задуманное до конца. — Хотелось бы приступить собственно к примирительной процедуре.

Руслан возражать не стал, но Людмила видела, что он тоже едва сдерживает гнев.

— Каковы ваши условия? — спросил его Шталь.

— Я вовсе не жажду ничьей крови, — усмехнулся Каверин, — но из-за действий господина Сикорского я лишился своего сабмиссива. Думаю, что вправе рассчитывать на компенсацию.

— О какой сумме идет речь? — спросил Руслан ледяным тоном.

— Ну что вы! — с притворным возмущением произнес Каверин, — речь вовсе не о деньгах.

Он жадно и недвусмысленно посмотрел на Людмилу и облизнул губы.

Лицо Руслана потемнело от гнева, он сжал кулаки и вскочил с кресла.

— Господин Сикорский! — резко остановил его Шталь.

Руслан огромным усилием справился с собой, сел обратно. На него было страшно смотреть.

— Боюсь, это не возможно, — проговорил доктор, — господин Каверин не совсем представляет себе особенности отношений господина Сикорского с его сабмиссивом.

— Жаль, — со вздохом произнес Каверин, — но попытаться стоило.

Он снова похотливо посмотрел на Людмилу, и ее затрясло от омерзения.

— Ну, тогда господин Сикорский может выступить гарантом того, что Анна Черкасская выполнит взятые на себя обязательства, хотя бы на срок, указанный в договоре — три месяца. За это время я подыщу себе другого сабмиссива.

Каверин пристально, с жестокой усмешкой смотрел на Руслана, который едва сдерживался, судорожно сжимая кулаки.

Людмила видела, как вздрогнули плечи Анны, а ее голова опустилась еще ниже. Ей было нестерпимо жаль девушку, но к жалости примешивался мерзкий осадок от ее лжи.

— Да, думаю, это приемлемо, — произнес Шталь и выразительно посмотрел на Руслана, будто пытался ему внушить, что отказываться неразумно.

— Но у меня нет власти, чтобы приказывать девушке, что ей делать, — глухо произнес Руслан.

— Приказывать?! — усмехнулся Каверин. — Ну уж нет. Убедить, уговорить. Вобщем, меня мало волнует, каким образом вы это осуществите.

Он встал с кресла, и произнес удовлетворенно:

— Прошу меня простить. Наша беседа затянулась, меня ждут неотложные дела. В субботу в шесть вечера я жду вас, господин Сикорский, у себя. Вы должны лично привезти мне мою вещь. Но или замену ей, по вашему выбору.

Руслан резко выдохнул через зубы, словно от боли.

— Подождите, — вдруг раздался полный страдания и страха, дрожащий голос Анны.

Все посмотрели на девушку. Она решительно вытерла слезы тыльной стороной ладони, медленно поднялась со своего стула и подошла к Каверину. Так же медленно опустилась перед ним на колени и прижалась губами к его руке.

— Простите меня, Господин, — прошептала она. — Не нужно никаких гарантов. Я выполню свои обязательства.

Людмила больше не могла смотреть на этот жестокий спектакль. Она вскочила, не обращая внимания на строгий взгляд Шталя и руку Руслана, пытавшуюся ее удержать.

— Вы все... ненормальные... Это дико, дико...

Хлопнув дверью кабинета, она выскочила вон.

Гулкое эхо ее шагов скакало как мячик, отражаясь от стен. Людмила остановилась, только когда за ней с тяжелым стуком закрылась дверь парадной.

Прислонилась к холодному камню стены. Слез не было. Только горький привкус во рту. Как на пепелище.

Снова хлопнула дверь парадной.

— Мила... пойдём домой.

Она посмотрела на мужа. Он был расстроен и подавлен. Стало стыдно за свою выходку.

— Прости меня... но это было выше моих сил. Она же человек... не вещь...

— Пойдем, Милочка, тебе нужно отдохнуть. Я дам тебе успокоительное. Не нужно было брать тебя с собой.

Почти две недели Анна всячески избегала разговора с Людмилой, придумывая выездные дела, исчезала на весь день из редакции. Встречаясь в коридоре, тихо здоровалась и прятала глаза.

Потрясение от произошедшего долго не отпускало. Руслан попытался объяснить, но она не хотела больше ничего слушать. В их играх всегда было ощущение нереальности. Будто они с Русланом были актерами в странном фильме или спектакле. И впервые Людмила осознала, что Игра может быть смыслом жизни. Самой жизнью. Впервые она поняла истинный смысл термина лайф-стайл. Стиль жизни. Не сессионная игра-ролевка. Полное бесправие и абсолютное подчинение. Постоянно, ежеминутно. Каждый вздох, каждый шаг. Ужаснулась тому, что сделал с несчастной девочкой Шталь.

Неловкость, обида на Анну за ее опрометчивый поступок, который так дорого обошелся всем, растворились в остром чувстве жалости к ней. К тому же ее поведение на встрече у Шталя не могло не вызывать уважения. Анна добровольно согласилась выполнять свои обязательства по договору с Кавериним и избавила Руслана от неприятной и тяжелой обязанности гаранта.

Придя на работу в понедельник, Людмила твердо решила найти возможность поговорить с Анной. Ближе к обеденному перерыву, она зашла в приемную главреда и спросила у Светочки: нет ли сегодня у их фотографа Черкасской выездных фотосессий. Светочка, увлеченно трепалась с кем-то по телефону. Не прерывая разговора, она похлопала ресницами и отрицательно покачала головой.

Людмила направилась в самый конец коридора, к крошечному кабинету, который выделили Анне. Постучав, она открыла дверь и увидела ее, в задумчивости разглядывающую разложенные на столе фотографии.

Девушка подняла глаза и покраснела. На ее лице отразился мучительный стыд и неловкость.

— Можно? — спросила Людмила осторожно.

Анна молча кивнула, понимая, что на этот раз от разговора ей не сбежать.

Она встала из-за стола и включила чайник.

Людмила присела на стул, притулившийся к стеллажу для бумаг, и мучительно соображала, с чего начать этот нелегкий разговор.

Какое-то время в кабинете царила тишина, нарушаемая только шумом улицы, что прорывался в окно, приоткрытое, несмотря на глубокую осень, и шипением закипающего чайника.

Все также молча Анна достала из шкафчика две чашки из прозрачного темно-синего стекла и бросила в них пакетики зеленого чая. Людмила улыбнулась. Они с Анной обе любили зеленый чай, клубничный.

Вкусный теплый аромат поплыл по кабинету, растворяя напряженность и неловкость момента. Анна поставила на стол чашки и, придвинув стул, села рядом с Людмилой.

— Ты меня избегала, — наконец произнесла Людмила. — Он запретил тебе общаться со мной?

Анна подняла на подругу грустные глаза.

— Нет. Мы не в лайф-стайле. Он не может диктовать мне, что делать вне сессий.

— Это хорошо, — улыбнулась Людмила и, сжимая чашку и грея пальцы о теплое стекло, — тогда почему?

— Я... — Анна нервно покрутила в руках ложечку, потом решительно положила ее на стол, и посмотрела ей в глаза, — думала, ты больше не захочешь меня знать.

— Боже, — удивилась Людмила, — почему?

Анна опять опустила глаза и тихо произнесла:

— Я подставила твоего мужа и тебя. Солгала. Заставила вас пройти через все это.

— Ты ни в чем не виновата!

Людмила осторожно сжала тонкие пальцы подруги. Анна покачала головой, но руки не отняла.

— Я прекрасно знала, что за человек Каверин. И что у него особые счеты с твоим мужем. Правда, не догадывалась, что он положил глаз на тебя.

— Но почему? — спросила Людмила, — почему ты пошла именно к Каверину? Если знала о его репутации и предпочтениях?

— Он... — ее голос сорвался, губы задрожали, — это старая история. И длинная.

— Тебе больно, — Людмиле стало стыдно, — не нужно. Прости.

Но Анна помолчала, справилась с собой и решительно покачала головой.

— Мне нужно... выговориться. Я никогда ни с кем не говорила так. И могу рассказать это только тебе.

Она прикрыла глаза, прислушиваясь к себе, будто прокручивала в голове воспоминания, выбирая из них те, которые хотела выпустить наружу.

— Я не такой уж опытный сабмиссив, как говорил Каверин. Доктор Шталь мой первый дом. И единственный... ну до настоящего времени. Я приехала в Питер пять лет назад — сразу после школы, семнадцатилетней девчонкой. Глупой, наивной и провинциальной. Поступала в универ, провалилась. Возвращаться в Кингисепп, заштатный и скучный, смертельно не хотелось. Родители, мама — учительница и папа — инженер на заводе, так гордились, что дочка будет жить в Городе. Шталь тогда преподавал психологию в ЛГУ, и был членом приемной комиссии. Заметил меня, когда я редела около стенда с результатами зачисления. И предложил работу — помощником в его кабинете психологической помощи. Конечно же, я согласилась. Он помог с жильем, купил маленькую комнатку в том самом доме на канале Грибоедова. Шталь заменил мне отца. Строгий, требовательный. И заботливый. Опекал, советовал, отчитывал. Он убедил меня попробовать работу фотомодели. Познакомил с нужными людьми — фотографами, владельцами модельных агентств. Заплатил за мое портфолио. Иногда, даже лично сопровождал на кастинги. Я не хватала звезд с неба. Несколько неплохих контрактов в рекламе, два или три — для гляцевых журналов.

Анна помолчала. Людмила поняла, что исповедь приближается к самому болезненному моменту.

— А потом я познакомилась с фотографом Артемом Кавериним. Ему было двадцать шесть. Он казался таким взрослым, умопомрачительно красивым, утонченным, изысканным. Засыпал ворохом цветов, устраивал невероятные сюрпризы, дарил дорогие подарки, с ним для меня открывались самые престижные клубы и рестораны. У меня не было шансов. Я влюбилась в него отчаянно и безоглядно.

— Эти игры... — Людмила не могла представить себе господина Кея восторженным

влюбленным. — Это Каверин?

— Нет. — Анна грустно улыбнулась. — У нас был просто красивый ванильный роман. Мой первый мужчина... Мы были вместе почти два года. Мне тогда казалось — навсегда. Наивная дурочка...

Она опять замолчала. Отвернулась. Кончиками пальцев промокнула уголки глаз. Людмиле вдруг представилось, как Каверин, надменный и безжалостный, бросает в лицо юной влюбленной девочке страшные слова.

— Я четыре дня вообще не выходила из своей комнатки, — голос Анны стал глухим. — Не открывала никому, даже Шталю. Пока он не пригрозил сломать двери.

Тонкие холодные пальцы Анны все так же судорожно сжимали ее руку, а темные глаза, ставшие огромными, будто смотрели в пустоту.

Помолчали. Потом Анна отпустила ее руку и сделала глоток уже остывшего чая. Людмила тоже поднесла к губам чашку. Чай показался ей горьким и терпким. Как и то, что рассказывала ей эта девушка.

— Но как ты оказалась... — спросила Людмила тихо.

— Рабыней Шталя? — закончила за нее Анна, и грустно усмехнулась. — Все просто. Он починил меня, как сломанную куклу. Предложил заботу. Пообещал, что никто не сможет больше причинить мне боль. Только он, и если я ее заслужу. Подарил незабываемые, жгучие удовольствия. Жить в полном подчинении, бездумно, беззаботно отдавшись его воле, оказалось легко и приятно. Через полгода Шталь предложил мне лайф-стайл, и я переехала к нему.

Анна замолчала. Людмиле хотела уже сказать «Ну все, уже все в прошлом!», но девушка продолжила:

— Я и сейчас его боготворю. То, что я ушла — это моя вина и мое несовершенство. Если мой Господин захотел кого-то еще, значит, я не смогла быть для него всем, чего он желал.

Эти слова были чужими. Анна произнесла их словно заученный текст...

Людмиле стало страшно. Но одновременно она задохнулась от нестерпимо острой жалости.

Она обняла девушку и прижала к себе, погладила по волосам.

— Нет, — шептала она, глотая слезы, — нет, это не так..., не так... ты такая необыкновенная, талантливая, особенная...

— Это все его заслуга, — упрямо произнесла Анна.

Людмила разжала объятия и отстранилась. Осознание того, что одной беседой не изменить того, что годами вкладывал в сознание девушки Шталь, ваяя из ее неокрепшего разума и психики послушную куклу для своих удовольствий, было горьким и болезненным. Но ей искренне захотелось помочь ей найти себя, избавиться от этого кукольного сознания.

— Так ты вернулась к Каверину, потому что до сих пор его любишь...

Пальцы Анны дрогнули в ее руке.

Она всхлипнула.

— Нет. Он уже не такой. Совсем. Жесткий, грубый. Моего любимого Артема больше нет. Только господин Кей. А я теперь не его сладкая Энни. Я его нижняя. Вещь, рабыня.

— Он жесток с тобой? — Людмила почувствовала, как по ее щекам тоже текут слезы.

— Шталь был строже. Но Каверин вымещает на мне обиду. Ему нравится унижать, делать мне больно. Иногда жалеет, видимо вспоминает... Но редко. Хорошо, что вы не

посещаете собрания. В вашем присутствии было бы вообще туго.

Она осеклась и замолчала.

— Прости, я не могу это обсуждать. Правила...

— К черту правила! — Людмила вспыхнула. Ее разрывало от жгучего чувства несправедливости. — Я позвоню ему и поговорю. Потребую прекратить над тобой издеваться! Ты же человек! Такой же, как и он. Он не смеет...

Анна больно стиснула ее пальцы.

— Не вздумай! Только все утряслось. Каверин очень злопамятен. Он найдет способ навредить тебе и мужу. Да и мне... будет только хуже...

Она всхлипнула снова.

А Людмила вспомнила слова мужа: «А если эта информация дойдет до нашего сына?»

Во рту появился противный металлический привкус, а сердце больно стукнулось о ребра, оставляя в груди тянущую пустоту. Она прижала руку к груди.

— Тебе плохо? — встревожено спросила Анна, вытирая слезы.

— Ничего, ничего, — пробормотала Людмила. — Все хорошо. Сейчас пройдет.

Она сделала несколько больших глотков совершенно остывшего чая. Боль отпускала, уходя из груди в кончики пальцев левой руки. Она несколько раз сжала и разжала пальцы, чувствуя противное онемение. Такое было с ней впервые. «Нужно сказать Руслану — подумала она.

Но вечером она утонула в домашних заботах. Антошка пришел из школы совершенно убитый, проиграв в финале городского конкурса фотографий сыночку главы районной администрации. Причем фото, с которым он выиграл, было скачано из интернета, как утверждал сын, пылая праведным гневом. Он даже собирался идти доказывать это конкурсному жюри. Людмиле стоило много сил, чтобы отговорить сына от опрометчивого поступка. Окончательно его убедить смог только авторитет отца. Правда, были и хорошие новости. Из Пражской Академии Изящных Искусств пришло подтверждение, что Антошкины работы с успехом прошли первый тур творческого конкурса, и он вошел в число претендентов на стипендию от академии. Все это немного сгладило неприятный осадок от обидного и несправедливого проигрыша. Но Людмилу эта новость, сама по себе радостная, заставила тоскливо подумать о том, что уже скоро ей придется расстаться с сыном.

Неделя подходила к концу, а вместе с ней и волнующее ожидание пятницы. Руслан загадочно улыбался, и она замирала от предвкушения чего-то особенного.

Но в четверг вечером он сообщил ей, что в субботу они приглашены к Шталю на торжественный ужин, посвященный его юбилею. Это было приглашение, от которого никак не отказаться.

Людмилу пробивала нервная дрожь, когда она снова переступала порог его квартиры на канале Грибоедова. Слишком тягостное впечатление оставило у нее последнее посещение этого дома. Тревожные предчувствия не отпускали, и она судорожно стискивала ладонь мужа. Руслан тоже выглядел напряженным, будто ожидал подвоха.

В гостиной был накрыт стол, сверкавший хрусталем, белизной фарфора и накрахмаленных скатертей. Сияла затейливая кованая люстра, играла негромкая классическая музыка.

Гостей было не слишком много, около пятнадцати человек, в основном мужчины в строгих дорогих костюмах, белых батистовых рубашках и бабочках. У всех без исключения были знаки отличия сообщества. Среди этого черно-белого великолепия, поблескивавшего

золотыми часами, бриллиантами на запонках и булавках для галстуков, женщины смотрелись, словно диковинные цветы в изящных вечерних платьях, довольно откровенных. Их было всего пятеро, не считая Людмилы. Одна, строгая чопорная дама с властным жестким лицом, была одета более сдержанно, в светло-серый брючный костюм, и носила на пальце кольцо домины. Четверо остальных были явно сабмиссивами, хотя ошейник она разглядела только на одной.

Людмила раньше видела всех этих людей не один раз на собраниях в особняке на Шпалерной. И даже знала некоторых по псевдонимам. Но лично ни с кем знакома не была. Руслан сдержанно поздоровался со всеми, в том числе с дамой с кольцом, но обошел вниманием остальных женщин. Людмилу тоже никто не приветствовал. Ее это уже давно не задевало. В этой сумеречной части их жизни она уже привычно играла роль бессловесного покорного приложения к своему мужу. Эль, куклы Кукловода.

Они подошли к хозяину дома, Руслан поздравил его и вручил серебряный портсигар довольно тонкой работы. Шталь улыбнулся и поблагодарил его за подарок, даже удостоив легким кивком головы Людмилу. Она ответила почтительным полупоклоном.

Перед тем, как гостей пригласили за стол, в гостиной появился немного запоздавший гость в сопровождении своей спутницы. Людмила посмотрела в их сторону, и ее сердце рухнуло в пустоту. Это были Каверин и Анна.

Она сжала руку мужа и кивнула в сторону вошедших. Руслан нахмурился и погладил большим пальцем костяшки ее пальцев, ободряя и успокаивая.

Гости расселись за столом, ужин начался с поздравительных тостов. Гости говорили о заслугах Шталя перед сообществом, о его необыкновенном такте и таланте психолога, об успехах в научной и преподавательской деятельности.

Каверин, сидевший практически напротив Сикорских, изредка бросал на них странные взгляды, и Людмила замирала от тоскливого тревожного предчувствия. Анна, напряженная как струна, с неестественно прямой спиной, не поднимала глаз и не притронулась к еде. Людмиле было нестерпимо жаль подругу, но она понимала, что ни она, ни Руслан не в силах ничем ей помочь. Нестерпимо хотелось, чтобы этот вечер поскорее закончился.

Наконец, все тосты были сказаны, трое молчаливых официантов, обслуживавших ужин, подали десерт, и Шталь пригласил всех пройти в соседнюю малую гостиную, «английскую», как называл ее доктор, где на низких кофейных столиках были расставлены ящички с сигарами и бронзовые пепельницы.

Мужчины расселись по кожаным креслам, некоторые остались стоять, ведя оживленные беседы. Строгая дама подошла к хозяину проститься, сославшись на разыгравшуюся мигрень. Официанты бесшумно лавировали между гостями, разнося напитки. Руслан тоже хотел было подойти к Шталю, чтобы откланяться, но он вдруг позвал его сам, желая представить какому-то седовласому господину.

Людмила осталась стоять у стены, незаметно переминаясь с ноги на ногу. Узкие туфли на высоком каблуке начинали жать.

— Как приятно снова видеть прекрасную Эль, — вкрадчивый голос заставил ее вздрогнуть.

Она обернулась. За спиной стоял Каверин, а рядом тихая и безучастная как тень Анна.

— Простите, господин Кей, — ответила она, холодно и бесстрастно, — Мне не разрешено общаться с посторонними.

— Конечно, — Каверин ничуть не смутился, — но я не смог удержаться от

комплимента. Вы действительно обворожительно выглядите.

Людмила промолчала и отвернулась, отчаянно пытаясь разглядеть в толпе мужа и привлечь его внимание. Но он увлеченно беседовал с Шталем и тем седовласым незнакомцем.

— Господин Кукловод так давно не посещал собрания, — продолжил Каверин, будто не обратив внимания на ее слова. — А я хотел выразить ему благодарность. Ведь с его помощью я получил назад свою Еву.

Каверин уже стоял прямо перед ней. Людмила бросила беглый взгляд на Анну, но девушка стояла неестественно прямо, опустив глаза в пол, на ее бледном лице не отражалась ни одна эмоция. Хотя Людмила почувствовала, что она на пределе, будто натянутая струна. Потом она еще раз посмотрела на Анну, уже пристальнее, и заметила что на ее запястьях — металлические браслеты-кольца, соединенные между собой цепочкой. Изящную шею тоже обхватывал тонкий металлический обруч, на котором держался лиф ярко-алого платья. К обручу была прикреплена цепочка-поводок, концом которого небрежно поигрывал Каверин.

Людмилу обожгло негодованием. Она скрипнула зубами, едва сдерживаясь, чтобы не высказать в лицо Каверину все, что она о нем думает. Он нагло ухмыльнулся, уловив ее гнев, наклонился к ней и прошептал:

— Не правда ли, наряд Евы просто невероятно возбуждающий?

Людмила не ответила, испепелив его взглядом, и снова попыталась найти глазами Руслана. Но, с ужасом увидела, как он вместе с Шталем и тем седовласым господином направился к боковому выходу из гостиной.

Ей стало страшно и больно. Она ощутила себя брошенной и преданной.

Тем временем Каверин, наконец, оставил ее в покое и вальяжной походкой направился в центр гостиной, потянув за цепочку и заставив Анну последовать за собой.

— Господа, — обратился он к присутствующим. — Думаю, настало время для развлечений. Я хотел бы сделать всем подарок.

Он протянул руку к шее Анны и растегнул обруч, на котором держался лиф ее платья. Тонкая ткань соскользнула вниз, оставляя девушку обнаженной. На лице Анны не дрогнул ни один мускул, она только еще сильнее побледнела.

Людмила едва не застонала от боли и отвела глаза. Она не раз видела такое на собраниях в особняке на Шпалерной. Но тогда это были незнакомые ей, чужие девушки, как говорил Руслан — вышедшие в тираж проститутки, к тому же явно позволявшие делать с собой такое добровольно. Теперь же это была ее подруга. И Людмила точно знала, какую боль ей причиняет Каверин, и для кого это шоу.

Ей ужасно хотелось убежать из этой комнаты, уехать прочь из этого странного места. Но без мужа она этого сделать не могла. Против воли ее глаза опять обратились к Анне, застывшей посреди гостиной. И снова она чуть не застонала, увидев причину ее неестественно прямой осанки.

Аккуратные розовые соски девушки были безжалостно стиснуты металлическими зажимами, соединенными между собой цепочками. Третий зажим впился в нежную плоть между ее бедер.

Каверин растегнул цепочку на браслетах, завел руки Анне за спину и снова сковал их. Потом толкнул ее в стоящее рядом кресло. Грубо развел ей ноги, поставив ее ступни на подлокотники.

— Прощу, господа! — громко сказал Каверин, — не стесняйтесь!

Желающие не замедлили найтись. Один из мужчин подошел к девушке, расстегивая на ходу молнию брюк. Другой жадно провел ладонью по груди, потянув за цепочку зажимов, Анна глухо простонала сквозь сжатые зубы. Но первый уже нетерпеливо взял ее за подбородок и приказал открыть рот. Другой продолжил мучить грудь девушки, оттягивая зажимы. Анна закричала от боли и видимо, непроизвольно сжала зубы, потому что первый залепил ей звонкую пощечину, прошипев ругательство.

Людмила почувствовала тошноту и головокружение. В груди стало горячо и больно, опять стала неметь рука. Голова кружилась все сильнее и сильнее, все происходящее стало ей казаться страшным сюрреалистическим кошмаром. Шепча сквозь душасщие ее рыдания имя мужа, она начала сползать по стене...

Сильная рука подхватила, Людмила услышала испуганный родной голос:

— Что с тобой? Плохо? Где болит?

Тепло прикосновения и звук голоса вернул из зыбкой мути дурноты. Людмила прижалась к мужу всем телом и сбивчиво зашептала, глотая слезы:

— Пришел... наконец... зачем ты меня оставил? Анна... она... они...

— Родная, тише... тише... - он гладил ее по волосам, — сейчас поедem домой. Сейчас...

Обнимая ее за плечи, Руслан повел ее к выходу, но она упрямо отстранилась.

— Мы должны... они... мучают ее.

— Родная, мы ничего не можем... — начал было Руслан, но тут Людмила услышала голос Шталя, ледяной и спокойный.

— Господа! Мне жаль вас прерывать. Но для сессий в моем доме предусмотрено особое время и место. Я не планировал такого продолжения праздника.

Обернувшись, Людмила увидела Каверина, смущенно отступившего к стене и Шталя, поднявшего с кресла дрожащую и заплаканную Анну. Потом доктор снял с себя пиджак и закутал в него девушку. Приподняв ее лицо за подбородок, тихо спросил:

— Девочка моя... хочешь вернуться?

Анна всхлипывала, едва держась на ногах. Не сразу, но до нее дошел смысл сказанного Шталем. Затравленно оглянувшись на Каверина, она сползла к ногам доктора, обнимая его колени, и прошептала, задыхаясь от рыданий:

— Да... Господин... Мастер... спасибо... да...

— Со всем уважением, председатель, — сказал Каверин, правда, не слишком уверенно.

— Не волнуйтесь, господин Кей, — прервал его Шталь холодно, — я пришлю вам замену.

По пути домой они не сказали друг другу ни слова. Людмилу трясло, словно в лихорадке, но она упрямо отстранила руку мужа, когда он пытался ее обнять. В груди снова разливалась горячая боль, в сердце будто воткнули тупую иголку. Но жаловаться Руслану она не захотела.

Ей было нестерпимо обидно и больно от того, что он оставил ее одну, зная, что Каверин обязательно выкинет что-то подобное. А еще ее не отпускало чувство, что в этом спектакле она была только статистом, пешкой.

Горячий, обжигающий кожу душ помог ей согреться и расслабиться, но боль в груди не уходила.

Едва слышно скрипнули пружины дивана, и теплые руки мужа обняли ее, крепко прижимая к себе, губы прошились по шее, путаясь в еще влажных после душа волосах. В его объятиях было так хорошо и спокойно. Но она решительно отстранила его руки.

— Не надо, — сказала она тихо.

— Все прошло. Я с тобой, рядом, — Руслан развернул ее к себе, поцеловал в плечо.

— Спать хочу, — ответила она устало. Она и вправду чувствовала себя опустошенной, растоптанной. В голове вертелись жуткие картинки, она еще слышала стоны Анны и хриплое дыхание ее мучителей.

Руслан прикоснулся губами к ее виску, погладил по волосам. Людмила на ласку не отозвалась, просто закрыла глаза. Он обиженно запыхтел, отвернулся к стене.

«Ну и хорошо, пусть, — подумала Людмила и удивилась своему равнодушию.

Утром она проснулась разбитая, все тело болело, в груди все также сидела тупая игла. Буквально заставила себя встать, наскоро приготовила мужу завтрак и, бросив одну только фразу: «Неважно себя чувствую», снова легла.

Сквозь дремоту она слышала, как поднялся Антон, и как, понизив голос, отец сказал ему, что мама приболела, и чтобы он ее не беспокоил. У нее не было ни сил, ни желания вставать. Будто она была и вправду игрушкой, в которой кончился завод.

Руслан несколько раз, озабоченный ее состоянием, присаживался рядом, брал за запястье, считал пульс, пытался заставить померить температуру.

— Родная, может, придешь ко мне в клинику в понедельник? — наконец спросил он тревожно. — У тебя пульс неровный и частит. Кардиограмму бы снять.

— Все в порядке, — ответила она безразлично. — Со мной все в порядке.

— Не спорь, — произнес Руслан строго, — мне, как врачу, виднее.

В его голосе так явственно почувствовались нотки того, другого — доминанта Кукловода, что Людмила задохнулась от негодования.

— Ты не смеешь мне приказывать! — выкрикнула она зло, — Мы не в игровой! И я сейчас не твоя кукла Эль! Ты обещал — дома этого не будет!

— Но я не... — начал он немного виновато, но она уже не хотела его слушать. Напряжение, обида, боль от пережитого вчера прорвались и захлестывали ее горячей мутной волной.

— Как ты мог? Ты оставил меня... одну... с ним... Ты ведь знал, что так будет! Знал! Ты

ушел специально, чтобы дать ему возможность сделать это с Анной! Сделать это со мной... Ты тоже мечтал вот так отдать меня этим похотливым скотам? Ты оставил меня и ушел со Шталем... Это все он... он подстроил все... Чтобы заставить Анну вернуться... Господи... как все подло... как подло...

Она выкрикивала все эти злые, страшные слова и чувствовала во рту их металлический, горький вкус. Потом силы закончились и, зарывшись лицом в подушку, просто разрыдалась.

Он осторожно прикоснулся к ее плечу:

— Родная моя, это не правда. Ты же знаешь.

Она зло дернула плечом, скидывая его руку.

— Оставь меня, — всхлипнула она сквозь рыдания, — пожалуйста... Оставь меня в покое...

Вечером она решила на серьезный разговор.

Руслан сидел на диване, безучастно переключая каналы телевизора. Антошка, притихший и встревоженный, закрылся у себя в комнате.

Она села рядом с мужем и произнесла хрипло, но твердо:

— Я больше не хочу иметь ничего общего с этими играми. Слышишь? Ничего. Ты должен позвонить Шталю и сказать, что мы уходим. Нам нужно забыть это все как страшный сон. Правила, собрания, нашу студию. Все.

Руслан посмотрел на нее. В его серых, таких родных и любимых глазах она надеялась увидеть понимание, нежность, любовь.

Но там была только боль. А еще разочарование.

— Ты хочешь перестать играть? Хорошо. Это твое право, я ни за что не посмею принуждать тебя, — он говорил совсем не те слова, которые она хотела услышать, и она цепенела от ощущения холодной жестокой ладони, медленно, но неотвратимо сжимавшей ее внутренности. — Собрания. Мы и так туда не ездили последние месяцы. Вчера кое-что изменилось. Ты не захотела меня выслушать.

Людмиле вдруг стало страшно и тоскливо. Она больше не ощущала рядом с собой близкого и родного, надежного и нежного, влюбленного в нее, как и пятнадцать лет назад, Руслана. Несмотря на то, что они были дома, а не в студии, и на ней не было наручников, она снова ощутила себя куклой. Ее Господин, ее Кукловод был разочарован в своей игрушке, которая вдруг посмела не подчиниться. Иллюзия, что их странные игры оставались только в стенах их студии на Петроградке, рассеивалась, обнажая неприятную и жестокую правду.

— Шталь вчера сообщил, что назначил меня своим преемником. Тот седой финн был куратором Балтийского отделения Европейского сообщества, который засвидетельствовал своим присутствием мой статус.

Жесткие бесстрастные слова были такими тяжелыми, падали в пустоту, звенели как куски льда.

— Я не могу выполнить твое желание. Я согласился. Прости. Если ты решишь не сопровождать меня больше на мероприятиях сообщества, я пойму. Но мое присутствие там теперь необходимо.

Она все еще не верила. Отчаянно вглядывалась в его лицо, пытаясь найти прежнего любимого Руслана.

— Но почему? Почему сейчас?... И ты... даже мне не сказал...

Он посмотрел на нее недоуменно, словно не понимая вопроса. Потом ответил спокойно и отстраненно:

— Я не могу тебе рассказать о причинах. Но они веские. Поверь, я не смог бы отказать Шталю. Просто не смог.

— Не смог или не захотел? — у нее снова навернулись слезы на глаза, а в груди стало горячо и больно. — Ты хочешь сказать, что мое мнение в принципе не важно для тебя? Послушай себя! Ты говоришь со мной как Кукловод. Но я больше не хочу быть куклой! Понимаешь? Не хочу!

Его лоб прорезала горькая складка. Хотел что-то ответить, но передумал. Посмотрел на нее странно, с сожалением. Людмиле даже показалось, что усмехнулся. Встал и ушел на кухню.

До самой ночи они не сказали друг другу ни слова. Людмила ушла к Антошке, они вместе смотрели фильм про уличных танцоров на его ноутбуке, ей было совершенно все равно, что за картинки мелькают на экране, она просто сидела рядом с сыном, чтобы не быть одной. Антошка время от времени пыхтел: «Мам, ты не смотришь!».

Но фильм закончился, сыну пора было спать. Людмила пожалела, что он уже такой взрослый и нельзя, как раньше, в детстве, просто уснуть с ним рядом.

Руслан уже разобрал диван, оставил включенным только ночник и лежал на спине, разглядывая потолок. Людмила вздохнула. Она надеялась, что муж уже уснул.

Они молчали, не касаясь друг друга. Это было так странно: вдыхать его запах, ощущать тепло его тела и не чувствовать ничего. Внутри словно все замерзло. Не было привычного возбуждения от его близости. Ни такого же привычного чувства вины. Не было даже обиды. Пустота и глухая тоска. В эту холодную пустоту она и провалилась.

Утром проснулась одна. Руслана дома уже не было. Людмиле стало совсем не по себе.

На холодильнике, под магнитиком с греческим портиком и надписью «Love Cyprus» нашлась записка. Рваным, неразборчивым как у всех врачей почерком Руслана наискосок были написаны две строчки: «Срочно вызвали в отделение. Возможно, останусь на ночное дежурство». Сердце неприятно сжалось.

Людмила проводила в школу Антошку, он снова надулся, что придется ехать на школьном автобусе.

В редакцию она опоздала на целых десять минут, столкнулась в коридоре с Большой, получила нагоняй, разбила любимую кружку.

На работе целый день все валилось из рук. Несколько раз доставала мобильник, но ни пропущенных звонков, ни смсок от Руслана не было. Порыв позвонить самой Людмила задушила в зародыше.

В обед к ней постучалась Анна. Ее лицо еще было бледным, под глазами залегли тени от пережитого, но девушка светилась тихой радостью.

Она бросилась к Людмиле и обняла ее:

— Я так счастлива, — прошептала Анна, — так счастлива...

Людмила погладила ее по волосам.

— Я тоже рада за тебя, очень, — сказала она.

Это была неправда. Счастье Анны казалось ей неправильным, наигранным, неестественным. Будто девушка была под воздействием наркотика или гипноза. Ощущение, что вся эта жуткая пьеса была разыграна по сценарию Шталя, стало сильнее и причиняло тупую боль в груди.

— Пойдем, кофе выпьем? — предложила она.

Они сидели в «Кофе-хаус» напротив здания редакции и пили капучино с сердечками

из корыцы поверх белых шапок молочной пены.

— Он сказал, что я ему нужна, — продолжала радостно щебетать Анна. — Только я! Что он очень жалел, что я ушла. И что то, что со мной случилось, должно послужить мне уроком. Какая я была дурочка! Я никогда больше не оставлю его. Никогда! Это такое счастье — служить ему!

— И ты опять подпишешь договор двадцать четыре на семь? — спросила Людмила, отводя взгляд, чтобы не выдать того, что не разделяет столь бурной радости подруги от возвращения к своему хозяину.

— Он сказал, что мы это обсудим до отъезда. И что я могу работать в редакции, если хочу. И даже там, потом, тоже. Сказал, что поможет мне открыть студию.

— Отъезда? — удивилась Людмила. — Шталь уезжает?

— Ой, прости, — смутилась Анна, — забыла сказать! Через два месяца он уезжает в Швейцарию. В Люцерн. Его пригласили преподавать психологию в местный университет. И меня он берет с собой! Но еще два месяца я буду работать. Закончу все свои проекты.

Так вот причина, по которой Руслан стал преемником Штalia! Доктор уезжал из страны, и возможно надолго. Если не навсегда.

Но пришедшее понимание не принесло никакого облегчения. Стало еще обиднее, что Руслан не рассказал ей раньше об отъезде Штalia и своем «повышении».

За час до конца рабочего дня Людмили телефон все же выдал знакомый рингтон. Голос Руслана в трубке был далеким и бесстрастным:

— Я договорился насчет твоего обследования. Через тридцать минут жду в приемном. Не опаздывай. И не спорь. Так надо.

Несколько секунд Людмила слушала короткие гудки. Опять ее затопило горячей волной обиды. Опять все решил сам! «Никуда не поеду», — подумала зло.

Набрала номер Руслана, чтобы сказать, чтобы ее не ждал. Но он сбросил звонок. Набрала еще раз — механический голос сообщил ей, что абонент временно недоступен. Бросила в сердцах телефон на стол, тот пропрыгал по гладкой поверхности, свалился на пол и разлетелся на несколько частей.

«Только этого не хватало, — подумала Людмила в отчаянии. — Теперь даже позвонить не смогу». Подобрала разбитый телефон, поняла, что реанимировать его не удастся.

Продолжая злиться, оделась, закрыла кабинет, заглянула к Светочке, бросила ей: «Я в больницу».

Вскоре Людмила шла по темной аллее больничного парка, вдыхала горький запах палой листвы, намокшей коры тополей. Обида стала отступать, зашевелилось такое привычное чувство вины. Поступок Руслана был, как ни крути, проявлением заботы о ней. А она вела себя как капризная девчонка.

Минута в минуту она поднялась по обвалившимся местами ступенькам приемного отделения кардиологии Областной Клинической и открыла тяжелую, обитую черным потрепанным дермантином дверь.

Острый больничный запах окутал ее, усиливая тоску и беспокойство. Людмила очень не любила больницы, даже всегда шутила, что у нее аллергия на медицину благодаря мужу-врачу.

На звук ее шагов выглянула молоденькая медсестричка в коротком белом халатике.

— Вы жена доктора Сикорского? — спросила она и взмахнула покрашенными ресницами. Голубые, наивно распахнутые глаза, курносый носик, пухлые губы.

— Да.

«Точно куколка, — подумалось Людмиле.

— Бахилы одеваем и за мной, — скомандовала куколка. — Сначала на кардиограмму, потом томография, потом кровь...

Людмила поморщилась. Больше всего она не любила в больницах иголки и уколы.

— А где доктор? Он сказал, что будет сам меня ждать.

— Вызвали в отделение. У нас тут как всегда. Закончим, я отведу вас к нему в кабинет.

Но Руслан появился сам в кабинете кардиографии, когда пожилая полная сестра в голубом хирургическом костюме с чмокающими звуками отрывала присоски аппарата от груди Людмилы.

Мельком глянул на нее, сразу подошел к аппарату и стал просматривать выползающую из него бумажную ленту.

Людмиле впервые в жизни стало неловко раздетой перед собственным мужем. Она быстро оделась и присела на кушетку.

— Кровь уже взяли? — спросил Руслан, обращаясь к «куколке».

— Нет пока, — ответила сестричка, — сейчас на томографию. Потом в лабораторию.

— Поспешите, а то уйдут, я специально просил Надюшу задержаться.

— Хорошо, Руслан Николаевич, — ответила куколка уважительно и тут же, сменив тон, скомандовала Людмиле — Быстренько, быстренько...

Людмила встала, одернула юбку. Обида всколыхнулась с новой силой. Руслан специально вел себя так, будто она ему чужая, обычный пациент. Прошла мимо, стараясь не смотреть на мужа.

— Мила, закончите, я жду тебя у себя в кабинете. Помнишь где он?

Обернулась.

— Помню. Хорошо, — она запнулась на секунду, — доктор.

Руслан усмехнулся. «Хочешь поиграть в игнор? — подумала она — Давай».

Уехала от Руслана она одна, на такси. Муж остался на ночное дежурство. Как показалось Людмиле — назло ей.

Еще неделю Людмила почти каждый день ездила после работы к мужу в клинику, проходя какие-то обследования, сдавая анализы. Наконец доктор Сикорский поставил ей диагноз — легкая дистрофия сердечной мышцы. Людмиле были прописаны общеукрепляющие средства, занятия в кардиозале и походы в бассейн. Причем за исполнением своих назначений доктор следил неотступно и упорно. Каждое утро Людмила находила на столе лекарства и если забывала их выпить — получала строгий выговор. Абонемент в кардиозал и бассейн также проверялся, и если находились пропущенные занятия, следовала нудная лекция на тему ее безответственного отношения к своему здоровью.

К разговору об играх они больше не возвращались. Собственно и разговоров у них больше не было. Дежурные «доброе утро», «добрый вечер», «как день?», «все в порядке» были не в счет. Отчуждение Руслана, нарочитое, показное, злило и обижало Людмилу не меньше чем навязчивая забота. Особенно угнетало молчание. Его так хотелось нарушить, колкие, обидные слова, так и вертелись на языке, но примерзали под его безразличным взглядом. Устраивать истерику было глупо, хотя Людмиле иногда хотелось, чтобы они поругались, накричали друг на друга, только бы прекратить эту мучительную игру в молчанку. Но Руслан упрямо продолжал наказывать ее безразличием и равнодушием. Это

наказание было гораздо обиднее и тяжелее чем те, другие, в игровой-студии. Но первый шаг к примирению, как было всегда, она сделать не хотела. Только не сейчас. Иначе признает, что была не права.

Незаметно багряно-золотая сентябрьская карусель потускнела, перестала кружить опавшей листвой, октябрь тихо вступил в свои права — переменчивый, плаксивый, ветреный. До уныло-серого, депрессивного меланхолика ноября еще оставались считанные солнечные и тихие денечки.

Но вскоре погода испортилась окончательно, зарядили фирменные питерские дожди, нудные и монотонные.

В начале ноября Шталь уехал в Швейцарию, пока ненадолго и один, чтобы подобрать там жилье. Анну он оставил на попечение Сикорских, так же как и свой офис, квартиру и загородный дом, для которого Руслан пообещал найти сторожа на всю зиму.

А еще через неделю за ужином Руслан сообщил ей, все также безразлично:

— Мила, завтра я еду в Москву. На неделю. Международный конгресс по кардиохирургии. Отец устроил.

Людмила не нашлась даже что ответить. Нечастые поездки Руслана они всегда обсуждали заранее. А теперь он просто поставил ее перед фактом.

— Хорошо, что сказал, а не уехал молча, — сказала она с обидой.

Руслан посмотрел на нее осуждающе.

— Ты продолжаешь в том же духе? Ну-ну... Мой отъезд даже к лучшему. Отдохнем друг от друга.

— Мы и так почти не общаемся последнее время.

— Ну я же говорю. К лучшему.

Руслан встал, помыл за собой тарелку и ушел собираться.

Антошка насупился и тоскливо ковырял кашу.

— Доедай быстрее, — прикрикнула на него Людмила, — еще уроки доделывать!

Сын перестал ковыряться в каше, поднял голову, и от его взгляда ей стало стыдно.

— Спасибо, я сыт.

Дверь кухни хлопнула.

Людмила бессильно опустилась на табурет. Как она могла допустить, что ее жизнь превратилась в тоскливый кошмар? Горло сжалось, но подступившие слезы она загнала внутрь. «Не сдаваться, только не сдаваться, — скомандовала себе Людмила. — Он должен понять, что не прав. Должен».

На следующий день вечером позвонила Анна. Оказывается, Антошка попросил ее помочь с подготовкой ко второму туру творческого конкурса, и она хотела привезти какие-то книги по фотографии.

— Конечно, приезжай! Можешь даже остаться у нас. Руслан уехал в Москву, мне так тоскливо одной.

— Отлично! Мне тоже не по себе в огромной квартире.

Уже за полночь они сидели на кухне, Анна щебетала — о том, что Шталь обещал отпустить ее к родителям в Кингисепп, о новой задумке для фоторепортажа для журнала, об Антошкиных работах, и о том, что он талант и обязательно получит стипендию. Людмила молча кивала и почти не слушала.

— Не грусти, — вдруг сказала Анна, накрывая ладонь своей. — Он скоро вернется. Ты

счастливая. Вы так любите друг друга!

Слова Анны были искренними, но прозвучали для Людмилы насмешкой. Ей захотелось поделиться с подругой своей болью и тревогой, своими сомнениями. Но стало страшно. Людмила никогда и ни с кем не обсуждала такое... если не считать «сеансов» доктора Штала. Хотя сейчас к нему не пошла бы за советом ни за что.

Анна поняла ее молчание по-своему:

— Ты не думай, я не завидую. И не жалуясь. У меня все хорошо. Даже лучше чем было.

Людмила помолчала. И вдруг решилась. Обида и тоска разъедали ее изнутри, будто кислота, требовали выхода.

— Счастливая... Мы с того самого вечера будто чужие...

— Как это?

Анна сжала ее руку.

— Расскажи, не держи в себе... Вот дурочка, не заметила сразу, на тебе же лица нет...

Опять к горлу подступил горький комок, но Людмила упрямо сглотнула слезы.

— Я сказала, что больше не хочу. И что он должен порвать со Шталем и этими людьми.

— А он отказался...

— Тебе что-то известно об этом? Я так и знала... Это все подстроил Шталь.

— Подстроил? — удивилась Анна. — Ничего подобного. Твой Руслан несколько раз приезжал к доктору. Они запирались в кабинете и о чем-то подолгу говорили. Когда я приносила кофе — тут же замолкали. Я думала, ты в курсе...

Людмила покачала головой.

— Мы почти не разговариваем. Он будто наказывает меня. Равнодушием, безразличием. Почему он так со мной... За что? Он же всегда говорил — мое право отказаться.

Анна вздохнула.

— Знаешь, со мной было подобное. Тогда я только переехала к Шталю и приняла его ошейник. Господин собирался в Италию, на какую-то встречу или конгресс. Я мечтала, что он возьмет меня с собой. И осмелилась ему сказать об этом. Он только усмехнулся. И тогда я в отчаянии заявила, что добавлю в хард-лимит кое-что, его самое любимое, если он не выполнит мою просьбу. Знаешь, как меня наказал Господин?

Людмила понимала, как нелегко Анне рассказывать ей такое.

— Он поставил меня на колени в угол. Лицом к стене. Положил рядом телефон. А потом ушел. У меня было три выхода. Молча ждать, когда Господин простит меня. Может пять минут, может пять часов, может пять дней. Набрать его номер и умолять меня простить. Зная, что он не ответит, не слыша его голоса. Или уйти.

— И что ты выбрала? — глухо спросила Людмила.

— Я позвонила. Но не умоляла. Просто сказала, что сожалею. И буду ждать прощения столько, сколько он пожелает.

— И как долго ты стояла на коленях в углу?

Анна ответила не сразу. Сделала глоток чая. Поставила кружку. Провела пальцем по ее кромке. Посмотрела в глаза Людмиле.

— Три часа. Ровно три часа. Потом господин вернулся и сказал, что меня простил. Но в Италию я не поеду, хотя он уже давно купил билет и на меня.

Повисла напряженная тишина. Дождь осторожно стучался в окно, словно просил его впустить. Но и без него в кухне вдруг будто похолодало.

— Но мы же не в лайф-стайле, — тихо проговорила Людмила. — Он обещал мне: дома

только ваниль. Обещал.

Анна посмотрела на нее странно.

— Я не понимаю, прости. Как можно разделить... Может я ненормальная, не такая как ты. Но я не понимаю. Если ты хочешь ванили... Зачем вам Игра?

Людмила вздохнула, не зная, что ответить подруге. Потом так же тихо спросила ее:

— А тебе?

— Мужчины, — как-то слишком взросло вздохнула Анна, — в любом возрасте остаются детьми. И им постоянно нужны игрушки. Некоторым — живые игрушки.

Они замолчали и допивали свой остывший чай в полной тишине.

Руслан сидел в неудобном кресле в конференц-зале «Крокус-Экспо» и нервно вертел в руках ручку. Тема была довольно интересной, но докладчик-американец, говорил по-английски, и он мучительно пытался заставить себя вслушиваться в монотонное бормотание переводчика, но тот словно нарочно говорил совершенно невнятно, не заботясь о внимании аудитории. Когда, наконец, лекция закончилась, и всех отпустили на обед, Руслан вздохнул с облегчением.

В кафетерии было много народу, оголодавшие кардиохирурги бодро поглощали бутерброды, пирожки и булочки, пили кофе, и обсуждали все, что угодно — от покупок сувениров до цен на нефть, только не темы предстоящих докладов.

Руслан едва нашел свободное место за столиком у окна, на двоих, за которым уже сидел подтянутый строгий мужчина лет сорока. Он задумчиво жевал бутерброд с красной рыбой и запивал его кофе.

— Прошу прощения, — сказал Руслан, — можно присесть?

— Конечно! — бодро отозвался тот, — присаживайтесь!

Руслан поставил на столик тарелку с бутербродами, чашку с кофе и сел на скользкий пластиковый стул.

— Что-то сегодня тут людно. Еле-еле место нашел. Выставка какая? — спросил мужчина.

— Конференция, — отозвался Руслан, — кардиохирургов.

— Так вы врач? — мужчина допил кофе и вытер губы салфеткой, — А я вот машину новую присмотрел. А пока оформляют, перекусить решил.

Потом протянул руку Руслану через стол и сказал: — Простите, не представился. Семен Волхов.

— Очень приятно, — ответил Руслан, пожимая крепкую руку своего собеседника, — Руслан Сикорский.

Потом Волхов вдруг остановил свой взгляд на кольце на среднем пальце Руслана. Он совсем забыл снять его перед отъездом, хотя и собирался.

— О, да мы коллеги, — лукаво улыбнулся он, повернув руку так, что Руслан увидел на его пальце золотую печатку, в точности повторяющую символ на его кольце. — Давно вы практикуете?

Отчего-то Руслан смутился. Словно Волхов узнал о нем что-то постыдное. Но не отвечать было бы невежливым, и он произнес, несколько холодно:

— Почти четыре года.

— Ну не так давно, — покровительственным тоном сказал Волхов. — Я начал десять лет назад. Теперь вот председательствую в сообществе Московского региона.

Руслан не ответил, молча пережевывая показавшийся ему совершенно безвкусным бутерброд.

— Ну что же, коллега, — произнес Волхов, вставая из-за столика, — нам просто необходимо встретится в неофициальной, так сказать, обстановке. — Давненько у нас не было гостей из Северной Пальмиры. Ради такого дела, я просто обязан устроить дружеский сейшен.

— Думаю, не стоит, — ответил Руслан, ощущая себя совершенно неловко.

— Возражений не приму! — замахал руками Волхов, — даже не отнекивайтесь! Ничего особенного, только избранные. Обещаю, вам понравится. Где вы остановились?

— Здесь же, — неохотно ответил Руслан. — В гостинице при комплексе «Крокус-Экспо».

— Великолепно! — снова просиял Волхов, потирая руки, — я вам позвоню и сообщу время и место.

Его коммуникатор выдал фугу до-минор Баха. Волхов поглядел на экран и поднялся.

— Мне пора.

Он опять протянул Руслану руку для рукопожатия и решительным шагом удалился.

Вечером в номере Руслана раздался телефонный звонок. Это был Волхов. Он сказал, что через полчаса его будет ждать машина с шофером и, не дожидаясь, пока его собеседник откажется, распрощался.

Руслан с тяжелым сердцем оделся и спустился к указанному времени вниз к стойке ресепшена. Около нее стоял мужчина в кожаной куртке, крупный, плечистый, с тяжелой квадратной челюстью и нахмуренными бровями. Портье улыбнулся, увидев Сикорского, и указал мужчине на Руслана.

— Господин Сикорский? — спросил мужчина. — Прошу вас, я вас отвезу в частный клуб «Темплъ», господин Волхов ожидает вас там.

Руслан прошел за водителем к ожидающему их у входа черному мерседесу. Господин Волхов был явно очень состоятельным человеком.

С учетом обычных вечерних московских пробок путь до клуба занял около часа. Руслан неловко ерзал на кожаном сиденье, чувствуя себя не в своей тарелке. Ему категорически не нравилась эта идея с вечеринкой. Но вместе с неловкостью он испытывал какой-то смутный интерес и легкое возбуждение. Хотя уловив эти чувства, устыдился.

Клуб оказался двухэтажным зданием новой постройки, огороженным высоким забором с автоматическими воротами и с вооруженным охранником в будочке.

Водитель вышел из машины и открыл пассажирскую дверь, потом распахнул массивную входную. Руслан шагнул внутрь и оказался в помещении, похожем на ресепшен гостиницы, только излишне вычурный. Красное дерево, бархат и позолота, хрустальные подвески канделябров. Эта вызывающая роскошь создавала ощущение порочности, будто он попал в дорогой бордель.

Швейцар в парике, ливрее, панталонах, белых чулках и туфлях с бантами вызвал у него саркастическую усмешку. Скинув на его услужливо протянутые руки пальто, Руслан прошел дальше, в просторную залу, обставленную столь же вычурно и немного вульгарно. Стены, наполовину облицованные деревянными панелями, наполовину — бордовым шелком с золотыми лилиями, кожаные черные диваны и кресла, низкие столики, темно-бордовые бархатные пуфы, темно красный овальный ковер на полу, разбросанные по полу в беспорядке бархатные и шелковые подушки. Несколько канделябров с горящими свечами, вдоль стен — закрытые и открытые стеллажи с самыми разнообразными девайсами — хлысты, плети, кнуты, стеки, наручники и цепи, мотки веревки для банджа, разнообразные распорки, наручники, устрашающего вида металлические крюки, плаги, фаллоимитаторы. Разнообразие игрушек сделало бы честь интим-магазину. У дальней стены Руслан заметил крест из полированного дерева с ремнями для фиксации.

— Ну, наконец-то, заждались! — Волхов в небрежно распушенном галстуке и белой

рубашке, без пиджака, раскинув руки, вышел навстречу Руслану.

Приобняв его за плечо, Волхов произнес:

— Господа! Прошу любить и жаловать! Наш дорогой гость из Петербурга!

Руслан понял, что Волхов желает, чтобы он представился сам, так как его псевдонима не знает.

— Кукловод, — представился он с легким кивком.

— Какая честь, — произнес один из мужчин, вставая из своего кресла. — Преемник уважаемого председателя. Руслан удивился.

Волхов посмотрел укоризненно.

— Ну что же вы не сказали, коллега. Мы бы организовали нечто более грандиозное. А то так, по-домашнему.

— Ну что вы, — ответил Руслан, — я не любитель таких мероприятий.

Но Волхов словно пропустил его слова мимо ушей, жестом указал ему на свободное кресло.

— Прошу вас, не стесняйтесь, — проговорил он, прямо таки излучая радушие, — Сигары, сигареты, трубка?

— Спасибо, я не курю, — сдержанно ответил Руслан.

— О, я тоже, — разулыбался Волхов. — Но от глотка хорошего коньяка я думаю, не откажетесь? Может быть виски, джин?

— Коньяк вполне подойдет, — ответил Руслан, принимая из рук Волхова хрустальный бокал.

Пригубив, он поставил его на низкий столик и оглядел присутствующих.

Кроме него и Волхова в комнате было еще трое мужчин. Самому молодому из них было на вид лет тридцать пять, это был именно тот, кто назвал Руслана преемником председателя. Он и представился первым как господин Стил. Еще один, полноватый с явственно обозначившимся пивным брюшком, лет сорока, назвался господином Боном, а третий — седоватый сухощавый, явно ближе к пятидесяти, господином Джокером.

Волхов, подождав, пока его друзья представятся, сказал, все также радушно улыбаясь:

— Ну, а меня вы можете называть Волховом. И сегодня время приносить дары!

Он позвонил в колокольчик, взяв его со столика, заставленного разнообразными бутылками с алкоголем.

Через минуту в комнату вошли пять девушек. Кроме кожаных ошейников, на них больше не было ничего. Опустив глаза и сложив руки за спиной, они молча прошли на середину комнаты.

— Я не знал ваших предпочтений, господин Кукловод, — обратился к Руслану Волхов, — поэтому подарки на любой вкус.

И действительно, девушки поражали разнообразием внешности. Хрупкая азиатка с длинными шелковистыми черными волосами, полногрудая блондинка с широкими бедрами, томная и сдобная, огненно-рыжая с бледной, чуть синеватой кожей, нервно покусывающая губы, худенькая шатенка с небольшой аккуратной грудью и спортивной подтянутой фигурой, статная и высокая девушка с пышными формами и русой косой ниже спины, почти как с картины Рубенса. Коллекция была подобрана со вкусом.

— Не правда ли, глаза разбегаются, — с гордостью сказал хозяин, приходясь вдоль шеренги красоток. — У каждой свои фишки. Так что господин Кукловод, надеюсь, останется довольным. Гостю — право первого выбора.

Руслан сжал зубы, ощущая себя участником съемок порнофильма. Ему нестерпимо захотелось встать и уйти. Но обидеть радушного хозяина было стыдно.

— Господин Волхв, — сказал он сдержанно, — дары и, правда, просто великолепны. Но я не люблю публичных сессий. Так что, не обращайтесь на меня внимания.

— Ну зря, зря, — немного разочаровано потянул Волхов. — Вы даже не представляете, в чем себе отказываете. Кэти!

Он словно подзывал собаку.

Полногрудая блондинка тут же подошла и опустилась перед ним на колени. Он поднял ее лицо за подбородок и сказал, проводя большим пальцем по ее пухлым губам:

— Этот ротик просто творит чудеса, — он причмокнул губами, а девушка протянула руки к молнии его брюк. Но он грубо ее оттолкнул.

Полноватый господин с брюшком тут же поманил ее пальцем, и девушка на четвереньках подползла к его креслу.

— А Фэй, — Волхв подошел к азиатке, сгреб в кулак ее волосы, — такая гибкая, в бандаже с ней можно делать все что угодно. Просто гуттаперчевая девочка.

— Любаша у нас любит в попку, — он сжал ягодицы русоволосой красавицы с косой, а потом шлепнул ее. Девушка резко выдохнула, но не сдвинулась с места.

— А это моя любимица, Энни, — он жадно облапил красивую, полную грудь рыжей девушки, заставив ее тихо простонать, — на ее теле так красиво выступают следы от плетки...

Волхов мечтательно закатил глаза, снова причмокнув губами.

Руслан вдруг вспомнил, как заворачивающе расцветает розовым кожа его жены под ударами хлыста, и ощутил, как по венам медленно разливается тягучая волна возбуждения.

Волхов видимо почувствовал это и подтолкнул девушку к кресту у дальней стены.

— Господин Кукловод — любитель порки, — удовлетворенно произнес он. — Какой девайс предпочитаете? Стек, плетъ, трость, семихвостку? Хотя нет, от семихвостки слишком размытые следы. Нет графичности.

Худощавый господин, назвавшийся Джокером, встал с кресла, подвел девушку к кресту и начал застегивать ремни на ее запястьях, лодыжках и шее.

Полноватый господин, громко застонав, бурно излился в горло блондинки, она слизала остатки и аккуратно застегнула его брюки. Потом он похлопал ее по щеке и грубо оттолкнул. Девушка едва успела отдышаться, как ее за волосы притянул к себе господин Стил.

Бон же тем временем подозвал к себе худенькую шатенку, уложил ее на низкий столик, освободив его предварительно от бутылок, и развел ей ноги.

Руслану было неприятно смотреть на это зрелище, однако тлеющее в нем возбуждение становилось все сильнее.

Тем временем Джокер уже зафиксировал рыженькую Энни на кресте, она часто дышала, приоткрыв подкрашенные губы. Потом он вопросительно посмотрел на Руслана.

— О нет, прошу прощения, — сказал Руслан. — Развлекайтесь, у меня сегодня совершенно нет настроения.

— Господин Кукловод, — укоризненно произнес Волхов, — в Питере скажут, что мы вообще не имеем понятия об элементарном гостеприимстве.

Руслан нехотя поднялся с кресла и, подойдя к стойке с девайсами, взял хлыст с кожаным наконечником.

— Всего то? — удивился Волхов.

Руслан почувствовал себя новичком, школьником, не выучившим уроки. Неловкость, раздражение и даже злость, от того, что его вынуждают делать то, что он не хочет, только усиливали его возбуждение, и он почувствовал тяжесть в паху.

— У каждого есть любимые девайсы. Я люблю этот, — ответил он холодно.

— Ну что вы, что вы, — замахал руками Волхов, — хлыст так хлыст, бога ради!

Руслан медленно подошел к распятой на кресте девушке, она поймала его изучающий взгляд и опустила глаза.

Джокер тем временем также отправился к стойке с девайсами и вернулся, сжимая в руках тонкую бамбуковую трость.

— Прощу, гость вперед, — произнес он сухим ломким голосом.

Руслан провел кончиком хлыста по щеке девушки, скользнул по губам. Она тут же послушно открыла рот.

— О да, — протянул Волхв, — от влажного наконечника гораздо лучше звук! Вы и, правда, знаете толк в этом девайсе!

У его ног уже устроилась азиатка Фэй, увлеченно лаская его внушительного размера достоинство, которое с большим трудом помещалось в ее изящном небольшом ротике. Рядом на колени опустилась полногрудая Любаша, преданно заглядывая в глаза Волхову, и ожидая своей очереди.

Руслан начал наносить легкие удары по груди Энни, она закрыла глаза и кусала губы, чтобы не стонать.

— Можешь не сдерживаться, — тихо сказал ей Руслан. Она распахнула глаза и прошептала:

— Спасибо, господин.

И тут же хлесткий удар трости по бедрам заставил ее вскрикнуть.

— Вещи разрешали говорить? — грозно произнес Джокер.

Руслан не обратил на него внимания, продолжая спускаться ниже и ниже. Бледная как молоко, полупрозрачная кожа девушки уже розовела от прилива крови. «Черт, — подумал Руслан, — это и вправду завораживающе красиво!»

Как только он спустился к гладкому лобку, девушка начала тихо поскуливать, закатывая глаза, и он понял, что она близка к краю.

Он нанес один сильный резкий удар прямо между ног и скомандовал коротко:

— Давай!

Девушка всхлипнула и вскоре обмякла в ремнях.

— Щедрый господин Кукловод, — сказал Волхв. — Вы и правда мастер, три минуты и эта сучка кончила. Но теперь она должна отдать вам должок. Негоже рабыне получать удовольствие даром.

— Спасибо, господин Волхв. Но я не слишком хорошо себя чувствую. Наверное, эти лекции совсем засорили мне голову. Боюсь, завтра усну прямо на докладе. Не обижайтесь, бога ради. Праздник удался на славу. Но я позволю себе откланяться.

— Жаль, очень жаль, — сказал Волхв. — Андрей! — крикнул он. — Отвезешь господина в гостиницу!

— Хорошо, хозяин, — отозвался из прихожей водитель.

Руслан пожал руку Волхову, над которым уже трудилась Любаша, кивнул Джокеру, тот сменил бамбуковую трость на плеть-змейку, лениво поигрывал ей и разглядывал тело рыженькой Энни, раздумывая, с чего начать. Бон, занятый худенькой шатенкой,

разложенной на столе, и Стил, откинувшийся в своем кресле под ласками блондинки Кэти, даже не обратили на него внимания.

В гостинице он достал телефон, убедился, что неотвеченных звонков и смсок от жены нет, и отправился в душ. Долго стоял под теплыми струями, ощущая неудовлетворенное напряжение и борясь с соблазном спустить пар, как в юности. Ему стало стыдно. Выйдя из душевой, он запахнулся в махровый халат и улегся на постель, включив телевизор. Руслан бессмысленно и раздраженно переключал каналы, когда услышал осторожный стук в дверь.

Открыв ее, он обнаружил рыженькую девушку, ту самую Энни. На ней была коротенькая плиссированная юбочка на бедрах, чулки в сетку и кожаная курточка до талии, обнажавшая плоский животик с пирсингом в пупке. «Странно, — подумал Руслан, не в силах отвести взгляд от поблескивающей капельки на бледной коже, — я не заметил пирсинг на ней в клубе».

Девушка дрожала, видимо ее наряд был слишком открытым для холодной московской осени. В руках она держала объемистую сумку.

Руслан уже хотел отослать гостью, но тут внезапно запиликал ее мобильный. Она протянула телефон Руслану, опустив глаза.

Он взял мобильник и приложил к уху.

— Господин Сикорский, — бодрый голос Волхова звучал несколько фальшиво, — это мой подарок вам. Все-таки негоже уходить от Волхва с пустыми руками. И пожалуйста, не отказывайтесь. Я вам обещаю, вы не пожалеете. Все, что может вам понадобиться — в сумке. Развлекайтесь!

Волхов отключился. Девушка все также стояла на пороге, опустив глаза. По коридору прошла горничная и покосилась на замершую девушку и Руслана. Он почувствовал неловкость, посторонился, пропуская Энни внутрь, и закрыл за ней дверь.

Девушка прошла в номер, поставила сумку на пол и начала молча снимать одежду.

— Не нужно, — сказал строго Руслан. — Сейчас ты пойдешь домой. Скажешь господину Волхву, что господин Кукловод остался доволен.

Девушка вдруг всхлипнула и упала к его ногам, обнимая колени.

— Господин... — сбивчиво шептала она, — пожалуйста... не прогоняйте меня... господин Волхв... он меня жестоко накажет... если не найдет свежих отметин... сжальтесь... Господин...

Руслан раздраженно нахмурился. Девушка подняла на него отчаянные, полные слез глаза. Ее рыжие волосы разметались по плечам, припухшие губки кривились от рыданий. Она уже успела снять курточку, а кожаный корсет так соблазнительно выставлял напоказ ее пышную белую грудь...

Руслан почувствовал, как возмущенно дернулась его неудовлетворенная эрекция. Он скрипнул зубами, испытывая жгучий стыд.

— Хорошо. Раздевайся. Белье можешь оставить.

Энни посмотрела на него затравлено.

Она расшнуровала корсет и сняла его, высвобождая грудь, мягко колыхнувшуюся, потом стянула через ноги юбочку, сняла чулки. Белья на девушке не было. Руслан скользнул взглядом по молочно-белому, изящному телу, опять задержался взглядом на блестящей капельке в пупке, ниже...

— В кресло. На колени. Спиной ко мне — отрывисто приказал он.

Девушка повиновалась, прижалась грудью к спинке, обняла ее руками и широко развела

ноги.

Руслан расстегнул молнию сумки и выложил из нее хлыст, тот самый, которым он уже воспользовался в клубе, несколько стеков, плетку-змейку, четыре комплекта наручников, резиновый мячик-кляп с ремешками и игрушки — металлические пробки, вибратор с круглой головкой, зажимы для сосков, довольно крупные и грубые.

Он привычно взял в руки хлыст, но подумав, отложил его в сторону. «Он почти не оставляет следов, — подумал Руслан, — нужно что-то повесомее.» Посомневавшись, он выбрал плеть.

— Господин, — раздался дрожащий голос, — простите... а зафиксировать?

— А что? — раздраженно спросил он, еле сдерживая свое возбуждение от вида обнаженной девушки, бесстыдно раскрытой перед ним и покорно ожидающей порки.

— Вам будет неудобно, господин, — пролепетала она, — буду вертеться, могу подставить руки...

Руслан стиснул зубы и взял наручники, застегнул их на тонких запястьях рук, обнимающих спинку кресла. Еще двумя он приковал ее лодыжки к подлокотникам.

Плеть тихо свистнула, и девушка вздрогнула, шумно выдохнув. Первый удар пришелся поперек поясницы. Руслан раздраженно нахмурился. Он планировал положить его на ягодицы.

— Тихо, — рявкнул Руслан, чувствуя, как в нем поднимается какая-то горячая темная волна, гася стыд, раздражение.

С каждым ударом, расцветавшим на бледной коже багровой полосой, его возбуждение становилось все сильнее, мучительнее и нестерпимее. На раскрытых бедрах девушки он увидел капельки влаги...

Поняв, что больше сдерживаться не в силах, Руслан отбросил плеть, распахнул халат, грубо, резко вбил в нее, рыча будто зверь, и взорвался буквально после нескольких толчков.

Немного отдышавшись, он отстегнул наручники и хотел уйти в душ, но девушка сползла с кресла к его ногам и обняла колени.

— Спасибо, Господин, — прошептала она, все еще всхлипывая и дрожа, — позвольте. Господин должен быть чистым.

Он хотел оттолкнуть ее, но посмотрел на припухшие, маняще полуоткрытые губы. Соблазн испытать это был так велик.

Он сложил руки на груди и прикрыл глаза, отдаваясь нежным сладким прикосновениям умелого ловкого языка. Через минуту стал постанывать от жгучего, нестерпимого удовольствия. А еще через несколько минут почувствовал, как опять твердеет. Он зарылся пальцами в густые рыжие кудри девушки, прижимая ее к себе теснее, и застонал от того, как легко она впустила его до самого конца, до стенки горла...

Под утро, когда Энни ушла, он долго стоял под душем. Злость на самого себя от его предательства по отношению к жене ворочалась в груди, но он вспоминал ласки умелых нежных губ и языка, восхитительный темно-розовый цвет следов от его плети.

«В конце концов, она просто рабыня, — подумал Руслан, — подарок Волхва».

Уже второй день после отъезда Руслана в командировку Людмила мучилась от непонятной тревоги и неприятных предчувствий. Ей казалось, что на улице за ней кто-то неотступно следит, она оборачивалась, но терялась взглядом в толпе, укрывшейся разноцветными зонтами. Беспокойство не оставляло ее даже дома, она плотнее задергивала занавески, вздрагивала от телефонных звонков и еле сдерживалась, чтобы не позвонить Руслану. Особенно стало худо, когда Антошка умчался к другу Виталику с ночевкой, сказав, что у них куча работы по оформлению новой школьной фотовыставки.

Анна не понимала ее состояния, пыталась с ней поговорить, но Людмила только отмалчивалась, понимая, насколько глупо выглядит внезапно возникшая мания преследования.

В среду в ее кабинете в редакции раздался странный телефонный звонок. Ей позвонила девушка и нервным, дрожащим голосом сказала, что узнала Людмилу по фотографии, в журнале «Иван да Марья», где был помещен материал о ведущих сотрудниках редакции. Она назвала свое имя — Лилия Кузьмина, и сказала, что они с ней встречались в доме Шталя. Людмила вспомнила рыжую сабочку доктора, которую он наказал за флирт с ее мужем, и ощутила неприязнь, смешанную со стыдом. Лилия умоляла ее встретиться с ней. На вопрос — зачем, девушка разрыдалась и сказала, что хочет поговорить с ней как с собой Кукловода, который теперь вместо председателя. Напрямую к доминанту, тем более такого высокого ранга, она обратиться не может. Поэтому просит помощи у нее.

Людмила отказалась, сказав, что ничем не сможет ей помочь. Тем более, что обсуждать с посторонними внутренние проблемы между доминантом и сабмиссивом — грубое нарушение правил.

Но Лилия не оставила ее в покое, продолжая названивать по нескольку раз в день. Наконец в четверг, когда до возвращения Руслана оставалось два дня, Людмила не выдержала и сдалась.

Они договорились встретиться в кафе на Лиговском проспекте с уютным названием «Старый погребок» в шесть вечера.

Людмила позвонила Антошке и предупредила, что задержится после работы, но он ответил, что опять уйдет ночевать к Виталику.

На встречу с Лилией Людмила шла с тяжелым сердцем. Ей в принципе была неприятна эта девушка, да и разговор этот казался ей бессмысленной тратой времени. Она собиралась просто выслушать ее и посоветовать подать жалобу официальным порядком, дождавшись возвращения Руслана, а лучше Шталя.

Она спустилась по узким ступенькам в полуподвальное помещение, открыла дверь, тихо звякнувшую колокольчиком, и вошла в полутемный зал, оформленный в стиле охотничьего домика — с деревянными, словно грубо сбитыми из досок столами, лавками вместо стульев и головами оленей и кабанов на стенах. Остро пахло жареным мясом и чесноком.

Девушка уже ждала ее за столиком у окна, перед ней стоял стакан с каким-то напитком, второй — напротив, видимо был заказан для Людмилы.

Она прошла к столику и спросила:

— Лилия Кузьмина?

Девушка подняла на нее глаза и кивнула. Ее лицо выглядело заплаканным, губы дрожали, а в глазах — страх.

Людмила присела за столик и, положив руки на столешницу, переплела пальцы, давая понять, что слушает ее.

Девушка сделала судорожный глоток из своего стакана, отставила его, покрутила в пальцах салфетку. Потом нервно покусывая губы, начала:

— Ты помнишь, что Шталь был моим домом?

Людмила кивнула.

— А что он отдал меня Каверину в обмен на Еву, знала?

Людмила так же молча покачала головой. Услышав это имя, она нестерпимо захотела встать и убежать. Этот человек внушал ей почти панический страх и чувство омерзения.

— Я... — Лилия, запнулась, будто не зная, как продолжить этот разговор, — он...
Вобщем, не могу больше так...

— Ну так разорви договор? В чем проблема? — спросила Людмила довольно холодно.

— Не могу, — грустно покачала головой Лилия, — я заключила его сроком на год без права стоп-слова.

— Тогда выполняй, — также холодно ответила Людмила.

Ей отчего-то было совершенно не жаль эту девушку.

— Он что, нарушает твои хард-лимит? — спросила Людмила.

Лилия помотала головой.

— Не нарушает. Но его методы... это просто невыносимо... а стоп-слова у меня нет. Он настоящий садист.

— Ну ты же сама согласилась? Шталь тебя не принуждал?

— Нет, не принуждал, — ответила она, — но я не знала, что так будет.

Людмила поморщилась. Этот детский лепет начинал ее раздражать.

— Послушай, — сказала она, собираясь встать, — я ничем не могу тебе помочь. Если он нарушает Правила, обратись с жалобой в сообщество. При чем тут я?

— Поговори с Кукловодом! — пропищала Лилия, всхлипывая. — Он может мне помочь.

— Деточка, — сказала Людмила теряя терпение, — не думаю, что мой доминант заинтересуется мнением своей нижней относительно отношений Каверина с его сабом.

— Но Еве-то он помог! — воскликнула Лилия,

— И поплатился за это, — ответила ей Людмила. — Прости, я ничем не могу тебе помочь.

Внезапно у нее разболелась голова: в кафе было душно, резкий запах с примесью гари с кухни вызывал дурноту. Она порылась в сумочке, но как назло достала лишь пустой стрип от «Нурофена».

— Голова болит? — участливо спросила Лилия.

Людмила кивнула, морщась от боли и потирая лоб.

— погоди, у меня были таблетки, — девушка порылась в своей объемной сумке-торбе кислотно-зеленого цвета, и выудила оттуда коробочку «Мигренола». — Подойдет?

— Да, спасибо, — ответила Людмила, выдавливая на ладонь таблетку, потом спросила, указывая на стакан:

— Там что, сок?

— Апельсиновый, — ответила Лилия, — у них тут сегодня акция, каждому посетителю стакан сока бесплатно.

Людмила кивнула и забросила в рот таблетку, запив ее соком. Он оказался очень неплохим, и она допила весь стакан до дна.

— Спасибо за помощь, — сказала она Лилии, — но мне нужно идти. Прости, что не могу быть полезной. Тебе лучше подождать, пока вернется Шталь.

Девушка горестно вздохнула и пустила голову. Потом сказала:

— Я на машине, может тебя подбросить?

Людмила хотела отказаться. Ей не терпелось избавиться от общества этой девушки. Но за окном уже были стылые ноябрьские сумерки, и как всегда шел частый нудный холодный дождь.

— Спасибо, — согласилась она.

Машина Лилии — небольшой красный «Опель Корсо», был припаркован через улицу. Бегом, перепрыгивая через лужи, они добрались до автомобиля, и Людмила не без удовольствия нырнула в салон, пропитанный какими-то экзотическими духами.

Лилия включила подогрев сидений и теплый обдув, в машине быстро стало тепло и уютно. Она лихо тронулась с места и уверенно повела автомобиль по направлению к Невскому.

— Тебе куда? — спросила она Людмилу.

— Красногвардейский район, — ответила она.

Девушка кивнула.

Теплый воздух обдувал лицо Людмилы, ее отчего-то стало неудержимо клонить в сон. Она буквально раздирала закрывающиеся веки, и ей казалось, что сверху на них положили свинцовые гири. В голове вдруг стала кружиться какая-то цветная карусель, ей стало нехорошо. А потом ее придавила, будто бетонной плитой серая муть небытия.

Первым вернулся слух. Она расслышала тихие шаги и два голоса — мужской и женский. Оба они показались ей знакомыми, но затуманенный рассудок не желал их узнавать. Потом она осторожно разлепила веки, и вначале ей показалось, что она потеряла зрение. Но потом поняла, что просто находится в полутемной комнате, освещенной только трепетным неверным светом свечей. Они потрескивали, и распространяли тяжелый аромат плавленого воска.

Она разглядела в полутьме женскую фигуру, которая перемещалась по комнате, зажигая все новые и новые свечи, которые прибавляли света, разгоняя сумрак.

— Ну вот, — вдруг произнес мужской голос совсем рядом.

Людмила дернулась. И тут же с ужасом осознала, что ее руки, ноги, шея и талия крепко стянуты ремнями. А еще, что она совершенно голая. Обнаженной кожей спины она ощущала гладкую прохладную поверхность.

— Спящая красавица наконец-то очнулась.

И тут ее пронзил еще больший ужас. Она узнала голос. Это был Каверин.

Она опять дернулась в бесплодной попытке освободиться.

— Тише, тише, — проговорил Каверин, — зачем бессмысленно трепыхаться?

Она увидела его прямо перед собой, в кожаных штанах на шнуровке, с голым торсом, он небрежно поигрывал флоггером.

— Ты сошел с ума, — прошипела в ярости Людмила. — Ты знаешь, что это уголовное

преступление? Похищение человека! Ты сядешь в тюрьму. Если выживешь. Мой муж удавит тебя собственными руками.

— А при чем тут я? — развел руками Каверин, нахально ухмыляясь и окидывая ее жадным бесстыдным взглядом. — Я тебя не похищал. Это все Лили. А потом я не думаю, что ты захочешь рассказать об этом чудном вечере мужу.

— Только посмей! — Людмилу просто захлестывала слепящая обжигающая ярость. — Если ты прикоснешься ко мне хоть пальцем!

— Я? — наигранно удивился Каверин. — Что ты, дорогая, как я могу! Правилами запрещено несанкционированное прикосновение к чужой сабе. Я свято чту Устав!

Из-за его спины показалась Лили, обнаженная, в ошейнике с кольцами, к одному из которых была пристегнута цепочка, свисающая между грудей.

Она опустилась перед Кавериным на колени и прижалась губами к его руке. Он потрепал ее по рыжей шевелюре, поднял за подбородок, смачно поцеловал в губы.

— Умница моя, послушная девочка, — проворковал он, глядя ее грудь и перекидывая цепочку на спину. — Давай, милая, пора приступать к веселью.

Лили медленно, по шажку, хищно улыбаясь, подошла к Людмиле. Потом провела прохладной ладонью по ее груди, заставив задрожать от отвращения. Больно ущипнула за соски. Людмила сжала зубы, чтобы не вскрикнуть.

— Ну вот, теперь можно надеть игрушки, — удовлетворенно сказал Каверин, жадно облизывая губы, и подал ей зажимы с цепочкой.

Холодная сталь сжала соски, и у Людмилы выступили слезы.

— Господин Кукловод не играл с тобой так? — насмешливо спросил Каверин. — Ну ничего, все бывает в первый раз, тебе понравится! И еще один...

Пальцы Лили скользнули между ног, Людмила дернулась и захрипела, когда натянувшийся ремень на горле перекрыл ей кислород.

Холодные пальцы девушки бесстыдно хозяйничали, гладили, терли, кружили. Тело предавало Людмилу, она чувствовала, как выделяется влага, и всхлипнула от бессильной ярости.

— Расслабься, милая, — ворковал у ее уха Каверин, — получи свое удовольствие, не нужно сопротивляться! А мы получим свое. Да, девочка моя?

Он провел рукой по спине Лили, скользнул ниже, девушка замерла, прикрыв глаза, и застонала.

— Да... умница... только не останавливайся, — прошептал ей Каверин, прикусив мочку уха.

Лили открыла глаза, и ее пальцы продолжили мучить Людмилу. И вдруг острая боль от зажима пронзила ее нежную плоть, и она не сдержала крика.

— Ой, надо же, плохая девочка сделала тебе больно? — с притворным сочувствием спросил Каверин, — Ну ничего, мы ее накажем.

Он отступил на шаг и, взмахнув плетью, обрушил на спину Лили резкий удар. Она вскрикнула и грубо дернула зажим, заставив снова закричать от боли и Людмилу.

— Бож-е-е-е, — восхищенно протянул Каверин, — какое наслаждение, слышать ваши крики, вот так, в унисон. Давай, девочка моя, активнее, чтобы наша гостья не успела заскучать.

Лили усмехнулась, потом приблизила к Людмиле лицо и впиалась ей в губы жестким поцелуем, укусив за губу. Продолжила целовать ее шею, скользя губами к груди, сняла зажим

с одного соска. Людмила снова не смогла сдержать крика от горячей резкой боли. Но губы Лили сомкнулись вокруг пульсирующей болью груди, втянув в рот почти весь ореол, посасывая и щекоча языком сосок. Потом проделала тоже с другой грудью.

Людмилу разрывало на части от ярости, чувства омерзения, но к ним примешивалось и дикое, почти неконтролируемое возбуждение. Казалось, что ее тело жило отдельной от разума жизнью, предавая ее, откликаясь на грубые мучительные ласки Лили. Слезы безостановочно текли по щекам Людмилы, капали на волосы и обнаженные плечи ее мучительницы. Лили подняла голову, и, ухмыльнувшись, слизала с ее щек соленые дорожки.

Людмилу затрясло от отвращения. Если бы она только могла освободиться, она бы придушила эту тварь голыми руками. Но ремни держали крепко и она, беспомощная, распятая, пригвожденная, как лягушка на столе препаратора, могла только рыдать, хрипеть и скрипеть зубами.

Лили вернулась к своему занятию, продолжая терзать грудь Людмилы и постанывая сквозь зубы от ласк Каверина. Потом ее губы скользнули ниже, язык обвел пупок, она опустилась на колени. От зажима внизу пульсировала тупая боль, но когда Лили грубо сорвала его, у Людмилы вырвался дикий хриплый вопль. И тут же она почувствовала там, где все горело, нежные прикосновения губ, и резко выдохнула.

— Да, да, вот так, кончи для меня, — мурлыкал Каверин, — я мечтал об этом с того момента, как тебя увидел.

Людмила прокусила губу, рыдая почти навзрыд, иступленно борясь с подкатывающей горячей волной. К языку и губам Лили, присоединились ее пальцы, проникшие сразу в два отверстия. Эта пытка была невыносимой... она не могла... не могла с этим справиться...

— Давай же, давай! Кончи для меня, — хриплый голос Каверина ввинчивался ей в уши, она рыдала от бессилия, понимая, что проигрывает борьбу со своим телом...

...Обессиленная и опустошенная, она чувствовала, как ее освободили от ремней, и она сползла на пол, не в силах стоять.

Когда Людмила немного пришла в себя, то в комнате никого не было. Она, пошатываясь, поднялась на ноги и увидела свою одежду, сложенную на стуле, сапожки и сумочку. Поверх одежды лежал ее телефон. Она взяла его в руки. И едва не выронила. На заставке была фотография. Она — привязанная к кресту, обнаженная, с зажимами на сосках, стонущая от ласк Лили.

Телефон тихо завибрировал — пришло сообщение. Людмила открыла его и прочитала, смаргивая слезы:

«Если не хочешь, чтобы эти картинки увидели, — молчи».

Дрожа всем телом, она оделась, и вышла из комнаты. Это была, скорее всего, съемная студия. Бросив незапертой дверь, она вышла на улицу, в ледяную дождливую ноябрьскую ночь.

Она почти не помнила, как остановила первое попавшееся такси и назвала адрес. Как едва попала ключом в замочную скважину, как налила горячую ванну и сидела в ней почти до утра, пока вода не остыла. Как лежала, сжавшись в комочек, под одеялом и не могла унять дрожь. Как только она закрывала глаза, то видела похотливую улыбку рыжей бестии Лили и слышала шепот Каверина «Кончи для меня...».

Утром Людмила позвонила в редакцию и сказала, что заболела. Через два часа раздался звонок в дверь, и она вздрогнула от мысли, что это Руслан вернулся раньше. Не могла представить, как посмотрит мужу в глаза. С замиранием сердца открыла дверь и выдохнула

— это была Анна.

Девушка была потрясена состоянием Людмилы. Анна усадила ее на диван в гостиной, укутала пледом, согрела чай, налила в него коньяку и буквально заставила Людмилу выпить все до дна.

Потом села с ней рядом, сжала ее ледяные руки в своих ладонях, пытаясь согреть.

— Что случилось? — спросила она тихо.

И внезапно Людмила поняла, что просто не может держать всю это боль и стыд в себе, иначе сойдет с ума.

Она разрыдалась на плече у Анны, всхлипывая и пытаясь сказать хоть что-то вразумительное. Девушка, наконец, смогла разобрать только три слова «Каверин», «Лили» и «похитили».

— Каверин?! Он посмел?!

Людмила помотала головой, всхлипывая.

— Значит, заставил Лили... Эта рыжая сучка...

Людмила кивнула.

— Что он с тобой сделал? Он тебя трогал?

Людмила опять отрицательно покачала головой.

Потом выдавила из себя:

— В коридоре, в сумке... там мой телефон... фото...

Анна метнулась в коридор.

— Ах ты ж сукин сын! — она была все себя от злости.

Людмила всхлипнула и закрыла лицо руками.

Анна прижала ее голову к груди, глядя по волосам.

— Тише, тише. Успокойся, мы что-нибудь придумаем. Фото еще у него в фотоаппарате.

Вряд ли успел скачать на комп или залить на хостинг. Я знаю его привычки. Погоди... Когда возвращается твой муж?

— З-завтра, — выговорила Людмила, и зубы ее стукнули.

Анна схватила свою сумочку и вынула телефон.

— Хай, — сказала она в трубку. — Чел, нужна помощь. Срочно. Приедешь? Интернет?

Ну есть, конечно! Давай, записывай. Возьми тачку, за мой счет.

Людмила посмотрела на нее вопросительно. Анна улыбнулась.

— Максимка. Хороший парнишка. Компьютерный гений. Хакер, каких поискать. Всего семнадцать, а умище! Он поможет.

Через полчаса в дверь позвонили. Максимка или Троян, как он представился, оказался светловолосым парнем, напоминающим репера — в огромных штанах, мотающихся между ног где-то в районе коленей, бесформенной куртке в совершенно нелепую оранжевую клетку, тяжелых армейских ботинках и бейсболке, надетой козырьком назад. Из объемного рюкзака он достал ноутбук последней модели, тонкий и стильный. Эта вещичка вообще не вязалась с его внешним видом.

— Хай! — сказал он и шмыгнул носом. — Ну че за проблемы?

— Пошли, расскажу, — сказала Анна, пропуская его в гостиную.

Людмила уже немного пришла в себя, а инстинкт матери и хозяйки — накормить гостя, взял свое. Она пошла на кухню, чтобы приготовить бутерброды и чай для своего возможного спасителя.

Когда она вернулась с подносом в гостиную, Анна и Троян склонились над ноутбуком.

Людмила услышала обрывки их разговора:

— Игровой ник? Знаю...сейчас. Даже пароль...А поведется? Точно? Ну отлично...

Теперь только ждать... Только бы зашел по ссылке... только бы зашел...

Часа полтора они просидели в гостиной, все также перебрасываясь отрывистыми фразами, иногда совершенно непонятными.

Людмила нервно ходила по кухне, как зверь в клетке. Она уже решила, что лучше рассказать все Руслану... Но что будет, когда он узнает? Страшно подумать...Но все равно у Каверина останутся ее фото... Вдруг он выложит их в сеть? А если их увидит Антошка?! Ужас прошел ее ледяной иглой. Почти упала на стул, уронив безвольно руки.

Сколько она просидела в оцепенении, из которого ее вывел радостный вопль Анны.

— Да! Скачал! Попался!

Троян пробубнил что-то малопонятное.

Потом откинулся на спинку дивана и удовлетворенно сообщил:

— Капец котенку.

Людмила посмотрела на Анну умоляющим взглядом. Та кивнула ей и похлопала по плечу Трояна:

— Чел, ты просто монстр! Я в долгу. Проси что хочешь!

— Ну... За такси обещала заплатить. И это... матпомощь не помешала бы. Ну сколько не жалко. А то хард на четыре тера хочу.

— Да, конечно! Пятерки хватит? — Анна вытащила из сумки кошелек.

— Угу. Ну я почапал, — сообщил Троян и встал с дивана.

Потом бросил взгляд на тарелку с бутербродами. — Эм... а можно я бутеры с собой заберу?

— Пожалуйста! — Людмила встала, чтобы положить их пакет.

— Ага, спасибо. Покедова!

И парень, прижав к груди свой ноутбук и пакет с бутербродами, протопал в коридор.

Анна пошла его проводить. Вернувшись, она с улыбкой сказала Людмиле:

— Ну все, твоя проблема решена.

Людмила не понимала ничего. Анна потянула ее за руку на диван, и села рядом:

— Максимка, это младший братик моей давней подруги, еще с модельного прошлого. Мы с ней видимся редко, но Макс — отличный парень и старых друзей не забывает. Так вот, он сумел подсунуть Каверину зараженный вирусом файл. Как только он вставит в ноутбук флешку от фотоаппарата — выгорит все: и комп, и флешка. Будем надеяться, что твои фото Каверин не загрузил на хостинг. Но вряд ли бы успел. После сессий он обычно грузится коньяком по брови, утром болеет, потом отсыпается или рубится в свои онлайн игрушки.

Людмила поняла из этой речи только то, что ее фотографии должны будут быть уничтожены. Она глубоко вздохнула, но потом вспомнила про свой телефон.

— В телефоне... там фото....

Анна взяла в руки мобильник, быстро удалила картинку.

— Все. Успокойся. Больше он тебе не навредит.

Анна обняла ее, погладила по спине. Людмилу все еще пробивало нервной дрожью.

— Забудь это все как страшный сон. Слышишь? Это не твоя вина. Не вздумай себя грызть за то, в чем ты не виновата. Представь, что это было не с тобой.

Людмила опять разрыдалась, но эти слезы приносили облегчение. Вместе с ними вытекал ее страх, ее стыд и ее боль.

Засыпая в постели, укрытая бережно одеялом руками Анны, она повторяла про себя как молитву:

«Это было не со мной... это было не со мной».

Людмила запахнулась в махровый халат и вышла из спальни. Анна уже хлопотала на кухне, оттуда доносился манящий запах кофе и тостов, она с кем-то негромко разговаривала по телефону.

— Доброе утро, — улыбнулась она подруге.

Анна повернулась к ней и кивнула, продолжив внимательно прислушиваться к голосу в своем мобильном. Потом коротко ответила: «Да, Мастер!» и нажала отбой.

— Шталь? — спросила ее Людмила.

Анна кивнула.

— Прилетает сегодня вечером. Приказал встретить его в аэропорту.

— Руслан тоже должен вернуться вечерней «Красной стрелой», — сказала Людмила.

Помолчав, добавила:

— Спасибо, если бы не ты...

Анна поставила на стол тарелку с тостами и вдруг крепко обняла Людмилу, прижавшись к ней всем телом.

— Ты моя единственная подруга! — горячо сказала она и, отстранившись, посмотрела Людмиле в глаза. — Даже больше!

Звякнули ключи в замке входной двери, и раздался бодрый голос Антошки из коридора:

— Мам! Я дома!

Людмила вышла, чтобы встретить сына. И вдруг, поддавшись внезапному порыву, сжала его в объятиях.

— Мам? — спросил смущенно Антон, — ты чего? Меня не было дома всего день...

— Ничего, ничего, — сказала Людмила, тоже смутившись. — Обычные женские нежности. Просто я тебя очень люблю.

— Я тебя тоже, мам, — смущенно улыбнулся сын.

«Какой взрослый», — подумалось вдруг ей. Внезапно она увидела, насколько Антон становится похожим на отца. Та же решительность и непримиримость, твердая уверенность во взгляде, привычка ерошить волосы в задумчивости, и веселые смешинки в серых «папиных» глазах. В точности как у Руслана в юности. Она вздохнула.

— Ну как выставка? — спросила она, проводя ладонью по жесткому ежику коротко стриженных волос сына.

— Полный фурор! Особенно те фотки, где мы снимали микромир — с улиткой, с ягодами...

— Да! Я тебе говорила! Эти особенно удались! — крикнула из кухни Анна.

Сын радостно улыбнулся и отправился на кухню, чтобы поздороваться с ней.

Потом они вместе завтракали, пряча тревогу за болтовней о всяких пустяках, Антон восторженно строил планы, как уедет следующей осенью в Прагу, а Людмила думала о скором расставании с сыном.

После завтрака Антошка с Анной ушли в его комнату дальше обсуждать выставочные фотографии, а Людмила занялась уборкой. Она увлеченно вытирала пыль со стеллажей, где стояли ее любимые куклы, и даже не заметила, как сзади к ней подошла Анна и обняла за плечи. Людмила вздрогнула, обернувшись.

— Прости, не хотела тебя напугать, — сказала девушка, — я попроситься. Пойду. Мне еще столько нужно сделать. Ты помнишь, что я тебе сказала вчера? Представь, что это было не с тобой!

Людмила вздохнула и грустно улыбнулась:

— Спасибо. Я попробую.

Вечером она нервно посматривала на часы, мерила шагами гостиную, садилась в кресло, открывала первый попавшийся журнал, бросала его на стол раздраженно, шла на кухню, проверяла в сотый раз, не забыла ли чего к ужину. Она не могла найти себя места, сгорая от волнения и тревоги.

В прихожей тихо щелкнул замок, и Людмила сделала шаг по направлению к коридору.

Руслан бросил ключи в плетеную корзинку на тумбочке, поставил большой кожаный портфель, повесил на крючок сложенный зонт, снял шарф, расстегнул пальто.

Посмотрел на нее долгим-долгим взглядом, словно видел в первый раз.

Время замерло, пульс тревожно стучал в висках...

Вдруг вся обида, злость на мужа, что мучили до расставания, растаяли. Ощутила себя такой слабой, такой незащитной. Растоптанной, сломанной. Без его защиты, без его надежных объятий было почти невозможно дышать.

Нестерпимо захотелось метнуться к нему и, не давая раздеться, обнять, прижаться щекой к влажной шершавой ткани его пальто, с наслаждением вдохнуть родной, неповторимый запах любимого мужчины, чуть приправленный бензином и дождливой ноябрьской свежестью.

Чтобы он, немного опешив от такой бурной встречи, обнял ее холодными с улицы руками, глядя по спине, поцеловал в макушку и прошептал:

— Ну, здравствуй, родная. Наконец, я дома.

Но Руслан все смотрел и смотрел на нее. И молчал.

Горло перехватило, вырвался всхлип.

Руслан тут же шагнул вперед, обхватил ее лицо ладонями, тревожно всматриваясь в глаза.

— Мила? Что-то с Антошкой? — спросил он тихо и настороженно.

Она молча покачала головой, из последних сил сдерживая рыдания.

— Что случилось?

Она нервно сглотнула. Ее просто разрывало от желания разреветься и прямо тут, в прихожей, выдать ему ту жгучую, мерзкую тайну, что запрятала внутрь, прикрыв спасительной молитвой: «Это было не со мной».

Но тут же представила, как горькая складка прорезает лоб, как опускаются уголки губ, а на скулах ходят желваки, как темнеет от гнева лицо...

На что он решится после ее признания? Даже не хотелось об этом думать.

Сделала судорожный вдох, заставила себя успокоиться.

— Ничего. Ужин готов.

Руслан тут же отпустил ее и отстранился. Сразу же стало холодно и тоскливо. Но Людмила стиснула зубы.

— Ох, как же соскучился по домашнему, — Руслан с аппетитом принялся за греческий салат, — свежие овощи! То что нужно для моего измученного бутербродами ЖКТ....

Людмила молчала, словно боялась — как только заговорит, тут же разрыдается.

Антошка, наскоро закончив с едой, ретировался в свою комнату — судя по пиликанию

скайпа за тщательно закрытой дверью его ждала беседа с испанской подружкой.

Людмила собрала грязные тарелки, принялась их мыть.

— Мила, ты перчатки не надела... У тебя же аллергия на химию.

Руслан отобрал у нее губку.

— Я сам домою. Ты вытирай.

В его голосе совершенно не было той подчеркнутой фальшивой заботы, что так обижала ее до отъезда. Руслан сказал это просто, с нежностью. Как раньше. У Людмилы опять защипало в носу...

— Вместе быстрее. А знаешь что, давай к Новому Году купим посудомоечную машину.

Он взял ее руку и прикоснулся губами к запястью.

— Ну вот, уже покраснение появилось. Твою нежную кожу надо беречь. Там, кажется, синафлан был... Пойду принесу.

Руслан ушел в зал за мазью от аллергии, а вернулся с большой коробкой, перевязанной лентой с затейливым бантом.

— Чуть не забыл. Это тебе.

Людмила нетерпеливо потянула за ленточки, открыла коробку, развернула шуршащую бумагу, вынула оттуда большую куклу, тонкой ручной работы, одетую в изумрудно-зеленое платье с пышной юбкой.

Она смотрела на подарок, и ей казалось, что сердце перестало биться. Пальцы безвольно разжались и, сверкнув огненно-рыжими кудрями, кукла упала на пол, удивленно раскрыв свои ярко-зеленые глазки на бледно-молочном фарфоровом личике. В точности как у рыжей Лили.

Руслан тряс ее за плечи, что-то говорил... Людмила видела, как шевелятся его губы, но не могла разобрать ни слова. Словно в телевизоре выключили звук.

В груди разливалась жаркая боль, голова наполнилась белым шумом...

— Милочка, родная... Что? Что болит?

Наконец голос Руслана прорвался в ее сознание. Она почувствовала у губ холодное стекло...

— Выпей... ну же... давай...

Сделала послушно глоток. Скривилась от мерзкого вкуса кордиамина.

Руслан на руках отнес ее на диван, бережно опустил, подложил подушку. Сел рядом, сжал запястье, считая пульс.

— Так... рассказывай. Что стряслось.

Людмила поняла, что если сейчас же не выпустит из груди эту мерзкую, страшную тайну, то она разорвет ее изнутри...

...Когда закончились слова и слезы, Людмила закрыла глаза, чтобы не видеть, как окаменело лицо Руслана, как потухли глаза и побелели губы...

Секунды падали в пустоту, страшные, мертвые.

— Кто-то еще знает?

Людмила покачала головой.

Потом выдавила из себя:

— Только Анна... она помогла удалить фото...

— Так он еще и сфотографировал?!

Руслан вскочил, хрустнул суставами пальцев, нервно прошелся по комнате. Снова сел рядом.

— Точно удалили?

Людмиле так хотелось, чтобы он перестал задавать эти нелепые, ненужные вопросы, просто обнял ее, заслонил собой, согрел. Снова заворочалась обида.

— Я не знаю... Анна сказала, что должны были удалиться...

Руслан снова вскочил. Вышел в коридор, взял за чем-то в руки телефон, покрутил его, бросил на журнальный стол.

— Сволочь! Знает, что мы не можем заявить в полицию. И сделал все руками сабы! Подонок...

Злые, колючие слова больно били Людмилу по щекам, оставляли металлический вкус во рту.

— Перестань...

Но Руслан ее не слышал, все расхаживал по комнате, говорил, говорил, говорил...

— Прекрати! Слышишь!

Отчаяние, с которым она выкрикнула эти слова, заставило его остановиться и замолчать.

— Как мне... — снова болело в груди, и затылок наливался тяжестью, — нам... дальше...

Еще несколько секунд он стоял остолбенело, будто пытался осознать ее слова.

А потом Людмила не смогла дышать. Он стиснул ее в объятиях, начал целовать исступленно, жарко — в шею, в губы, в щеки.

— Прости... прости меня... я так виноват... виноват... прости...

От его тепла, сбивчивого шепота, в груди у Людмилы будто разжались тиски, сжавшие сердце. Она сладко и безутешно разрыдалась, уткнувшись в его плечо.

Уснули только под утро. Руслан гладил ее по волосам, целовал нежно, бережно, шептал:

— Я никогда больше не оставлю тебя одну. Никогда.

Утром первым делом Людмила с омерзением подобрала с пола и выбросила куклу с разбитой фарфоровой головой. Руслан вышел к завтраку сосредоточенный и серьезный. Его мрачная решимость пугала.

— Родной, что ты задумал?

— Не волнуйся. Он свое получит. И эта дрянь тоже.

— Только, прошу тебя, не вмешивай в это Шталя. Не хочу, чтобы он знал...

Руслан погладил ее по щеке.

— Думаю, ему все и так расскажет Анна. У нее нет секретов от Мастера. И быть не может. Так что он в курсе.

Людмиле стало мерзко от того, что ее муж опять побежит к учителю, как школьник, у которого отняли бутерброд.

— Пожалуйста, давай все решим без доктора. Я знаю, что он для тебя значит... но это касается только нас...

В зале запиликал телефон Руслана. «Это точно Шталь, — обреченно подумала она.

Как только муж вышел, на нее снова навалилась паника. Опять в голове промелькнули страшные, постыдные картинки, в уши ввинтился ненавистный голос: «Кончи для меня...»

Стало нечем дышать, в груди разлилась тупая боль.

— Мила? Тебе плохо? Опять?

Сильные пальцы сжали ее запястье.

— Постраumatика вещь коварная. Обострился твой невроз.

Руслан потянул ее за руки, обнял, прижал к себе.

— А давай ко мне в отделение, а? Отдохнешь, полежишь. В платное. Там хорошо, тихо.

Будешь гулять в парке, витамины, гидромассаж.

— Я ненавижу больницы. Ты же знаешь.

— Хорошо, хорошо. Значит амбулаторно.

Руслан мягко поцеловал ее в висок.

— Это был Шталь. Он в курсе. Сказал, что примет меры к Каверину и Лили. Очень жесткие.

Людмилу передернуло от омерзения. Вспомнилась та встреча у Шталя, «примирительная процедура», как тот ее называл.

— Я не перенесу этого...

— Чего? — удивился Руслан.

— Как тогда, с Анной... Примирение...

— Никакого примирения быть не может. Каверин и Лили станут изгоями. Бессрочно. Лили сможет вернуться, но только в качестве публичной сабы. Господину Кею будет навсегда закрыт путь в сообщество.

Руслан произнес это с торжеством. Но Людмиле несколько не стало легче.

— Вдруг у нас не получилось? С фото...

Руслан сжал ее еще сильнее.

— Забудь, родная. Я обо всем позабочусь.

Потом отпустил и мягко подтолкнул в спину в сторону коридора.

— Дай-ка мне твой телефон.

Людмила удивилась, но перечить не стала.

Принесла телефон и протянула его мужу.

— Так... Вот его номер... сейчас...

Руслан набрал и отправил какую-то смску.

— Что ты задумал? — тревожно спросила Людмила.

— Назначил Каверину встречу. От твоего имени, — спокойно ответил Руслан.

— Не надо... я не пойду... не смогу...

Руслан взял ее лицо в ладони, стер большим пальцем мокрую дорожку со щеки.

— Не сможешь — я пойду один. Хотя Шталь советовал взять тебя с собой. Сказал, что если ты не согласишься в глаза своему страху — выход из посттравматического состояния будет дольше и болезненнее.

— Куда нужно ехать?

Руслан промолчал, будто раздумывал — стоит ли ей знать.

— В ту самую студию.

— Нет...

Людмила вырвалась из его рук, ушла в зал, упала бессильно на диван.

— Я не смогу...не смогу...

Теплые ладони легли на плечи.

— Хорошо, родная.

— Мам, пап? Вы чего, ругаетесь? Разбудили...

Заспанный Антон вышел из комнаты, по-детски смешно протирая глаза кулаками.

— С чего ты взял? — бодрым голосом ответил Руслан. — Вот в кино маму зову, а она не хочет.

— В кино это хорошо, — буркнул Антошка. — Мам, поесть дашь? А то мне через час на футбол.

Людмила взяла себя в руки, украдкой смахнула слезы и пошла на кухню, готовить сыну завтрак.

Руслан перед тем как уехать, еще раз спросил ее:

— Точно не сможешь? Не передумала? Шталь сказал...

— Мне все равно, что сказал Шталь, — резко ответила Людмила, и сама удивилась истерическим ноткам в голосе.

— Ладно-ладно, — Руслан обнял ее. — Выпей там на кухне, лекарства, я оставил. Постарайся поспать.

Но как только за ним закрылась дверь, сердце снова бешено забилося, в горле пересохло...

Людмила попыталась справиться с паникой, дрожащими руками попыталась налить воды из кулера, выронила стакан, он с жалобным звоном разлетелся на мелкие кусочки.

Глотая слезы, она стала собирать осколки, порезалась. Сжалась в комочек на холодном кафеле пола, обняла себя руками.

А потом вдруг слезы высохли. Пришло понимание: она должна быть там. Иначе всю жизнь будет, как истеричка, пугливо озираться по сторонам на улице и вздрагивать от каждого телефонного звонка. Она не позволит этому подонку сломать ее.

Взяла в руки свой телефон, оставленный Русланом на столике. Последнее входящее смс было от Каверина.

«Я так и знал, что тебе понравится. Если вдруг забыла адрес — Ленская, 12, квартира 316. Восемь вечера».

Такси приехало через пятнадцать минут. Она едва успела одеться. Механически, не задумываясь, в то, что первым попало под руку.

Внутри будто все замерзло. Ни страха, ни стыда, ни волнения. «Наверное, так идут убивать», — подумала она.

Вошла в резко пахнувший кошками, заплыванный подъезд, и пока лифт вез ее на восьмой этаж, считала собственные удары сердца.

Обитая кое-где порванным синим дерматином дверь с номером 316 была приоткрыта. На полутемную лестничную площадку пробивался острый луч желтого света. Людмила осторожно толкнула дверь и вошла.

Горло перехватило. Запах расплавленного воска и кожи, какие-то душные, вульгарные духи...

Людмила замерла в полумраке коридора, прислушиваясь к двум мужским голосам. Удивительно спокойным. Убийственно спокойным. Ей стало страшно.

— ... пришла сама. Всего лишь дружеская сессия! Никакой жести, все лайтово и почти ванильно!

— Неужели? Каверин, прекрати этот цирк.

— Ну и что ты можешь? В полицию пойдешь? Или опять побежишь к Шталю?

— У меня самого достаточно влияния...

— Влияние?! Не обольщайся! Ваше напыщенное сообщество для меня пустой звук. Шталь решил превратить тематическую тусовку в аристократов. Чушь! Званые вечера, смокинги. Балаган! Без разницы в каком антураже трахать и пороть публичных сук!

— Подонки...

Тот грубо расхохотался.

— А ты — рыцарь без страха и упрека! Знаешь, твоя драгоценная саба настоящая шлюха! Как стонала, когда ее трахала Лили!

Людмила шагнула из коридора в комнату, понимая, что слова у оппонентов закончились.

В красноватом свете тускло блеснул лаком деревянный крест, она стиснула зубы, чтобы не поддаться панике, и увидела, как Руслан сгреб Каверина за лацканы кожаного пиджака и прорычал:

— Придушу, как собаку...

В первый раз в жизни Людмила видела своего мужа таким. Взбешенным, рычащим от ненависти. Это было жутко, его ярость обожгла, просочилась внутрь.

Каверин захрипел и попытался разжать руки Руслана. Потом резко оторвал его от себя и оттолкнул, так что тот едва удержался на ногах. Каверин выругался.

Руслан сжал кулаки и рванулся к нему, Каверин остановил его коротким, но сильным ударом в челюсть. Руслан покачнулся, схватился за лицо.

— Слабак! — выкрикнул Каверин.

В Людмиле словно распрямилась туго скрученная пружина. Сама не понимая как, она оказалась рядом с Кавериним и, вспомнив занятие в школе самообороны, двинула ему коленом в пах. Каверин со стоном согнулся пополам.

— Тебе не нравится боль? — Людмила не узнавала себя. — Только посмей тронуть меня и мою семью... Только посмей. Я уничтожу тебя, ублюдок. Уничтожу.

Оба мужчины замерли от изумления. Каверин уже успел разогнуться и остолбенело смотрел на Людмилу. Холеное, красивое лицо перестало быть надменно-презрительным. В глазах Каверина Людмила увидела удивление, замешательство. И поняла. Он поверил ей. Поверил. И испугался.

Но эта выходка стоила ей последних сил. Не желая, чтобы Каверин увидел ее слезы, Людмила развернулась и выбежала из квартиры. Опять было больно дышать, грудь стянул тугой обруч. Хотелось разрыдаться, но слезы высохли. Их словно выжгло вспышкой ярости. Внутри была пустота с соленым вкусом пепла.

Она дошла до последнего подъезда, когда ее догнал Руслан. Обнял, прижал к себе.

— Пойдем. Там... машина. У подъезда.

Она безвольно подчинилась. Темно-синий Фольксваген приветливо мигнул фарами. Руслан распахнул дверцу, усадил, быстрым шагом обошел машину, сел рядом. Включил подогрев сидений, печку.

— Ты как?

Говорить не хотелось. Людмила просто покачала головой. Она сидела будто манекен, безвольно уронив руки на колени, уставившись в одну точку, почти не мигая.

Руслан взял ее ладони в свои, стал растирать.

— Холодные какие... Боли за грудиной нет? Пульс редкий... Поехали сразу в отделение... Мне нужно снять кардиограмму, срочно...

— Нет.

Голос, что произнес это, был чужим. Механическим, неживым.

— Я хочу домой.

Машина остановилась у подъезда, но Людмила все продолжала сидеть и смотреть перед

собой. Руслан вышел, открыл пассажирскую дверь, практически вытащил ее из машины. Обнял за плечи и повел ко входу. Поддерживал, пока пришел лифт. Людмила видела в стальной поверхности двери свое искаженное неясное отражение и не узнавала себя. Адреналин давно перестал бурлить в ее крови, навалилась тупая апатия, будто Людмилу отключили от источника питания. Организм работал на аварийном режиме: стучало сердце, перегоняя кровь по венам, в легкие поступал кислород. Но эмоции, мысли, ощущения — ничего больше не было.

Руслан открыл дверь ключами, мягко подтолкнул, заставляя перешагнуть через порог. Усадил на пуф, расстегнул сапоги, разул ее, поднял, снял пальто. Она подчинялась, как безвольная кукла.

Отвел в зал, усадил на диван. Из спальни выглянул Антошка в наушниках, вынул один и спросил:

— Пап? Что с мамой?

— Все в порядке, сын. Мама устала. Пойду ванну ей наберу. Ужинал?

— Угу.

В комнате запиликал скайп.

Антошка тут же виновато улыбнулся и закрыл за собой дверь

Людмила продолжала безучастно сидеть на диване. Руслан разделся, надел махровый халат и пошел в ванную.

Пока набиралась вода, поставил на плиту чайник. Потом подумал и достал из бара бутылку коньяка. Руслан всегда предпочитал «Ной Араспел» дорогим французским. Налил в два бокала, пузатых, круглых с тонкими стенками. Один вложил Людмиле в руку. Она машинально сжала его двумя руками.

— Выпей. Милочка, давай. Тебе сразу станет лучше. Бедная моя! Как тебе досталось. Зачем ты поехала? Ведь решили, что я сам.

Руслан буквально заставил ее поднести к губам бокал и сделать глоток. Людмила проглотила обжигающую жидкость, закашлялась.

Руслан забрал у нее бокал. Покрутил в руках, а потом залпом допил.

— Ох... забыл, вода...

Метнулся в ванную, закрутил кран. Потом бережно раздел Людмилу, подхватил на руки, отнес и осторожно опустил ее в горячую воду. Подложил под голову свернутое полотенце. Принес бокал с коньяком. Снова заставил ее сделать глоток.

Наконец по телу Людмилы начало разливаться тепло. Руслан отставил бокал, взял губку и стал мягко растирать ее кожу.

— Вот так... сейчас ты согреешься. Все будет хорошо, все позади.

Горячая вода, ласковые руки мужа расслабляли, нежили. Алкоголь кружил голову, Людмила балансировала на грани сна и реальности. Это было так приятно...

— Продержишься без меня пять минут? — тихий шепот защекотал ухо. — Только не засыпай.

Не спать... Но веки такие тяжелые... Опять теплые сильные руки обнимают... Полотенце мягкое... Опять куда-то несут...

— Постель не согрелась... Сейчас, погоди.

Прижал к себе. Как уютно и спокойно...

Руслан еле уговорил Людмилу. Убеждал, что «Репино» — лучший кардиологический курорт в области, «с улицы» туда попасть не возможно. Старший Сикорский достал эту путевку, как он выразился «из профессорского запаса».

Людмила и слышать не хотела. Антошку не хотелось оставлять, все-таки конец четверти, и ехать куда-то одной, без мужа, было страшно. Она еще не до конца оправилась от потрясения, все еще просыпалась по ночам от кошмаров, вздрагивала от прикосновений чужих рук в метро, оглядывалась от мерзкого ощущения пристального взгляда в спину.

Но Николай Аскольдович, недовольно поджав губы, выдал: «Моему внуку нужна здоровая мать!», Руслан пообещал, что они с Антошкой будут приезжать каждые выходные, а каждый вечер они будут говорить по скайпу. Людмила сдалась.

Правда, еще Руслан обещал отвезти ее в санаторий. Но утром его срочно вызвали в отделение, и пришлось добираться самой: на электричке, а потом на маршрутке. Она пыталась вызвать такси, но цену назвали совершенно нереальную.

Людмила подняла воротник пальто, поежилась. Она озябла еще в дороге, но теперь резкие порывы ветра хлестнули по щекам, пробрались под одежду.

Людмила миновала тронутые ржавчиной кованые ворота, прошла по усыпанной палой листвой длинной аллее, с опаской поглядывая на гипсовые статуи счастливых строителей коммунизма с отбитыми носами, руками.

Трехэтажное здание административного корпуса явно было построено в советские времена и носило следы небрежного «точечного» ремонта. Только кое-где, видимо в VIP-номерах, деревянные рамы, разошедшиеся и с облупившейся краской, уступили место новеньким пластиковым. На потрескавшемся козырьке мужественно цеплялась за бетон и трепетала под ударами ветра тоненькая березка.

Людмила осторожно поднялась по ступенькам, покрытым сеткой трещин и небрежными заплатками из бетона, и не без труда открыла тяжелую дверь.

Холл был пустым, гулким и холодным. Серый истертый гранит пола, стены — до половины обшиты деревянными рейками, потемневшими и с облупившимся лаком, сверху покрашены серо-зеленой краской. За стойкой регистрации, тоже обшитой деревом, никого не было.

Людмила простояла около нее двадцать минут, нервно сжимая в руках паспорт, путевку и санаторно-курортную карту.

Хотела уже позвонить Руслану, пожаловаться, что он отправил ее в закрытый и заброшенный санаторий, когда за стойкой словно материализовалась из воздуха женщина с бесцветным, вылинявшим лицом. Жидкие волосы, утянутые в пучок, роговые очки. «Вылитая библиотечарша, или смотритель в музее», — подумала Людмила. Сходства добавлял грубой вязки темно-серый «деревенский» платок, в который куталась женщина.

Она строго посмотрела на Людмилу сквозь толстые стекла очков и взяла документы. Пальцы у женщины оказались узловатыми и холодными.

— Так, значит, — произнесла женщина, не отрываясь от бумаг. — Не сезон сейчас, пациентов мало, врачи не все. Ингаляторий не работает. Ванны не все отпускаем, гидромассаж тоже — сестра уволилась. И отопления нет, холодно. Вещи-то теплые есть?

— Есть, — ответила Людмила. — А вай-фай работает?

Женщина посмотрела на нее с жалостью, как на больную.

— Только в холле. В номерах не ловит.

Ей стало тревожно и тоскливо, больше всего хотелось оказаться дома, в тепле и безопасности. Она нащупала в кармане телефон, но звонить Руслану передумала, представив недовольное лицо профессора Сикорского.

Тем временем женщина закончила заполнять документы и небрежно бросила на стойку книжечку с названием санатория и ключ с брелоком — деревянным бочонком, потемневшим и выглаженным сотнями и сотнями рук.

— Санаторная книжка. Процедуры назначит врач. Еще успеете сегодня, до одиннадцати. Завтрак в девять, обед в два, ужин в семь. Номер триста тринадцать. Лестница налево.

«Отлично, — подумала Людмила. — Только тринадцатого номера не хватало».

Еще раз оглядела пустой неуютный холл, подхватила сумку и пошла в указанном направлении.

— Лифт сломан! — донеслось вслед.

«Хорошо, что взяла мало вещей, — подумала Людмила и закинула на плечо ремень от сумки.

Номер был, конечно же, на последнем, третьем этаже. Угловой к тому же. Из всех сомнительных достоинств этой комнатки, тесной, оклеенной унылыми зелеными обоями в серую полоску, с полутороспальной кроватью, исцарапанной тумбочкой в темных кругах от горячих стаканов, был большой угловой балкон с видом на свинцово-серый залив, грязно-желтые дюны и редкие, обтрепанные ветром сосны.

В номере было холодно, занавески шевелились, будто за ними кто-то прятался. Ветер с залива хозяйничал в комнате, прорываясь в щели рам, и Людмила зябко поежилась. Вспомнила, как Руслан настоял, чтобы она взяла теплый свитер и шерстяные носки, и улыбнулась.

Разложила вещи по полкам встроенного в стену шкафа, пропитанного затхлым запахом пыли и старых вещей.

Присела на кровать, поерзала, поморщилась от скрипа пружин матраса. Вспомнила о посещении врача. Натянула свитер, взяла санаторную книжку и вышла из номера в пустой коридор. Там было еще холоднее, чем в номере, ветер гулял вдоль стен, заставляя дрожать общипанные веера пальм в кадках.

Людмила спустилась по лестнице на первый этаж в лечебное отделение, нашла кабинет с номером сто один, подергала ручку. Кабинет оказался закрытым. Посмотрела на часы — без десяти одиннадцать. Села на холодное дермантиновое сиденье одного из целого ряда стульев, расставленных вдоль стены. Прислушалась: за дверью будто кто-то говорил. Снова встала, подергала ручку, даже постучала в дверь. Ответом была тишина. Разговор за дверью сменился бодрой попсовой песенкой, и Людмила поняла — в кабинете работает радио.

Подождав до пятнадцати минут двенадцатого, она вернулась в свой номер. Нашла в справочнике телефон лечебного отделения. Но кроме длинных хриплых гудков ей никто не ответил.

Людмила съежилась на кровати, обхватила себя руками, пытаясь согреться. Ветер шевелил ее волосы, пробежал по лицу, будто целовал холодными губами. Она закрыла глаза, попробовала уснуть, но в голову лезли разные тревожные мысли. От тишины звенело в ушах,

тоненько посвистывало из щелей окна, чуть слышно дребезжало стекло, уныло шумели за окном сосны.

Согреться так и не удавалось, становилось все холоднее и холоднее, стучали зубы, пальцы онемели, и Людмила больше не чувствовала их. Сквозь закрытые веки вдруг начал просачиваться голубоватый мертвенный свет, и удивленная, она открыла глаза и вдруг поняла — она больше не в кровати и даже не в санатории.

Со всех сторон ее окружают ледяные стены. Три из них, покрытые изморозью, а четвертая — почти прозрачная. Клаустрофобией Людмила никогда не страдала, но ей жутко — стены давят, пространство слишком тесное. Она царапает ногтями твердый и обжигающе холодный лед, безуспешно пытается нащупать щель или трещину.

Вдруг до нее доносятся голоса. Сквозь прозрачную преграду Людмила видит старика в черном сюртуке и шляпе с высокой тульей и мужчину в вышитом золотым галуном камзоле и золотой короне. Принц... он так похож на Руслана... И тут Людмила понимает, отчего ей так холодно — вместо теплого уютного свитера на ней шелковое бальное платье с открытыми плечами и глубоким декольте.

— Мой принц, — старик вкрадчиво склоняется к своему собеседнику, — ваша Кукла прекрасна! Но она может сломаться. Или надоесть вам...

Принц подходит вплотную к прозрачной ледяной стене, что отделяет от него Людмилу. Она хочет докричаться до него, но внезапно понимает, что не может ни пошевелиться, ни разомкнуть губ. Застыла, словно изваяние.

Принц прикасается к ледяной поверхности, будто хочет погладить Людмилу по щеке, обводит контур ее губ.

— Мне не нужна другая, — голос такой знакомый, такой родной.

— Пойдемте, мой Принц. Скоро ваша коронация. Я прикажу лучшим мастерам сделать для вас новую Куклу. Достойную Короля.

Старик в шляпе берет Принца под локоть и хочет увести, а другой рукой дотрагивается до стены. Она тут же покрывается изморозью, теряет прозрачность. Людмила беззвучно плачет, и слезинки, тут же замерзая, с мелодичным звоном падают на ледяной пол.

Она проснулась и все никак не могла успокоиться. Слезы уже не замерзали, текли и текли по щекам, а гуляющий по комнате ветер охлаждал щеки и словно пытался утешить.

Людмила вскочила с кровати, достала телефон и набрала номер Руслана.

— Я не могу тут больше! — изо всех сил стараясь скрыть истерические нотки в голосе, почти выкрикнула она в трубку. — Можешь приехать и забрать меня? Если нет, я поеду маршруткой!

— Мила, — родной усталый голос. — Я после операции. Ехать почти час... Может, потерпишь до утра? Что случилось?

Стало стыдно. Конечно, он устал. А она истеричка. Но снова ветер погладил ее холодными ладонями, и живо вспомнился страшный ледяной гроб...

— Я сама доберусь, не надо. Ничего не случилось. Тут просто нет отопления, процедуры не отпускают, даже врачей нет. Вообще не санаторий, а Сайлент-Хилл какой-то. Не могу тут оставаться.

Пауза. Даже в его дыхании Людмила почувствовала недовольство и раздражение.

— Хорошо, я приеду. Не хватало еще, чтобы ты простыла. Могли бы и предупредить,

что ремонт и отопления нет.

Когда Руслан вошел в холл, стряхивая с зонта капли дождя, она сидела в кресле с сумкой на коленях.

Вскочила, уронила сумку на пол, бросилась к мужу, прижалась всем телом. Такой теплый, родной...

Руслан обнял ее и прошептал на ухо смущенно:

— Ну ты чего? Не виделись всего день.

— Забери меня отсюда, — всхлипнула она.

Как же хорошо было дома! Людмила бросила сумку с вещами прямо в коридоре, разобрала вещи, стянула с себя свитер и сразу отправила все в стиральную машину. Хотелось избавиться от запаха запустения и пыли, что въелся в них. Потом Людмила заглянула к Антошке, сын пробурчал: «Ты уже вернулась?», и снова вставил вынутую на минутку для разговора с мамой пуговку наушника.

Людмила пошла на кухню и поставила чайник. Холод странного сна все еще не отпускал. Чашка горячего чая было то, что нужно, чтобы скорее согреться.

— Ужинать будешь? — крикнула она из кухни Руслану.

— Спасибо, родная, перекусил в кафе. Если только чай, — откликнулся он.

Она вошла в гостиную с подносом, поставила на журнальный столик. Налила в чашку только что заваренный чай. От аромата бергамота стало тепло и уютно.

— «Эрл Грей», — улыбнулся Руслан. — Ты всегда знаешь, чего я хочу.

— Я просто тебя люблю, — ответила она, села рядом и прижалась щекой к его плечу.

— И я, — он мягко поцеловал ее в висок. — Удивительная. И только моя.

Руслан обняли ее за плечи, от тепла его рук лед страха и тревоги в ее душе начал таять.

— Через неделю мой день рождения, — продолжил он вкрадчиво, в его голосе прорвалось скрытое нетерпение.

— Конечно, я помню.

Рука будто невзначай соскользнула с плеча, погладила грудь. Людмила оглянулась на закрытую дверь спальни.

— Антошка...

— Да, — мягкие, но требовательные губы прошли по шее, — а мы так давно не были в тайном убежище. Ты же подарить мне незабываемый вечер?... И не только вечер...

Его дыхание защекотало мочку уха, по спине вниз к кончикам пальцев сбежали горячие мурашки.

— Значит, в следующую пятницу, да? Ты ведь тоже соскучилась по нашим играм?

Людмила промолчала, только прижалась щекой к его руке и поцеловала.

Всю неделю она не могла отделаться от того, что ждет приближения пятницы, только привычное волнение и предвкушение отравлял страх. Людмила отчаянно пыталась от него избавиться, считая его последствием шока. Этот страх был совсем другим, не тем, что примешивался к острому удовольствию от ожидания неизвестного. Абсолютное доверие к своему Мастеру делало страх только пикантным соусом к наслаждению. А тот страх, что поселился в ней после похищения, был парализующим, неконтролируемым, иррациональным. Он не смешивался с другими чувствами в волнуемый острый коктейль, а затаивался на самом дне, словно ядовитый смог. Стараясь заглушить тревогу, Людмила вспоминала властный голос ее Кукловода, что заставлял вибрировать ее изнутри, его взгляд

— плавающий, заставляющий патокой стекать к его ногам, яркие вспышки удовольствия от жарких умелых ласк. И чем ближе была заветная пятница, тем больше Людмиле казалось, что она почти избавилась от наваждения: хриплого голоса Каверина в ушах.

Но в четверг Руслан сообщил ей с сожалением, что сессию придется отменить. Шталь назначил на субботу общее собрание сообщества.

Людмила посмотрела на мужа затравленно. Особняк на Шпалерной вызывал у нее стойкую неприязнь.

— Родная, — Руслан взял в ладони ее лицо. — Ты нужна мне там. Очень. Это важный для меня вечер. Официальное собрание. Без развлечений.

Она вздохнула облегченно. Но тревога и непонятная тоска продолжала сжимать ее сердце холодными жесткими пальцами.

Они приехали в особняк на Шпалерной как всегда ровно к восьми вечера. Руслан выбрал для нее то самое платье цвета индиго с изящным переплетением цепочек в глубоком вырезе на спине, что было на ней во время первого их рождественского бала. Холодный металл заставлял Людмилу вздрагивать. Колье-ошейник сжимал горло, и она время от времени прикасалась к нему, с трудом подавляя желание его сорвать.

Они вошли в зал, уже заполнившийся людьми. Руслан немного небрежно кивал, отвечал на приветствия, она привычно опустила глаза. Он сразу же увлек ее вперед, к подиуму, где стояли три больших кожаных кресла. Людмила сжала его руку, но Руслан даже не взглянул на нее, только стиснул ее ладонь в своей до боли и решительно поднялся по ступенькам, заставляя следовать за ним.

Он опустился в одно из кресел, кивком указав Людмиле место за его спинкой.

По ступенькам подиума следом за ними поднялся Шталь, опираясь на руку Анны. Людмила изумленно смотрела на его осунувшееся, резко постаревшее лицо, потухшие, снулые глаза. Было видно, что каждое движение доставляет ему боль.

Людмила вдруг поняла: Шталь уезжает не преподавать. Он тяжело и возможно неизлечимо болен. И вдруг ей стало понятно, зачем Шталю понадобилось вернуть Анну. Рыжая сучка Лили вовсе не годилась для той роли, которую он приготовил для своей покорной, тихой, доброй девочки, к тому же благодарной ему и возможно, влюбленной в него по самые уши. Значит, ее догадка насчет того, что та страшная пьеса на юбилее доктора была разыграна по его сценарию, верна. Ее передернуло от омерзения.

Анна помогла Шталю сесть в кресло, сама устроилась у его ног, взглянула украдкой на Людмилу и едва заметно улыбнулась. Вслед за ними на подиум поднялся тот же самый седой господин белоснежном пиджаке с ярким шейным платком, что был на юбилее Шталя, и тоже занял свое кресло.

Девушка в короткой черной кожаной юбочке и таком же кожаном корсете, туго затянутом, вынесла на красной подушке толстую серебряную цепь с крупным медальоном округлой формы с изображением трикселя, выполненного чернением. Девушка остановилась около кресла седого господина. Еще одна, одетая точно также, почтительно подала ему микрофон.

Господин поднялся и произнес по-русски, правда, с сильным акцентом, что выдавало в нем иностранца, то ли прибалта, то ли финна или шведа:

— Господа! Сегодня важное событие для сообщества. Господин Доктор, по

независящим от него причинам более не сможет выполнять обязанности вашего председателя. А поскольку приемник был им определен заранее, то господин Кукловод сегодня станет новым председателем сообщества Санкт-Петербурга.

Раздались сначала отдельные хлопки, которые постепенно переросли в аплодисменты.

Руслан встал со своего кресла и вначале подошел к Шталю, склонившись перед ним и поцеловав его руку, затем к седому господину, который, взяв с бархатной подушечки серебряную цепь, торжественно улыбаясь, надел ее на шею Сикорского.

Собрание опять зааплодировало. Книголюб.нет

Людмила смотрела на мужа и не узнавала его. В его глазах светилось торжество, лицо стало жестким и надменным, он окинул собравшихся властным взглядом и вскинул руку в несколько театральном приветственном жесте. Она чувствовала, как он упивается этим моментом. Потом Руслан взял микрофон из рук девушки и произнес:

— Я благодарю всех за оказанное мне доверие и надеюсь, что смогу его оправдать. Я обязуюсь свято чтить и укреплять все традиции, заложенные уважаемым Доктором, своим бесценным учителем.

Руслан снова подошел к Шталю и почтительно поцеловал его руку. Доктор сдержанно улыбнулся и сжал его ладонь.

Потом они спустились в зал, где был накрыт фуршетный стол. Шталь и Анна, на руку которой он все также опирался, направились к выходу. Девушка нашла глазами Людмилу и свободной рукой сделала жест, что позвонит ей. Людмила кивнула.

Их с Русланом окружили люди, которые что-то говорили, поздравляли, пожимали ее мужу руку. Она чувствовала себя забытой и совершенно ненужной. Закружилась голова. Так некстати вспомнился ее страшный сон, увиденный в санатории. Пробила дрожь, будто в зале открыли окно, и потянуло сквозняком. Она склонилась к уху мужа и прошептала: «Мне нужно выйти».

Он, даже не удостоив ее взглядом, кивнул.

В туалете Людмила намочила ладони и приложила их к пылающему лбу и щекам. Ей ужасно захотелось оказаться дома. Пугала толпа чужих людей, и даже рядом с Русланом было не по себе. Она не могла без боли смотреть на его ставшее таким чужим, незнакомым лицо. Властный и жесткий господин Кукловод. Тот самый, что хрипловатым властным голосом отдавал ей приказы в их студии, заставляя считать вслух удары хлыста. Но там она еще надеялась, что это просто игра. Теперь же вдруг с безжалостной ясностью поняла — это не так. И ей оставалось только два выхода — либо поступить как Анна и принять эту ставшую реальной жизнью игру. Либо прекратить ее. Но голос страшного старика из ее сна опять прозвучал в ушах: «Я прикажу сделать для вас другую куклу».

Снова забилось сердце, стукнули зубы от нервной дрожи.

С трудом Людмиле удалось успокоиться и взять себя в руки. Нужно было вернуться и уговорить Руслана уехать домой.

Внезапно в полутьме коридора дорогу преградила мужская фигура.

— Не бойся, — сказал тихий вкрадчивый, знакомый до ужаса голос, — мне нужно с тобой поговорить.

Мужская рука легко коснулась ее обнаженного предплечья, и ей показалось, что ее ударило током.

Вздрогнув всем телом от страха и ненависти, она сжала зубы и процедила спокойно:

— Господин Каверин. Вам же запрещен вход на собрания сообщества?

— Ну да, — криво усмехнулся он. — Вопрос всегда только в сумме штрафа. Твой муж не сказал? Как похоже на него.

Людмиле нестерпимо захотелось опять его ударить.

— С дороги, — прошипела она в лицо Каверину. — Убирайся...

— Подожди, — сказал он вдруг глухо, изменившимся голосом, — мне... нужно... это сказать. Пожалуйста.

Людмила не поверила своим ушам. Он просил?

Она замерла, снова бешено забилося сердце.

— Ненависть, — все так же глухо продолжил Каверин. — Заслужил. А я... просто завидую... Он не понимает... Не ценит...

Каверин обхватил руками голову, зарывшись пальцами в волосы. Потом немного взял себя в руки и спросил:

— Ты же не такая. Тебе не нравится все это?

— Каверин... кто дал тебе право лезть мне в душу? Ты — мерзкий садист и извращенец! — выкрикнула она зло.

Он покачал головой.

— Жаль что ты так думаешь... Очень жаль. Если бы я мог...

Каверин развернулся и быстрым шагом ушел. Людмила потрясенная, прижала руку к груди, пытаясь унять сердцебиение.

Она вернулась в зал, в ушах шумело, голова кружилась, во рту пересохло и чувствовался противный металлический привкус.

Руслан все так же стоял у стены с бокалом в руках и беседовал с седым господином в белом пиджаке. Людмила подошла и тихо встала рядом, не смея вмешаться в разговор. Голова кружилась все сильнее, сердце будто спотыкалось, опять начали неметь пальцы на левой руке. Она смотрела на мужа и безмолвно заклинала его почувствовать, как ей плохо, понять и увезти ее отсюда. Но Руслан не обращал на нее никакого внимания. Наконец, решилась и сжала его локоть. Нехотя отвлекся от разговора и спросил:

— Что такое, родная?

— Мне нехорошо, — ответила Людмила тихо. — Давай уедем.

Руслан жестом подозвал официанта, поставил бокал на поднос.

— Опять болит?

— Немного. Мне жаль, что порчу тебе праздник.

— Глупая, — ответил Руслан, и погладил ее по щеке, — ты для меня важнее всего на свете.

Ей так хотелось верить ему. Как всегда — безоглядно.

В воскресенье Людмила встала позже обычного, позволила себе бессовестно проваляться в постели лишний час. Руслан встревожено спросил: «Что болит?», сосчитал пульс, измерил давление, вроде успокоился немного. Но все равно заставил выпить какие-то таблетки. Людмила не спорила. Она с удовольствием провела бы в постели весь день.

Но на вечер был запланирован визит родителей Руслана. Можно было бы попросить мужа позвонить отцу и отменить приглашение. Людмила действительно чувствовала себя неважно. Но представила себе, как профессор презрительно скривит губы: «Из санатория сбежала — значит здорова!». И передумала.

Впервые приготовление праздничного ужина не доставило Людмиле никакого удовольствия. Она очень любила готовить, особенно новые, необычные блюда. Но сегодня продуманное за неделю меню — рагу по-ирландски, картофель «дофин», салат-коктейль из морепродуктов, вафельные корзиночки с «Цезарем», чернослив с орехами в сливках и торт «Вдохновение», показалось невыполнимой задачей.

— Давай, я позвоню отцу.

Руслан обнял ее за плечи.

— Выглядишь очень усталой. Целый день провозишься на кухне, потом еще этот ужин, а завтра на работу.

Людмила вздохнула, но упрямо покачала головой.

— Ты своего отца не знаешь? Будет столько сарказма...

— Я скажу, что ты заболела. Гриппом. Отец ни за что не придет — панически боится заразиться «инфлюэнцей».

— Врать не хорошо!

В кухню зашел заспанный Антошка.

— Это будет ложь во благо!

Руслан потрепал сына по взлохмаченной шевелюре.

— Умываться, чистить зубы. Посмотри на себя? Немытый трубочист...

— Пап, — отмахнулся раздраженно Антошка. — Пять лет мне что ли?

— Кашу будешь?

Людмила достала тарелку из сушки.

— Неа, — буркнул сын. — Хлопья.

— Овсянка полезнее, — начал было Руслан.

— Или хлопья или ничего, — отрезал Антошка.

— Так и не могу понять — кто из вас упрямее, — улыбнулась Людмила. — Хлопья так хлопья. Сейчас молоко согрею.

Ровно к пяти ужин был готов, стол сервирован, квартира сияла чистотой. Только Людмила держалась из последних сил, чтобы не хлопнуться в обморок и не напугать Антошку. Наскоро приняла душ, высушила волосы и успела одеться, когда в прихожей раздался звонок.

Она строго посмотрела на себя в зеркало и мысленно приказала своему отражению:

— Не раскисай. Ты должна продержаться.

Почти весь ужин она молчала, изо всех сил стараясь не выдавать своего состояния.

Мария Петровна посматривала на нее встревожено, профессор увлеченно беседовал с Русланом, почти не удостоивая ее взглядами. Только один раз процедил:

— Рус, жена твоя выглядит бледно. Витамины подобрал бы, что ли. Учишь тебя, учишь. И внука давно пора профилактировать. Иммуномодулянты курсом. Вон опять «инфлюэнца» наступает.

Наконец, ужин закончился. Руслан и Антошка помогли ей убрать со стола, она стиснула зубы перед последним рывком — вымыть посуду. Но Мария Петровна решительно отобрала у нее губку.

— Вытирать будешь, — сказала она тихо, но спорить Людмиле совсем не хотелось. — Лица на тебе нет. А лучше вообще — иди, отдыхай. Тошенька, бабушке помоги!

Людмила благодарно сжала сухонькую маленькую руку Марии Петровны.

— Спасибо. И правда устала что-то. На работу завтра.

— Не за что. Иди-иди. Ужин как всегда великолепный. Позвоню на днях, рецептом рагу поделишься. Травы необычные, очень пикантно.

— Обязательно.

Людмиле показалось, что она уснула в тот же миг, как голова коснулась подушки.

В понедельник вечером, когда Людмила уже собиралась уходить с работы, в дверь постучали. Курьер службы «Экспресс доставки», долговязый парень в оранжевой куртке и бейсболке козырьком назад, спросил: «Вы Сикорская?» и вручил ей конверт. Имени отправителя на нем не было.

Расписавшись на бланке, Людмила с интересом надорвала конверт и оттуда выпала фотография. Та самая — с ней, обнаженной, распятой на кресте. С искаженным лицом...

Она потрясенная смотрела на карточку несколько секунд, потом заглянула в конверт и вынула оттуда записку.

Размашистым почерком Каверина на листке было написано:

«Это единственная и последняя. Все другие я уничтожил. Сам, а не ваш дурацкий хакер, что пытался сжечь мне комп. Прости».

Она судорожно скомкала в руках записку. Потом разгладила. И положила вместе с фотографией в шредер, что с тихим гулом превратил все в тонкие полосочки бумаги. Ненужные и безвредные.

Отошла к окну и смотрела на струйки дождя, стекающие по стеклу. В груди снова заныло, будто в сердце воткнули тупую ржавую иглу.

Всю неделю Людмила ловила на себе жадные, нетерпеливые взгляды мужа. За его постоянной, навязчивой заботой о ее здоровье, внезапно стала видеться тревога о том, смогут ли они провести сессию пятницу. И становилось так тоскливо.

В пятницу утром она была на взводе. Накричала на свою помощницу, пролила кофе на свежие гранки будущей статьи, поругалась с Большой. Опять ныло сердце, во рту стоял неприятный привкус металла. Но в четыре часа ее телефон выдал сигнал о входящем сообщении. Она открыла его. «Ровно в шесть. Не опаздывай. Кукловод».

В груди стало горячо. Глубоко вздохнула. Привычного темного, тянущего низ живота возбуждения не было. Она закрыла глаза, пытаясь вызвать воспоминания о последней сессии... Умелые, сводящие с ума ласки, горящее под его ладонями тело, нежная и обжигающая боль, впитывающаяся в кожу... хриловатый властный голос, которому так радостно подчиняться... сжала бедра... улыбнулась... Да. Она соскучилась по Игре.

Дыхание стало чаще, сердце забилося быстрее. Но беспокойство затаилось, свернулось клубком, как ядовитая змея.

И вот без пятнадцати шесть она, чувствуя легкую дрожь, открыла дверь студии и сделала шаг в темноту прихожей. Ее окутал знакомый, терпкий и чуть душноватый запах плавленого воска, кожи, ароматических масел, ее любимых духов.

Несколько раз глубоко вздохнула, пытаясь унять сердцебиение и дрожь в коленях. Несколько раз сжала и разжала пальцы на левой руке. Опять немеют, так некстати.

Как давно она тут не была...

Зажгла свет. Поставила сумочку. Повесила на вешалку пальто. Разулась, аккуратно поставила сапожки на обувную полку. Расстегнула молнию юбки. Медленно, по одной пуговке, — блузку. Сняла, вздрогнула от прохладного воздуха. Взглянула на свое отражение в большом, до пола, зеркале. Подняла руки, чтобы расстегнуть крючки бюстье. Потом передумала. Они так давно не играли. Нужно дать ему повод ее наказать. Мысль о том, что она заведомо нарушает его Правила, заставила кровь вскипеть озорными пузырьками. Нервно улыбнулась своему отражению и прошла дальше, потушив свет в прихожей и не зажигая его в студии.

Опустилась на колени на бархатную подушку, лежащую на полу. Сложила руки за спиной. Глаза в пол. Полная покорность.

Тихо щелкнул замок. Уверенные шаги. Она не видит, но точно знает. Вот он ставит портфель на полку, рядом с ее сапожками. Вешает на вешалку пальто... Оно слегка влажное, на улице моросит, и сукно пахнет мокрой мертвой листвой. Может, даже несколько листочков прилипли к воротнику. Расшнуровывает ботинки. Аккуратно ставит их на полку. Пиджак, рубашка — в кресло, поверх ее юбки и блузки. Конечно, он заметил, что там нет ее нижнего белья и чулок. Хмурится? Или усмехается? Скорее всего, усмехается.

Звук шагов босых ног по паркету. Зажигается мягкий розоватый свет. Она не смеет поднять глаза. Жгучее возбуждение течет по венам... Горло пересохло от волнения... Что он задумал?

— Так... — хриловатый тихий голос. Она дрожит от той власти, что он имеет над ней. — Моя Эль забыла про то, как она должна встречать своего Господина?

— Нет, Господин, — она кусает губы.

— И про то, что говорить ей не разрешалось?

Она судорожно вздыхает.

— Встань, — хлесткий приказ будто пощечина, и она вздрагивает, но немедленно повинуется.

Его пальцы медленно скользят по плечам, по ключицам. Расстегивают застежку, крючок за крючком, медленно. Бюстье-корсет без лямок и просто соскальзывает на пол. Пальцы пробегают по груди, сжимают соски. Она опять судорожно вздыхает от резкой, но приятной боли. Руки забираются под край трусиков, гладят кожу живота, а потом вдруг грубо сжимают тонкое кружево в кулаке. Ткань больно врезается в нежную плоть, она кусает губы, но все равно с них срывается тихий стон.

— Теперь моя Эль вспомнила, да? Как она должна встречать своего Господина?

Она молчит.

— Ответь, — опять приказ, будто удар хлыста.

— Да, Господин. Обнаженной. На коленях. В позе покорности.

— Хорошо.

Резкий рывок, и тонкие полоски кружева рвутся, обжигая кожу.

— Чулки, пожалуй, я оставлю. Так даже пикантнее. На колени!

Она падает, промахивается мимо подушки, больно стучается о деревянный пол.

Но он только усмехается. Подходит ближе, поднимает ее лицо за подбородок.

— Что же мне с тобой сделать? Наказать?

— Как пожелает мой Господин, — шепчет она, губы дрожат. Она не хочет порки.

— Умница, — мягкое рычание посылает по ее телу теплые волны. — Я, пожалуй, тебя отшлепаю. Но чуть позже. Может, хочешь заслужить прощение?

— Да, Господин! — она очень хочет заслужить прощение.

Он расстегивает пряжку ремня и молнию брюк.

— Давай, Эль. Служи своему Господину.

Его хриплое дыхание становится чаще, собранные в хвост волосы он наматывает на кулак. Она старается расслабить горло, принять глубже, так как он любит. Стон, похожий на рычание... уже близко...

— Хватит! — Он резко отталкивает ее. — У меня другие планы.

Застегивает брюки, идет к постели, садится на край и призывно похлопывает по коленям. Страх жгучей стружкой течет по венам. Она не хочет порки. Но прощение может быть только после наказания. Медленно встает. Четыре шага до постели, каждый отдается внутри как оборванная струна. Она ложится животом ему на колени, обнаженную кожу покалывает ткань брюк.

— Руки за голову.

Теплая ладонь начинает ласково гладить ее ягодицы. Обманчивая ласка, но она поддается, млеет... Резкий шлепок. Она вскрикивает от неожиданности. Боль обжигает, но ладонь опять гладит, втирая ее в кожу вместе с маслом, расслабляя... Новый удар и опять ласковое поглаживание... Кожа горит, становится нестерпимо чувствительной, кажется, каждая клеточка пылает по отдельности...

— Как красиво, — шепчет он восхищенно, — обожаю этот розовый цвет...

Последние шлепки выбивают из нее стон, и на глазах выступают слезы...

И тут ладонь сменяют нежные губы, целуют ее горящую кожу, забирают боль, ласкают, нежат. Он помогает подняться, бережно усаживает рядом. Потом берет в ладони ее лицо, пристально смотрит в глаза. По ее щеке скатывается слезинка, он ловит соленую капельку поцелуем.

— Прощена. Теперь удовольствие.

Жадно целует ее в губы, в шею, а потом опрокидывает на кровать. Гладит ее тело, медленно, любит, ласкает...

Мягкая кожа наручей и поножей обхватывает запястья и лодыжки. Он никогда не использует металлические наручники, чтобы не повредить кожу.

Беспомощна, распята, по телу — дрожь от предвкушения и жгучего желания.

Розовый свет меркнет — на глаза ложится шелковая повязка.

— Повтори стоп-слова.

Тихий горячий шепот над ухом.

— Тепло и горячо, — привычно выдыхает она.

— На сегодня я даю тебе другое. Холодно. Повтори.

— Холодно, — послушно шепчет она.

— Умница.

Она лишена зрения и ловит каждый звук, шорох, скрип, мучительно пытается определить по ним, где Господин и что собирается делать.

Тихое потрескивание... запах плавленого воска, с примесью какого-то аромата... Корица... ваниль... лимон...

Что-то начинает гладить ее кожу, медленно, ласково... такое нежное, мягкое прикосновение, покалывание, немного щекотное... мех? Как же приятно... ей хочется урчать как кошка, и она пытается выгнуться вслед этой волшебной ласке.

Кусает губы от нетерпения... и тут же жесткий поцелуй, как укус... Такой же на груди... Она вскрикивает, когда зубы сжимаются на соске... на другом... Больно! Но тут же ласковый язык, губы, щекочут, посасывают...

Живот... ямка пупка... ниже... Она мечется по подушке в нестерпимо сладкой истоме... Через несколько минут начинает умолять его...

— Нет! — жесткий приказ, и она готова разрыдаться от разочарования.

И вдруг горячая боль обжигает ее грудь... Она кричит... Пальцы гладят и скользят...

— Тебе нравится? — опять это бархатное рычание не ухо. — Это воск...

Горячая почти на грани терпения капля падает на другую грудь, и она опять кричит.

И снова медленные ласковые поглаживания.

Тело натянуто как струна и трепещет в сладкой муке ожидания. Она не знает, куда упадет следующая обжигающая капля, и это сводит с ума.

На живот проливается целая струйка, медленно горячей лавой стекая в пупок. Хриплый стон рвется из груди, где тоже уже горячо... так горячо...

Опять нежное скольжение ладони... ниже... ниже... она больше не может терпеть... Возбуждение такое сильное, что больно в груди. Боль пульсирует в висках, разливается по телу, заполняет, растворяется в жгучем удовольствии.

— Пожалуйста... Господин...

— Не сейчас!

В груди уже будто развели маленький костер... Жар все сильнее... так больно... все сильнее немеют пальцы рук, стянутых наручами...

Его пальцы осторожно разводят набухшие влажные складки, и следующая капля приземляется прямо туда... Мир вдруг сжимается до одной горячей пульсирующей точки...

Она кричит, хрипло, срывая горло, и вдруг все тело затапливает нестерпимая, жгучая боль, будто прорвавшаяся из груди... Во рту противный вкус металла... она не чувствует больше рук и ног, ладони и ступни леденеют, в груди полыхает пожар... Уже теряя сознание, хрипит:

— Горячо... так горячо... и... холодно...

Она уже не видела, как он встревожено приложил пальцы к ее шее, пытаясь нащупать пульс, как вскрикнул от ужаса и начал судорожно расстегивать ремни на запястьях и лодыжках, как метнулся в коридор, достал телефон и набрал «03», как вернулся обратно, достал из тумбочки лекарства, шприцы, начал делать ей уколы, искусственное дыхание и массаж сердца....

Лихорадочно, не попадая в рукава, оделся и одел ее, застегивая неловкими пальцами пуговицы на блузке... Как плакал и шептал: «Держись, родная, держись...»

Не слышала sireны скорой помощи... Она уже ничего не слышала и не видела... Она почти умерла... Ее сердце в тот вечер остановилось.

Разноцветные обрывки... лица... фигуры... шепот... больно... очень больно...

...- Господи... как я мог... я врач....

...- нет... вины... это спонтанно... острая... недостаточность...

...- виноват... только... жить... как?..

Пытается мучительно дотянуться до этого голоса и вдруг понимает, что не ощущает своего тела...

Темнота...

Темнота, оказывается, бывает разного цвета. Сегодня — мутно-зеленая.

Словно на глубине... Уши давит... не хватает воздуха... как страшно... Больно!!!

... - Скорее! Опять остановка!

Серая полутьма, вязкая как клейстер... Несчастное насекомое, попавшее в ловушку. Тихо погружается... только дна все нет... где же дно?

От него можно было бы оттолкнуться и попробовать всплыть... Только как? Нет ничего — рук, ног, туловища... только в груди что-то есть... и оно болит... так болит...

— ... к операции... наркоз... как она?... плохо... Фибрилляция! Адреналин! Двести джи!.. Руки!... Чисто!...

Страшный удар... ребра... наверное теперь там месиво...

Темнота...

Тихий мамин голос что-то шепчет... невозможно разобрать... нет... не шепчет... поет... она поет... колыбельная... мамочка... как жаль...

Прохладная мягкая ладонь на лбу... как приятно... стоп. Она чувствует? Наверное, просто сон...

— Спи моя радость, усни...

Мамочка... я не хочу больше спать! Но веки такие тяжелые... так сладко... качает... спать... спать...

— ...не приходила в себя? Должна уже очнуться... Показатели? Почти норма. Это хорошо...

Родной голос, такой тревожный... Она хочет крикнуть, что слышит его... но губы не слушаются.

Опять темно...

Поняла, что сможет открыть глаза. Просто нужно немного усилий. Надо же, оказывается поднять веки — это тяжело... Но она должна...

Пробивает пот... как трудно... узенькая полоска света... ох... ярко, слишком ярко... В темноте там проще, легче... отдышаться... еще разок. Слезы... ярко... но она видит!

— Позовите Руслана Николаевича! Очнулась!

Сильная теплая ладонь сжала безвольно лежащую поверх больничного одеяла руку.

Все расплывается перед глазами, но она различает родное лицо, осунувшееся,

встревоженное, но радостное.

— Милая... хорошая моя... наконец...

Руслан прикладывает ее ладонь к своей щеке... Колется... небритый...

Из уголка левого глаза скатывается слезинка. Он наклоняется и ловит ее губами...

— Я так виноват... прости меня... прости...

О чем это он? В чем виноват? И что вообще происходит? Пытается поднять руку, чтобы обнять его за шею.

— Нет! Не двигайся. Еще рано. Только три дня после операции. Отдыхай. Сейчас сестра сделает укол. Поспи.

Спать?! Она не хочет больше спать! И какой операции?

Боковым зрением видит женскую фигуру в коротком белом халатике, она вводит что-то в капельницу...

Опять тяжелеют веки... спать... спать...

Теплые губы мягко целуют ее...она счастлива...

Людмила окончательно пришла в себя только на десятые сутки после операции. На сердце. Руслан, счастливый, но еще встревоженный и виноватый, рассказал, что во время сессии у нее случился сердечный приступ, и она дала остановку сердца. До приезда скорой получилось его запустить, но вскоре, уже в больнице, снова была остановка. И еще раз — во время операции.

Он произносил непонятные слова, она просто кивала, совершенно не понимая о чем речь. Понятным было только одно. Она перенесла операцию на открытом сердце. И еще долгое время проведет в больнице. А потом... Руслан опускал глаза, когда она спрашивала, что с ней будет потом.

После того, как ее перевели из реанимации в отделение к Руслану, к ней, наконец, пустили Антошку. Он ворвался в палату и бросился к ней, прижался и разрыдался в голос, как маленький. Она гладила его по голове и шептала всякие глупости.

Успокоившись, сын смешно шмыгнул носом и сказал хрипло и смущенно:

— Я так испугался... Думал, потерял тебя.

И снова шмыгнул носом.

Следующий месяц слился в один очень долгий, серый день, пропитанный острым неприятным больничным запахом, заполненный уколами, процедурами, капельницами, исследованиями на странных, пугающих аппаратах.

Руслан почти не отходил от нее, она ругалась, что другие пациенты не должны страдать, муж отшучивался, что у него талантливые интерны, и вообще пациентов много, а жена у него одна.

В отдельной палате с телевизором всегда стояли живые цветы. Розы... желтые розы. Руслан всегда дарил их. А еще подарил новую куклу — немного смешную, в белом коротком халатике медсестрички, белой шапочке на белокурых волосах и широко распахнутыми голубыми глазами. Она сидела на тумбочке, прислонившись к вазе с цветами.

Руслан забрал Людмилу домой холодным и пасмурным мартовским днем. Падали тяжелые хлопья мокрого, насквозь пропитанного водой снега, и Нева еще лежала подо льдом, но город уже просыпался от зимнего, тяжелого как смерть, сна. И она чувствовала то же самое.

«Засыпая, мы никогда не знаем наверняка — сможем ли проснуться. Каждый вечер я со страхом закрываю глаза. Вдруг та темнота, что так жадно меня обнимает, — навсегда?»

Черные по белому. Буквы, буквы, много букв. Они складываются в строчки, в абзацы, в тысячи знаков с пробелами, в авторские листы. Затейливая вязь черных закорючек на белом экране волшебным образом становится картинками, образами, мыслями, героями. А потом Людмила отпускает их на свободу. Блоггер — странное слово, она не любит себя так называть.

Противный пронзительный писк таймера оторвал Людмилу от экрана ноутбука.

Пора глотать таблетки. Она с сожалением отодвинула столик на колесиках, потеряла затекшие запястья. Острая кромка давит, но погружаясь в свой выдуманый мир, она перестает чувствовать боль. И не только в запястьях.

За два месяца, что прошли с операции, Людмила привыкла к боли, как к чему-то неизбежному и постоянному. Сжилась с ней, свыклась. Когда-то боль могла быть приятной. Теперь — тупая, постоянная, засевшая в груди как ржавый осколок, изматывает и мучает. Лекарства снимают боль ненадолго. Но она приходит снова и снова.

Людмила не жалуется. Руслан и так просто помешался на ее здоровье, превратил его в культ. Эта удушающая, неусыпная забота — вина за то, что случилось. Бесполезно убеждать, что Игра была решением обоих, что это Людмила вовремя не сказала о недомогании и не использовала стоп-слова.

Людмила чувствовала, как постепенно начинает ненавидеть свою болезнь и немощность. Не могла видеть эту участливую жалость в глазах мужа, слышать его постоянные вопросы:

— Что болит? Как болит? Где болит? Сделать укол? Ты выпила лекарство?

И иногда жалела, что не умерла тогда, в студии. Потому что то, во что превратилась ее жизнь теперь, не стоило ничего.

Но вспоминала счастливые слезы Антошки в больничной палате и страх в его глазах. И стыдилась себя.

Людмила с досадой прихлопнула ладонью ненавистный таймер, высыпала на ладонь таблетки и капсулы из пластикового стаканчика: на наклейке надпись «День» неразборчивым почерком Руслана. Запила водой, помыла стакан и поставила в сушилку. Тщательно протерла капли воды с мойки.

В прихожей хлопнула дверь, сердито, сильнее, чем обычно. Портфель шлепнулся об пол.

— Антоша? Случилось что?

Сын протопал через зал к себе, буркнул:

— Нормуль.

Дверь в комнату закрылась, не оставляя шансов на разговор по душам.

Людмила прислушалась. Включил ноутбук, что-то бурчит себе под нос. Расслышала обрывки: «Опять этот Чернов... не победить». Поняла, что речь идет об областном фотоконкурсе. Как жаль, что Анна улетела со Шталем в Швейцарию! Теперь сыну даже не с кем посоветоваться. Конечно, можно было позвонить, но Людмила чувствовала — подруге вовсе не до Антошкиных проблем.

Осторожно постучала.

— Мам, не сейчас!

Упрямец. Вылитый папочка.

Решительно открыла дверь. Вошла и села на постель.

— Выкладывай.

Возмущенное пыхтение, сердитый взгляд исподлобья.

— Давай-давай. Нечего дуться как мышь на крупу.

— Вот.

Антошка сунул ей в руки планшет.

«Для участия во втором туре областного конкурса фотографии «Мой неповторимый Город» отобраны следующие работы...»

Дальше шел список имен, среди которых Людмила разглядела: «Сикорский А. 15 лет».

Непонимающе посмотрела на сына.

— Так это замечательно! Чего злишься?

— Дальше читай, кто со мной, видишь? В моей группе до восемнадцати лет? Петька Чернов!

Антошка стукнул кулаком по столу от досады.

Петр Чернов с первых дней был его вечным соперником во всех конкурсах. Его папа был главой администрации Октябрьского района, и победы, мягко говоря, нечестными.

— Это капец. Такой шанс получить стипендию в Праге накрылся...

Антошка чуть не плакал.

Людмиле хотелось ободрить сына, пообещать, что все будет хорошо. Но это значило бы солгать ему.

Вечером, когда Руслан пришел с работы, и вся семья собралась в зале перед телевизором, она произнесла:

— Антон вошел в финал областного конкурса. Главный приз какой помнишь?

В груди стало больно от дурного предчувствия, будто закрутились острые шестеренки, царапая до крови.

Руслан оторвался от телевизора, потер лоб и виновато спросил:

— Не очень... Какой?

Антон возмущенно хмыкнул.

— Стипендия в Пражской академии! И мне ее не видать. А Петьке она нафиг сдалась? Он бездарь!

— Почему не видать?

Людмила пристально посмотрела на мужа. То ли действительно не понимает, то ли просто делает вид? И то и другое было обидно.

Боль в груди стала сильнее и острее, она несколько раз сжала и разжала пальцы на левой руке. Руслан немедленно отреагировал — вскочил и метнулся на кухню, за лекарствами.

— Сейчас обезболю... потерпи, родная.

— Я в порядке! Потом, сейчас разговор о другом...

— Разговор может подождать. Главное — твое здоровье. Рукав закатай.

Руслан уже стоял рядом со шприцем, одноразовой спиртовой салфеткой в одной руке и жгутом в другой.

— Сын, помоги.

Антошка нахмурился, но промолчал и взял в руки резиновую полоску.

Людмила подтянула рукав толстовки и отвернулась, чтобы не видеть, как игла входит в ее тело. Она всегда всем существом ненавидела уколы. А их уже было столько...

— Кулаком поработай... вена уходит.

Мерзкое ощущение от иглы, протыкающей упругую стенку сосуда, легкое головокружение от обезболивающего. Боль отступила, растаяла. Но не ушла. Она никогда не уходит насовсем.

— Так что там с конкурсом?

Руслан произнес это с легким раздражением.

— Да ничего, — в тон ему ответил Антошка. — Проехали. Все будет как всегда...

— И дались тебе эти конкурсы, эта Прага. Почему бы не продолжить династию...

«Как же иногда Рус напоминает своего отца», — подумала Людмила.

— Ну какой из него медик, — улыбнулась она.

Улыбка вышла натянутой.

— А фотография — это серьезная профессия? — не унимался Руслан.

— Все, я сказал, закончили, — психанул Антошка, резко встал с кресла и метнулся к себе в комнату. Дверь захлопнулась с грохотом, даже стена вздрогнула.

— Не смей хлопать дверью! — вспыхнул Руслан, и хотел встать, но Людмила удержала его за руку.

— Оставь. Неужели не понимаешь? Это же мечта! Пожалей его... и меня.

Руслан тут же ступешался и виновато произнес.

— Прости. Как ты? Лучше?

— Лучше. Не уходи от разговора. Неужели мы ничего не можем поделать с сынком этого чинуши Петрова? Опять Антошку прокатят, как на городском.

Руслан нахмурился, презрительно скривил губы.

— Ты же знаешь. Взятки я давать не стану. Сам никогда не возьму, и давать — тоже преступление!

— Я не про взятки! Может, кто из твоих пациентов знает членов комиссии?

— Мила...

Людмила вздохнула, понимая, что продолжать бессмысленно. Руслан не станет помогать. Стало горько и обидно.

На объявление результатов конкурса участников и зрителей собрали в Белом Зале Комитета по культуре администрации Санкт-Петербурга на Невском. Руслан как всегда был занят — две сложные операции в платном отделении, поэтому группой поддержки Антошки стали мама и бабушка Таня.

Людмила смотрела на сына — в костюме, белой рубашке и галстукe он выглядел таким взрослым. Нахмурился, на лбу такая же «складка гордецов», как у отца. Сжал кулаки, так что костяшки побелели. Попыталась обнять его, чтобы успокоить, но Антошка отстранился.

— Мам... давай без этих нежностей.

Бабушка Таня нервно поправляла на шее новый шарфик и комкала в руке платочек.

Места для финалистов были в первом ряду, но родственникам и сопровождающим сесть рядом с ними не позволили. Людмила сжала руку сына, ободряя, но сердце заныло от тревоги.

Торжественная часть началась с длинных и нудных речей чиновников. Людмила

разглядела на сцене в президиуме Василия Чернова, папу Антошкиного конкурента. Потом начали представлять жюри конкурса. Один за другим вставали и кланялись чиновники городской администрации, главред одного из крупных изданий, еще какие-то важные люди...

— Член Совета журналистов Санкт-Петербурга, обладатель многочисленных премий и победитель международных конкурсов фотоискусства, Артем Каверин!

Людмила вздрогнула от омерзения и почувствовала, как внутри все заледенело. Последняя надежда, и так зыбкая, разбилась. Только Каверина не хватало! Снова заныло в груди, будто от тупой ржавой иглы.

Людмила уже почти не слушала сменявших один другого ораторов, думая только об одном — как утешить Антошку и откуда брать деньги на платное обучение на подготовительных курсах Пражской академии. Деньги были не малые, помочь некому. Значит, придется брать кредит...

Из задумчивости ее вывели громкие фанфары, и ведущий торжественно объявил:

— Итак, настало время объявить победителей. Традиционно начинаем с детской группы, и не призовых мест по возрастающей.

Ведущий начал называть фамилии лауреатов Мальчики и девочки, нарядные, взволнованные, некоторые расстроенные до слез, некоторые счастливые, поднимались на сцену, получали грамоты, дипломы, книжки и цветы. Но фамилии Сикорский так и не прозвучало.

Людмила чуть не плакала от досады. Работы Антона всегда получали призовые места, никогда еще не было такого, чтобы он даже не вошел в десятку. А фотография на этот конкурс с удивительным видом их любимой аллеи в Петергофе, была великолепной. Так говорила Анна, когда помогала Антону готовиться к конкурсу.

Снова прозвучали фанфары, и ведущий торжественно объявил:

— В возрастной группе до восемнадцати лет первое место достается Петру Чернову, пятнадцать лет, за работу «Утренний Петербург». Людмила стиснула зубы... Так и есть. Все, как и обычно.

Пока счастливый победитель — краснощекий и пухлый мальчишка в туго натянутом на животе пиджаке получал диплом и кубок, она привстала и поискала глазами Антошку, чтобы увести его из зала.

Тем временем аплодисменты смолкли, и ведущий продолжил:

— Но в этом году жюри решило отступить от правила о том, что победитель может быть только один. Первое место, а также стипендия от Пражской академии искусств, благодаря которой ее обладатель сможет бесплатно пройти двухгодичные подготовительные курсы и поступить на отделение фотоискусства, жюри решило присудить еще одному конкурсанту. Антону Сикорскому, пятнадцать лет. Поздравляем!

Людмила все еще не верила своим ушам, и смотрела сквозь слезы как смущенный, растерянный, красный Антошка поднимался по ступенькам, на сцену, споткнулся, еще гуще покраснел и неловко топтался на месте. С дипломом в рамке и красной бархатной папкой к нему вышел Каверин, вручил призы и похлопал по плечу. Потом с улыбкой посмотрел в зал, и Людмиле показалось, что он искал ее.

Вечером они праздновали победу с тортом «Ленинградский» из «Севера» и настоящим шампанским. Антошка сиял от счастья как начищенный самовар, и не отнимал телефон он

уха — звонили друзья, подружки, знакомые. Даже профессор Сикорский поздравил внука с успехом, но при этом не забыл сказать, что надеется на продолжение врачебной династии. Бабушка Таня квохтала над внуком как насадка, усиленно напрашивалась поехать с ним в Прагу «для присмотра». Руслан, явно гордый за сына, сдержанно улыбался.

Шампанского налили даже Антошке, при снисходительном согласии отца, но сын пригубил, скривился и отставил бокал:

— Гадость... налейте лучше «Колы».

Людмила любовалась счастливым сыном, только радость ее отравляло то, что к этой победе явно приложил руку Каверин. Руслану об этом она говорить не стала. Но торжествующую улыбку и взгляд, явно предназначенный для нее, Людмила забыть не могла.

Победа Антошки была единственным светлым пятном в монотонных серых буднях. Жизнь словно выцвела, потеряла все свои краски. Людмила всегда любила лето, пусть короткое северное, с частыми дождями и переменчивой погодой. Но теперь даже солнечные лучи, тепло, свежая июньская зелень и щебет птиц уже не радовали.

Ездить на работу в редакцию Руслан категорически запретил. Большова сначала согласилась сохранить за Людмилой авторскую рубрику и раздел в электронном журнале, но потом все же вывела ее за штат, и все реже и реже присылала материалы для работы.

Людмила погрузилась в свой блог. «Подсолнух» набирал все большую популярность, ей писали самые разные люди, спрашивали советов, рассказывали свои истории. Из этих историй, писем и комментариев френдов постепенно в ее голове стали прорастать свои сюжеты, придумывались образы, герои, складывались картинки. Сначала короткие рассказы в стиле блоговых записей, потом задумалась над большой формой. Отрывки из будущего романа под рабочим названием «Кукольных дел мастер» она начала выкладывать на своей страничке в ЖЖ. Удивлялась интересу читателей, иногда плакала над негативными отзывами.

Руслан все больше пропадал на работе: на операции к нему записывались на полгода вперед. Антошка тоже все реже бывал дома — друзья, тусовки, фотосессии. Людмила с грустью чувствовала, как с каждым днем пуповина, что связывала ее с сыном, становится тоньше. Не пройдет и трех месяцев, как он уедет в Прагу, начнет взрослую самостоятельную жизнь.

Одиночество в четырех стенах наедине с ноутбуком, книжками и любимыми куклами, Людмилу угнетало. Но и в редкие минуты общения с мужем больше не было той непринужденной сердечности и теплоты. Людмила отчаянно пыталась сохранить в целостности свое счастье, распадающееся на мелкие обрывки, будто изъеденная кислотой тряпка, и с ужасом понимала — все изменилось.

То, что раньше их объединяло, — общая тайна, Игра, теперь стало непреодолимой стеной. Руслан ни разу не заговорил с ней на эту тему. Но Людмила знала, что муж продолжает исполнять обязанности председателя, бывает на собраниях, встречается в бывшем офисе Шталя с членами сообщества, решает спорные вопросы. Иногда Людмила улавливала обрывки телефонных разговоров и понимала — эта странная, гротескная жизнь течет своим чередом. Только уже без нее.

Как-то Руслан приехал снова за полночь, принесся с собой запах табачного дыма, дорогого алкоголя и женских духов — запах разврата. Давно запрятанная в дальнем уголке сердца, внезапно заворочалась ревность.

Лежа в густом полумраке спальни, Людмила напряженно вслушивалась в его осторожные движения: вот он снял галстук, рубашку, звякнула пряжка брючного ремня, с тихим звуком расстегнулась молния. Раньше, если она уже спала, то прежде чем уйти в душ, Руслан всегда подходил к постели и тихо прикасался губами к ее щеке. Но теперь он направился напрямиком в ванную. Людмила усилием воли загнала внутрь злые горячие слезы. Опять заныло в груди, будто зацепили давнюю занозу.

Осторожные шаги. Скользнул под одеяло, осторожно, как хрупкую статуэтку обнял, чтобы не потревожить ее сон.

— Как вечер? — спросила Людмила, как могла спокойно.

— Как обычно. Без тебя — скучно, — шепнул Руслан и легко, почти невесомо скользнул губами по ее шее.

Больше сдерживаться она не смогла: развернулась к нему и отчаянно прижалась всем телом, жадно впиалась поцелуем в губы.

— Я хочу тебя, — прошептала хрипло, — безумно... сейчас...

Он ответил на поцелуй, но мягко и нежно, потом погладил плечи, осторожно разжал ее объятия и отстранился.

— Родная... — его голос звучал виновато, — я не могу... еще слишком рано... твое сердце...

Она впервые в жизни ощутила себя отвергнутой. Нежеланной. Ненужной. Ущербной.

Резко отвернувшись, она уткнулась в подушку и разрыдалась.

Теплые ладони обняли ее плечи, она дернулась, высвобождаясь.

— Ты больше меня не любишь! Не хочешь! — рыдала она, — Скажи честно! Завел себе сабу?

Внезапно он почти грубо схватил ее за плечи и развернул к себе. От неожиданности она даже перестала рыдать.

— Прекрати истерику, — властно и строго сказал он, глядя ей пристально в глаза. — Тебе нельзя волноваться. И это глупости. Слышишь?

Она застыла, узнав в нежном, заботливом муже Кукловода.

Но видимо, он заметил в ее глазах страх, потому что его лицо смягчилось, и он нежно погладил ее по щеке:

— Я никогда ни на кого тебя не променяю. И все также люблю тебя больше жизни. Просто ты сейчас слишком слаба и хрупка. Нужно время. Потерпи, родная моя... потерпи.

Руслан обнял ее, бережно баюкая, словно ребенка, целуя в макушку, шепча на ухо какие-то глупые нежности.

Людмила успокоилась в его руках и тихо всхлипывала. Но тяжелое чувство непоправимой утраты не отпускало.

Спустя неделю в гости приехала ее мама. Людмила испекла ее любимый пирог с ежевикой, заварила чай с шиповником. Они сидели вдвоем на кухне и уютно молчали. Внезапно мама спросила:

— Что так плохо выглядишь? Лечит тебя Рус, лечит, а ты все как тень...

Людмила долго не могла найти слова. Ей не хотелось жаловаться, но обида, ревность, тревога, накопившиеся в душе, разрывали ее, просились наружу.

— Мама, теперь все не так. Будто из меня душу вынули. И Рус... эта его забота. Душит. Мама накрыла ее ладонь своей, сухонькой маленькой ладошкой.

— Детка, — она вздохнула, — может тебе покажется грубым то, что я скажу. Но это житейская мудрость. Больная жена никому не нужна. Я знаю на собственном опыте. Ты должна молиться на своего мужа, что он так носится с тобой, лечит, заботится, буквально сдувает пылинки. Рус — удивительный, идеальный. Так тебя любит!

Людмила опустила глаза, чтобы не выдать обиды.

Мама... Она всегда была в полном восторге от ее Руслана. С первого дня их знакомства.

Людмила поняла, что рассчитывать на ее понимание и поддержку не стоит. Тоскливое осознание одиночества накрыло ее темной волной.

— Да, мама. Идеальный. Ты права, конечно.

Снова потекли серые, похожие друг на друга как две капли воды дни.

Лето выдалось жарким, город изнывал от непривычного зноя, и даже прохладный ветер с залива не спасал от душного марева, плывущего над раскаленной мостовой.

Несколько раз Руслан возил Людмилу в Петергоф, они гуляли по тенистым аллеям, сидели на их любимой скамеечке у Птичьего павильона, слушали веселый щебет сотен птиц. Кормили голубей и уток в пруду. В эти минуты Людмиле казалось, что время повернулось вспять. Она закрывала глаза, положив голову на плечо Руслана, и снова становилась счастливой влюбленной студенткой второго курса. Впереди была только голубая даль и мрачные тучи не собирались на горизонте.

Но прогулка заканчивалась, и «Ракета» летела по серо-зеленой воде залива к Дворцовому мосту, Людмила смотрела сквозь толстое мутное стекло иллюминатора на удаляющийся Петергоф и грустила по безвозвратно утерянной безмятежности.

К концу июля солнце раскалило Город словно гигантскую жаровню. Бетонная коробка квартиры Сикорских в стандартной панельной девятиэтажке превратилась в душегубку. Да еще как на зло сломался кондиционер. Руслан совершенно зашивался на работе — непривычная для петербуржцев жара неумолимо поставляла врачам все новые и новые жертвы. Но все равно выкраивал минутку-другую, чтобы позвонить Людмиле — он очень волновался за ее сердце. Даже предлагал уехать к его родителям на дачу вместе с Антошкой. Но Людмила представила себе жизнь бок о бок с профессором и наотрез отказалась, хотя перспектива вырваться из пекла Города на природу казалась очень заманчивой. Только почти не выполнимой. Хорошо, хоть Антошку удалось спроводить в летний оздоровительный лагерь под Стрельной.

Людмила осталась изнывать в душном городе.

Но в пятницу вечером Руслан сказал ей, лукаво улыбаясь, что приготовил сюрприз. И что в субботу утром они едут этот сюрприз смотреть.

Сюрпризом оказался дом в местечке Лисий Нос, на побережье Финского залива. Небольшой, в два этажа, с застекленной витражами верандой, утопающей в плюще и диком винограде, посреди немного запущенного сада. Яблони, вишни, кусты смородины и крупного «царского» крыжовника, непролазные заросли колючей ежевики и беседка, увитая шпалерными розами, почти выродившимися в шиповник, но с удивительно сильным запахом.

Дом, как сказал Руслан, построили три года назад на месте старенького, деревянного, оставив в неприкосновенности сад и беседку. Но потом хозяева решили уехать в Европу и

срочно распродавали всю недвижимость.

Людмила не верила своим глазам. Она прикасалась руками к стенам, гладила резные перила крыльца. Потом вышла в сад и, закинув голову вверх, смотрела на летнее ярко-голубое небо сквозь сплетение густо зеленых ветвей, вдыхала сладкий до головокружения, трогательно наивный аромат роз.

Риэлтор, молодой напористый парень: «голливудская» улыбка, жвачка, кепка козырьком назад и нелепые фразочки: «оки», «тип-топ», увел Руслана в дом — обсуждать детали договора.

А Людмила все стояла посреди нагретого солнцем сада и не могла поверить, что это невероятное чудо может принадлежать ей.

Когда ехали обратно, она осторожно, все еще не веря в то, что у нее будет свой дом, спросила:

— Милый, а мы можем себе это позволить?

Руслан мягко улыбнулся.

— Тебе нужен свежий воздух. Квартиру придется продать и влезть в ипотеку на десять лет. Зато у нас будет дом, о котором всегда мечтали. И заведем собаку.

Людмила прижалась щекой к плечу мужа, и внутри воскресло почти забытое светлое чувство — надежда на то, что все еще образуется.

Дом почти не требовал ремонта, и это радовало, так как денег после покупки катастрофически не хватало. Очень кстати пришлось оставшиеся от старых хозяев старинный резной буфет, с мраморной столешницей и витражами, кое-где побитыми, круглый стол с гнутыми ножками, в отличном состоянии, если не считать глубокой трещины посередине, горка из темного от времени красного дерева и с мутноватыми стеклами. Их Людмила решила отреставрировать позже. Пусть дом выглядел полупустым, почти не было мебели, и пришлось повесить старые шторы, что достала из заветного сундука Мария Петровна, но это был дом. Ее дом.

В середине августа они уже торжественно отметили новоселье и окончательно перебрались из города в поселок Лисий Нос.

А в сентябре, через неделю после того, как проводили Антошку в Прагу, в доме появился новый жилец. Пушистый, смешной, нелепый и милый. С длинной и высокопарной кличкой Гордость Адмиралтейства Дарий, с родословной до двадцатого колена — все сплошь чемпионы и чистопородные бернские зенненхунды.

Кроме вечного беспорядка, луж и кучек в самых неожиданных местах, погрызенных ботинок и разорванных газет Дарик принес с собой нечто важное. Щенок избавил Людмилу от одиночества. Она часами могла наблюдать за тем, как он треплет свою любимую игрушку — старого плюшевого зайца, еще Антошкиного, таская его за уши по гостиной, радостно слышала топот его лап, когда он словно привязанный, следовал за ней по всему дому, а когда уходила на второй этаж, горестно скулил: лестница пока была непреодолимой преградой.

Через полгода смешной щенок стал внушительным красивым статным псом с лобастой головой, шелковыми антрацитовыми ушами, рыжими подпалинами на бровях и белым пятном в форме креста на груди.

Первые месяцы после отъезда Антошки Людмила очень тосковала по сыну, звонила по несколько раз в день, выслушивала его нотации, за то, что отрывает от занятий, не могла дождаться его звонка по скайпу.

Но постепенно тоска притупилась, стихла. Также как и боль. Людмила нащупала

хрупкое и ненадежное равновесие, научилась балансировать как канатоходец над пропастью одиночества и отчаяния. Она заново построила разрушенную жизнь: дом, сад с беседкой, собака, книги, блог и выдуманные истории.

А еще куклы. Загадочная красавица в белой с золотом полумаске и пышном кринолине приехала из Венеции, кукла Окина — персонаж театра Но — с веером, в ярком кимоно, расписанном вручную, — подарок мужа с конгресса кардиологов в Токио. Баварская краснощекая фрау, гавайская принцесса с цветочным ожерельем на шее, придворная статс-дама с высоченной прической в виде корабля. Их уже были десятки. Все знакомые и друзья дарили их на дни рождения. Она заказывала их по каталогам. Любимый магазинчик на Невском всегда оставлял для Людмилы самые удивительные и уникальные экземпляры. Они стоили иногда слишком дорого. Но она никогда не жалела денег.

Вот эта, например, заказанная по каталогу из Канады. В роскошном вечернем платье цвета индиго. С русыми локонами. Как у самой Людмилы. Единственная в своем роде. После изготовления ее фарфоровой головки, если верить проспекту фирмы, болванку уничтожили. Людмила так долго о ней мечтала, так долго ее ждала.

А эта, в коротеньком халатике медсестры — блондинка с розоватым оттенком волос. Наивные голубые глаза распахнуты, слишком ярко накрашен ротик.

Людмила грустно улыбнулась ей. Она немного похожа на ту медсестричку, что ухаживала за ней тогда... Тупая боль в груди снова напомнила о себе.

Пустая подставка приготовлена для ее новой куклы. Она должна прибыть к Новому Году. Людмила долго выбирала по каталогу внешность и платье. Остановилась на изумрудно-зеленом, открывающем одно плечо. У куклы будут темные прямые волосы, собранные в высокий хвост. И фарфоровое личико, бледное, с тонкими изящными чертами.

Вздыхнув, будто печалась о горькой судьбе мира, со своей лежанки спрыгнул Дарик. Процокал когтями по паркету, не спеша потрусил в прихожую. Значит, сейчас придет Руслан.

Удивительно, как пес определяет момент возвращения мужа домой? Ни разу не ошибся.

Людмила оглядела комнату: убедиться, что все на своих местах. Порядок в доме что-то вроде религии. Вышла в коридор, услышала, как хлопнула внизу дверь, что ведет из гаража. В зеркале отразился ее черно-белый фотопортрет на противоположной стене. Сколько ей на этой фотографии? Двадцать? Или девятнадцать? Высокая прическа — с начесом, «стрелки». Лукавая улыбка прорывается сквозь напускную строгость, а глаза смеются. Удачный ракурс.

Людмила мельком посмотрелась в зеркало, поправляя прическу, улыбнулась себе, другой, молодой и беззаботной.

Шаги по лестнице. Дарик замер, метет хвостом, не отрывая глаз от двери. Воплощение радостного ожидания.

Руслан появился вместе с запахом дождя и умирающей листвы. Портфель привычно устроился на полке, плащ устало повис на крючке вешалки.

— Здравствуй, Милочка.

Холодные губы на щеке и теплое дыхание с легким ароматом кофе. Он всегда по дороге домой пьет кофе в «Кофе-хаус». Эспрессо. Двойной. Без сахара и с лимоном.

Людмила провела ладонью к его щеке, замерла от легкого покалывания едва заметной щетины.

— Устал? Ужин через двадцать минут. Как день?

Он что-то ответил. Смысл слов не важен, достаточно его голоса. Привычно

среагировала, впитала родной тембр. По телу начало разливаться тепло, будто ее согрели солнечные лучи.

— Как самочувствие?

— Хоть завтра в космос! Хватит лени, пора на работу.

Мы бодры, веселы...

— Я против. И не спорь со своим лечащим врачом!

Не сработало. Опять включил доктора. Вечная забота, навязчивая, удушающая. Спорить бессмысленно. И пока нет на это сил.

Она поспешила на кухню. Голодный муж пришел с работы. Зачем еще нужна жена?

Ровно через двадцать минут — они снова вместе за ужином, в столовой. Волосы еще влажные после душа, простая серая футболка и свободные спортивного кроя брюки. Так он выглядит ближе, роднее. Раздражение немного отпустило.

На столе ярко-желтые герберы — солнечные зайчики, непонятно откуда взявшиеся этим сумрачным вечером. Людмила не признает других цветов — только желтые. Большие напольные часы сухо отсчитывают секунды. Короткие, ничего не значащие фразы заполняют неспешно текущее время. Все как всегда. Ничего не меняется.

Загрузив грязную посуду в машину, Людмила устроилась в любимом кресле. Дарик тут же улегся у ног. Протянула руку к ноутбуку — весь день в голове вертелась идея: «Как чувствует себя черепаха без панциря?». Хорошая запись для блога. Теперь буквы затаились в груди, царапаются и просят выпустить их на просторы Всемирной паутины. Такая приятная внутренняя щекотка. Да и френд-лента не читана, комментарии не отвечены. Блог — то, что дает ей силы, энергию, радость. Там цветет ее Подсолнух. Там понимают и сочувствуют. Там она настоящая. Живая.

Но Людмила решительно захлопнула ноутбук.

Руслана раздражает, когда она при нем сидит в блоге. То ли ревнует к поклонникам, то ли немного завидует. А так не хочется разрушать гармонию. Тихое семейное счастье. Как в рекламном ролике. Но лучше уж так. Малейший негатив со стороны мужа — и опять придет боль. Людмила пока еще не готова к этой встрече. Безоружна, беззащитна. Как та самая черепаха без панциря. Читатели подождут.

Людмила взяла книгу с подоконника, раскрыла. На пол с тихим шелестом упал сухой лист клена, вложенный вместо закладки.

Теплые руки легли ей на плечи, и она склонила лицо, потерлась щекой, ласться как кошка. Его руки как всегда пахнут йодом. Руслан зарылся лицом в ее волосы. Черный ирис и магнолия. Его любимый запах.

Потом посмотрел на обложку, нахмурился:

— Рубина? «Синдром Петрушки»?

Едва уловимое раздражение Руслана царапнуло по нервам, обожгло мелкими брызгами кислоты.

— Опять купила обычную книгу... Я же подарил тебе ридер.

— В электронной книге нет души. Рубину надо читать на бумаге. И я никак не могу с ним подружиться, с этим ридером. Он живет своей жизнью!

Руслан посмотрел укоризненно, коснулся губами ее волос. Потом отошел к большому угловому дивану у стены, включил телевизор. Дарик потрусил следом, положил голову на колени. Людмила обернулась и засмотрелась, как сильная рука мужа погладила лобастую голову пса, черную шелковистую шерсть на ушах и загривке. Теплое дуновение — его

нежность. К собаке...

Резко выдохнула сквозь зубы. Опять эта тупая боль в груди...

Руслан тут же поднял на нее встревоженные глаза.

— Опять? Сейчас обезболим.

Снова наш добрый доктор Айболит... Святая вера — любую боль можно снять уколами.

— Все хорошо. Не нужно. Я пойду спать, устала.

— Помогу...

Решительно отстранила его руку.

— Я не инвалид!

В спальне Людмила села перед туалетным столиком, вынула шпильки из прически. Темно-русые волосы, с едва заметными седыми ниточками рассыпались по плечам. Некрашенные, она не собирается скрывать свой возраст. Руслан — у нее за спиной, прислонился к косяку двери и, склонил голову, наблюдая, как она не спеша расчесывает волосы, снимает с тонких пальцев кольца. Поймала его ласкающий взгляд — теплые мурашки по спине. Так приятно.

Людмила встала.

— Помоги, пожалуйста.

Руслан подошел, чтобы расстегнуть застежку цепочки.

Потом вдруг прижал ее спиной к себе, а Людмила склонила голову ему на плечо, закрыла глаза от затопившей до самой макушки нежности, такой сильной, что еще чуть — и будет больно. Его пальцы невесомо, едва прикасаясь, спустили с ее плеч шелк халата, и он с легким шелестом сполз к ногам. Долгий взгляд — глаза в глаза. Карие и серые. Они и их зеркальные двойники.

Почти не касаясь кожи, Руслан подушечками пальцев скользнул вдоль едва заметного шрама, спускающегося в ложбинку на груди. Людмила накрыла его руку своей ладонью. Оба замерли, прислушиваясь к тихому стуку ее сердца...

Заботливо укрыл одеялом:

— Спокойной ночи.

Поцеловал в лоб. Как ребенка. Или... Господи, откуда эти мысли?

Людмиле вдруг стало страшно.

— Побудь со мной.

Руслан послушно лег рядом, прижал к себе сквозь мягкую ткань одеяла. Почувствовал едва заметную дрожь. Обнял крепче, коснулся губами виска. Рядом, здесь, родной.

Дождавшись пока она уснет, провел рукой по русым волосам, разметавшимся по подушке, подавил нервный вздох, вышел, осторожно притворив за собой дверь.

А ей до самого утра снился осенний Петергоф с багряными каплями кленовых листьев в черных кляксах луж и их любимая скамейка, сиротливо зябнущая под дождем.

— Прах к праху...

Почему на кладбищах всегда так промозгло и холодно? Причастность смерти, ледяной холод вечности забирает живое тепло, студит кровь в жилах.

Людмила никогда не была раньше на лютеранском Волковском кладбище. Мрачные склепы, местами обвалившиеся, в язвах плесени и мха, изъеденные временем гранитные надгробия, надписи готической вязью на латыни. Вековые клены и липы с темной морщинистой корой, узловатые черные ветви, воздетые к небу в немой мольбе, строгие скорбящие ангелы. Так страшно смотреть в слепые мраморные глаза, все кажется — заплачут.

Застывшими пальцами Людмила стиснула воротник пальто, но ветер неумолимо отбирал последние остатки тепла. Еще немного и она сама станет как эти ангелы — холодной и безмолвной.

Сквозь туман в голове от успокоительного, которым накачал ее Руслан, Людмила различала монотонный голос священника, кто-то сдержанно всхлипывал, деревья поскрипывали и стучали обледенелыми ветками.

— Как ты, держишься?

Шепот Руслана согрел ее ухо.

— Мне нужно отойти. К Анне.

Его руки больше не поддерживали. Стало еще холоднее. Людмила прижалась спиной к шершавой коре липы, чтобы не упасть. Анна...

Девушка стояла у самого края могилы. Осунувшееся лицо, огромные глаза с жуткими черными тенями. Она не плакала. Безучастно смотрела в одну точку. Бескровные губы плотно сжаты, в тонких пальцах — алые розы. Шипы впились в кожу, но она не чувствовала боли.

Руслан склонился к ней и что-то сказал на ухо, но Анна будто не услышала. Продолжала безучастно смотреть, как опускается в могилу лакированный гроб и едва заметно подалась вперед, будто хотела последовать за ним, но Руслан удержал ее за локоть.

Потом заставил разжать стиснутые пальцы, взял из рук розы, перевязанные траурной лентой, передал седому господину в кашемировом пальто и повел Анну к Людмиле.

— Смотри, чтобы она не упала...

Людмила судорожно сжала руку подруги, ледяную, словно мрамор надгробий.

Когда все закончилось, и Руслан вел их по сумрачной аллее к выходу, Людмиле показалось вдруг, что из-за потемневшего от времени мраморного ангела выглянул старик в старомодном сюртуке и шляпе с высокой тульей. Она едва не вскрикнула от ужаса, крепко зажмурилась и прижалась к мужу плечом.

В машине стало немного теплее, но холод кладбища затаился внутри, не хотел уступать отвоеванное. Людмила сжимала руку Анны, все такую же холодную. Девушка молчала, совершенно безучастная, смотрела остекленевшими глазами в одну точку.

— Анечка...поплачь...

Людмила попыталась растормошить подругу, погладила ее по щеке, потрясла за плечо. Голова девушки безжизненно мотнулась из стороны в сторону.

Людмила всхлипнула, слезы словно растаяли и теперь текли и текли по щекам.

— Очнись...

Людмила растирала Анне руки, трясла за плечи, сжимала лицо в ладонях. Но девушка молчала, холодная, неживая...

— Оставь ее, родная.

Руслан взглянул на них в зеркало заднего вида.

— Я накачал ее транквилизаторами, сильнодействующими. Это нормально. Ей нужно согреться и поспать. Долго. Она измучена совершенно. Полное эмоциональное истощение. Одному Богу известно, что пришлось пережить бедной девочке... Райшнер, душеприказчик Шталя сказал, что последние недели доктора мучили очень сильные боли. Не помогали даже наркотики.

Людмила с помощью Руслана уложила Анну в Антошкиной комнате, укрыла двумя одеялами, Руслан попросил ее набрать горячей воды в грелку, чтобы положить в ноги.

Измерил девушке давление, сделал какие-то уколы. Некоторое время Людмила еще сидела рядом с Анной на постели, гладила ее по руке. Постепенно бледные щеки девушки едва заметно порозовели, дыхание стало ровнее, видимо она уснула.

Людмила тихо вышла и плотно притворила дверь. Снизу из гостиной донеслись звуки музыки.

Нежный голос скрипки вплетался в строгую возвышенную гармонию органа, страдающая душа Орфея искала утраченную Эвридику.

Руслан стоял у окна. Людмила подошла к нему, обняла.

— Не могу в тишине. Давит. Ты не против?

Руслан потянул ее за руку вперед, прижал к себе спиной.

— Нет. Хорошо.

Людмила смотрела через оконное стекло, как голые мокрые ветки яблонь роняли слезы дождя на потемневшую палую листву. Пустой осенний сад был в совершенной гармонии с глубокой печалью музыки. Наконец, холод и тоска отступили, уступив место покою...

Женский крик, страшный, полный боли и страдания грубо разбил хрупкую иллюзию. Хрустальные звуки беспомощно осыпались острыми осколками.

Анна сидела в постели, обняв колени руками и раскачиваясь вперед-назад.

— Мастер... Не оставляйте...

Хриплый сбивчивый шепот, словно в бреду и безумные глаза с расширившимися зрачками. Людмиле стало страшно.

Руслан вошел следом со шприцем.

— Помоги. Подержи ей руку... так. Жгут.... Снимай. Умница.

Людмила отвернулась, чтобы не видеть, как игла входит в тонкую полупрозрачную кожу Анны.

Девушка снова уснула.

— Иди, родная, ложись. Ты устала. Я посижу.

Руслан подвинул кресло с постели.

— Лекарства не помогают?

Людмиле не хотелось оставлять мужа одного. Но сил почти не осталось, они уходили как воздух из проколотого шарика.

— Помогают. Все-таки она спит. Хоть какое-то время. Но больше нельзя. Слишком сильные препараты. Поставлю ей капельницу с глюкозой, а завтра попрошу посмотреть ее Вольского. Мы справимся. Он отличный врач.

Людмила посмотрела на мужа вопросительно.

— А ты?

— Он психиатр. Вдруг Анне станет хуже.

Людмиле снова стало страшно и так остро жаль сломанной, измученной, растоптанной девушки. Стараясь изо всех сил не разрыдаться перед Русланом, она вышла.

В спальне она легла, не раздеваясь, укрылась одеялом с головой и лежала, крепко, до разноцветных кругов, зажмурив глаза.

Она так устала, что казалось, уснет мгновенно. Но измученный мозг продолжал кружить бесконечную карусель мыслей. Шталь... Злой гений, ее детский кошмар. Холодный расчетливый кукловод. Режиссер страшного и жестокого спектакля, в котором все они — Анна, Руслан, сама Людмила, были его послушными куклами. Была ли его мучительная смерть возмездием за страдания, что он причинял другим? И закончились ли эти страдания...

В полудреме она слышала, как несколько раз вскрикивала Анна. Хотела встать, чтобы пойти к ней, помочь, утешить, согреть. Но сил не было. Уже почти провалилась в мягкую серую вату сна, когда почувствовала запах лекарств. Прогнулся матрас, и ее обняли теплые руки мужа.

Утром она сменила Руслана у постели Анны. Она то засыпала, то плакала, то начинала что-то говорить, сбивчиво и путано, рассказывая, как Шталью становилось все хуже, как в последние дни он почти не приходил в себя, и даже наркотики уже не могли унять страшную боль, разрывавшую его внутренности.

Приезжал Вольский, небольшого роста неказистый мужчина лет сорока пяти, близоруко щурил глаза и виновато улыбался. Они с Русланом несколько минут говорили на кухне, при закрытых дверях. Потом он зашел к Анне и попросил Людмилу выйти.

Вышел довольно скоро, вручил Руслану листок, исписанный неразборчивыми каракулями и молча удалился.

— Что? — встревожено спросила Людмила. — Все плохо?

Руслан покачал головой и грустно улыбнулся.

— Не все. Это нервное истощение. Анне нужен покой и забота. Мы справимся.

Анна пролежала в постели три дня. Иногда плакала, бредила, кричала. Засыпала ненадолго. И снова бредила и кричала. Людмила не отходила от постели подруги. Но этот кошмар все не заканчивался.

На четвертые сутки Анна перестала кричать и плакать. Истерики сменились безучастностью и молчанием. И это оказалось еще страшнее.

Руслан снова вызвал Вольского, но тот, осмотрев Анну, только покачал головой.

— Остается только ждать. Молодой сильный организм, инстинкт самосохранения должен сработать. Может помочь какое-то новое потрясение. Она должна захотеть жить.

Но шли дни, а ничего не менялось. Анна лежала безучастная ко всему, с открытыми глазами. Людмила боялась смотреть в них. Они были мертвые, как у тех мраморных ангелов на надгробиях.

Руслан надеялся, что приезд родителей сможет вытащить Анну из оцепенения, почти комы. Специально поехал за нами в Кингисепп.

Привез он только маму Анны, усталую седую женщину, выглядевшую на все шестьдесят. Нина Сергеевна смущалась, краснела, неловко комкала в руках платок. Она молча сидела у постели Анны, гладила ее по волосам, держала за руку, тихо плакала, потом что-то сбивчиво говорила, причитала, тихо пела. Людмила знала эту колыбельную. Вспомнила, как маленький Антошка засыпал под нее.

Нина Сергеевна вышла из комнаты Анны, заплаканная и печальная. Тихо сказала:

— Утром мы уедем. Спасибо вам.

Но вечером позвонил господин Рейшнер. После разговора с ним Руслан попросил маму Анны оставить ее у них на время, так как она должна присутствовать на оглашении завещания Штала.

Нина Сергеевна согласилась. Людмиле показалось, что слишком быстро и с облегчением. Руслан предложил отвезти ее в Кингисепп, но Нина Сергеевна отказалась наотрез. Прощаясь, виновато опустила глаза и тихо сказала Людмиле:

— Вы ее берегите. Людочка... добрая ты. Господь тебя храни!

Оглашение завещания состоялось на следующий день после отъезда Нины Сергеевны.

Людмила кое-как заставила Анну встать с постели, помогла ей одеться и они вместе спустились в гостиную.

Райшнер, совсем седой, высокий, полноватый и неловкий, в строгом черном костюме, напомнил Людмиле пастора Шлага из «Семнадцати мгновений весны». Внимательно посмотрел на вошедших женщин поверх очков, будто пытался угадать кто их них кто.

— Герр Райшнер, это моя жена, Людмила.

Людмила натянуто улыбнулась гостю, усадила Анну на диван и сама села рядом, сжимая руку подруги.

— О, отшень приятно.

Райшнер поправил воротничок рубашки, будто он был ему туговат. Видимо, миссия не доставляла ему никакого удовольствия.

— А это Анна Черкасская. Она...

Руслан запнулся, не зная, как представить Анну.

Немец кивнул.

— Полошение фройлян Черкасская исфестно. Это есть следовать из эрбрехт герр Шталь... как это русиш... О! Завестшание. О, майн гот...

Райшнер снял очки, достал из внутреннего кармана тисненый золотом футляр, раскрыл его, взял замшевую тряпочку, тщательно протер линзы. Снова надел очки и раскрыл большой черный портфель из блестящей кожи, а оттуда извлек пухлую бумажную папку на веревочных завязках. Прокашлялся.

— Текст завестшаний есть дойч и русиш. Я зачитать дойч. Герр Сикорски зачитать русиш.

Немец снова покашлял и достал из папки несколько листков.

Людмила тревожно вслушивалась в чужую отрывистую и лающую речь, пыталась

уловить хоть одно знакомое слово, сгорала от нетерпения, поглядывала на Руслана, пытаюсь по его лицу понять смысл документа, что читал Райшнер. Но лицо мужа было напряженным и бесстрастным. Анна все также безучастно смотрела в одну точку.

Наконец немец закончил чтение, снял очки, убрал их в футляр и протянул папку Руслану.

Тот достал несколько листков плотной мелованной бумаги и начал читать:

— Я, Борис Шталь, находясь в светлом уме и твердой памяти, желаю сделать последнее распоряжение на случай своей смерти. Назначаю своим единственным наследником и преемником Руслана Сикорского, коему завещаю все принадлежащее мне на день смерти имущество, как движимое, так и недвижимое, денежные средства и иное, согласно списку, с оговоркой. Анна Черкасская, являющаяся моей собственностью на основании договора об обмене властью, также переходит в собственность господина Сикорского на тех же условиях, что описаны в вышеуказанном договоре на срок не менее года. По истечении данного срока, либо ранее, но не менее чем через шесть месяцев, по заявлению господина Сикорского о полном исполнении обязательств по договору и его нежелании продолжать его исполнение, Анна Черкасская считается свободной от исполнения договора об обмене властью, и наследует имущество согласно отдельному списку, в том числе недвижимое имущество и денежные средства. В случае отказа Анны Черкасской от исполнения обязательств по договору об обмене властью, ее часть имущества отходит господину Сикорскому.

У Людмилы перехватило дыхание от сказанного Русланом. Фарс, розыгрыш... Этого не может быть на самом деле... Так не бывает...

— Договор об обмене властью не имеет юридической силы, — хрипло произнесла она и с надеждой посмотрел на мужа. — Тем более в России. Ведь так?

— Так. Но завещание совершено в Швейцарии. К нему применяются законы страны совершения. И по ним любые оговорки в завещании допустимы. Самые экстравагантные. Последняя воля неоспорима.

Людмиле стало страшно от того, как прозвучал голос Руслана. Безучастный и ледяной. Чужой.

И внезапно ее осенила страшная догадка.

— Ты... ты знал?! Знал...

Людмила хотела вскочить, но Руслан схватил ее за руку, причиняя боль.

— Сядь. Я тебе все объясню. Позже.

— Герр Сикорски, — немец обеспокоенно поерзал в кресле. — Ихь битте... Фрау унд фройляйн понимайт, что есть ворбехальт?

— Да, герр Райшнер. Я все доходчиво объяснил.

— Зер гут, зер гут. Ауфидерзейн.

Немец сложил бумаги в папку, аккуратно завязал тесемки и спрятал ее в портфель. Потом церемонно раскланялся и вышел в прихожую. Руслан пошел проводить его.

Людмила все еще не могла осознать услышанное. Анна — собственность ее мужа. И это больше не Игра, не их пятничные развлечения. Она вещь. Часть наследства Шталя. Как те статуи нагих рабынь в индийском будуаре на канале Грибоедова. Рабыня...

Людмилу бросило в дрожь. Она никогда не думала об Анне так.

— Милая...

Руслан вернулся в гостиную и сел рядом с Людмилой на диван.

Она вздрогнула и инстинктивно отшатнулась.

— Это абсурд. Анна — не вещь. Ты не можешь...

Руслан взял ее за запястья.

— Ты взволнована. И устала. Поговорим завтра...

Людмила вырвала свои руки и вскочила.

— Тут не о чем говорить! — ее голос истерически сорвался. — Позвони этому немцу и скажи, что ты отказываешься от наследства!

Руслан покачал головой.

— Ты осознаешь, от чего? Ты видела список имущества? Мы о таком и мечтать не могли...

— Какая разница! Анна не вещь, не рабыня! Это... мерзко!

— Господин...

Дрожащий голосок Анны прозвучал так неожиданно. Потрясенная Людмила совсем забыла о том, что девушка тоже здесь.

Вдруг Анна встала с дивана и, сделав шаг, опустилась перед Русланом на колени, прижалась губами к его руке. Потом, не поднимая глаз, спросила:

— Господин позволит рабыне уйти?

Людмила словно во сне увидела, как Руслан едва заметно улыбнулся, погладил Анну по щеке и сказал:

— Да, конечно. Иди.

Все еще не веря, что это происходит на самом деле, Людмила задохнулась от обиды и ярости. Больше выносить все это она была не в силах.

В тот вечер Людмила впервые заперла дверь своей спальни. Лежала, зарывшись лицом в подушку, слышала, как Руслан осторожно подошел к двери, подергал за ручку, потом тихо постучал.

— Уходи, — сказала она глухо, — я не хочу тебя видеть.

Прорыдав полночи, она под утро забылась зыбким, тяжелым сном.

Утром проснулась, будто от пощечины. В доме было подозрительно тихо. Только Дарик поскуливал у порога запертой спальни. Накинула халат и, даже не взглянув на себя в зеркало, вышла в коридор. Часы показывали десять утра. Тихо подошла к двери Руслана, прислушалась. Посомневалась и открыла — комната была пуста. Похолодела и почти бегом бросилась к двери гостевой спальни. Анны в комнате не оказалось. И ее вещей тоже.

Сердце сжалось, ослабели колени, на лбу выступил холодный пот. В висках больно застучали молоточки... Руслан оставил ее... ушел навсегда...

Людмила бессильно сползла на пол в гостиной, обняла руками колени, разрыдалась, горько и безутешно. Вокруг нее вился Дарик, скулил, пытался лизнуть в лицо, лаял на нее, сбитый с толку странным и непонятным поведением хозяйки. И она вдруг обняла пса за шею, зарылась лицом в его густую шерсть, и продолжила безутешно рыдать.

Так их и нашел Руслан, когда она, обессиленная, уже не могла больше плакать, а только беззвучно всхлипывала.

Дарик высвободился и рванулся навстречу хозяину.

Увидев ее на полу, Руслан охнул, подбежал, рухнул перед ней на колени, сгреб в объятия.

— Что? Плохо? Тебе плохо?

Людмила только помотала головой и сделала слабую попытку освободиться. Но Руслан прижал ее к груди сильнее, подхватил на руки и отнес в спальню. Уложил в кровать, лег рядом, стиснул, не давая вырваться, и прошептал на ухо:

— Все... все... я с тобой. Я рядом... успокойся, пожалуйста... Ты как всегда не дала мне договорить и объяснить.

Людмила еще пару раз попыталась его оттолкнуть, но силы кончились, и она обмякла в объятиях мужа. Руслан встал, спустился на кухню и вернулся со стаканом и таблетками. Поднял ее, заставил сесть, поднес к губам холодное стекло. Она послушно проглотила лекарства.

Забрал у нее стакан. Поставил на тумбочку. Сел на постель. Она опустила голову, обхватив колени, прячась.

Он обхватил ладонями ее лицо, поднял, заставил посмотреть на него, и строго произнес:

— Ты должна меня выслушать.

Она всхлипнула, и он смягчился:

— Ну что ты себе напридумывала?

— Я... теперь тебе не нужна, — выдохнула она, — не нужна...

Слезы опять потекли по ее щекам, и Руслан нежно стер их.

— Почему ты так решила?

— У тебя теперь есть... Анна... а я... я...

Она опять разрыдалась.

Он сжал в ладонях ее лицо:

— Ты моя, — сказал он, глядя прямо ей в глаза. — И мне никто больше не нужен. Это все ради нас. Ты понимаешь? Ради нас... А договор... Это нужно не мне. Так хотел Шталь. И это нужно Анне. Поэтому Шталь поступил так в своем завещании. Только ради нее. Он мне доверял, понимаешь? Знал, что я не воспользуюсь своей властью над ней ей во вред.

— Но ты, ты... как ты мог с ней так?

Она опять увидела Анну на коленях перед Русланом, и его снисходительную улыбку.

— Это было спонтанно! Помнишь, Вольский говорил о потрясении... Ей стало лучше!

— И тебе, — Людмиле вдруг стало обидно за себя и за Анну, — тебе ведь не хватает всего этого, признайся, ведь так?

Он отпустил ее и отвел взгляд.

— Я не хочу тебе врать. Мне очень нравились наши игры, — его голос звучал глухо, — Теперь мне осталось только председательство в сообществе. Хотя бы это я могу себе позволить?

Он поднял на нее глаза, и ей снова стало не по себе. На нее снова смотрел не Руслан. Властный и жесткий Кукловод.

— Но я не намерен нарушать наш главный предел — супружескую верность.

Она затихла, подавленная страстью и болью в его голосе.

— Ты не сможешь так... — Людмила схватила его ладони, прижала к губам, — Пожалуйста... пусть все будет как прежде...

— Нет, — его голос дрогнул, он вырвал руки и прижал Людмилу к себе, не давая вздохнуть, — нет... Ты слишком мне дорога... Слишком... Потерять тебя... самое страшное в жизни. Я так тебя люблю...

Горячие губы Руслана нашли ее, искусанные и распухшие от слез, и впервые за много

дней поцелуй был по настоящему страстным и горячим. Жадные нетерпеливые руки срывали одежду, сжали грудь, опрокинули Людмилу на кровать...

Она извивалась, выскальзывала из одежды, задыхалась от счастья, и опять плакала, а он собирал ее слезы губами и все шептал ей нежные слова...

Вся накопившаяся страсть будто прорвалась, и Людмиле на минуту стало страшно от его безумного напора. Боль и удовольствие опять сплетались для нее в одно невероятное чувство, заставляли кричать от восторга. И если бы в этот момент ее сердце снова остановилось, она не желала бы для себя другой смерти...

Теряя сознание, она смогла только прошептать ему: «Люблю» и перестала чувствовать свое тело...

Но эта их безумная ночь стоила дорого. Людмиле под утро стало хуже, снова сбился сердечный ритм, она потеряла сознание и Руслан вызвал скорую.

За холодным синим стеклом толпились белые клочки снежной ваты. Они суетились, расталкивали друг друга, как любопытные дети, хотели прильнуть к окну, заглянуть туда, по другую сторону тонкой прозрачной преграды. Людмила приложила ладонь к ледяной поверхности, зябко поежилась, но заставила себя не отнять руки. А хлопья снега, словно привлеченные теплом, еще решительнее проталкивались к окну, льнули, липли, таяли, стекали крупными каплями.

— Людмила Евгеньевна! Ну что вы опять у окна? Простудитесь!

Дежурная медсестра вошла в палату с двумя пластиковыми стаканчиками.

— Давайте-ка примем лекарства и спать.

— Не хочется, Леночка. Опять эти сны.

Которую ночь Людмила мучилась кошмарами — то блуждала в ледяном лабиринте, то проваливалась под лед, захлебывалась и не могла найти полынью, то ее хоронили заживо в хрустальном гробу.

Людмила отошла от окна и села на кровать.

— Ничего, сегодня никаких снов. Руслан Николаевич выписал снотворное. Спать будете, как младенец.

— Он уже ушел? — спросила Людмила.

Легкая досада на мужа уколола занозой. И тут же ей стало стыдно. Чем она лучше других пациентов? А дома Дарик, не выгулянный и не кормленный.

— Нет, ну как же он уйдет. Сначала к вам.

В голосе медсестрички почудилась ревность. Людмила горько усмехнулась.

Леночка поставила на тумбочку стаканчики.

— Не забудьте про лекарства. А я пойду. Спокойной вам ночи. Без снов.

— А тебе спокойного дежурства. Спасибо.

Дверь палаты закрылась, и тишина обняла мягкими лапами. Слышно было, как еле слышно шуршат снежинки по стеклу.

Людмила забралась в холодную постель, съежилась, натянула одеяло по самые уши.

— Спишь уже?

Она выглянула наружу.

— Не спится. Холодно.

Руслан присел на постель, взял ее руки в ладони.

— Сейчас скажу, чтобы принесли обогреватель. Тоже мне, вип-палата. Холодина! Вот и руки ледяные.

Пальцы мужа, теплые, сильные, привычно нащупали на запястье пульсирующую венку.

— Я в норме, — буркнула Людмила. — Домой хочу. Отпустишь?

Руслан посмотрел на нее с укором.

— Ну что ты как ребенок! Кардиограмма еще не очень. Потерпи.

Поднес к лицу ее руки, подышал на ладони.

— Ну вот. Согрелась?

— Да. Иди уже домой. Поздно. Дарик извелся.

Руслан вздохнул.

— Бедный пес. Стосковался по хозяйке. Ничего, до конца недели потерпим. А в пятницу отвезу тебя домой.

— В пятницу...Еще целых два дня! Так долго!

— Вот правда, капризный ребенок.

Руслан осторожно коснулся губами ее лба. Людмила едва сдержалась, чтобы не отшатнуться. Она ненавидела, когда он целовал ее так.

— Иди. Выпью снотворное и попробую заснуть.

Подождала, пока Руслан уйдет и взяла стаканчик с таблетками. Высыпала на ладонь. Долго смотрела на розовые капсулы. Потом ссыпала их обратно и решительно отставила.

Это ее сны. Она не будет от них трусливо прятаться.

Но заснуть Людмила смогла только под утро. Все думала, думала, думала. Мучительно, безнадежно. Слова Руслана о нерушимости их предела, все больше казались пафосными и неискренними. Людмила снова и снова вспоминала Анну на коленях перед Русланом, ее молчаливую покорность и снисходительную улыбку мужа. С горечью она понимала, что пресловутый предел лопнет как мыльный пузырь, это просто дело времени. Рано или поздно Руслан не сможет больше сдерживаться, а Анна, вымуштрованная Шталем до абсолютного растворения в чужой воле, конечно, не сможет ему отказать. Ниточки, что связывали Людмилу с мужем, и казались такими прочными, истончались, рвались одна за другой. Как это остановить?

В четверг вечером она снова стояла у окна. Все смотрела и смотрела на снегопад за окном. Пока голос мужа не вывел ее из задумчивости.

— Ну что, дождалась. Завтра домой.

Руслан обнял Людмилу за плечи, прижал к себе. Стало тепло и уютно. Снежинки за окном снова завистливо льнули к стеклу, будто хотели украсть частицу этого тепла.

— Что ты решил с Анной? — вдруг спросила она. И замерла в ожидании ответа. Неясное предчувствие, что единственно верное решение близко, и что оно зависит от того, что скажет Руслан, зазвенело в висках натянутой до предела струной.

— Ты о чем? — немного фальшиво удивился Руслан.

Было ясно, что он ожидал этого разговора.

— Ты знаешь. Так что?

Руслан резко развернул ее к себе. Сильные пальцы впились, причиняя боль. «Синяки будут, — подумала Людмила машинально, но вырваться не стала.

— Опять за свое? Сколько можно повторять, наш предел...

Нахмурился, сдвинул брови, грозно навис над ней. Привычно почувствовала себя слабой, маленькой, так захотелось просто согласиться со всем, что он скажет. «Держись, — приказала себе.

— А почему ты злишься? Значит, отпустить Анну ты не хочешь.

— Я объяснял, — раздраженно произнес он, отпустил ее, отошел, сел на кровать. — Это ради Анны. Она не готова к самостоятельной жизни, ей нужен покровитель.

— Покровитель... или господин? А тебе нужна саба...

— Нет! — почти выкрикнул он и вскочил.

Снова подошел к Людмиле, больно сжал ее запястья.

— Ты всерьез думаешь, что я могу... с Анной?

— Не сможешь? — спросила Людмила спокойно и немного насмешливо и удивилась сама своему спокойствию.

— Конечно нет! Но у меня есть обязанности по отношению к Анне. Я должен заботиться о ней. Так хотел Шталь.

И внезапно неясные обрывки мыслей, догадки и предчувствия сложились в ясное и твердое решение.

— Отлично, — улыбнулась Людмила. — Мне понадобится помощь по дому, пока совсем не приду в себя.

Руслан посмотрел удивленно, еще не понимая, к чему она клонит.

— Я же предлагал тебе давно домработницу. Ты категорически отказалась!

— Анна могла бы переехать к нам.

Руслан отпустил ее руки и посмотрел с подозрением.

— Ты уверена, что так будет лучше?

— Да, — ответила она твердо. — Только давай договоримся сразу. Пообещай, что не воспользуешься оговоркой завещания Шталя. А если все-таки...

Людмила запнулась, не в силах сказать это вслух. Даже не произнесенные, слова больно резали как острые льдинки.

— Обещай, что будешь со мной честным.

Руслан отвернулся к окну. Молчал, наблюдая, как липнут к стеклу мокрые хлопья снега. Минуты тянулись и тянулись, Людмила уже решила, что он откажется. И тогда это будет означать самое страшное — ей не за что больше бороться.

— А знаешь, — Руслан повернулся к ней и мягко улыбнулся. — Ты права. Так будет лучше. Для всех.

И снова она оказалась в сильных и теплых объятиях. И выбираться из них совсем не хотелось. Спрятала лицо у мужа на груди.

— Не оставляй меня тут. Забери домой, — шепнула она.

— Хорошо.

Мягкий поцелуй, в губы. Она ответила, чуть нетерпеливее, чем хотела сама.

— Собирайся. Пойду, принесу вещи.

Людмила вышла на крыльцо кардиологического отделения и с наслаждением несколько раз глубоко выдохнула и вдохнула, будто хотела избавиться от больничного воздуха. С темного, будто обтянутым серым плюшем неба все сыпались и сыпались тяжелые мокрые хлопья.

В начале улицы машина завязла в снегу. Руслан остался ее откапывать, а Людмиле пришлось идти пешком, сумка показалась тяжелой, руки немели, Людмила оступалась и увязала в рыхлом, мокром месиве.

Калитка открылась с трудом, дорожку к дому совсем засыпало. Людмила осторожно поднялась по ступенькам на крыльцо, стянула с рук перчатки, подышала на пальцы, и едва не уронила ключи в снег.

За дверью нетерпеливо скулил стосковавшийся по хозяйке Дарик, и как только Людмила открыла дверь, едва не сбил ее с ног. Пес прыгал ей на грудь, лаял, пытался лизнуть в лицо, тыкался носом в руки, тянул зубами сумку из рук. Потом умильно улыбаясь особой собачьей улыбкой и виляя хвостом, торжественно притащил Людмиле тапочки.

Людмила прошла по дому, зажгла свет, хотя на дворе еще был день. Она не любила полумрака, а из-за снегопада было сумрачно. Поморщилась, заметив слой пыли на мебели и

стеклянных полках с куклами. Прошла на кухню и облегченно вздохнула: в раковине не было грязной посуды, все было на своих местах. Поставила чайник, протерла мойку и стол, на ее взгляд, недостаточно чистые. Переставила тарелки в сушке — по размеру.

Но Анне все равно нужно было позвонить.

Слушая длинные гудки, все пыталась представить — что же скажет Анна в ответ на ее предложение?

Анна взяла трубку не сразу, Людмила уже хотела нажать отбой.

— Мила! Тебя выписали!

Радость в голосе Анны была искренней. У Людмилы немного отлегло от сердца.

— Да, я дома. Мы с Русланом хотели тебя пригласить к себе. Сегодня. Приедешь?

— Но... — Анна смутилась, засомневалась, — на улице такой снегопад...

— Попрошу Руслана, он приедет за тобой. Все равно застрял в начале улицы. Соглашайся, пожалуйста.

Анна молчала. Через восемь ударов сердца, наконец, ответила:

— Хорошо.

— Отлично! Пойду печь твое любимое печенье. Если только в холодильнике найдется хоть что-то съедобное.

Не успела нажать отбой, как телефон выдал рингтон Руслана.

— Ну что? Позвонила? Ехать за ней?

— Да, Анна согласилась. Поезжай.

— Отлично! Все равно к дому не прорваться. А пока может трактор пустят, дорогу прочистят.

Голос Руслана показался ей слишком воодушевленным. Снова заняла занозой ревность. Но Людмила загнала ее поглубже.

Несколько часов до приезда Руслана Людмила заняла готовкой, уборкой — но все равно не могла избавиться от тревоги и волнения. Часто выглядывала в окно гостиной, что выходило на подъездную дорожку, наконец, разглядела за серой пеленой снегопада размытые силуэты, и услышала, как Руслан потопал, отряхивая снег с обуви.

— Как вкусно пахнет!

Людмила вышла в коридор: Руслан уже снял свое пальто и помог Анне. Потом обнял Людмилу за плечи.

— Как же хорошо, что ты дома.

Его слова прозвучали натянуто и немного фальшиво. Или просто показалось.

Анна нервно теребила ручки сумки, пока Людмила не отобрала ее и не поставила на полку.

— Пойдемте ужинать. Сама соскучилась по дому. Ненавижу больницы.

— Родная, я обещаю, это в последний раз. Больше не позволю такого...

Людмилу покорило от этих слов Руслана. Она посмотрела ему в глаза, долго, пристально, пытаясь понять, правильно ли его поняла. И так надеялась, что ошиблась.

Руслан смутился и попытался неловко пошутить:

— Верно говорят: сапожник без сапог. Чтобы не страдала моя репутация, будем лечить тебя амбулаторно.

— Может вообще не надо больше лечить? Можно я просто буду жить. Спокойно, - выпалила Людмила на одном дыхании и сама удивилась, как резко это прозвучало Руслан удивленно вскинул брови, Анна вздрогнула, как от удара.

Людмиле стало стыдно перед подругой. В этом абсурдном и болезненном треугольнике, созданном злой волей покойного Шталя при участии Руслана, Анна была самым слабым звеном, бесправной вещью.

Ужинали молча. Звякала посуда, громко тикали часы, Дарик вздыхал, стучал хвостом, переходил от одного к другому, но хорошее воспитание не позволяло ему скулить и лаять. Наконец, пес понял, что ничего не перепадет со стола, и со скорбным вздохом отправился к себе на лежанку, одарив напоследок хозяев и гостью долгим взглядом с немым укором.

После ужина Людмила взялась убирать посуду, Анна вскочила, чтобы ей помочь.

— Оставьте. Сначала поговорим, — приказал Руслан.

Анна тут же оставила тарелки, села, опустила голову и сложила руки на коленях. Людмиле стало тошно от этой безмолвной покорности. «Она не виновата, — упрекнула Людмила себя, — такой сделал ее Шталь».

— Ну хорошо. Хотя убрать посуду — минутное дело.

Руслан усмехнулся. Потом обратился к Анне:

— Мила хотела предложить тебе переехать к нам. Хотя бы на время, пока не восстановится окончательно. Что скажешь?

Девушка подняла голову и удивленно посмотрела на Людмилу.

— Я... не знаю... так неожиданно...

Анна выглядела совершенно сбитой с толку.

— У тебя же нет работы? — спросила Людмила и накрыла ее ладонь своей.

— Нет.

— Ну вот. Будешь помогать мне. Это ненадолго. А потом подыщем тебе занятие.

Анна беспомощно посмотрела на Людмилу, перевела взгляд на Руслана и тут же, смутившись, опустила глаза.

Людмила вдруг поняла — им нужно поговорить наедине.

— Милый, выведи собаку.

Руслан посмотрел на нее внимательно, но спорить не стал. Молча встал, пошел в коридор, обулся, надел куртку и позвал Дарика. Пес радостно метнулся на голос хозяина. Хлопнула дверь, и Людмила с Анной остались одни.

Несколько секунд они сидели молча. Людмила подбирала слова, чтобы объяснить подруге, что они должны стать теперь не просто друзьями, сообщниками.

— Анечка, так будет лучше для всех. Поверь мне, — сказала Людмила очень тихо, только для подруги.

Анна напряженно молчала и скручивала салфетку в тугий жгутик.

— Подумай сама, — продолжила Людмила. — Тебе нужна поддержка, мне тоже. Вместе мы справимся. Ты мне доверяешь?

Анна тихо всхлипнула.

— Я не знаю... У меня будто душу вынули. Как часы остановились внутри. Остановились, когда Мастер... ушел.

Людмила смотрела в ее отчаянные, полные слез глаза. Горло перехватило от острой жалости и сочувствия.

Она обняла подругу за плечи.

— Доверься, мы справимся, — горячо шептала на ухо, а слезы катились и катились по щекам, капали на скатерть, на неубранную посуду.

Хлопнула входная дверь, в дом ворвался Дарик, остро запахло мокрой собачьей

шерстью, морозом и снегом. Следом вошел Руслан, отряхнул с капюшона куртки снег, и застыл в прихожей.

Людмила сидела на диване, Анна тихо плакала у нее на плече. Руслан постоял немного и молча прошел в кухню — ставить чайник. Заглянул в зал, вопросительно посмотрел на Людмилу — она отрицательно покачала головой.

— Можно мне... домой, — всхлипнула Анна.

— Вряд ли сегодня мы сможем выбраться. — Руслан произнес это неожиданно мягко, будто извинялся. — Машину-то бросили в начале улицы. И теперь ее уже засыпало, наверное, до крыши.

Но Анна все равно вздрогнула от звука его голоса. Людмила крепче обняла ее за плечи.

— Иди, разбери постель в гостевой. Анечка останется. Хотя бы до завтра.

Этой ночью Людмиле не снились кошмары. Она лежала с открытыми глазами на плече у Руслана, боялась пошевелиться, чтобы не спугнуть давно забытое ощущение уюта и спокойствия, вслушивалась в тишину, а снегопад продолжал укутывать дом в белое ватное одеяло.

Утром ее разбудил тарахтящий на весь поселок трактор.

Руслана уже не было. Людмила нехотя вылезла из-под теплого одеяла, закуталась в махровый халат и спустилась вниз. Дарик поднял голову, спрыгнул с лежанки и потрусил на кухню.

— Забыл тебя покормить хозяин? — спросила Людмила. — Или пытаешься схитрить?

Пес преданно смотрел в глаза и мел хвостом.

— Ладно, будем считать, что убедил.

Людмила включила кофемашину, через несколько минут волшебный аромат кофе наполнил кухню.

— Доброе утро...

Анна вошла, присела на краешек стула начала теревить краешек скатерти.

— Доброе! — бодро отозвалась Людмила, — сейчас кофе будет. Что будешь на завтрак?

— Не смогу, — сказала Анна невпопад и опустила голову. Тонкие пальцы заплетали бахрому скатерти в косички.

Людмила поставила перед подругой чашку с кофе и села напротив. Какое-то время они сидели в молчании. Дарик подошел, положил Анне на колени голову. Девушка бросила заплетать косички и погладила собаку.

— Иди на место, — строго сказала Людмила.

Дарик горестно вздохнул, отошел несколько шагов, оглянулся, словно надеялся, что хозяйка передумает.

— Место, — повторила Людмила. Еще один шумный вздох, укоряющий взгляд из-под сдвинутых «домиком» бровей, цокание когтей по паркету — и Людмила с Анной остались одни.

— Не спала почти до утра, — тихо сказала девушка. — Думала. Так и не поняла... зачем?

— Что зачем, Анечка?

Людмила почувствовала, что нужно дать Анне выговориться, раскрыться. Она знала по себе — как это больно, когда внутри все смерзлось в каменный комок.

— Мне лучше уехать.

Снова бахрома стала превращаться в тугие косички.

— Совсем. К родителям, в Кингисепп. Только не знаю...как сказать...ему.

Анна совсем смутилась.

— Спасибо тебе, — просто сказала Людмила.

— За что? — удивилась девушка.

— Что не назвала Руслана «господин».

Анна посмотрела отчаянно, губы ее дрогнули.

— Не плачь. Ты ни в чем не виновата.

Анна упрямо покачала головой.

— Виновата. Нужно было отказаться.

— Это мой муж должен был...

Людмиле было больно и обидно за девушку, из которой Шталь сделал безвольную игрушку. Эта безмолвная покорность, привычка винить во всем себя въелась, будто угольная пыль в лицо шахтера. Возможно ли это изменить? Но другого выхода нет. Ни для Анны, ни для нее.

Новый год, до которого вроде было еще целых две недели, как всегда подкрался неожиданно. Тридцатого числа утром вдруг оказалось, что не все подарки куплены, праздничное меню не продумано и нет самого главного — елки.

К счастью была суббота, и Руслан был немедленно отправлен в город со списком покупок и продуктов, в том числе и хвойного чуда.

Людмила и Анна с энтузиазмом занялись уборкой, Дарик был изгнан на улицу, чему был несказанно рад, носился по рыхлому свежевывапавшему снегу, взрывал искрящиеся фонтанчики из-под лап, радостно лаял словно щенок. Людмила вдруг ощутила то давно забытое ожидание чуда и праздника, робкую надежду, что все еще образуется.

Ближе к обеду Анна вошла на кухню, присела на краешек стула и сказала:

— Можно тебя попросить об одолжении?

Людмила посмотрела на нее удивленно:

— Конечно можно! О каком?

Тонкие пальцы девушки снова принялись мучить бахрому скатерти.

— Попроси, пожалуйста, отпустить меня к родителям. Не хочу вам мешать. Антошка ведь придет. Новый Год нужно встречать с семьей.

Людмила хотела возразить, что Анна — тоже не чужая, но передумала.

— Спасибо, — сказала она просто.

Руслан вернулся к пяти часам, усталый, с кучей пакетов, бросил их в гостиной и снова ушел в гараж и принес укутанную в зеленую сетку елку и ведро с песком.

Сетку разрезали ножницами, ель расправила мохнатые колючие лапы, согрелась и запахла. Людмила вдохнула этот ни на что не похожий аромат детства и праздника и чмокнула мужа в щеку.

— Какой ты молодец! Просто прелесть! А я думала, ты купишь искусственную.

— Я же помню, что ты их ненавидишь, — улыбнулся Руслан и обнял Людмилу.

— Только она такая огромная...чем наряжать то будем?

— Ну вот, — расстроился Руслан, — елочных игрушек в списке не было! Ну да ладно, завтра Антошку встречать поедем и купим.

— Точно! — Людмила вспомнила о просьбе подруги. — Заодно подбросим Анну до автовокзала на Обводном.

Руслан посмотрел на жену, потом на Анну — девушка смутилась и опустила глаза. Усмехнулся.

— А ты что, против? — Людмила настороженно заглянула мужу в глаза. — Новый Год — семейный праздник...

— Нет, конечно, это отличная идея — Новый Год с родителями. Ты умница.

Он осторожно коснулся губами виска Людмилы.

Пообедали втроем, и впервые за все время, что Анна жила в доме, за столом не было напряженного молчания. Шутили, смеялись, вспоминали разные истории, бородастые анекдоты казались смешными. А после обеда Людмила решила не ждать до завтра и нарядить елку. Уж очень хотелось увидеть ее в праздничном убранстве. Вспомнила детство, достала фольгу, старые бусы, в ход пошли мандарины, яблоки, орехи, конфеты. А на верхушку проволокой прикрутили соломенного ангела с ажурными крыльями, игрушку, привезенную Татой из Праги.

Елка получилась волшебной. А в сочетании с горящим камином смотрелась настоящей рождественской открыткой.

Не хватало только огоньков. Людмила в азарте собралась было закрепить на ветках свечки для торта, но Руслан категорически запретил.

— Только пожара нам и не хватало. Завтра купим светодиодную гирлянду.

Утром все отправились в Питер, Анну высадили у метро «Лиговской проспект», она пообещала позвонить, как доберется и вернуться к Рождеству. Заскочили в «Галерею», Людмила выбрала самую красивую гирлянду из ажурных снежинок, а Руслан купил две бутылки «Асти Мондору», за что был обозван транжирой.

До прилета Антошки успели заехать к Людмилиной маме, вручить подарок — увлажнитель воздуха (чтобы ее любимым цветам было комфортно зимой), потом на Разночинную, к Сикорским-старшим, Мария Ивановна загрузила их пакетами с пирожками для внука, банками с вареньем. Руслан ворчал, что теперь вещи Антошки не влезут в багажник и грозился выкинуть все прямо в аэропорту.

В Пулково приехали за целый час до рейса из Праги. Зал прилета был полон разношерстной публики: встречающих с цветами, табличками, таксистов, нагловатого вида теток, предлагающих жилье внаем. Людмила нервничала, что в этой толпе не разглядит сына. Но вот объявили о прибытии рейса из Праги, еще несколько мучительных минут, и вот, наконец, она увидела Антошку, подросткового, раздавшегося в плечах, с рюкзаком и сумкой для ноутбука.

Людмила стиснула в объятиях сына, горло перехватило, выступили слезы на глазах.

— Привет, мам, — смущенно пробасил он, — Я так скучал...

Людмила усадила Антошку рядом с собой на заднее сиденье, хотя он попытался протестовать — хотел рядом с отцом, на переднем. Но выпустить руку сына было выше ее сил, и Антон сдался. Людмила так и держалась за него до самого дома, будто боялась, что он потеряется.

Руслан открыл дверь, и Дарик выскочил навстречу, моментально почувствовав в Антошке своего, поставил ему лапы на плечи и бесцеремонно облизал лицо:

— Дарик! Фу, — выругала его Людмила. Пес послушно отошел и переключил свою бурную радость на вошедшего следом Руслана.

— Ух ты, какой классный! На фотках и по скайпу казался меньше.

Антон присел на корточки перед псом, гладил его по голове, по ушам, а Дарик опять

принялся самозабвенно лизать ему щеки.

— Ну вот, ты и дома, — Руслан похлопал сына по плечу, — вымахал то как! Ну давай, проходи, чего в коридоре.

Людмила смотрела на эту радостную кутерьму и тихая радость, почти забытая разгоралась в душе словно свеча.

— Елка! Огромная! Здорово! — раздался из гостиной восхищенный голос сына. — А пахнет как вкусно!

— Голодный! Сейчас, сейчас, — Людмила поспешила на кухню.

За столом Антошка взахлеб рассказывал о своих новых друзьях, о преподавателях и вечеринках, о выставках и студенческой газете. Говорил, что чешский смешной и понятный и он все понимает и почти привык на нем говорить. А если не хватает знаний чешского — все знают английский. Людмила слушала, кивала, отвечала что-то иногда невпопад. На самом деле она просто любовалась своим уже таким взрослым мальчиком и впитывала звук его голоса, будто запасаясь им на время скорой разлуки.

А потом была волшебная Новогодняя ночь. На сказочный, и так засыпанный снегом сад падали все новые и новые белые пушистые хлопья, сияла огнями елка, еле-еле нашли в саду шампанское, что где оно охлаждалось вместо холодильника (Руслан уверил, что так гораздо романтичнее). Вслух считали удары курантов, едва не разбили пробкой люстру.

Празднично и загадочно шуршала блестящая упаковочная бумага, когда они открывали подарки. Дарик, сдвинув страдальчески брови, сидел, наряженный в красную шапку с белым помпоном, и ждал в награду кусочек пиццы. Потом в саду Руслан с Антошкой запускали фейерверки, валялись в снегу, кидались снежками, замерзли и отогревались горячим чаем у камина.

Утомонились под утро, Антошка хотел встретить первый рассвет нового года, но уснул прямо в кресле перед окном. Людмила еле растолкала его, чтобы он перебрался в свою комнату в постель.

Так хорошо ей не было уже давно. Людмила боялась дышать и двигаться, чтобы не спугнуть это счастье, прижималась теснее к мужу и старалась не уснуть, чтобы эта необыкновенная ночь не кончалась.

Людмила смогла удержать это ощущение волшебного праздника еще три дня. Время прошло в перемещениях от профессорской квартиры родителей Руслана, с аппетитным ароматом пирогов и ежевичного варенья и немного пыльным запахом старых книг, до небольшой квартирки Людмилиной мамы, уставленной живыми цветами и заваленной бухгалтерскими документами, с которыми она работала дома. Антон, счастливый и смущенный, задаренный подарками и заласканный истосковавшимися по внуку бабушками и дедушкой, в десятый раз рассказывал о колледже, новых друзьях, преподавателях и студенческой газете, едва дыша, отползал от стола, ломившегося от всяких вкусностей.

Утром четвертого Руслан отвез Людмилу и Антошку к бабушке Тане, которая решила непременно устроить внуку незабываемый шопинг — купить все, что он только пожелает. Людмила попробовала возражать, но безуспешно, и сдалась, взяв с сына тайное обещание не разорить бабушку.

Руслан от участия в этом занимательном мероприятии отказался категорически и сказал, что займется пока разбором бумаг в офисе Шталя. Помещение нужно было освободить сразу после новогодних каникул. Мебель уже почти всю распродали и вывезли, остался лишь архив. Услышав про это, Людмила вдруг поняла, что ей очень хотелось бы покопаться в архиве доктора. Но переступить порог его офиса в Доме-Сказке было выше ее сил.

Звонок от Руслана застал их в пиццерии.

— Я закончил с бумагами. Вы там как, готовы ехать домой?

— Сейчас спрошу у главного, — ответила Людмила. — Антош, как, может с собой заказ заберем?

Антошка выразительно посмотрел на Людмилу и отрицательно помотал головой.

— Главный не хочет, пиццу еще не принесли, и бабушка Таня еще не все магазины скупила. Поезжай сам, мы такси возьмем.

— Ну как знаете, — согласился Руслан. — Если что — звоните.

Домой они вернулись под вечер. Уже почти совсем стемнело, густо-синие январские сумерки быстро погасили низкое зимнее солнце, зажглись фонари и нарисовали на фиолетовом снегу желтые круги. Антошка, нагруженный пакетами, пошел сразу в дом, а Людмила задержалась, чтобы расплатиться с таксистом.

Открыла дверь, вошла в прихожую и замерла: из гостиной донесся возбужденный голос сына, а потом звук пощечины.

Людмила похолодела от нехорошего предчувствия и шагнула из коридора в полутемную комнату.

В гостиной, заставленной картонными коробками с канцелярскими папками, она увидела сына: злой, встрепанный, красный, он держался на щеку, и Руслана, взбешенного, с белым от ярости лицом. Анна, закрыв руками лицо, сидела на полу около дивана.

— Что здесь случилось? — спросила она тихо, уже понимая, что произошло что-то страшное.

Антон посмотрел на нее отчаянно и убежал наверх, хлопнув дверью своей комнаты так,

что она едва не слетела с петель.

— Что здесь случилось? — повторила она, обращаясь к Руслану.

Он уже попытался взять себя в руки, хотя еще тяжело дышал от гнева, а его глаза словно выцвели.

— Ничего страшного, — процедил он сквозь зубы. — Мне нужно отвезти Анну домой.

Подав ей руку, он помог девушке подняться с пола и увел в прихожую.

Людмила поняла, что сейчас ответов от мужа не получит, поднялась наверх и постучала в дверь комнаты, в которой закрылся Антон.

— Сынок? Открой, пожалуйста! — попросила она тихо.

Сначала из комнаты доносились лишь сдержанные всхлипы. Потом он протопал к двери и открыл ее.

Она вошла и попыталась обнять сына. Но он отстранился и бросился на кровать, зарывшись лицом в подушку.

Она присела рядом и осторожно погладила его по спине.

— Милый? Что такое? Что у тебя с отцом произошло?

Антон упорно молчал, но уже подавил всхлипы.

— Ну не хочешь говорить и не надо, — сказала Людмила, делая вид, что уходит, — тогда я спрошу у него.

— Он соврет, — глухо произнес Антон.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что он тебя обманывает.

— Не говори глупостей! — сказал Людмила почти сердито. — С чего ты взял?

— Анна... Она... Он... — он снова вдохнул глубоко, будто подавляя всхлип, потом собрался с силами и выпалил, — почему она тогда стояла перед ним на коленях?

Антон все-таки не сдержался и снова всхлипнул.

— Что ты сказал отцу? — спросила тихо Людмила, и почувствовала, как ее сердце падает в пустоту.

— Что он не смеет тебя обманывать! — выкрикнул зло Антон.

— И отец тебя ударил по лицу, — закончила за него Людмила.

И тут Антон прижался к ней, всхлипнув снова, и горячо зашептал:

— Мамочка... мама... ты... ты у меня одна... Слышишь? Одна... Чтобы не случилось, я всегда буду с тобой! Всегда... Всегда на твоей стороне!

Людмила с трудом сдержала слезы.

— Тише... тише, — она гладила его по спине, — ты все не так понял. Все хорошо. Никто никого не обманывает. Успокойся. Анна просто моя подруга! И ты ее давно знаешь. Она хорошая!

— Анна... — он никак не мог успокоиться, — она хорошая... Отец... он... он ее заставлял... Он с ней говорил таким тоном... и она... называла его: "Господин".

— Милый, — Людмила едва сдерживала слезы, сжав зубы от злости на мужа, — они просто шутили!

Вдруг Антон перестал рыдать и посмотрел ей прямо в лицо.

— Мам, — сказал он серьезно, и у нее стало горячо в груди, — я давно не ребенок. Если ты хочешь, я поверю, что они просто шутили. Сделаю вид, что поверю. Если тебе так будет легче.

И снова обнял ее, крепко-крепко, до боли.

Вечер прошел почти в полном молчании. Антон, угрюмо уставился в свой ноутбук, вставив в уши наушники. Людмила устроилась в кресле с книгой. Руслан беспорядочно переключая каналы телевизора, — на диване. Дарик, ощущая своим собачьим чутьем повисшее напряжение, беспокойно переходил от одного к другому, поскуливая и заглядывая в глаза.

Наконец, все отправились спать.

Перед тем как уйти к себе, Людмила зашла к сыну, поцеловала, пожелав спокойного сна, а потом постучала в спальню к Руслану.

Он сидел на кровати, опустив голову на руки.

— Тебе не кажется, что ты должен объясниться со мной. И с сыном.

Он вздохнул. Поднял голову и посмотрел на нее. В его глаза было больно смотреть.

— Прости меня... — шепнул он еле слышно. — Прости... То, что произошло... это... ужасно... непозволительно...

— Почему? — спросила она с горечью, — почему надо было ждать приезда сына?

— Я не ждал, — он снова опустил голову, не в силах смотреть ей в глаза. — Я попросил Анну приехать, помочь с бумагами. Мы разбирали в гостиной документы... а потом... Это случилось... спонтанно.

— Спонтанно? — она презрительно усмехнулась. — Спонтанно ты приказал своему сабу на глазах у твоего несовершеннолетнего сына встать на колени? Ты слышишь себя сам?

— Это не так... не так... мы же одни были... — каждое слово будто жгло ему губы. — Я не собирался... ничего такого... Это... помутнение... я не смог...

Внезапно он вскочил и схватил ее за плечи, больно впившись пальцами:

— Ты... ты не понимаешь... — зашептал он ей прямо в лицо, задыхаясь от боли и стыда, — я... схожу с ума... меня просто разрывает на части... это невыносимо...

Он отпустил ее также внезапно и отошел к окну, схватившись за голову.

Людмилу переполняла злость, горькая обида, она ощущала себя преданной, растоптанной, уничтоженной. Но где-то в глубине больно пульсирующего сердца ей было жаль его. Она впервые в жизни видела своего сильного, спокойного, уверенного в себе мужа в таком смятении, подавленным и растерянным. Но простить его сейчас она не могла.

Сглотнув наворачнувшиеся на глаза слезы, она как могла твердо произнесла:

— Это тебя не извиняет. Завтра ты поговоришь с сыном. И меня совершенно не заботит, что ты ему скажешь в свое оправдание.

Закрыв за собой дверь, она прошла в спальню и упала лицом в подушки. До самого утра она не сомкнула глаз, сжимая кулаки и пытаясь не стонать от боли, что разрывала ее грудь. И от этой боли не было лекарства.

В голове у нее до самого утра крутилась мутная, как грязная вода, воронка, из которой память выхватывала отдельные фразы, мысли, картинки. Она слышала снова слова Анны: "Если мой Господин захотел кого-то еще — это моя вина и мое несовершенство", и видела ее, покорно опустившую глаза, на коленях перед своим мужем, в ее ушах звучал срывающийся шепот Руслана: "Я схожу с ума... это невыносимо", грустно качала головой мама: "Больная жена никому не нужна... Ты должна целовать ему руки...", и снова пробивала дрожь от властного голоса, уже не Руслана, Кукловода: "Я испытываю потребность в доминировании... Не хочу это потерять... Наши жесткие хард-лимит — супружеская верность". Она ощущала себя загнанной в бесконечный ледяной лабиринт, из которого не было выхода. Ей вдруг стало казаться, что она — ненужная старая кукла. Игрушка, из

которой выросли дети. Забытая на чердаке, пыльная и потрепанная. Но внезапно она увидела отчаянные, наполненные слезами глаза сына и услышала его хриплый голос "Мам... ты у меня одна... я всегда буду на твоей стороне..."

Она вцепилась в это воспоминание будто в спасительную соломинку, что не давала этому мутному смерчу увлечь в пучину безумия.

К утру она приняла решение. Но озвучить его мужу решила только после отъезда сына.

После завтрака, также прошедшего в полном молчании, нарушаемом только тихим поскуливанием Дарика, выпрашивающего кусочек пиццы, Руслан увел Антона к себе в кабинет. Они беседовали довольно долго. Людмила, чтобы не поддаваться искушению подслушивать, оделась и вышла в сад, выпустив собаку.

Она села на скамейку в беседке и рассеянно наблюдала за тем, как носится Дарик, взрывая снег, зарываясь в сугробы по самые уши. Потом из дома вышел Антошка, посмотрел не нее, вдруг улыбнулся и присоединился к псу в его веселой беготне. Следом на крыльце появился Руслан, застегивая куртку. Какое-то время он наблюдал за возней сына и собаки, а потом спустился по ступенькам, скатал рыхлый снег в снежок и запустил им в сына. Снежок попал Антошке в шею, снег засыпался за воротник, он обернулся, посмотрел на отца возмущенно, но потом мстительно ухмыльнулся и скатал свой и запустил им в Руслана. В ответ он получил еще один "снаряд", прямо в грудь. И естественно не остался в долгу. Дарик метался между ними, пытаясь поймать на лету снежки, и радостно лаял...

Уставшие, вымокшие до нитки, но умиротворенные, они сидели в гостиной перед камином, и пили чай с пирогами.

Антошка еще косился на отца, но казалось, что мир и спокойствие в семье были восстановлены. Людмила смотрела на двух своих самых родных и любимых мужчин, таких похожих и таких разных, и вдруг отчетливо поняла, что не может позволить разрушить это все. Никому. Она подумала, что принятое ею за ночь решение — единственно верное. Она должна сохранить этот теплый, хрупкий мирок любой ценой.

Последние два дня перед отлетом Людмила почти не расставалась с сыном, словно хотела впрок насмотреться, надышаться им, впитать кожей тепло его рук. Само собой получилось так, что и Руслан, и Анна, и произошедшее накануне ушли на второй план, скрытые будто сценическим задником скорой разлукой с Антоном.

Вечером накануне отъезда сын собирал вещи, а Людмила сидела на кровати, прижимая к груди плюшевого мишку, с которым Антошка спал в обнимку, когда был маленьким.

— Мам, ну чего ты...

Сын заглянул в лицо Людмиле и сел рядом, уткнулся в плечо.

Она бросила на кровать игрушку и стиснула Антона.

— Мамуль, ну до лета всего. И скайп же есть...

Антошка деликатно высвободился из объятий.

— Ничего не забыл? — Людмила изо всех сил старалась не разреветься. — И к тете Тате обязательно заходи почаще. Она звонила, ругалась, что ни разу не пришел. И вообще предлагала переехать к ним из общежития. Злата мечтала с тобой встретиться.

— Ма, ну в общаге веселее же! Друзья... К Тате схожу. Златка классная девчонка, мы уже познакомились.

— Хорошо... что ты не один...

Голос у Людмилы дрогнул.

Антон бросил запихивать свитер в сумку, подошел к Людмиле и сел перед ней на корточки, заглядывая в глаза.

— Мам, — сказал он тихо и серьезно. — Он сказал, что это была глупая шутка. И что он сожалеет. И больше никогда тебя не обидит.

— Да, сын, конечно не обидит.

И все-таки расплакалась.

В аэропорту Антон по-мужски сдержанно попрощался с отцом, пожал ему руку, а Людмила прижала сына к себе и долго не могла отпустить, пока он не заворчал недовольно о том, что опоздает на рейс.

Уже уходя, он вдруг обернулся и сказал ей тихо:

— Я люблю тебя, мам.

— Я тоже тебя люблю, — ответила Людмила и почувствовала, как по щеке катится слезинка. Она смахнула ее перчаткой и так и стояла, не в силах оторвать взгляд от уходящего Антона.

Руслан осторожно тронул ее за локоть.

— Пойдем?

Они доехали до дома в неловком молчании. Руслан бросал на жену осторожные взгляды, а она демонстративно смотрела в окно, на празднично украшенный город, еще не успевший отойти от Новогоднего и рождественского безумия.

Дома они все так же молча пообедали, и Людмила загрузила в посудомоечную машину грязные тарелки. Потом уселась в свое любимое кресло и взяла в руки книгу, но читать не смогла. Так и смотрела невидящими глазами на раскрытые страницы. Дарик со вздохом улегся на свою лежанку. Он какое-то время еще приподнимал домиком брови, делая вид, что все также следит за порядком, но вскоре уже спал, уютно положив голову на лапы.

Руслан ерзал на диване, то брал в руки какой-то журнал, то бросал его на журнальный столик, то включал телевизор и начинал бессмысленно переключать каналы.

Она чувствовала его напряжение и неловкость. Но непривычное безразличие будто окутало все эмоции липким серым туманом. Людмиле не хотелось ничего: ни разговаривать, ни смотреть на Руслана, ни слушать его. Встать бы и уйти... Но даже на это не было сил. Будто в механической игрушке кончился завод. И некому покрутить заветный ключик, чтобы кукла снова начала танцевать.

Наконец, Руслан не выдержал.

— Мы так и будем молчать? — спросил он тихо и виновато.

Она не ответила.

Руслан встал. Подошел к Людмиле сзади и положил руку на плечо. Она ее не скинула. Но и не прижалась к ней щекой, ласкаясь, как делала всегда. Спокойно и медленно захлопнула книгу, отложила подоконник. Пристально посмотрела мужу в глаза.

Руслан не выдержал ее взгляда и сник.

— Я не знаю, сможешь ли ты меня простить, — наконец выдавил он, — ...у нас ничего не было...

— Не важно, — ответила она спокойно, снова удивляясь своему равнодушию. — Не было, но могло быть. Если бы не помешал Антон. Ты ей приказал. Она бы исполнила. Хуже было бы, если бы сын вошел в самый разгар веселья.

Руслан вздрогнул, словно от пощечины.

— Ничего бы и не было, — сказал он глухо, — Анна... она отказалась...

Людмила изумленно посмотрела на него.

— Отказалась? Надо же...

Она почувствовала что-то, отдаленно напоминающее гордость за свою подругу. Послушная, покорная Анна, выдрессированная Шталем до автоматизма, практически зомбированная, слушалась своего господина! Все-таки не прошли даром ее долгие разговоры по душам с Анной.

— И ты ее не наказал? — спросила Людмила не без сарказма.

— У нас нет отношений дом-саб, — простонал Руслан. — Я не обманывал тебя!

Людмила посмотрела на него скептически.

— Тебе не кажется, что в последнее время ты постоянно говоришь одно, а делаешь другое?

Руслан схватился за голову и стал нервно расхаживать по комнате.

— Я не понимаю только одного, — вдруг сказала Людмила грустно. — Зачем тебе эти сложности?

Он остановился и посмотрел на нее:

— О чем ты?

— Я не могу больше дать тебе всего, в чем ты нуждаешься. Ты не можешь от этого отказаться. Так зачем продлевать эту ненужную агонию?

Руслан опустил голову и хрипло спросил:

— Ты хочешь уйти?

Людмила помолчала, прислушиваясь к себе, все еще сомневаясь в правильности принятого уже решения. Все правильно, правильно. Это единственный выход.

— Нет, — просто ответила она.

Руслан посмотрел на нее растерянно.

— Если, конечно, ты этого не хочешь, — добавила она тихо и сжала зубы от боли, которая на мгновение проступила сквозь апатию, будто кровь через повязку на ране.

Руслан вдруг подошел и поднял ее с кресла, прижимая к себе:

— Как я могу хотеть! Я люблю тебя! Так сильно...

Людмила мягко высвободилась и отошла к окну.

— Любишь меня. Хочешь ее. Знаешь, это так странно.

— Я не хочу ее... — голос Руслана дрогнул, — нет... не так... просто я не могу, пойми же... я живой человек... у меня есть потребности...

— Которые я не могу удовлетворить, — закончила за него Людмила. — А кто, по-твоему, я? Кто я для тебя? Кукла, в которую ты больше не можешь играть, потому что боишься сломать?

— Ты моя жена, — ответил он тихо, — мать моего сына. Любимая, единственная, желанная...

— Не надо, — попросила она, — не надо.

Он смолк и смотрел на нее отчаянно, будто пытался убедить в том, во что сам не верил.

— Это я виновата, — продолжила Людмила, из всех стараясь, чтобы голос не дрожал. — Это я притащила нас в офис Шталя. Это я не смогла вовремя остановить все это, пока еще не стало слишком поздно. А ведь Анна мне говорила, предупреждала. А я все наивно верила — Игра останется только в студии. Оказывается, нет. Мы отравлены Игррой. Шталь как-то мне сказал, что правила устанавливают игроки. Старый лис... Он-то точно

знал, что это не так. Правила устанавливает Игра. И по этим правилам я битая карта. Но Игра продолжается. И у тебя есть новая игрушка.

Руслан смотрел на нее, не отрываясь, недоумевал, не понимал, надеялся и не верил.

— Нет, — наконец произнес он осторожно, будто боялся спугнуть ее решение, — ты же не хочешь сказать, что я и Анна...

Повисла пауза. Они смотрели друг на друга, и каждый из них не хотел быть первым, кто произнесет вслух эти слова.

Людмиле показалось, что остановилось время. Перестали тикать часы в гостиной, перестало биться ее сердце. Мелькнула мысль — это было бы просто замечательно. Перестать существовать. Избавится от этой боли, растворится в безразличном, бездушном тумане, стать ничем. И тут же привычно одернула себя. Малодушная трусиха. Она должна закончить партию, во что бы то ни стало. Должна. Пока есть еще силы.

Вдохнула полную грудь воздуха, будто собралась нырять в холодную воду.

— Ты можешь играть с Анной. Если конечно она согласится, — закончила Людмила и сжалась, ожидая боли. Но боль не пришла. Серый, липкий туман безразличия затопил ее душу окончательно.

— Но ты... — Руслан все еще не верил. — Тебе же больно...

— Мне не больно, — ответила Людмила тихо.

И добавила еще тише:

— Уже не больно.

Снова повисла тишина.

Где-то в самом далеком уголке сердца, там, где еще жила наивная юная Мари, влюбленная в своего сказочного Принца, она надеялась, что он скажет «нет». Но эта надежда была такой слабой, такой хрупкой...

Людмила вслушивалась в тишину, и сквозь нее все явственнее проступал тоненький и едва уловимый хрустальный звук... Это замерзала, прорастала острыми иглами, превращалась в лед, та самая, последняя надежда.

Руслан молча подошел к ней сзади и обнял за плечи. Людмила не сопротивлялась, безвольно отдаваясь его рукам. Он взял ее раскрытую ладонь и прижался к ней губами. Она впервые не почувствовала ничего.

Позвонить Анне Людмила решила сама.

— Если это будешь ты — выйдет двусмысленность. Словно у нее нет выбора, — заявила она Руслану спокойно и решительно.

— Ну я хотя бы съезжу...

— Нет, — твердо ответила Людмила. — Не смей на нее давить!

Анна не взяла трубку. «Видит мой номер и специально не отвечает, — подумала Людмила.

— Дай свой телефон, — потребовала она у Руслана.

Он нахмурился, но спорить не стал.

В телефоне Руслана Анна значилась под своей фамилией Черкасская. Людмила нажала вызов. Ровно три гудка...

— Слушаю.

«Она не назвала его «Господин», — подумалось Людмиле.

— Анечка, это Людмила. Хотим пригласить тебя к себе. Есть разговор. Приедешь?

В динамике повисло напряженное молчание, только еле слышно потрескивали помехи.

— О чем?

Людмила ответила не сразу, тщательно подбирая слова.

— О тебе, обо мне. О Руслане. О нас.

Снова молчание. Секунда, две, три, пять, тик-так, тик-так...

— Хорошо. Я приеду.

Через два часа Людмила смотрела, как Анна сидит на самом краешке кресла, напряженная, будто струна, не поднимает глаз и нервно теревит шарфик — розовый в голубую полоску. Людмила вспомнила, что этот шарфик они купили год назад вместе, разгуливая по «Пассажу». Как раз после возвращения Анны к Шталю. Они обе тогда были так счастливы, так беззаботны.

Снова будто в сердце воткнули тупую ржавую иголку. Вдох-выдох, вдох-выдох... Боль отступила.

Руслан напряженно молчал, не зная как начать этот странный и тяжелый разговор. Людмила, поняла, что эта честь снова принадлежит ей, тихо и спокойно спросила:

— Давай договоримся сразу: ты ни в чем не виновата. И я тобой горжусь.

Анна подняла на нее отчаянные, полные слез глаза.

— Я не... у нас... ничего не было, — пролепетала она, готовая разрыдаться.

Людмила села с ней рядом и сжала ее руку, глядя другой по плечам.

— Не плачь, пожалуйста, — тихо сказала она, — я знаю. Ты отказалась.

Анна всхлипнула и кивнула.

— Потому что не хотела сделать больно мне?

Опять всхлип и судорожный кивок.

— Спасибо, — сказала Людмила тихо и сжала руку Анны.

Потом встала и отошла к окну, посмотрев выразительно на мужа, давая ему понять, что дальнейшее ее уже не касается.

Руслан присел рядом с девушкой и тихо сказал:

— Если хочешь уйти, я тебя отпущу. Как-нибудь уладим все с Райшнером. А если откажется, найдем адвоката, попытаемся доказать недействительность оговорки. Хочешь?

Людмиле хотелось сесть рядом с Анной, поддержать ее, чтобы услышать: «Да! Конечно хочу!»

Но девушка будто оцепенела, на ее лице вдруг отразился такой ужас, будто ей зачитали смертный приговор.

Она сдернула с шеи шарф, словно он ее душил, и заговорила, быстро, сбивчиво:

— Отпустить?! Прогоняете... Я мешаю, конечно... Ну тогда у меня только один выход...

Всхлипнув, Анна закрыла лицо руками.

У Людмилы снова стало горячо в груди. «Неужели... Анна...у нее есть чувства к Руслану?!»

Она совершенно не ожидала такой реакции девушки. Ей казалось, что Анна тяготится этой оговоркой, навязанным ей договором, мечтает о свободе, о новой, другой жизни без рабства, без приказов и ограничений. Но предложение Руслана повергло ее в такой ужас...

— О чем ты? Какой выход?!

Анна опустила руки на колени, несколько раз судорожно вздохнула. Она немного успокоилась, но все равно выглядела потерянной.

— Не знаю, можно ли меня понять, — сказала она грустно. — Наверное, нет. Я очень жалею, что не смогла уйти вместе с Мастером. Как-то он назвал себя моим Создателем. Это правда. Я могу дышать только по одной причине. Я исполняю его волю.

Людмила заглянула Анне в глаза. Там была пустота. Безысходная, абсолютная пустота. Будто из этой девушки вынули душу, и осталась пустая оболочка, что продолжает движение по заданной программе.

— Мастер заботится обо мне, даже оттуда. Я должна получить прощение. За то, что не ушла с ним. Что уже посмела ослушаться. Выполняя его волю, я служу ему.

Чужие слова, сказанные безразличным механическим голосом. Страшные слова. Людмила поняла, что Анна ни за что не уйдет. Ни с деньгами, ни без них. Пока не исполнит завещание Шталея полностью.

Робкая надежда, что девушка откажется от игр с Русланом рухнула.

Людмила вдруг поняла до конца, насколько искалечена психика Анны, как глубоко вбито в нее рабское начало. Птица, выросшая в неволе. Отпусти на свободу — и она погибнет.

Вспомнилась вдруг история, прочитанная в сети на одном из тематических ресурсов, когда еще они с Русланом только начинали знакомиться с Игррой. История девушки-рабыни, жившей в лайф-стайл отношениях и умершей от голода, когда ее топ попал в аварию и пролежал в коме больше двух месяцев. Тогда она решила, что это просто небылица. Но в глазах у Анны был настоящий фанатизм. Людмиле стало по-настоящему страшно.

— Аня... тебя никто не прогоняет, — мягко сказал Руслан.

— А к чему тогда этот разговор? — всхлипнула девушка и снова начала разглядывать ковер под ногами.

Руслан помолчал, поерзал в кресле, потом посмотрел на Людмилу. Она поняла — снова решающих слов он ждет от нее.

— Анечка. Ты знаешь, что мы с Русланом... — Людмила запнулась, подбирая слова, — тоже были в Игре. Но теперь я больше играть не могу.

Анна хотела что-то сказать, но вдруг смутилась, поняв, наконец, к чему клонит Людмила.

— Ты... вы... хотите... чтобы я...

Ее губы задрожали, по щеке скатилась слезинка.

— Но... как же?! Как же ты...

— Это мое решение. Только мое.

Людмила из последних сил пыталась быть спокойной. Не дрогнуть, не разреваться. Не показать, что вчерашнее оцепенение отступало, будто заморозка после посещения стоматолога, опять начинало гореть в груди.

— По оговорке завещания договор заключен на тех же условиях, что и раньше, — проговорил осторожно Руслан.

Анна едва заметно вздрогнула от звука его голоса и еще ниже опустила голову.

— Но я не потребую его выполнения в полном объеме, — голос Руслана стал тверже и громче. — Только сессии раз в две недели, скажем, по пятницам. Можешь пересмотреть и дополнить свой список хард-лимит. Я приму любой. И я оставляю за тобой право уйти в любой момент.

— Хорошо, — шепнула Анна почти беззвучно. — Я согласна.

Людмила замерла у окна, изо всех сил стараясь не расплакаться. Опять в груди разливалась горячая боль. Но Людмила сжала зубы, не желая показывать сейчас своей слабости. Только не сейчас.

Она ушла на кухню, чтобы не упасть в обморок на глазах у мужа и Анны, но еще ловила краем уха, помимо воли, как Руслан продолжил что-то говорить. И его деловитый, воодушевленный тон резал по сердцу хуже осколков битого стекла.

Нащупала на привычном месте в шкафчике таблетки, накапала валокордина, выпила. Впервые за все время ее болезни Руслан не заметил, что ей нехорошо. Не вскочил, как обычно, не бросился за тонометром. Не взял за запястье, считая пульс.

Из дверного проема кухни она видела его: в родных серых глазах блеск и прежняя уверенность, на губах легкая улыбка, слегка снисходительная. Кукловод, присматривающийся к своей новой игрушке. В предвкушении новой увлекательной игры.

Дарик процокал когтями по паркету в кухню. Шумно лакая воду из миски, покосился на хозяйку. Собачье чутье подсказало, что ей нужна поддержка. Подошел и ткнулся мокрой мордой в колени. Она сползла по стене и обняла пса за шею. Теплый шершавый язык слизнул со щеки мокрую дорожку. Мощная светлая энергия доброго бескорыстно любящего существа придавала сил, лечила, утешала. Вдохнув острый пряный запах собачей шерсти, она почувствовала себя лучше. Успела встать на ноги, когда в кухню вошел Руслан.

— Я отвезу Анну домой, — спокойно сказал он.

Потом, наконец, посмотрел Людмиле в глаза и увидел там отголоски истаявшей, как сахар в стакане чая, боли.

— Ты в порядке? — спросил Руслан встревожено и немного с досадой.

— Конечно, — улыбнулась Людмила. — Поезжай. Я пойду спать, не буду тебя дожидаться. Устала.

— Иди, родная, — он легко коснулся губами ее лба. — Слишком много волнений для твоего сердца. Ты выпила лекарство?

Людмила просто кивнула. За жалость, которая мелькнула в его глазах, ей захотелось его ударить. Впервые в жизни.

Но Руслан уже не видел ее, он смотрел на свою новую игрушку. По-хозяйски оглаживая ее взглядом.

Руслан спустился в гараж, а Анна на минуту задержалась в прихожей, провозившись с высокими сапожками-ботфортами.

Людмила вышла из кухни, чтобы запереть за ней дверь.

Анна надела пуховик, замотала шею шарфом, взяла сумочку, шагнула к двери. А потом вдруг обернулась и взяла Людмилу за руку:

— Я хочу, чтобы ты знала. То, что сегодня произошло, ничего не меняет между нами. Ты моя единственная подруга. Я не хочу тебя потерять. Слышишь?

Людмила молча посмотрела ей прямо в глаза, растерянные и полные слез.

— Прости меня, — продолжила Анна. — Я не должна... не должна была соглашаться. Но мне страшно... не могу так... одна... И так хотел Мастер. Я не смею нарушить его волю. Не смею...

Людмила высвободила свою ладонь.

— Я знаю. Знаю. Все будет хорошо.

Она произнесла эти слова машинально, хотя сама в них не верила.

Будущее снова было ледяным лабиринтом, из которого не было выхода. Принятое вчера решение уже не казалось единственно правильным. Точнее Людмила вообще больше не видела никаких решений.

Упав в постель, она чувствовала себя одинокой, разбитой и никому не нужной. Рука сама потянулась к телефонной трубке:

— Алло, мама? Ничего. Все хорошо. Просто хотела услышать твой голос. Как ты?

Тихий мамин голос в трубке успокаивал. Она свернулась в клубочек, прижала трубку к уху, и слушала, как мама жалуется на то, как плохо стало добираться до работы, потому что переехали в новый офис, о том, что опять подорожал хлеб на целых два рубля, о том, что Антошка совсем не звонит, и о соседке, которая развела целую псарню.

Попрощавшись и положив трубку, она еще какое-то время лежала с открытыми глазами, но мысли в голове будто испарились. Вязкая и теплая пустота... В ней так было уютно...

Она не слышала, как вернулся Руслан. Не видела, как он заглянул к ней в комнату, аккуратно прошел к постели, сел рядом и долго смотрел, как она спит. Протянул, было, руку, чтобы погладить по щеке. Но в последний момент передумал. Невесомо прикоснулся губами к волосам. И вышел.

Утром они почти не говорили, и Людмиле постоянно хотелось отдернуть руку, когда случайно прикасалась к Руслану.

Казалось, что за эту ночь ее муж стал другим, незнакомым, чужим.

Первым эту странную и мучительную игру в молчанку не выдержал Руслан.

— Если ты передумала, только скажи.

Людмиле очень хотелось сказать «Да». Но что это изменит?

— Нет.

Она уронила это слово как камешек в воду.

Руслан вдруг отставил чашку с кофе. Сжал ее ладони.

— Я люблю тебя.

Ее сердце стукнулось о грудную клетку. Больно и сильно.

— Знаю.

Он встал и притянул ее за руки.

— Иди ко мне.

Прижал к груди. Дышать стало нечем. Людмила высвободилась из душащих объятий и только тогда смогла вдохнуть.

— Мне нехорошо. Я пойду, лягу.

Руслан тут же метнулся за лекарствами и тонометром. Людмила позволила помочь ей дойти до спальни, померить давление, послушно закатала рукав и вытерпела ненавистный укол.

Руслан заботливо укутал ее одеялом и наклонился, чтобы поцеловать. Людмила ждала обычного поцелуя в лоб, но Руслан вдруг начал целовать ее в губы, нетерпеливо и страстно. Она не оттолкнула его, но и не ответила. И почувствовала нечто похожее на злорадство, когда увидела на его лице недоумение и досаду.

— Отдыхай, — вздохнул Руслан и поцеловал ее в щеку. — Спокойной ночи. Если вдруг будут боли — сразу же зови.

— Позову. Спокойной ночи.

Две недели Людмила заставляла себя не думать о том, что будет в пятницу. Заняла себя

работой по дому, готовкой, часами просиживала в сети в своем блоге.

Большова вдруг вспомнила про нее, прислала ей кучу набросков и другие материалы для большой серьезной статьи про раннюю беременность и роды. Она с удовольствием погрузилась в работу, понимая, как по ней соскучилась. Неожиданно легко пошел текст романа, почти заброшенный. Людмила выкладывала все новые главы, спорила с читателями, правила, выверяла, переписывала куски, снова выкладывала и снова правила. Ей все больше нравилось сбегать в придуманный мир, где герои жили той жизнью, что им дала она, автор.

Руслан изо всех сил старался не показывать своего нетерпения и ожидания. Предельно заботливый, нежный, он пытался предугадать каждое желание. Но Людмила не могла не чувствовать в его заботе все нарастающий азарт. Эта нежность и забота — приторные, фальшивые, были его платой за предстоящее.

Последние несколько дней Людмила все пыталась понять, как переживет эту пятницу. Как будет сидеть в своем любимом кресле и ждать. Ждать возвращения Руслана, зная совершенно точно, что именно происходит в знакомой до сладкой жути студии на Петроградской стороне. Представлять, как его ладонь скользит по нагому телу другой женщины, как хлыст опускается на ее бледную кожу, Руслан целует красные следы и шепчет в восхищении «Розовое на белом... обожаю». Как красивое лицо Анны искажает гримаса боли, которая тут же сменяется наслаждением. Как она извивается от умелых ласк ее мужа, как стонет и кричит. Как обнаженная стоит перед ним на коленях, и ее черные волосы рассыпались по спине. Руслан собирает их в кулак, проводит большим пальцем по полной нижней губе, едва тронутой алой помадой, заставляет открыть рот... А потом они лежат на темно-красном шелке простыней, и Руслан шепчет ей на ухо слова благодарности...

Утром в пятницу за завтраком Руслан прятал глаза, неловко шутил и выглядел точь в точь как нашкодивший Дарик: виноватым и умильным. Людмила закрыла за ним дверь и поняла — она не может так просто его отпустить. Нужно было сделать что-то такое, из-за чего он даже в угаре Игры не сможет забыть о ней.

Мучительно перебирала в уме все возможные варианты, до самых глупых как подсунуть надушенный ее духами платок в карман брюк, или насыпать снотворного в кофе для Руслана, чтобы испортить сессию. Наконец, она придумала.

Позвонила Руслану, и спросила, стараясь изо всех сил не выдать своего волнения:

— Ты заедешь домой после работы?

Руслан помолчал, видимо удивленный и заинтригованный ее вопросом, потом спросил:

— А ты хочешь?

— Да.

И положила трубку.

А потом отправила ему смс-сообщение: «В пять. Дома. И не опаздывай».

Приготовила легкий ужин — любимый салат Руслана «Гранатовый браслет», куриную грудку с шампиньонами. Нашла чудом сохранившуюся с новогодних праздников бутылку белого рейнского.

Закончив с сервировкой, с гордостью окинула взглядом результаты своего труда. Безупречно. Белоснежная скатерть, хрусталь мягко сверкает в дрожащем свете свечей.

Одеваясь в спальне в то самое черное платье, что было на ней во время их первой сессии, она вздрагивала от собственных прикосновений.

Услышала, как подал голос Дарик. Спустилась вниз, облизывая сохнувшие губы и

пытаясь унять предательскую дрожь в коленях.

Руслан замер в дверях гостиной. Потрясенно смотрел на нее, так что ей стало жарко.

— Ты точен, как всегда, — горло пересохло, и она произнесла это чуть хрипло. — Ужин готов.

— Родная...

Руслан все еще не мог прийти в себя.

— Это... великолепно. Ты великолепна.

Людмила победно улыбнулась. Восхищен. Изумлен. Удалось.

Они уселись за стол, напротив. Почти не отрывали друг от друга глаз. Ели молча, она смотрела, как его губы прикасаются к тонкому стеклу бокала, и видела совсем другую картинку. Говорить совсем не хотелось. Слова казались лишними, будто могли разрушить это необыкновенное ощущение молчаливого разговора.

Но вот он посмотрел на часы, вытер губы салфеткой. Аккуратно сложил ее на столе.

— Спасибо, родная. Это было просто неподражаемо. Я поражен.

Встал и подошел к ней. Взял ее руку и нежно поцеловал. В раскрытую ладонь.

— Мне пора. Ложись пораньше. Не жди меня.

И ушел.

Людмила смотрела в окно на то, как выезжает из гаража машина Руслана. Снова в груди было горячо и больно. Но она знала — он будет думать о ней. Все время, что будет с другой — он будет думать о ней.

'Здравствуйте! Предлагаю вашему вниманию психологический любовный роман 'Кукольных дел мастер'...'

Людмила в сотый раз перечитала строчки электронного письма. Проверила, те ли файлы прикрепил. Подвела курсор к кнопке 'Отправить', замерла. Запаниковала, снова открыла файл с текстом, проверить — не поставила ли в заголовке точку. Опять курсор медленно пополз к кнопке отправки.

'Нет. Это безумие. Кому это все нужно?'

Вспомнила, как торжественно обещала френдам в блоге и читателям с литфорума разослать роман именно сегодня. Стало стыдно. Задержала дыхание, прислушалась, как ускоряет ритм сердце, закрыла глаза. Тихий щелчок мыши. 'Ваше письмо успешно отправлено'.

Людмила захлопнула ноутбук, будто боялась, что в ответ на ее письмо из экрана выпрыгнет некто страшный. Размяла затекшие запястья, поглядела на часы: ужинать пора.

Пока накрывала на стол, думала о том, как жаль, что отправленное письмо уже не удалишь. Затея с рассылкой теперь казалась глупой и никчемной.

— О чем задумалась?

Людмила вздрогнула от неожиданности: Руслан подошел так тихо, что она не слышала шагов.

— Так... сделала одну глупость, теперь жалею.

Уклонилась от поцелуя в щеку и усмехнулась про себя, увидев выражение лица мужа.

Сегодня впервые в жизни Людмиле доставляло болезненное удовольствие отвечать Руслану двусмысленными фразами и подолгу держать паузы. Так она наказывала его за попытки делать вид, что ничего не произошло.

Досчитала в уме до десяти и добавила:

— Повелась на уговоры читателей в блоге. Разослала роман. Глупость несусветная. Кому он нужен?

— Ну а вдруг? — сказал Руслан слишком уж воодушевленно. — У тебя толпы поклонников. Еще в очередь за автографами стоять будут.

— Ну да толпы... Салат бери. Хлеб нужен?

— Нет, спасибо.

Снова повисло неловкое молчание, но Людмила совершенно не хотела его нарушать.

Руслан пытался еще несколько раз завести разговор на разные темы, но она отвечала рассеянно и невпопад и он сдался.

Закончив с едой, помог убрать посуду и сказал:

— Пойду Дарика выпущу. Ты рано сегодня ляжешь или опять будешь полночи в сети сидеть?

— А что?

Людмила посмотрела Руслану прямо в глаза. Несколько секунд он боролся с желанием отвести взгляд, но заставил себя выдержать.

— Может фильм какой посмотрим вместе?

— Не хочется, — ответила Людмила и позвала собаку, — Дарик, гулять!

Загрузила посуду в машину и засмотрелась в окно на резвящегося пса, потом заметила мужа. Руслан стоял на крыльце, он запахнулся в куртку, поднял воротник, спрятал руки в карманы, сгорбился. Нелепый, потерянный. Непривычная жалость к нему обожгла сердце.

Вдруг ей стало стыдно за свою злость и обиду на мужа. Тем более, что он совершенно не выглядел счастливым и довольным.

Но поделаться с собой она ничего не могла.

Открылась дверь, протопал Дарик, довольный и весь в снегу. Людмила насыпала ему корма в миску, налила воды.

Руслан тем временем включил телевизор, уселся на диван, и, когда, было, она направилась наверх, удержал ее за руку.

— Побудь со мной. Не злись.

— С чего ты взял, что я злюсь? — ей снова стало стыдно, что Руслан почувствовал ее раздражение. — Весь день прождала, когда ты из кабинета своего выйдешь. Сто лет там не убиралась. Все пылью заросло.

— В кабинете? — Руслан смутился.

— А что? — невозмутимо спросила Людмила. — У тебя секреты от меня?

— Какие еще секреты, — отмахнулся Руслан с досадой. — Только журналы не перевороши. Там закладки вывалятся.

— Не трону я твои журналы.

В кабинете Людмила вытирала пыль с книжных полок, обмахивала метелкой книги и статуэтки, и все поглядывала на сложенные в углу коробки с бумагами Шталя. Они так и стояли не разобранными. Только верхняя была распечатана, а на рабочем столе лежала раскрытая толстая тетрадь в потрепанной темно-красной обложке.

Людмила посомневалась немного и все-таки решилась взять ее в руки.

Почерк Шталя, витиеватый, каллиграфический, она узнала сразу.

'Истинное мастерство Верхнего заключается в том, чтобы Нижний получал удовольствие от своего положения. Правильно воспитанный раб не может дышать вне своих оков, ужасается самой мыслью о свободе. Только в этом случае он будет удовлетворять любые потребности своего господина радостно и искренне. Ибо неискреннее служение раба — из страха или по принуждению, не приносит никакого удовольствия'.

Людмила прочитала эти строки и вдруг так ясно представила себе лицо Шталя, лукавую, немного усталую улыбку, прищуренные глаза...

— Я же просил не трогать, — произнес недовольно Руслан у нее за спиной, но тут же осекся, когда увидел, что за тетрадь в руках у Людмилы.

— Штудируешь конспекты? — с горьким сарказмом произнесла она. — Хочешь стать как твой мессир? Не получается?

Руслан быстро подошел к столу и почти грубо отобрал у Людмилы записи Шталя.

Потом посмотрел на нее с укором.

— Что с тобой сегодня?

— Со мной? — Людмила улыбнулась, скрывая досаду, — Абсолютно ничего. Все просто прекрасно! Дай я закончу с уборкой и пойду спать. А ты учи, учи дальше уроки! А то провалишь экзамен.

Усилием воли она заставила себя замолчать, иначе наговорила бы Руслану еще много резких и обидных слов. Быстро смахнула со стола пыль и вышла из кабинета, слишком громко хлопнув дверью.

В постели долго ворочалась сбоку набок, все думала о том, зачем Руслан изучает записи Штала, и пришла к выводу, что в сессии с Анной пошло что-то не так и муж, как и раньше ищет помощи у своего учителя. Досада и злость на Руслана немного разбавились странным чувством, похожим на темную, недобрую радость.

В воскресенье Людмила затеяла генеральную уборку. Ритуал наведения чистоты всегда спасал ее от смятения, помогал навести порядок в мыслях. Но когда смахивала пыль с любимых кукол, ощутила себя тоже упрятанной в стеклянный шкаф. От этой мысли она вдруг задыхаться, словно и вправду оказалась в закрытом со всех сторон прозрачными стенками пространстве, и воздуха в этом пространстве становилось все меньше.

Голова закружилась, выступил противный холодный пот, пересохло в горле. Уронила на пол метелку, шагнула назад, к креслу, чтобы присесть. Перед глазами замелькали черные мушки, подкатила тошнота. Как сквозь вату услышала встревоженный голос Руслана...

Остаток дня Людмила провела в постели. Руслан настрого запретил ей вставать. Вызвал кардиологическую бригаду из своей клиники и долго спорил с коллегой стоит ли оставлять Людмилу дома или срочно госпитализировать. Но кардиограмма оказалась не настолько плоха. Людмила вздохнула с облегчением — больше уколов она ненавидела только больницы.

Руслан почти не отходил от нее до самого вечера, постоянно измерял давление, считал пульс. И на ночь остался с Людмилой, хотя она слабо пыталась протестовать.

— Тебе же на работу, — ворчала она. — Иди, выпишься.

— Я могу и тут поспать, ты же не прогонишь меня на пол? — лукаво усмехнулся он и добавил строго. — Одну не оставлю.

Людмила поняла, что спорить бессмысленно, и смирилась.

Руслан принес подушку с одеялом из своей спальни и лег рядом. Она демонстративно отвернулась, укрылась почти с головой и напряженно вслушивалась, как он вздыхает и ворочается.

Утром проснулась от осторожных прикосновений: Руслан высвободил затекшее плечо, переложил голову Людмилы на подушку. Тихонько коснулся губами лба.

— Спи, родная. Мне пора. Дарика выгуляю. Скоро приедет медсестра, я ей ключи дам, чтобы ты не вставала.

— Зачем медсестра? — возмутилась Людмила, — мне лучше.

Руслан приложил палец к ее губам.

— Не спорь. Постельный режим. Неделю, не меньше!

— А завтрак...

— Найду что поесть. Не маленький. Спи.

Людмила послушно пролежала в постели весь день. Не то, чтобы чувствовала себя слабой или больной, наоборот, голова почти не кружилась, пропало ощущение тупой ржавой иголки в сердце.

Они болтали с Леночкой, медсестрой, той самой, что ухаживала за ней в отделении, о всяких глупостях — обсуждали газетные сплетни, новые книги и фильмы, и Людмила вдруг пожалела, что они с Русланом так давно не были в кино.

Вечером Руслан привез Людмилину маму, она долго ахала и охала, наигранно выругала его за то, что плохо следит за здоровьем ее дочери, потом спустилась на кухню и принялась греметь там посудой, изображая хлопотунью-хозяйку. Людмила усмехалась: ее мама ненавидела готовить и делала это только по принуждению, предпочитая покупать полуфабрикаты и готовую еду.

Жертвой приготовленного Людмилиной мамой ужина стала одна разбитая тарелка, заляпанная плита и прилипшие ко дну кастрюли пельмени.

Руслан порывался принести еду Людмиле в спальню, но она категорически отказалась.

Поужинали на кухне, правда есть Людмиле совсем не хотелось, да и Руслан вяло ковырялся вилкой в недоваренных, местами слипшихся магазинных пельменях.

Татьяна Петровна хмурилась и недовольно поджимала губы.

— Избаловала ты мужа, Милочка, — заявила она. — Вот и загнала здоровье-то! Себя надо любить! А не гробить на кухне.

После ужина Руслан не без облегчения проводил тещу до такси, и застал Людмилу за отмыванием кастрюли от злосчастных пельменей.

— В постель! Немедленно! — приказал он и отобрал у нее губку. — Да еще без перчаток! Ну чисто — ребенок!

— Не командуй, — вяло огрызнулась Людмила, но послушалась и оставила попытки навести порядок на кухне.

Она поднялась в спальню, легла в постель, и взяла с тумбочки книгу: спать совсем не хотелось.

Руслан в махровом халате с мокрыми после душа волосами вошел в спальню.

— Мила, я тут подумал, — сказал Руслан и присел на кровать. — А давай пригласим тебе помощницу.

Людмила не без сожаления отложила книгу: 'Маленькую хозяйку Большого дома' она перечитывала с особым удовольствием.

— Домработницу? — удивилась Людмила.

— Ну да. Раньше тебе помогала... — Руслан запнулся, — Анна. А теперь... ну ты же видишь, тебе необходима помощь!

— Мне не нужны чужие люди в доме!

Упоминание об Анне неприятно царапнуло и снова разбудило досаду на Руслана. За эти два дня, что он так искренне заботился о ней, злость почти испарилась. Но теперь снова вернулась.

— Милочка. Не злись, подумай. Мы можем себе это позволить...

— Все эти проклятые деньги! — вдруг выкрикнула она. — Ты только о них и думаешь!

Людмила разозлилась на себя за эту истерику, отвернулась и снова взяла книгу. Но раздражение не давало сосредоточиться. Людмила бросила ее на тумбочку.

— Я хочу спать. Оставь меня одну.

Руслан посмотрел на нее укоризненно, с жалостью, как на больного ребенка.

— Я останусь. Не хочешь, чтобы был рядом — постелю на полу.

Его упорство еще больше разозлило Людмилу.

— Изображаешь святого? Заботишься, лечишь, а неблагодарная жена не пускает в постель? Это я виновата во всем, да? А ты у нас сама добродетель....

Но Руслан не дал ей договорить. Стиснул в объятиях, прижал к груди до боли, заставил замолчать и задохнуться. Людмила попыталась вырваться, дернулась несколько раз, а потом

затихла.

— Милочка...

Руслан шептал ей в самое ухо, щекотал дыханием, прикоснулся губами, не давал отстраниться.

— Послушай. Я возвращаю твое разрешение. Больше никаких сессий. Никаких игр. Слышишь?

Еще неделю назад Людмила все отдала бы за эти слова. Расплакалась бы на груди Руслана, растаяла, поддалась, только бы все было как прежде...

— Мне не нужна твоя жалость, — глухо произнесла она. — Делай что хочешь.

Замерла в его объятиях, дождалась, пока он опустил руки. Потом отвернулась и укрылась одеялом с головой.

Людмила в пятый раз нажала кнопку обновить на странице своей электронной почты. Ни одна редакция, куда она отослала свой роман, даже не удосужилась отписаться о получении рукописи. 'Ну и ладно, — подумала Людмила, — так и знала, что это глупость'.

Она попыталась занять себя обычной домашней работой, но вдруг поняла, что больше не может сидеть в четырех стенах. Вызвала такси, еще не зная, что будет делать в городе. Взяла мобильник, чтобы позвонить Руслану, но передумала. 'Я не обязана отчитываться о каждом шаге, — решила Людмила.

Бросила телефон в сумку, но только закрыла молнию и стала надевать сапоги, как он выдал бодрую мелодию рингтона. Людмила с досадой открыла сумку и выудила вибрирующий мобильник. Отчего-то она была уверена, что это Руслан, и сейчас срочно придется придумывать причину поездки в город...

— Люсик! — громыхнуло в трубке. — Киснешь все дома? Чтобы через полчаса была в Манеже! У меня совсем времени нету, а не повидать тебя — преступление!

Людмила чуть не выронила телефон.

— Таточка...

Казалось, даже холодный пластик мобильного стал теплее.

— Какими судьбами в Питере? И почему в Манеже?

— Ты совсем не следишь за культурной жизнью! Международный книжный салон в Манеже! И стенд моего издательства есть. Давай, приезжай быстрее!

В огромном зале Манежа было полно народу, и Людмила в растерянности остановилась у входа. Потом пошла вдоль рядов рекламных стендов разных издательств, разглядывая таблички и выискивая вывеску чешского издательства 'Оттово'. У стойки крупного московского издательства, красочно оформленной яркими плакатами, с большой плазменной панелью, на которой мелькали кадры буктрейлеров, было особенно многолюдно. Улыбающиеся девушки, как на подбор высокие, стройные, в стильных деловых костюмах, словно стюардессы, раздавали публике, в основном женщинам, рекламные буклеты. Большой баннер в серых тонах с изображением вычурной венецианской маски гласил: 'Откройте для себя все оттенки запретного'.

— Люсик!

Людмила обернулась и тут же была прижата к мягкой широкой груди подруги.

— Пойдем! У нас там дружеский сейшен, познакомлю тебя с нужными людьми.

Тата решительно потащила Людмилу за руку, ловко лавируя в толпе.

— Таточка, как здорово, что ты приехала! Чего не позвонила? Руслан бы встретил.

— Да я не собиралась! Янек заболел, пришлось мне.

На громкий голос Таты оглядывались люди, но ее это совершенно не смущало.

В самом конце зала Тата решительно отстранила в сторону угрюмого вида парня с рацией в руках, что подпирал дверь со скучающим видом. Парень скосил глаза на бейдж с аккредитацией у нее на шее, перевел взгляд на Людмилу, открыл было рот, но Тата посмотрела на него так грозно, что он молча посторонился.

За дверью оказалась комната — то ли столовая, то ли курилка: яркий неживой свет, по периметру черные диваны из искусственной кожи, в центре несколько столов и пластиковые стулья. Пахло кофе, сигаретным дымом, едой. На диване у окна, наглухо закрытого жалюзи оживленно беседовали женщина лет тридцати пяти в темно-сером брючном костюме и лысоватый мужчина далеко за сорок с внушительным 'пивным' животиком. Еще несколько человек сидели за столом: пили кофе, жевали бутерброды.

Тата прямиком направилась к дивану, дернув Людмилу за руку.

— И где взять этих авторов? На новых авторах серию не запустишь.

Женщина в брючном костюме вздохнула и артистично выбила из пачки тонкую сигарету.

— Переводить и издавать эту шведскую муть — тоже не выход, — ворчливо сказал ее собеседник.

— Муть, не муть, а покупают. И все равно ума не приложу, чем набивать эту серию. Ну не самотек же штудировать! А маститые на такую тему писать не станут.

— Самотек это вариант, но больно муторно. О, вот и наша чешская коллега! А у вас как там с оттенками страсти? Тоже ажиотаж?

— Как у всех!

Тата решительно подвинула кресло поближе к дивану и уселась. Людмила осталась неловко стоять рядом.

— Люсик! Возьми стул, чего стоишь!

Людмила послушно переставила стул и присела на краешек.

— Так вот, об оттенках. Ирина Петровна! Вот привела вам автора. Текст отличный, грамотный, трендовая тематика — то, что надо для серии вашей!

Людмила не сразу поняла, что подруга говорит про нее.

— Тата, ну зачем ты... ерунда... — пролепетала Людмила.

Ей захотелось сбежать. Но Тата хорошо знала свою подругу. Твердая ладонь крепко сжала руку Людмилы, не давая ни одного шанса к отступлению.

— Автора? — Ирина Петровна недоверчиво посмотрела на Людмилу. — И что автор наваял?

Мужчина пробормотал что-то про знакомства и блат и демонстративно встал, чтобы уйти.

— Андрей Валентинович! — гроыхнула грозно Тата. — Вот ты меня сколько лет знаешь?

Лысоватый тут же плюхнулся обратно на диван.

— Ну много, — недовольно буркнул тот. — И что?

— Я тебе хоть раз навязывала бездарные тексты? Вы их и без меня чудесно находите. Вон последний роман этой... как ее... ну звезды сетевой, про эльфов. Рецензии читал?

— У нее читателей сотни тысяч, и книжки разбирают как пирожки горячие, — начал оправдываться лысоватый.

Тата небрежно отмахнулась.

— Вобщем, как хотите. Могу предложить другим. А вы думайте, чем свою серию наполнять!

— Так что за текст? — женщина в брючном костюме нетерпеливо затушила сигарету.

— Люсик, расскажи сама.

Тата посмотрела на Людмилу выразительно, сдвинув брови.

— Роман... про девушку... женщину... она... как бы игрушка...

— Опять фентезятина, — простонал лысоватый.

Тата пригвоздила его к месту грозным взглядом.

— Нет, реализм, — смущенно возразила Людмила.

— Объем какой? — деловито поинтересовалась женщина.

— Двенадцать алок, — ответила за Людмилу Тата.

Людмила посмотрела на нее изумленно. Тата улыбнулась в ответ и заговорщицки подмигнула.

— Говоришь, трендовый текст, — Ирина Петровна задумчиво покрутила в руках зажигалку. — Ну присылайте, погляжу. Но ничего не обещаю!

— Так я уже...

— В самотек что ли? — усмехнулась Ирина Петровна. — Считайте, что не посылали. Пока до него разгребут — серию закроют. Вот мой личный e-майл. Сегодня-завтра жду. Синопсис лучше сегодня.

Женщина протянула Людмиле гляцевую визитку, на ней красовался логотип известного издательства. В горле сразу пересохло, Людмиле стало страшно.

— Ну вот и ладненько! — весело подытожила Тата и посмотрела на часы. — Ох ты... у меня же самолет в семь двадцать! Люсик, пойдем поедим по нормальному, а то у меня желудок к спине прилип. Не могу эту сухомятку жевать.

Вскоре они сидели вдвоем в бистро 'Декабрист', ели фирменный фалафель и пытались наговориться за оставшийся час.

— Тата, ну откуда ты знаешь про мой... — Людмила будто стеснялась называть свое творение романом, — мою писанину? И даже объем.

— Люсик, — довольно улыбнулась Тата и накрыла своей большой ладонью ее руку. — Я профессионал. А то развела тут конспирацию. Блогерша Подсолнух... Колокольчики мои, цветики степные! — пропела она шутливо, но так, что немногочисленные посетители кафе как один обернулись.

'Вылитая Фрося Бурлакова, — подумала Людмила, и в груди стало так тепло.

— Спасибо тебе, — тихо сказала она. — Только вряд ли понравится.

— Люсик! — возмущилась Тата. — Ты думаешь, я стала бы двигать твой роман, если бы он был бездарным? Я давно тебе говорила — хватит переписывать чужие тексты. Пора вылетать из гнезда.

Людмиле очень не хотелось продолжать эту тему:

— Ладно, Бог с ним с романом, как там Антоша?

— Антошка твой молодца, молодца. Еле заманила к себе домой. Весь в учебе, в тусовках. Талантище он у тебя, видела его работы. Кстати, подрабатывает на туристах в сезон, друзья-чехи помогли пристроиться в фотостудию. Со Златкой подружились. Может породнимся, а Люсик?

— Тата, они ж дети еще!

Громкий радостный смех подруги раскатился по залу.

— Дети, скажешь тоже. Дети сейчас растут очень быстро! Не заметим, как бабушками станем. Представляешь себя бабушкой?

Тата допила свой сок и глянула на часы:

— Ну вот, пора, а ты ничего почти не съела?

Людмила растеряно посмотрела на свой салат и порцию фалафеля. Ни минуты из тех, что осталось провести с любимой подругой, она не хотела тратить на еду.

— Так, — Тата решительно встала, — я поехала в аэропорт. Ты доедай, не пропадать же добру. Русику привет. И давайте, летом собирайтесь к нам. Даже не возражай!

Людмила встала из-за стола, и обняла подругу.

— Таточка, я приеду. Мы приедем. Береги себя. И Антошку моего приглядывай!

Людмила смотрела в окно и снова ощущала себя покинутой и одинокой.

— Какая встреча, — произнес рядом знакомый вкрадчивый голос, и Людмила вздрогнула от неожиданности.

Это был Каверин.

Она, было, хотела попросить его немедленно уйти и оставить ее в покое. Но внезапно поняла, что ненависть и страх, что она чувствовала к нему, куда-то давно испарились, будто духи из неплотно закрытого флакона.

— Здравствуйте, — просто ответила она.

— Можно? — он жестом указал на свободный стул за ее столиком.

Она засомневалась. Но потом кивнула.

Каверин присел, положил руки на стол, переплел пальцы. Посмотрел на нее грустно и внимательно. Потом позвал официантку.

— Кофе, пожалуйста. Латте.

Девушка в красном переднике с оборками стрельнула в него глазками и упорхнула, смутившись.

— Вы все так же неотразимы для женщин, — не смогла сдержать сарказма Людмила.

— Да ладно вам, — отмахнулся Каверин. — А вы прекрасно выглядите.

Людмила вдруг с удивлением поняла, что его комплимент, совершенно банальный, приятен.

Она вяло поковырялась вилкой в салате, понимая, что окончательно потеряла аппетит. Отложила и взяла в руки чашку.

— Простите, — сказал Каверин, — кажется, я испортил вам обед. Наверное, мне лучше уйти.

— Нет, ничего, — ответила Людмила и снова удивилась. Минуту назад она мечтала, чтобы он поскорее ушел.

— Не смог удержаться, — сказал он виновато. — Так давно не виделись. Вы же больше не посещаете собрания?

— Нет, — ответила она, давая понять, что продолжать разговор на эту тему не желает.

— Еще раз простите, — он совсем стушевался. — Это не мое дело... Но... Вы все еще вместе?

— Вы правы, это не ваше дело, — резко ответила Людмила. — Но да, я все еще жена господина Сикорского.

Каверин посмотрел на нее и отчего-то отвел взгляд, будто боялся выдать себя. Молчание стало совсем неловким, и Людмила позвала официантку, чтобы расплатиться и уйти.

Все та же девушка в красном переднике с оборками принесла кожаную папку со счетом.

— Вы, конечно, не позволите?

Каверин протянул руку к папке.

— Конечно, нет, — ответила она жестко. — Мне нужно идти.

— Жаль, — вздохнул он, — жаль.

Людмила встала и направилась к выходу. Было душно, поскорее хотелось оказаться на улице.

— Если я могу чем-то помочь... — вдруг тихо произнес Каверин.

Он больше не отвел взгляд. Людмила заглянула в его глаза, и ей стало больно дышать.

— Мне никто не может помочь, — ответила она, то ли Каверину, то ли себе.

Отвернулась и быстро, почти бегом, пошла к выходу.

На улице Людмила посмотрела в окно кафе: Каверин глядел на нее сквозь забрызганное каплями дождя оконное стекло. От его взгляда опять заныло в груди.

Руслан пришел поздно, усталый, озабоченный. Людмила с воодушевлением начала рассказывать ему о встрече с Татой, но он рассеянно кивал и нехотя поддерживал иллюзию беседы. Рассказывать про роман Людмиле сразу расхотелось. А уж про встречу с Кавериним и вовсе.

После ужина Руслан неловко поцеловал ее в щеку.

— Спасибо, родная. Спать пойду. С ног валюсь, операция тяжелейшая. И завтра две. Ты как себя чувствуешь?

— Нормально. Иди, конечно, на тебе, и правда, лица нет.

Руслан облегченно вздохнул и поднялся наверх.

Людмила ощутила неловкость от того, что не рассказала Руслану всего. Доверяться мужу во всем без оглядки, без любых, самых невинных секретов, было — как она всегда считала — ее счастьем, ее семейной «фишкой». А теперь вдруг она подумала: «Как хорошо, что Рус почти меня не слушал».

Людмила достала из сумки карточку, повертела в руках, провела кончиками пальцев по золотому тиснению названия издательства. «Главный редактор отдела современной прозы Злотская Ирина Петровна».

«Нет, это совершенная глупость», — снова запаниковала Людмила. Но тут же вспомнила грозное нахмуренное лицо Таты, вздохнула и пошла за ноутбуком.

На отправку она потратила целых двадцать минут. По несколько раз проверяла файлы, форматирование, осторожно, по букве, набирала адрес с карточки.

Потом закрыла ноутбук и поднялась к себе. Из-под двери спальни Руслана пробивалась узкая полоска света. Очень захотелось войти к нему и съязвить: «Ты же спать собирался? Опять конспекты штудируешь?»

Постояла немного перед его дверью, потянулась к ручке, но в последний момент отдернула пальцы. И быстро ушла к себе.

Людмила пролежала без сна почти до утра. Мысли — обрывочные, неясные, тревожные, не давали уснуть. Она все не могла забыть Каверина, что с тоской смотрел на нее через мутное, мокрое от дождя стекло.

Весь следующий день она намерено не брала в руки ноутбук. Знала, что стоит его открыть — просидит до вечера, обновляя страницу почты.

Ближе к вечеру мобильник выдал рингтон для незнакомых абонентов.

— Сикорская Людмила? Секретарь Злотской беспокоит. Вы что, почту не смотрели?

Людмила растерялась.

— Нет... дела были.

— Ну что ж вы! Мы ждем от вас ответа! Не затягивайте, пожалуйста!

Сердце стучало как сумасшедшее, пальцы дрожали, по спине полз противный холодок.

Людмила перечитала письмо от редакции пять раз. И все равно не верила в то, что это — не розыгрыш. Хотела даже позвонить Тате, чтобы убедиться, что ей не приснилась та встреча в Манеже.

Потом взяла себя в руки, открыла файл с договором, кое-как заставила себя прочитать

его до конца. Распечатала, еще раз прочитала, потом пошла в кабинет к Руслану, чтобы найти ручку и подписать.

В кабинете царил идеальный порядок. Тетради Шталя на столе больше не было. Исчезли и коробки с бумагами. Людмила взяла ручку с золотым пером и гравировкой — вензелем переплетенных букв Р и Л, что сама подарила Руслану как-то на день рождения, и подписала два экземпляра договора. Потом задумалась, присела за стол.

— Мила? — удивленный голос Руслана прозвучал над ухом, и Людмила вздрогнула от неожиданности. Смутилась, вскочила, словно ее застали за чем-то постыдным.

— Я... тут... договор...

— Договор?

Руслан взял в руки бумаги, прочел и заулыбался:

— Надо же! Здорово! Я же говорил, что все получится. А ты не верила.

— Да ну, — Людмила смутилась еще больше. — Это не я. Все Тата.

Руслан взял ее за руки.

— Это ты. Ты же автор! Ты молодец!

— Ладно, еще ничего не ясно. Подумаешь, договор. Не поверю, пока книжку в руки не возьму.

— Будет книжка! И не одна!

Руслан заметил на столе ручку, взял ее и протянул Людмиле.

— Забирай. Тебе нужнее.

— Это подарок! — запротестовала Людмила.

— Мое орудие — скальпель. А твое — вот. На удачу.

Руслан вложил «золотое перо» ей в ладонь.

— А знаешь, пойдём, отметим! Там вроде вино есть в холодильнике. Или кипрский мускат откроем?

— Не надо. Рано праздновать. А ужинать, пойдём, конечно. И вино есть, хорошее чилийское. Если уж так хочешь.

Людмила наскоро накрыла на стол, Руслан открыл вино, разлил по бокалам и торжественно провозгласил тост:

— За будущий бестселлер! И его автора!

— Глупости, еще ничего не известно.

Радость Руслана казалась искренней, но все равно Людмиле было неловко. Вспомнилось, как она всего один раз в жизни, еще студенткой, купила лотерейный билет и неожиданно выиграла приличную по тем временам сумму, целых сто рублей, как мучилась в раздумьях — куда их потратить, и, в конце концов, с облегчением отдала маме. Тогда ей было также неловко от незаслуженно свалившихся денег.

На следующий день она собиралась в город, на почту, отправить договор в Москву для подписания. Отдать его Руслану Людмила так и не решилась. Отчего-то стало страшно доверять договор даже мужу.

Она уже заказала такси, когда зазвонил мобильник. Номер звонившего Людмиле был не знаком.

— Сикорская? Людмила?

— Да.

— Это Злотникова. Вы договор отправили?

— Нет, только собиралась.

— Отлично! Я еще в Питере, задержусь тут на недельку в филиале. Приезжайте с договором в редакцию. Сможете, скажем, через час? Адрес знаете?

— Н-нет. — Людмила даже начала заикаться от волнения.

— Выборгская набережная, двадцать. Жду. И флешку возьмите.

Не дожидаясь ответа, Злотникова положила трубку.

Охранник на входе в здание редакции спросил фамилию, попросил подождать, снял трубку с телефона, поговорил с кем-то и пропустил Людмилу.

— Триста восемь, третий этаж. Лифт направо.

Перед дверью с нужным номером Людмила попыталась унять бешено стучащее сердце и дрожь в пальцах. «Чего трясешься? — сказала она себе. — Подумаешь, книжка...» Но убедить себя не удалось.

Осторожно постучала.

— Входите! — ответил из-за двери мужской голос.

Людмила растерялась, еще раз глянула на табличку. Но отступить было некуда. Нажала на дверную ручку и открыла дверь.

В кабинете было накурено, и Людмила с трудом подавила приступ кашля.

За столом, заваленном бумагами, сидел тот самый лысоватый, которого Тата называла Андреем Петровичем. У открытого на проветривание окна курила Злотская.

— Здравствуйте, я Сикорская, — хрипло произнесла Людмила. — С договором.

— А, наконец-то.

Злотская затушила сигарету в бронзовой пепельнице с фигуркой совы.

— Проходи, садись. Ничего, что на ты? Ненавижу эти церемонии.

— Ничего.

Людмила оглядела кабинет и выбрала стул ближе к выходу.

— Давай поближе, к столу. Обложку выбирать будем. В эту пятницу уже презентация серии. Спешить надо, пока тренд не ушел. Кстати, ты вроде журналист?

— Нет, редактор. А что?

— На презентацию пойдешь. Как новый перспективный автор. Сейчас Старлетову уламываем. Пойдет у нас толкачом в серии. Романчик у нее, конечно, так себе вышел. Твоему не чета. У тебя и стиль, и язык, и фактура проработана. И психологизму хоть отбавляй. Старлетова розовые сопли в стразиках наваяла. Но у нее имя, поклонники. А нам главное серию раскрутить.

Людмила чувствовала, себя щепкой в водовороте.

— Договор... — она неловко протянула Злотской папку.

— Андрею отдай, — отмахнулась Злотская. — Нам с обложкой надо порешать. Вот смотри.

Она подвинула стул к Людмиле и положила себе на колени ноутбук, тонкий и стильный.

— Это работы одного известного фотографа. Он предоставил их бесплатно для оформления серии. По-моему очень талантливые работы. И главное очень эротично и в тренде. Флешку принесла?

Людмила покопалась в сумке, не без труда выудила маленький металлический прямоугольник на цепочке и протянула Злотской.

— Молодец. Я тебе скину все. Выбери шпук десять. И скинь мне не «мыло». К пятнице макет сделаем. Да, Андрей Петрович?

— Постараемся, — недовольно буркнул лысоватый. — С начальством московским разве поспоришь.

— Правильно! — усмехнулась Злотская. — Не надо спорить с начальством. Надо побыстренько сделать макеты трех первых книг серии. Старлетовой, Волжанина. И твоей.

Злотская дружески похлопала Людмилу по плечу.

— Их и представим в пятницу. Для затравки.

— Презентация? — Людмила совсем разволновалась. Выступать перед аудиторией, говорить о своем романе — эта мысль вызвала настоящую панику.

— Ну, милочка. — Злотская снисходительно усмехнулась. — Хочешь стать успешным писателем? Надо крутиться, мозолить глаза публике. Иначе никак. Ничего, справишься. Фотографа этого еще позовем. Кстати, Андрей, это на твоей совести. Ладно, иди, работай.

Людмила ехала в такси и то и дело проверяла: не потерялась ли флешка с фотографиями. На экране ноутбука Злотской она не смогла рассмотреть ничего — от волнения не сообразила достать очки.

Дома сразу бросилась к ноутбуку. Людмиле показалось, что техника издевается над ней — так долго он загружался. И еще дольше открывалась флешка.

Фотографий было много — больше пяти десятков. В основном черно-белые, либо с эффектом сепии, будто из начала прошлого века. Злотская была права, работы были очень талантливыми — выразительные, наполненные внутренним движением позы, красивые формы, сдержанная, вовсе не пошлая и не вызывающая эротика. Все нескромное — мастерски ретушировано полутенями, предметами, прозрачной тканью. Обнаженная женская грудь, прикрытая лишь бутоном розы, нежная кожа, будто матовый шелк, тускло просвечивает из-под черного флера, шип безжалостно вонзился в плоть и единственное яркое пятно — маленькая капелька крови. Еще одна — будто специально снята была для ее романа. Хрупкая девушка, лицо скрыто шелковой маской. Широкие черные ленты удерживают ее, словно куклу, в коробке: поперек бедер, талии, груди, тонкой высокой шеи. Обхватывают изящные запястья, локти, колени, лодыжки. Рядом еще одна такая коробка, и еще, и еще. Бесконечный ряд уходит вдаль. Вдоль коробок с живыми куклами с задумчивым видом идет мужчина во фраке, разглядывает их, будто в магазине. Выбирает себе игрушку.

Людмила рассматривала фотографии, и неясная тревога все больше завладевала ею. В этих картинках было нечто неуловимо знакомое. Все работы сквозили темной и сладкой жутью. Автор точно был не понаслышке знаком с Игрой.

Замирая от нехорошего предчувствия, Людмила достала телефон и набрала последний входящий номер.

— Ирина Петровна? Это Сикорская. А кто автор этих фотографий?

— Тех, что для обложек? Сейчас. Андрей, как его там? Корчагин? Нет? А, точно... Каверин! Артем Каверин. Правда, шедевральные?

— Да, очень красиво. Спасибо, — машинально ответила Людмила.

Телефон со стуком упал на пол из разжавшихся пальцев.

— Сколько еще этот негодяй будет отравлять нам жизнь?! — возмущенный голос мужа вгрызался в мозг. Людмила прижала ладони к вискам и ощущала, как каждое повышение тона отдается новым толчком боли.

Руслан нервно расхаживал по гостиной.

— Нет, это невозможно!

Людмила закрыла глаза: голова кружилась, словно после карусели, подступала тошнота. Смотреть на мужа и слушать его гневные тирады — было выше ее сил. Мерзкое чувство дежавю — он вел себя в точности так, как тогда, после похищения. Сейчас еще начнет винить во всем ее...

— Как Каверин узнал про твой роман?

Она продолжала сидеть молча, не открывая глаз.

— Ах, ну да. Твой блог. Твой ненаглядный «Подсолнух»! Восторженные домохозяйки, дамское чтиво. И вообще, почему ты не можешь сама выбрать обложку? В конце концов, ты автор!

В висках словно лопнула перетянутая струна, выступили слезы. Но боль утихла. Людмила медленно, опасаясь, что она вернется, открыла глаза.

Гнев Руслана вдруг показался ей смешным, наигранным. А ее переживания из-за фотографий Каверина — такими глупыми.

— Довольно, — сказала она тихо и спокойно.

Руслан не сразу расслышал, прошел еще пару шагов и застыл изумленно.

— Что ты сказала? — переспросил он.

— Хватит. Прекрати эту истерику.

Людмила встала и направилась вверх.

Руслан догнал ее, развернул к себе за плечи.

— Тебе все равно?

— Да. Мне абсолютно все равно, кто автор этих фотографий. Красивые картинки. У моей книги будет эффектная обложка, а значит — хорошие продажи. Пусти.

Разбуженный громким голосом, со своей лежанки притопал Дарик. Постоял, подумал, шумно вздохнул, выдал басовитое «Гав!». Пес никому не позволял так обращаться с любимой «мамой». Даже «папе».

Людмила осторожно, но решительно высвободилась.

— Кстати, эти фотографии утвердили еще до того, как Тата познакомила меня со Злотской.

— Но презентация... там будет и Каверин?!

— А в чем дело? Ты что, мне не доверяешь?

Людмила посмотрела прямо в глаза Руслану.

— Глупости, — с досадой ответил он и отвел взгляд.

— Значит все в порядке. Давай закончим этот разговор, я устала.

Поднимаясь по лестнице, спиной ощущала, как Руслан смотрел ей вслед — растерянный, еще больше раздраженный от нелепости разыгранного им скандала. Хотела закрыть дверь на замок, потом передумала.

Услышала шаги Руслана: он несколько минут постоял у ее двери, будто хотел зайти, но так и не решился.

Утром Людмила еще раз пересмотрела фотографии. Не без сомнений выбрала восемь самых подходящих. Среди них были мужчина во фраке и его живые куклы в коробках, и роза, приколотая к обнаженной груди под черным флером.

Оставшиеся до презентации десять дней закружили Людмилу в безумной карусели. Она строчила сорок третий вариант аннотации, после того как их один за другим браковала Злотская, спорила с ней из-за названия, все таки его отстояла, потом мучительно сочиняла текст «об авторе». До последнего перебирала свои фотографии и никак не могла решить — какую выбрать для задней обложки.

В четверг утром Людмила совсем запаниковала. Перспектива выступления перед публикой пугала ее гораздо больше встречи с Кавериним.

— Презентация твоя завтра? — спросил Руслан, допивая свой кофе. — Что-то ты мне не нравишься. Бледная, осунулась. Может, не пойдешь?

— Нет, — решительно сказала Людмила. — Другого шанса не будет. Я должна.

— А где будет? И во сколько начало?

Людмила посмотрела на мужа удивленно.

— В «Азбуке» на Невском, в пять. А ты что, хотел прийти?

Руслан помолчал. Отставил чашку, посмотрел пристально на Людмилу, паузой подчеркивая значительность того, что собирался сказать.

— Да. Я отложил все свои дела. Абсолютно все.

И тут Людмилу будто водой окатило. Пятница...Завтра же пятница! Та самая пятница.

— А как же...

Произнести имя Анны она так и не смогла — перехватило горло.

Руслан еще помолчал, будто смакуя ее удивление и смятение. Потом накрыл своей ладонью ее руку и произнес:

— Я вернул тебе твое разрешение. Помнишь?

Он снова замолчал. Эти театральные паузы начинали раздражать.

— К тому же Анна нездорова.

— Что с ней?

Руслан отмахнулся.

— Обычная респираторная инфекция. Ничего серьезного. Весна, обычное дело.

Отчего-то Людмила ему не поверила. «Надо бы позвонить Анне, — подумала она. — Но потом, потом. После презентации. Если переживу».

Людмила приехала в книжный салон «Азбука» на Невском почти за час. Зал для конференций был еще почти пустым. Под руководством лысоватого Андрея Петровича двое парней крепили экран для видеопроектора, уже стояли стойки с большими плакатами — макетами обложек. Людмила застыла, разглядывая их. Особенно третью слева — мужчина во фраке шел вдоль бесконечного ряда живых кукол. Готические буквы на коробках складывались в название «Кукольных дел мастер», добавляли мрачной таинственности, серо-черную гамму разбавляло яркое алое пятно — бутон розы и капелька крови из-под шипа, проколовшего нежную кожу обнаженной женской груди на задней части обложки.

— Вам нравится? — произнес у самого уха знакомый голос, Людмила вздрогнула и отшатнулась.

— Простите, напугал, — смутился Каверин. — Здравствуйте, Людмила.

Она только кивнула в ответ. Горло перехватило, сердце стучало, выступил липкий холодный пот.

— Пойдемте, сядем.

Каверин осторожно поддержал ее под локоть, помог дойти до ближайшего стула.

— Вам нехорошо? Может воды?

— Нет, — Людмила уже немного справилась с паникой. — Все нормально. Просто волнуюсь.

— Понимаю, — улыбнулся Каверин. — Хотя вы же журналист?

— Нет, редактор.

Людмиле стало стыдно за свою слабость. Она попыталась встать, но голова снова закружилась.

— Посидите, все-таки я схожу за водой.

Каверин отошел, и ей стало немного легче. Достала из сумки пудреницу, провела по лицу пуховкой. «Соберись, — скомандовала своему отражению.

— Вот, держите.

Каверин протянул ей стакан с минералкой. Людмила засомневалась, но в горле пересохло, глоток воды сейчас был бы очень кстати.

— Спасибо.

Она взяла стакан у Каверина, стараясь не коснуться его руки.

— Фотографии вы выбирали? Или издатель?

— Я... и издатель, — Людмила начала злиться на себя, и это помогало справиться с паникой.

— На вашей обложке — мои самые любимые. Особенно та, с розой. Знаете, как я ее назвал?

«Мизерикордия». Беззащитная красота. Так трогательно.

— Вы любите беззащитность, я в курсе, — ядовито заметила Людмила.

Каверин посмотрел на нее грустно и укоризненно.

— Все в прошлом. Сейчас работаю над серией ко Дню Победы. Снимаю стариков-ветеранов. У них невероятные лица, фактура, харизма. Но рад, что мои старые работыгодились. И особенно — вам.

— Артем! — лысоватый Андрей Петрович махал со сцены. — Там с тобой Сикорская? Поднимайтесь, скоро начинаем.

Людмила решительно встала, Каверин поддержал ее под локоть, но она отстранила его руку.

— Я в порядке.

— Да? — недоверчиво произнес Каверин. — Что-то не очень похоже.

Людмила прошла по проходу между рядами стульев к сцене, осторожно поднялась по ступенькам.

— Проходите, проходите. Усаживайтесь. Там таблички с вашими фамилиями. Пойду Старлетову и Волжанина встречать. Волжанин уже отзвонился, а эта сетевая звезда постоянно опаздывает.

Каверин оглядел таблички с фамилиями, быстро поменял их и подмигнул Людмиле.

— Не волнуйтесь. Я буду рядом.

— Господин Каверин, — Людмила все еще злилась. — Благодарю за помощь. Я в порядке. И прекрасно справлюсь без вас.

— Конечно, справитесь.

Опека со стороны Каверина раздражала. «А еще Руслан увидит нас рядом, — подумала Людмила.

— Может, все-таки сядете на место?

— Я на месте, — лукаво улыбнулся Каверин и продемонстрировал свою табличку.

— Прощу, прощу, Стелла Васильевна, проходите.

Андрей Петрович галантно отодвинул стул для крашеной платиновой блондинки в черном обтягивающем как перчатка платье с глубоким до неприличия вырезом и на высоченных каблуках. Блондинка презрительно кривила ярко накрашенные алой помадой губы.

— Просто Стелла! — капризно заявила она, усаживаясь на стул. Разрез оголил не слишком стройные ноги в чулках в крупную сетку. Сетка впивалась в кожу, делая ее бедро похожим на колбасу в обвязке. Каверин перехватил взгляд Людмилы и усмехнулся.

— А вы, я так понимаю, Каверин, да?

Стелла повернулась к нему кокетливо похлопала наращенными до невероятной длины ресницами. «Хлопай ресницами и взлетай», — вспомнила Людмила популярную песню и едва не рассмеялась.

— Да. А вы Старлетова? — ответил Каверин без особого интереса.

— Стелла, — произнесла она с придыханием, — для вас просто Стелла.

Старлетова протянула ему руку, явно рассчитывая на поцелуй. Но Каверин просто пожал ее и спросил:

— Как вам мои работы?

— Очень красиво, — с легкой досадой ответила Старлетова. — Видно, что вы настоящий мастер.

— О, да, — оценив двусмысленность фразы, ухмыльнулся Каверин.

— И, видимо, знаете толк в странных удовольствиях, — Старлетова положила ногу на ногу, разрез открыл кружевную резинку чулка.

— Простите, Стелла, — холодно ответил Каверин. — Я просто художник.

— Да ладно, не скромничайте!

Старлетова снова похлопала ресницами и закусилла нижнюю губу. На лице Каверина мелькнуло брезгливое выражение, но тут же сменилось безразличием.

— Так, ну все в сборе, — объявил Андрей Петрович.

Следом за ним поднимался высокий худой мужчина далеко за сорок, с мрачным лицом и темными не слишком ухоженными волосами до плеч. Мужчина угрюмо оглядел всех, презрительно скривился при виде Старлетовой, но сел рядом, демонстративно отодвинув стул подальше.

— Ну что, с Богом!

Андрей Петрович потер руки, встал, осторожно постучал по микрофону. Потом обернулся и махнул кому-то. Зал наполнился музыкой, медленной, тягучей, с густыми вибрирующими басами.

— Здравствуйте, друзья! Сегодня мы представляем новую серию нашего издательства «Все оттенки страсти». Серию открывает одноименный роман известной писательницы Стеллы Старлетовой.

Зал, незаметно для Людмилы почти заполненный публикой, заплодировал, Стелла поднялась с места и в полупоклоне продемонстрировала всем свое нескромное декольте.

На установленном сзади экране запустили буктрейлер. Все та же музыка стала громче,

добавились вздохи, стоны и несколько смачных шлепков.

— Надеюсь, роман Стеллы Старлетовой станет бестселлером, не уступающим знаменитой американской трилогии. В нем будет все — умопомрачительный главный герой с темным прошлым, очаровательная героиня, настоящая любовь и запретные удовольствия.

Раздались аплодисменты, правда, жидковатые.

— Второй роман серии — «Гербарий» Олега Волжанина — совершенно не похож на первый. Остросюжетный детектив, с элементами мистики и хоррора. Автор умеет влезть в шкуру настоящего маньяка и видеть его глазами. Любителям пощекотать себе нервы будет от чего оглядываться на темных улицах.

Каверин вдруг склонился к ней и прошептал на ухо:

— Автору это не сложно — вылитый маньяк.

Людмила посмотрела на Волжанина, тот кланялся публике все с таким же мрачным выражением лица, и кивнула в ответ.

Буктрейлер видимо успели сделать только к книжке Старлетовой, и Андрей Петрович продолжил.

— Ну а третий роман — дебют нашего нового автора, Людмилы Сикорской.

Людмила услышала свое имя и затравленно посмотрела на Каверина.

— Спокойно! — тихо произнес он.

Она встала, ощущая противную слабость в коленях.

— Роман «Кукольных дел мастер» будет интересен самой широкой публике, — бодро вещал Андрей Петрович. — Глубокий психологизм, герои близкие каждому из нас, так же живут, работают, радуются и страдают. Только у них есть тайна — другая жизнь по законам Игры, скрытая от любопытных глаз. Главный герой — загадочный и странный, мастер, что учит кукол плакать.

Публика снова зааплодировала.

Людмила поклонилась и с облегчением села на место.

— Ну а теперь можете задать вопросы авторам и автору прекрасных фотографий, которые стали основой для обложек всех книг серии, талантливому мастеру Артему Каверину. Думаю, вы все уже оценили макеты!

Несколько вопросов задали Старлетовой, она кокетничала, все также хлопала ресницами, потом настала очередь Волжанина, его спросили, откуда он берет сюжеты и общался ли с настоящими маньяками. Тот ответил, что работает в психиатрической лечебнице и маньяков знает не понаслышке. После такого признания, сделанного все с той же мрачной ухмылкой, больше вопросов к нему не возникало.

— Госпожа Сикорская!

Молодая девица, в джинсах на бедрах, открывавших живот с блестящей капелькой пирсинга и кофточке на молнии, расстегнутой чуть не до середины, встала со стула в третьем ряду.

— Я читала ваш роман в черновике в интернете. Вы описываете все эти игры так натурально, словно сами были их участницей. Не с себя ли писали героиню?

Людмила задыхнулась от жаркой волны стыда.

— Нет... прототипы, реальные конечно есть... Но я...

Ее жалкий лепет явно подстегнул девицу, она уже открыла рот, чтобы добить Людмилу еще одним провокационным вопросом. Но не успела.

— Интересуетесь играми? — голос Каверина, усиленный и искаженный микрофоном

Людмила узнала не сразу.

— Конечно! А что, господин художник может в этом помочь? — нахальная девица ничуть не смутилась.

— Я давно не практикую, — Каверин усмехнулся и окинул ее циничным оценивающим взглядом. — Но ради такой куколки могу достать свои игрушки и вспомнить навыки. Что предпочитаете? Порку, бондаж? Или публичные сессии? Можем начать прямо сейчас. Прошу, не стесняйтесь...

Под громкий смех зала девица ретировалась.

Презентация продолжалась, публика переключила свое внимание на Старлетову, несколько вопросов досталось и мрачному Волжанину, но тот к общению явно был не расположен. Людмилу тоже не забыли: ее знакомый репортер Лиза Корнева из «Дарьи» поздравила с «первенцем» и спросила о творческих планах, потом неловкий юноша в очках поинтересовался: есть ли у нее хобби, и Людмила с удовольствием рассказала о своих куклах. Каверину задавали более острые вопросы — о том кто позировал ему, были ли у него личные отношения с моделями и практиковал ли он с ними Игру. Он вел себя раскованно, шутил на грани фола, провоцировал, и окончательно покорила всю женскую половину зала.

Людмила всю презентацию пыталась рассмотреть в зале Руслана, но так и не смогла.

Постепенно вопросы у публики иссякли, Андрей Петрович поблагодарил всех, призвал поддержать продажи серии и объявил презентацию оконченной.

Старлетова первой спустилась в зал, ее окружили поклонницы с книгами в руках, она жеманничала, раздавала автографы и все стреляла глазами в сторону Каверина. Мрачный Волжанин ушел молча, не прощаясь.

— Ну вот и пережили, — сказал Каверин. — Вы молодец!

— Нет, выступления на публике — точно не мое.

Людмила была счастлива, что этот кошмар позади. Только легкая досада на Руслана, за то, что так и не появился, отравляла ее радость.

— Ничего, тут практика нужна. Придет успех — привыкнете. И к публике, и к автографам. А успех будет. Написано талантливо.

— Вы читали? — удивилась Людмила.

— И узнал себя в одном из героев. Неприятный тип.

Людмила смутилась.

— Это собирательный образ...

— Бросьте. Очень точно подмечено. И заслуженно.

Каверин подал ей руку, чтобы помочь спуститься со сцены, но Людмила отстранилась.

И, как оказалось, зря. Каблук скользнул по лакированному дереву ступеньки, и если бы Каверин не поймал ее — Людмила рухнула бы ничком.

— Убери руки от моей жены!

Голос Руслана звенел от гнева.

Людмила обернулась — на лицо мужа было страшно смотреть. Губы побелели от ярости, глаза будто выцвели.

Но Каверин не спешил отстраниться.

— Вы в порядке? — спросил он тихо.

— Отпустите!

Людмилу захлестнула волна чувств: стыд, неловкость, злость: на себя, за то, что такая

неуклюжая, на Руслана за то, что не он, а Каверин был рядом, когда она оступилась...

Высвободилась, быстро подошла к мужу и стиснула его руку.

— Уйдем. Сейчас же.

Руслан упрямо вырвал ладонь и отстранил ее, задвинув за спину.

— Никогда не смей больше приближаться.

Каверин опустил голову и молчал. Людмила ожидала от него чего угодно — сарказма, издевок, провокаций, скандала. Но не молчания.

Воспользовавшись моментом, она снова схватила Руслана за руку.

— Пожалуйста, уйдем. Мне нехорошо.

Руслан, наконец, послушался, развернулся и быстро пошел к выходу. Людмила держалась за него, стараясь не отстать.

— Отпусти, я не сбегу. Садись в машину

Руслан мягко разжал пальцы Людмилы. Она продолжала стискивать его руку, пока они не оказались на улице.

До самого дома не сказали друг другу ни слова. Людмила не желала ни за что оправдываться. Руслан, видимо, все еще не мог подавить в себе злость и ревность. На душе было горько и мерзко.

Людмила сразу же поднялась к себе и заперлась в спальне. Правда, Руслан так и не постучался к ней в дверь. Ни вечером, ни утром.

За ночь снова выпал снег, рассвет, хмурый, как с похмелья, не спешил разбавить серую мглу. Людмила смотрела в окно на все еще спящий тяжелым зимним сном сад и ощущала себя такой же заледеневшей как голые ветки яблонь.

Спускаться вниз совершенно не хотелось. Поплотнее запахнув любимый махровый халат, Людмила забралась в постель и взяла в руки книгу. Рубина всегда выручала ее в самые трудные времена, а «Голубка Кордовы» — особенно.

Руслан постучал в дверь часа через два.

— Ты в порядке? — встревожено спросил он.

Несколько секунд Людмила колебалась: впустить — но тогда не избежать неприятного трудного разговора, или прогнать. Но выяснение отношений было неминуемо. Вздохнула и пошла открывать.

Руслан выглядел помятым, усталым и расстроенным. «Даже не побрился», — удивилась Людмила.

— Надо поговорить, — хмуро сказал он. — Я войду?

Людмила молча отошла от двери и села в кресло у окна.

Руслан прошелся по комнате, присел на кровать.

— Вчера, — он с трудом подбирал слова. — Глупо вышло.

— Очень глупо, — согласилась Людмила.

— Не должен был...

Руслан встал, подошел к Людмиле, взял ее руки в свои.

— Я потерял контроль... но этот мерзавец рядом тобой...

Людмиле вдруг стало обидно — не за себя, за Каверина.

— Ну тебя же не было, — сказала она спокойно, глядя прямо в глаза мужу. — Он просто

не дал мне упасть. Только и всего. Лучше я разбила бы лицо? И вообще он очень мне помог. Ты же знаешь, как мне сложно на публике.

Руслан опустил глаза.

— Да... ты права. Меня не было.

Потом вдруг поднял ее за руки, обнял, сжал так, что трудно стало дышать.

— Прости, прости... Это больше не повторится. Я буду рядом, всегда, снова...

Он жарко шептал ей в ухо, губы мягко скользили по шее, ладони обожгли спину даже сквозь ткань, руки забрались под халат, развязали пояс. По спине привычно пробежали горячие мурашки. Но сумасшедшей волны возбуждения, что всегда накрывала Людмилу, не было. Приятное тепло, не больше...

... Спасибо... родная... спасибо... так хорошо...

Людмила лежала с закрытыми глазами и совершенно не хотела их открывать. Эта близость, вроде бы долгожданная, оставила странное послевкусие. Не было той искренней полной отдачи, слияния, ощущения одного сердца на двоих. Что-то разладилось, сломалось.

Захотелось расплакаться, горько и безутешно. Руслан почувствовал это, но понял по своему.

— Не плачь. Все будет по-прежнему. Слышишь?

Сдержат слезы она не смогла. Соленые капли скатывались по щекам, щекотали шею, Руслан собирал их губами и все шептал, шептал о том, как все будет замечательно.

Людмила отчаянно хотела ему верить. Хотела. Но не могла.

Вечером она вспомнила вдруг слова Руслана о болезни Анны и данное себе обещание позвонить ей, если переживет презентацию.

Анна трубку взяла не сразу. Людмила уже думала, что девушка вообще не захочет с ней говорить. Но после шестого гудка она все-таки ответила.

— Слушаю.

Голос у Анны и вправду был хриплым, простуженным.

— Здравствуй! Руслан сказал, ты болеешь?

— Простудилась. Ничего серьезного.

— Тебе что-нибудь нужно? Лекарства, продукты?

— Спасибо, вроде все есть. Хотя...

Анна замолчала, словно сомневалась, продолжать этот разговор или положить трубку.

— А если я попрошу тебя приехать? — неожиданно спросила она.

— Конечно, приеду. Завтра утром, хорошо?

— Да, очень хорошо. Я буду ждать.

Руслан удивился, когда Людмила сообщила ему о просьбе Анны, но возражать не стал.

Через два часа с небольшим она сидела на небольшой кухоньке в квартире Анны на Васильевском острове. Уютно шумел закипающий чайник, у соседей сверху громыхала музыка. Анна в розовой флисовой пижаме с котятками на груди, с двумя косичками, выглядела трогательной девчонкой.

— Клубничный? — спросила она, доставая коробку с чаем из шкафа.

— Да, спасибо.

Анна разлила чай, кухня наполнилась сладким ягодным ароматом. Села напротив, долго рассматривала, как тонет в чашке чайный пакетик. Людмила поняла, что придется самой

начинать разговор. И что он будет непростым.

— Зачем ты меня позвала? — спросила она.

— Мне не с кем больше об этом поговорить, — голос Анны дрогнул. — Хотя, может ты и не захочешь слушать. Я пойму.

— Не хотела бы слушать — не пришла.

Анна еще несколько раз окунула чайный пакетик в чашку, вытащила его, положила на блюдце.

— Я совсем запуталась.

По щеке девушки скатилась слезинка, капнула в чашку.

— Договор... я должна. Мастер, он ведь хотел так. А я, негодная рабыня, недостойная.

Она вдруг схватила руку Людмилы горячими пальцами — то ли нагретыми об чашку, то ли от лихорадки, и сбивчиво заговорила:

— Если бы он был жив, я могла бы вымолить прощение. Просить его наказать меня так жестоко, как только можно выдумать. Только не заставляй меня...

— Подожди.

Людмила догадывалась, что первая сессия с Русланом прошла не слишком гладко. Но что все так плохо...

— Ни я, ни Руслан, мы тебя не принуждали. Ты сама согласилась.

Анна опустила голову. Слезы капали и капали — в чашку, на стол.

— Я думала, что выполняю волю Мастера. Но это все не так. Неправильно, нечестно. Если бы я могла спросить его!

— Но ты же была с другим. Уходила от Шталя и была с Каверинным.

— Тогда все было не так.

Девушка закрыла руками лицо.

— Так и знала. Ты не поймешь.

— Прости, я, правда, не понимаю.

— Даже рабыней я оставалась собой. Но не теперь.

Людмила начинала понимать, но не могла поверить.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Господин Кукловод дал мне новое имя.

Анна подняла заплаканное лицо.

— Эль...

Людмила слушала, как Анна всхлипывала, шептала «Я не смогу...», просила прощения, снова называла себя «недостойной рабыней». И все не могла понять, отчего так пусто в груди.

— Ты должна ему сказать. У тебя же есть право уйти.

Всхлипы превратились в рыдания.

— Куда? Как... одна. И Мастер...

Больше слушать истерику Анны Людмила не смогла. Ей вдруг захотелось влечь девушке пощечину, чтобы выбить из ее головы догмы, вложенные Шталем.

— Его больше нет! А ты не рабыня! — почти выкрикнула она. — Никто не может указывать, как жить, или заставить делать то, что тебе омерзительно. Это все только в голове. Впрочем, как хочешь. Можешь оставаться моим клоном, если так проще...

— Что так долго? — спросил встревожено Руслан, помогая Людмиле снять пальто. — И чего на такси? Я бы встретил.

— Зачем? Тебе завтра на работу, отдыхай, — ответила Людмила спокойно. — Ужинал?

— Нет, тебя ждал.

— Зря. Мы чай пили, да и поздно уже. Но тебе сейчас разогрею.

Она накрыла на стол и ушла в гостиную, села в кресло, включила телевизор.

— Ужин на столе. Посуду сам помой, ладно?

— А со мной не посидишь? — Руслан обнял ее за плечи, зарылся лицом в волосы. Его дыхание защекотало шею.

— Сейчас «Голос» начнется, хочу посмотреть.

Руслан с сожалением отстранился, ушел на кухню. Людмила слышала, как он обиженно гремел тарелками. Потом вернулся в гостиную, подошел к креслу сзади и положил руки на плечи. Сильные, теплые ладони пахли лимонным «Фейри» и, как всегда, немного йодом.

— Пойдем спать.

Одна ладонь соскользнула с плеча на грудь, погладила ее осторожно и ласково. Теплая щекотка возбуждения пробежала по телу...

«Господин дал мне новое имя... Эль» — прозвучал в голове срывающийся голос Анны.

— Рус... не сегодня. Устала.

Но Руслан был настойчив. Вторая ладонь накрыла грудь, мягкие губы прошлись по шее.

— Как ты вкусно пахнешь... — шептал он ей на ухо, — симптомы усталости хорошо снимает массаж... или хороший секс... соглашайся...

«Эль... новое имя... Эль...»

Людмила резко встала, высвобождаясь из объятий мужа.

— Ты будешь еще видаться с Анной? — спросила она, глядя Руслану прямо в глаза.

Он оторопел, совсем не ожидая такого поворота.

— Нет... то есть... да... Я должен о ней заботиться! Договор...

— Прекрати. Слышать не хочу ни про какие договоры. Ты вернул мне разрешение, значит Анна больше не твоя нижняя? Так?

— Ну да...

Руслан не понимал, к чему клонит Людмила. Нахмурился, поджал губы.

— Что тебе сказала Анна?

— Свое новое имя.

— Вот же... как посмела...

Он едва сдержался, чтобы не выругаться. Но вовремя спохватился, растеряно посмотрел на Людмилу.

— Тебе не кажется, что ты заигрался?

Холодная злость царапалась изнутри, просилась наружу.

— Как тебе в голову пришло такое!

— Мила... — Руслан попытался снова обнять ее, прижать к себе. Людмила отстранилась.

— Да какая разница! — отчаянно выкрикнул он. — Все кончено!

— Кончено? Больше никаких игр? Никаких сессий? Ты точно решил?

— Обещаю.

Руслан схватил ее руку, прижал к губам, поцеловал в ладонь, в запястье, туда, где бился пульс. Вырвать ее было бы слишком, и Людмила поддалась.

— Отдай Анне ее часть наследства и отпусти. Только не надо пафоса насчет птицы, привыкшей к неволе. Она прекрасно справится. Уедет к родителям в Кингисепп, или откроет студию. Оставь девочку в покое. Хватит с нее Шталя.

Он продолжил целовать ее — с болезненной горячностью, будто боялся, что Людмила его оттолкнет, прогонит.

— Да, да... Как скажешь.

В спальню Руслана этой ночью она так и не пустила.

Прошло почти две недели, прежде чем Людмила узнала о наследстве Анны хоть что-то определенное. Она спрашивала Руслана каждый день, но муж только виновато опускал глаза, бормотал что-то про занятость, про то, что не может дозвониться душеприказчику Шталя. Людмила не верила и упорно стояла на своем.

Наконец, в четверг вечером, Руслан даже не дожидаясь ее вопроса, бодро отрапортовал:

— Я говорил с Райшнером. Он приедет через месяц, и мы все подпишем. А пока я открыл счет на имя Анны из тех средств, что полагались на ее содержание. Она ни в чем не будет нуждаться.

Людмила подумала, что нужно бы позвонить девушке. Поговорить, поддержать. Но с того самого разговора ее не отпускало чувство брезгливой жалости. Словно к бездомной собаке, которую все равно невозможно взять в дом. «Завтра. Позвоню завтра», — решила она.

Но звонить не пришлось. В пятницу утром от Анны пришла смс-ка: «Мне приказано в восемь быть в студии. Я не могу больше врать про болезнь».

Людмила бессильно опустилась в кресло. Не то, чтобы она безоглядно поверила Руслану, слишком уж он легко согласился на все ее требования, и слишком сильна была его тяга к Игре, чтобы так просто сдаться. Но это новое предательство было последней каплей. Очень болезненной, жгучей. Как последний из назначенных в наказание ударов плети.

На душе опять стало пусто и мутно. Перехватило горло, подступили слезы, но она усилием воли она заставила их высохнуть и написала ответ: «Ничего не бойся. Никуда не ходи. Господин пожелал Эль — он ее получит».

Весь день Людмила не могла найти себе места, постоянно смотрела на часы, хваталась за уборку, бросала, открывала ноутбук и бесцельно блуждала по интернету, захлопывала его.

Долго и мучительно решала — во что одеться. Отчего-то ей казалось это важным. Наконец, выбрала черное платье — то самое, в котором она была на первой сессии с Русланом. Собрала волосы в хвост. Накрасила губы алой помадой. И в последний момент зачем-то достала серебряное кольцо, подаренное Шталем. Ошейник плотно обхватил шею, и Людмиле вдруг показалось, что он сжимается, душит ее, будто змея. В панике сорвала его, сломав замочек.

Такси, будто назло, застряло в пробке на Московском проспекте. Людмила нервно теребила обручальное кольцо, то и дело поглядывала на часы, будто взглядом могла остановить время.

Машина подъехала к знакомому дому. Людмила поспешно расплатилась с таксистом, даже не стала дожидаться сдачи.

Лифт скрипел, гроыхал, и натужно, будто из последних сил полз на седьмой этаж.

Двери, закрываясь за ней, лязгнули как челюсти. Людмила вздрогнула — нервы натянуты до предела, только бы не сорваться, только бы выдержать...

Дверная ручка мягко, бесшумно поддалась, дверь не была закрыта на замок.

Шаг в полумрак, пропитанный таким знакомыми, будоражащими запахами. Едва уловимо в них вплелись нотки чужих женских духов, — терпких, дымных. Как давно она тут не была!

В прихожей не было света. Людмила прошла дальше, сняв по привычке туфли, осторожно ступая, чувствуя сквозь тонкие чулки лакированную поверхность пола. Сердце колотилось где-то в горле, губы пересохли. Знакомый неяркий розоватый свет едва освещал знакомую до нервной дрожи комнату, сгонял в углы странные и немного пугающие тени.

Руслан стоял к ней спиной у окна. С улицы через просвет между портьерами пробивался неживой мертвенно-желтый луч фонаря, светлая полоска на полу резала комнату на две части.

Людмила остановилась в нескольких шагах от мужа. Сердце стучало так оглушительно, что, как казалось, его слышал даже Руслан.

— Ты опоздала, Эль.

Она вздрогнула от властного тона, едва справилась с желанием упасть на колени. Снова ощутила дежавю. Так уже было, было... Сейчас он скажет, как разочарован, и назовет выбранное для нее наказание...

Только она больше не Эль.

— Двадцать две минуты разочарования?

Руслан резко повернулся. В полутьме против света невозможно было разглядеть, что отразилось на его лице, но Людмила почувствовала его замешательство.

— Ты..., - только и смог произнести он.

— А кого ты ждал?

Он молчал.

— Как же обещание? Никаких сессий?

— Ты не так поняла...

— Конечно не так. Вы собирались играть в шахматы.

Впервые в этой комнате Людмила смотрела смело в лицо господину Кукловоду. А он — прятал глаза.

— Я позвал Анну, чтобы разорвать договор.

— В пятницу, в студию. Это нельзя было сделать в другое время и в другом месте?

— Нет... можно. Не так...

Руслан отошел от окна, направился к стеллажу с орудиями для порки. В полутьме Людмила не сразу заметила, что все это время он сжимал в руке плеть-змею. Руслан аккуратно повесил ее на место и повернулся к Людмиле.

— Я хотел ее наказать.

Его голос стал тверже, снова обрел властные интонации.

— Она нарушила правила. Нижний не может обсуждать ни с кем свои отношения с верхом. Анна заслужила наказание.

Людмиле стало страшно. Руслан произнес это с такой уверенностью в своей правоте, непогрешимости.

— Ты правда думаешь, что у тебя есть право пороть плетью другого человека? Действительно видишь в Анне вещь? Бессловесную куклу? И во мне... тоже. Все эти годы.

— Нет! Только не в тебе...

Руслан быстро подошел к ней, попытался обнять, Людмила отшатнулась.

— Как я могу! — его лицо исказилось от боли, — Даже видеть тебя здесь, в этой комнате, для меня мука. Ты... я едва тебя не потерял. Ты слишком мне дорога!

— Дорога, — горько усмехнулась Людмила. — Слишком дорогая кукла, в которую нельзя играть, потому что можно сломать. Как лестно.

— Ты не понимаешь! Я никогда себя не прощу за то, что случилось с тобой! Никогда...

Его голос задрожал, Людмиле показалось, что он заплачет. Это выглядело ужасно. Она никогда в жизни не видела, чтобы Руслан плакал.

— Как же мы могли... как могли позволить все разрушить. Мы же были счастливы. Были...

— Были? Мы можем еще быть счастливы! — отчаянно выкрикнул Руслан, больно стиснул ее плечи, впился пальцами. Он словно пытался удержать Людмилу, хотя она и не вырывалась.

— Как? — Людмила стиснула зубы от боли, разливающейся в груди. — Ты не можешь отказаться от всего этого. Я не могу больше в это играть. Бег по кругу. Выхода нет. Опять будешь искать себе новую игрушку? А я буду пылиться в шкафу, как старая забытая вещь?

Он вдруг разжал руки, застонал, отошел к окну. Распахнул его настежь, впустил в комнату холодный мартовский ветер, пропахший талым снегом и прелой прошлогодней листвой.

— Не могу тебя отпустить, — глухо сказал он, не оборачиваясь, словно обращаясь к пустоте. — Просто не могу.

— Разве я ухожу?

Руслан резко повернулся к ней всем телом. В глазах появилась робкая надежда.

— Отпусти Кукловода. Как я отпустила Эль. Только сможешь ли...

Руслан смотрел на нее, будто пытаясь осмыслить то, что услышал.

— Не знаю, — отчаянно прошептал он.

— Это наш единственный шанс. Эль больше нет, и если ты не сможешь отказаться от Кукловода — у нас нет будущего.

Слова будто били Руслана по щекам. Он вздрагивал и опускал плечи. Людмиле было так странно и страшно смотреть на него, почти сломленного, растерянного, здесь, в этой комнате, где он всегда был Господином, воплощением власти и силы. А потом вдруг шагнул к ней, рухнул на пол, обнял колени, прижался к ним. Его слезы обожгли кожу сквозь чулки.

Людмила провела кончиками пальцев по короткому, слегка колючему ежику волос.

— Я... — голос Руслана дрогнул, тихий, совершенно не похожий на властные приказы, которые привыкли слышать эти стены. — Мы... попробуем. Все будет как прежде, правда?

Людмила промолчала. Меньше всего сейчас ей хотелось лгать и давать невыполнимые обещания.

— Пани Сикорска! Автограф, прошу!

Дама в изящной шляпке с маками протянула свеженькое, пахнущее типографской краской издание нового романа.

Людмила улыбнулась и достала дорогую ручку «золотое перо». Если присмотреться к ней повнимательнее, можно было увидеть гравировку — вензель из двух букв — Л и Р.

— Как зовут пани? — спросила она.

— Адель, — улыбнулась дама. — Адель Крашчек.

Изящный росчерк золотого пера.

— Пани, Сикорска! Это для моей дочери! Она ваша страстная поклонница. Ее зовут Ева.

Она улыбнулась еще одной читательнице, строгой женщине лет пятидесяти.

— Надо же, совсем как мою героиню!

Еще полчаса конференции и порядка полусотни подписанных экземпляров ее романа, недавно переведенного на чешский. Хотя здесь многие давно прочитали его на русском, нокупить издание на родном языке не поскупились.

Наконец, конференцию объявили закрытой и последние читатели разошлись. Она устало потерла лоб, повела затекшими плечами.

— Госпожа Сикорская, вас подбросить?

Ее местный агент, молодая задорная девушка лет двадцати трех, со смешным именем Зденка и еще более смешной фамилией Гржимек удивительно хорошо говорила по-русски.

— Не надо, дорогая, — устало улыбнулась Людмила. — Я погуляю еще по Староместской площади. Поглазею на Ратушу, чаю выпью. Погода прелесть. Потом возьму такси.

— Ну как хотите, — Зденка пожала плечами. — Только не забудьте, завтра еще две конференции — в Доме писателей и в «Луксоре».

— Помню, — вздохнула она.

Зденка унеслась прочь, бодро стуча каблучками.

Через час Людмила сидела в ресторанчике «У Тына», пила зеленый чай, и смотрела на шумную толпу туристов, собирающихся перед Ратушей, чтобы поглазеть на то, как на астрономических часах Смерть будет звонить в колокольчик, Щеголь — смотреться в зеркало, Скряга — трести мешочком с золотом, а самом верху будут сменять друг друга фигурки Двенадцати Апостолов и кукарекать Золотой Петушок. Раскаленные июльским солнцем древняя брусчатка и черепичные крыши щедро делились теплом, Старая Прага любовно согревала в ладонях всех — и гостей, и местных жителей. После холодного, надменного чопорного Питера эта солнечный, радушный город не переставал удивлять Людмилу. Прага навсегда прогнала ее кошмары, ни разу ей больше не снился страшный старик в шляпе с высокой тульей.

— Какая встреча, — тихий вкрадчивый голос заставил ее вздрогнуть.

Подняв голову, Людмила увидела мужчину в светлом костюме, подтянутого, ухоженного и вальяжного, и не могла поверить, что видит его здесь.

— Как вы тут? — только и смогла выдохнуть она.

— Судьба, — радостно улыбнулся Каверин. — Это судьба. Приехал снимать постановочное фото в готическом антураже: готика снова в тренде. Два дня в Праге, потом по замкам: Глубокая на Влтаве, Орлик, Штернберг, Локет, ну и Крумлов. Можно присесть?

Она указала на свободный стул.

Каверин уселся, закинул ногу на ногу, и деликатно, но с интересом разглядывал ее.

— А я много о вас слышал, — произнес он лукаво. — Успешная писательница. Новый роман «Воспитание Евы» — бестселлер.

— Так получилось, — смутилась она. — Да вы тоже, смотрю, процветаете.

— Не жалуясь, — ответил Каверин уклончиво. — А как ваш сын?

— В Милане, — с гордостью сказала Людмила, — стажирруется в «Вог» на показах Дней Моды.

— Он, правда, очень талантлив, — сказал Каверин, — это не лесть. Далеко пойдет. Всего семнадцать, а уже «Вог»!

Людмила молча улыбнулась, в благодарность за комплимент сыну.

— А как господин Сикорский?

Людмила посмотрела на него с укором.

— Только не говорите, что не знаете.

— О чем? — немного фальшиво удивился он.

— Уже год мы не вместе. Я уехала в Прагу, к сыну. И больше не вернулась.

Людмила не знала, зачем все это сказала Каверину. Но отчего-то солгать не смогла.

Он усмехнулся. Отвел взгляд, будто хотел скрыть мелькнувшую в глазах радость.

— Значит, все-таки, правда. А я не мог поверить.

— Так вы знали.

— Каюсь, — сказал Каверин виновато. — Но я, правда, не верил. Пару раз встречал его, то одного, потом с какими-то...

Он осекся, посмотрел тревожно в ее глаза. Ее опять, как тогда, еще в Питере, обожгло тоской. Затаенной, давней, с которой Каверин, видимо, свыкся и привык скрывать.

Но Людмила равнодушно произнесла:

— Не стесняйтесь. Меня уже мало заботит, как часто господин Сикорский меняет рабынь. А вы? Все практикуете?

— Давно уже нет, — вздохнул Каверин. — Как-то потерял интерес. Да и весь этот антураж... Правила, уставы... Сами знаете, я не в ладах со всякого рода правилами.

Людмила усмехнулась. Горько и с досадой.

Он смутился, поняв, что сказал совсем не то.

Неловкое молчание начинало раздражать, становилось невыносимым.

Людмила допила свой чай и позвала официанта, чтобы расплатиться.

Каверин с досадой посмотрел на часы.

— Черт, мне нужно бежать. Так жаль. Мне бы очень хотелось увидеть вас снова. Если, конечно, позволите.

Он взял ее руку и поднес к губам. Его пальцы были сильными и теплыми, а губы мягкими и осторожными. Людмила вздрогнула, испытывая странное ощущение, будто по коже проскочил слабый электрический разряд. Но оно было явно приятным.

— Завтра у меня две конференции с читателями, — сказала она неожиданно, и удивилась, что совершенно не против увидеться с Кавериним. — Последняя — в «Луксоре». Должна закончиться примерно в шесть.

Он все так же бережно держал ее руку и смотрел на нее странно: грустно и с надеждой. А Людмила не спешила высвободиться. А ведь когда-то ее трясло от одной мысли о том, что Каверин может к ней прикоснуться. Только это было так давно. Совсем в другой жизни.

Он нежно погладил костяшки ее пальцев, словно пересчитывая их. Простое движение, невинная ласка. Но Людмиле вдруг стало жарко, хотя в тени, под навесом даже в июле было прохладно.

— Я вас буду ждать у «Луксора». И закажу столик в ресторане. Какой предпочитаете? Традиционный чешский? Или европейский?

— Европейский, — ответила она и опять смутилась. Нечто давно забытое происходило в душе, какое-то неясное предчувствие робко пробуждалось под толстой ледяной коркой, что сковала ее.

— Отлично! Значит, пойдем в «Реноме». Тихий уголок Прованса в Праге. Очень люблю это место.

Каверин выглядел таким воодушевленным, что Людмила окончательно стушеввалась. Но прогонять его вовсе не хотелось.

Каверин помолчал, будто не мог решиться озвучить внезапно пришедшую идею, а потом сказал:

— А знаете что? Вы же писатель, вам будет интересно. Поедьте с нами! В Глубокой великолепная библиотека и картинная галерея. А уж легенд наслушаетесь — Локет, Орлик, Белая Дама Крумлова. Только не отказывайтесь сразу наотрез. Подумайте! Обещаете?

Предложение было неожиданным. Но очень заманчивым. Людмила давно задумала цикл исторических авантурных романов о чешском средневековье, но все не хватало времени посетить легендарные замки.

— Хорошо. Я подумаю.

С сожалением Каверин отпустил руку Людмилы и встал. Уже сделал шаг, но обернулся и сказал:

— Да, кстати. Случайно узнал, что Анна Черкасская вышла замуж. Хороший парень, программист, насквозь ванильный. Свадебные фото делал мой друг.

Несколько раз нетерпеливо просигналил автомобиль. Каверин поморщился.

— Это за мной, так жаль. До завтра!

— До завтра.

Людмила смотрела вслед Каверину и вспоминала дождливый питерский полдень, бистро «Декабрист» и мутное расчерченное дождевыми струйками оконное стекло. И полный тоски прощальный взгляд. Она вздохнула и машинально провела кончиками пальцев по своей руке, повторяя его мимолетную ласку. Теплое, еще не осознанное ею чувство мягкой кошачьей лапкой тихонько тронуло что-то в ее груди. Там, где билось сердце.

Хрустальный гроб, где похожим на смерть сном спала Прекрасная Принцесса, с тихим мелодичным звоном треснул, покрывшись сеточкой тонких, как волосы, трещинок.

Ужин пятницы в гостиной. Белоснежная накрахмаленная скатерть, потрескивают свечи, грани хрустальных бокалов отражают дрожащее пламя, негромкая музыка: «Коста Дива» в исполнении Анны Нетребко.

Мужчина за сорок, одетый словно для светского раута, один за этим праздничным

столом. Молчаливая девушка в белой блузке и короткой черной юбке, в туфлях на высоких каблуках, повинувшись взгляду, берет открытую бутылку вина и доликает в бокал. Вино капает на манжет батистовой рубашки, девушка бледнеет, едва не роняет бутылку и падает на колени.

Но мужчина невозмутимо продолжает ужин, даже не удостоивает ее взглядом. Большие напольные часы неумолимо отсчитывают секунды, минуты. А девушка все стоит на коленях у стола, не поднимает головы, не произносит ни слова. Кажется, она застыла от ужаса.

Наконец мужчина заканчивает с отбивной, вытирает губы салфеткой, комкает ее и бросает на стол.

— Понимаешь, как разочаровала меня?

Девушка всхлипывает. Полные губы, подкрашенные алой помадой, дрожат, она едва сдерживается, чтобы не разрыдаться.

— Господин... простите...

— Кто разрешал вещи говорить!

Хлесткая пощечина. Девушка хватается за лицо, снова всхлипывает.

Но он только презрительно кривится.

— В игровую. На колени. Стоять — пока не приду. Если господину будет угодно, то сегодня.

Она вскакивает и быстро уходит.

Несколько минут он сидит за столом, на лбу — горькая «складка гордецов», в глазах — безразличие и пустота.

Потом встает, подходит к прозрачному стеллажу, почти пустому. На верхней полке — дорогая коллекционная кукла с темно-русыми длинными волосами, вечернее платье цвета индиго так красиво оттеняет фарфоровую бледность красивого личика. Нежно, бережно прикасается к ней кончиками пальцев, словно хочет приласкать.

— Видишь, Эль? Сплошное разочарование. Зачем ты меня оставила? Я так не хотел тебя отпускать.

И вдруг маска холодного и жесткого Господина спадает. Куда-то девается величественная осанка, он горбится, опускает плечи. Потерянный, нелепый, усталый, опустошенный...

Куклы не умеют плакать. Даже, если бы захотели. Потому, что не могут. Они не чувствуют боли. Или может, просто не подают вида.

Больше книг на сайте - Knigolub.net